

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

HX DGFS -

Александр Мележко
Отд ²⁵⁰ №1945

Fr 2009.07.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

Шкафъ 99
Полка 35
77

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY DEPARTMENT

LE PONT-NEUF

Офортъ въ краскахъ работы Жанньо

(подлинникъ принадлежитъ автору книги)

ВПЕЧАТЛѢНІЯ БЫТІЯ

КНИГА ОТПЕЧАТАНА ВЪ 300 ЭКЗЕМПЛЯРАХЪ
НОМЕРОВАННЫХЪ РУКОЙ АВТОРА ОТЪ ОДНОГО ДО СТА
И НА ПРЕССАХЪ ОТЪ СТА ОДНОГО ДО ТРЕХСОТЬ.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ N° 216

НИКОЛАЙ БРЯНЧАНИНОВЪ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ БЫТІЯ

Je suis né spectateur et je conserverai, je crois, toute ma vie, cette ingénuité des badauds de la grande ville que tout amuse et qui gardent, dans l'âge de l'ambition, la curiosité désintéressée des petits enfants.

Anatole FRANCE.

ПАРИЖЪ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1907

Fr 2004.07.10
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
April 29, 1938

£

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Il est nécessaire de mettre un avertissement ou une préface dans ses œuvres; car on y dit beaucoup de particularités qui importent à notre gloire.

SORREL-FRANÇON.

Большинство изъ статей, составляющихъ эту книгу были, уже напечатаны въ разныхъ періодическихъ и ежедневныхъ изданіяхъ; тѣ изъ нихъ, которыя не были помѣщены въ газетахъ и журналахъ, но включены мною въ этотъ сборникъ, не имѣли однако его въ виду. Онѣ, какъ и весь прочій матеріалъ представляютъ изъ себя лишь однѣ впечатлѣнія бытія. Я описываю въ этой книгѣ, только то что видѣлъ и чувствовалъ и если иногда и позволяю себѣ нѣкоторыя отступленія, то исключительно для того чтобъ сдѣлать передышку. Но, друзья мои, не ищите въ этомъ сборникѣ глубокой философіи, безапелляціонныхъ выводовъ и техническихъ совершенствъ. Техническаго совершенства, или того, что художники называютъ «письмомъ» трудно достигъ, когда пишешь подъ впечатлѣніемъ минуты, гдѣ и когда попало; безапелляціонные выводы невозможны, когда дѣло идетъ о вещахъ постоянно видоизмѣняющихся; что же касается философскихъ разсужденій, — то онѣ совершенно не въ моемъ духѣ.

Одинъ умный французъ сказалъ, что зарожденіе большинства сборниковъ, подобныхъ моей книгѣ, не имѣетъ обыкновенно другой причины, кромѣ хорошаго мнѣнія автора о тѣхъ или иныхъ статьяхъ долженствующихъ составить его сборникъ. Онѣ кажутся ему достойными быть сохранены и переплетены, поэтому онѣ ихъ соединяетъ воедино и придаетъ имъ кажущееся единство съ помощью хронологіи или другого какого нибудь искусственнаго способа.

Все это очень возможно; во всякомъ случаѣ я не прочь сознаться, что нѣкоторыя изъ статей моего сборника мнѣ нравятся на столько, что ради нихъ я рѣшилъ напечатать цѣлую книгу.

Но почему онѣ мнѣ нравятся? Не потому уже, конечно, что онѣ написаны безукоризненно (я такихъ статей и книгъ не знаю), не потому также, что онѣ вѣщаютъ глубокія истины или открываютъ широкіе горизонты. Отъ чего же, тогда? Да просто отъ того, что мнѣ было когда то пріятно ихъ писать, какъ пріятно бываетъ съѣсть сочный фруктъ, выпить стаканъ хорошаго вина, насладиться погожимъ, весеннимъ утромъ, потому что онѣ являются болѣе чѣмъ другія, «страничками» моей жизни, потому еще что онѣ говорятъ о вещахъ и людяхъ, которыхъ мнѣ пріятно видѣть или къ которымъ мнѣ пріятно возвращаться хоть бы мысленно.

Таковы достоинства нѣкоторыхъ послѣдующихъ строкъ. Къ остальнымъ я равнодушенъ, онѣ для меня

чужія; онѣ представляются мнѣ подѣ видомѣ толпы давно забытыхъ пріятелей, съ которыми, благодаря всеразсѣивающему времени, дружеская нить порвана и нѣтъ больше общенія въ мысляхъ и чувствахъ. Но можетъ быть для постороннихъ людей онѣ еще сохранили нѣкоторый интересъ. Имъ судить. Что же касается меня, то я, смотря на нихъ, могу лишь въ лишній разъ придти къ тому (печальному) выводу, что ничто на этотъ свѣтъ такъ не подвижно, ничто такъ легко не видоизмѣняется, какъ наша мысль, наши чувства, наши желанія и даже наши вѣрованія. Вчера мы были таковы, сегодня мы уже иные. Нѣкоторые изъ насъ отдають себѣ въ этотъ довольно ясный отчетъ; большинство не сознаетъ этого. Однако, подѣ напорами жизни мы всѣ безъ исключенія нагибаемся, спотыкаемся, падаемъ, сталкиваемся и расходимся. Подѣ напорами жизни мы иногда поднимаемъ наши головы, мы упираемся о наши мысли, наши вѣрованія, наши иллюзіи и желанія... дабы упасть тѣмъ скорѣе и тѣмъ скорѣе разбить всѣ наши опоры и устои. Мы всѣ, какъ на постояломъ дворѣ. Не успѣли мы еще свыкнуться съ временнымъ нашимъ мѣстожителемъ, какъ намъ уже говорятъ, что лошади поданы и мы принуждены скакать далѣе, въ неизвѣстность, смутно надеясь найти на слѣдующей станціи лучшей и болѣе продолжительный отдыхъ. Такъ, гонимые, какимъ-то бѣсомъ «ненасытности», носимся мы по дорогамъ жизни, едва успѣвая запечатлѣть въ нашихъ умахъ и сердцахъ деся-

тую долю того что мы видимъ и чувствуемъ. Неправда ли, что это какое то недозарумѣніе? Зачѣмъ мы спѣшимъ, куда мы спѣшимъ? Кого желаемъ мы обогнать, кого увидѣть или что увидать такого, чего мы уже не видѣли?

На эти мучительные подчасъ вопросы, есть люди которые отвѣчаютъ готовыми фразами. Но фразы не отвѣтъ. На самомъ дѣлѣ отвѣта не существуетъ, потому что мы не знаемъ и никогда не узнаемъ смысла самого существованія. Да и имѣетъ ли жизнь, на самомъ-то дѣлѣ, какой либо смыслъ?

Николай Брянчаниновъ.

Августъ 1906 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

ПРОГУЛКА ПЕРВАЯ.

На этихъ дняхъ мнѣ удалось разговориться съ «ненавистникомъ выставокъ». Я проходилъ по пустынному и меланхоличному саду Palais Royal, а онъ сидѣлъ на скамейки и читалъ газету. Ненавистникъ выставокъ человѣкъ уже не молодой, страдающій хронической болѣзнью печени и относящійся крайне скептически ко всему современному а тѣмъ паче иностранному, не французскому. Завидѣвъ меня онъ отложилъ газету и спросилъ куда я такъ спѣшу. Я отвѣтилъ ему что тороплюсь на выставку.

Тогда онъ презрительно фыркнулъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, и послѣ продолжительной паузы объявилъ что считалъ меня до сего дня болѣе положительнымъ человѣкомъ.

Я попросилъ его объясниться.

— Послушайте, молодой человѣкъ, — заговорилъ ненавистникъ выставокъ, — зачѣмъ идете вы на выставку? Неужели вы еще не пресытились людскою толчеей, неужели не устали ходить среди уродливыхъ, никому и ничего не говорящихъ зданій, и еще вѣрите въ необходимость и цѣлесообразность такого рода «праздниковъ мира и труда», какъ они называютъ свои выставки? Посидите со мной здѣсь. Сегодня день погожій, и вѣтерокъ такой пріятный, ласкающій.

— «Ахъ ты, старый лирикъ», — подумалъ я, но все же присѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Я содрогаюсь, продолжалъ мой собесѣдникъ, — когда думаю, какое множество глупыхъ провинціаловъ, разбогатѣвшихъ Американцевъ и больныхъ Европейцевъ, будетъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ топтаться въ пыли и духотѣ этого современнаго Вавилона — выставки, что мы, Французы, воздвигнули имъ на потѣху, тру-

домъ нашихъ рукъ и ума, на берегахъ славной Сены. Послѣ долгихъ размышленій я пришелъ къ тому выводу что выставки могутъ лишь принести пользу докторамъ и аптекарямъ, потому что заготавливаютъ на продолжительное время полчища больныхъ, озлобленныхъ и полуумныхъ людей.

— Вы не правы, вставилъ я, — выставки приносятъ иную пользу и преслѣдуютъ другія цѣли.

— Да, захохоталъ онъ, — я и забылъ что, благодаря выставкамъ, непопулярное министерство можетъ продержаться нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, что сотни ничтожностей имѣютъ возможность выдвинуться и получить крестикъ или медаль. Послушайте, государь мой, упадокъ Франціи начался не только съ того дня какъ водворилось въ ней республиканское правленіе, но также и съ первой же выставки, бывшей, если я не ошибаюсь, въ 1855 году. Съ этихъ поръ мы начали терять сознаніе своей національности и силы и допустили разныхъ космополитовъ хозяйничать у себя какъ лома. Говорятъ что, благодаря выставкамъ, иностранцы оставляютъ у насъ груды золота и, стало быть, насъ обогащаютъ. Какой вздоръ! Никто вѣдь не подумаетъ что вывозъ превышаетъ ввозъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы начали устраивать выставки, иностранцы получили возможность всему у насъ учиться и все перенимать, тогда какъ мы-то сами ничего почти у нихъ не взяли. Говорю вамъ, нельзя безнаказанно приглашать къ себѣ чужихъ гостить шесть мѣсяцевъ, безъ того чтобъ не нарушилось понятіе кто гость и кто хозяинъ, чтобы вполнѣ сохранилось сознаніе индивидуальности. . . . Слушайте еще. . . . Выставки дѣйствуютъ деморализирующе на простой народъ : ну развѣ, послѣ сравнительно легкой городской работы и большой поденной платы, рабочій вернется въ деревню или просто въ провинцію? Никогда! Онъ предпочтетъ прозябать на окраинахъ Парижа, въ уродливыхъ постройкахъ, безо всякаго удобства, въ пыли и духотѣ, чѣмъ пойти въ поле и взяться за плугъ или лопату. Затѣмъ, роскошь, которую онъ видитъ вокругъ себя, все это богатство, сладости жизни, которыми онъ не можетъ пользоваться, — только его озлобляютъ и развиваютъ въ немъ стрем-

леніе къ наживѣ или протесту. Глупо, государь мой, приглашать голодныхъ любоваться какъ ѣдятъ люди сытые. Еслибы люди, которые управляютъ нами, были искренни и болѣе дальновидны, то они постарались бы отвлечь массы отъ городовъ и устроили бы имъ праздникъ труда не въ уродливыхъ дворцахъ, среди толпы космополитовъ и иностранцевъ, а въ деревняхъ нашей чудной Франціи и среди зеленыхъ, цвѣтущихъ дубравъ.

— Все это такъ, — сказалъ я, когда онъ замолчалъ, — но вы ничего не сказали о выставкѣ по существу.

— По существу, по существу, — пробормоталъ сердито мой себѣдникъ. — Да развѣ вы не видите, что всѣ эти выставочныя зданія уродливы, что они лишь свидѣтельствуютъ объ упадкѣ нашего вкуса и нашей архитектуры! Что это за грибъ красуется тамъ, у Площади Согласія? Они называютъ это «*Монументальными воротами*»! Фи, какая мерзость, какая жалость! Что за варварская постройка и краски. А эта статуя надъ воротами! Вѣдь это-же безвкусіе помилуйте! Трехсаженная баба въ голубомъ платьѣ, въ какой-то золоченой коронѣ, — уродливая кукла. И они смѣютъ еще называть это парижанкой! Вездѣ позолота, вездѣ мишура, вездѣ желаніе скрыть подъ дешевой оболочкой, имитирующей мраморъ или что иное, деревянные стропила, картонъ или жость. Какъ, подумаешь, красивы всѣ эти дворцы, но они вѣдь изъ дранокъ, поверхъ которыхъ положенъ слой штукатурки. Они жалки, какъ жалка для меня старуха прикрывающая свои морщины и желтизну кожи — слоємъ румянъ и бѣлилъ. И хотя мнѣ и жаль что такая масса труда была потрачена на вещи мишурныя и временныя, мнѣ все же пріятно думать что они скоро разрушатся. . .

Наступила пауза.

— Я уже не говорю о томъ, — продолжалъ ненавистникъ выставокъ, — что изъ - за выставки все вздорожало, что це только бѣднякамъ, но и людямъ съ нѣкоторымъ достаткомъ невозможно жить въ Парижѣ. Да, все вздорожало. . . Уголь и всѣ съѣстные припасы возвысились въ цѣнѣ; проѣздъ по улицамъ становится невозможнымъ, родственники и друзья грозятъ своимъ пріѣздомъ

изъ провинціи! А между тѣмъ жалованье и заработки остались прежніе. . .

Онъ поникъ головой и задумался.

Я не нашелъ нужнымъ нарушать его раздумье и потому поспѣшилъ ретироваться. Но, уходя изъ сада, я все же обернулся и увидѣлъ что ненавистникъ выставокъ, отчаянно жестикулируя, разговаривалъ уже съ кѣмъ-то другимъ.

Около выставки я натолкнулся на своего пріятеля Сольскаго и предложилъ ему пройти по *Улицѣ Націй* (Rue des Nations).

— Прекрасно, отвѣтилъ онъ мнѣ; я и самъ очень люблю прогуливаться по этой сторонѣ, вдоль павильоновъ иностранныхъ державъ. Зрѣлище палаццо, средневѣковыхъ замковъ, византійскихъ храмовъ и мечетей, крайне интересно и поучительно. Я ужасно люблю архитектуру. Кто это сказалъ что архитектура есть застывшая музыка! Я не помню имени этого человѣка, но слова его очень мѣткі. Какъ не вспомнить о дивныхъ мелодіяхъ Италіи, когда любишь ея выставочнымъ павильономъ, этимъ палаццо, нѣсколько пестрымъ, но правильнымъ по линіямъ, и такъ прекрасно символизирующемъ духъ возрожденія и любовь Италіянцевъ ко всему пышному и эффектному. Этотъ палаццо — своего рода «bel canto» въ архитектурѣ. . . Но вотъ вамъ павильонъ Соединенныхъ Штатовъ рядомъ съ Турецкимъ. Они оба бѣлы, чисты, хотя и не одинаковы по архитектурѣ. Но, кромѣ архитектурной разницы я замѣчаю еще нѣчто иное. Видите ли вы этого могучаго орла что паритъ надъ куполомъ Американскаго отдѣла? Онъ — олицетвореніе силы, ума и увѣренности въ себѣ. А развѣ этотъ красный флагъ вьющійся тамъ, около мечети Турціи не омрачаетъ бѣлизну постройки? Капля крови на бѣломъ мраморѣ! вѣдь это пустякъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ есть что то трагическое и отталкивающее. . . Пойдемъ теперь къ греческому павильону. Это не жалкая копія, а вещь крайне оригинальная, построенная въ стилѣ сооружений средневѣковой Греціи; Греціи временъ франковъ и крестовыхъ походовъ. Удачная окраска, легкость сводовъ и красивая форма куполовъ тѣшатъ, успокаиваютъ и освѣжаютъ умъ и зрѣніи. Все это такъ гармонично и мягко! Видѣлъ ли

ты по дорогѣ въ Элевзисъ, на полъ пути отъ Аѳинъ, между пыльными и сѣровато зелеными оливковыми деревьями розовыя стѣны— древняго монастыря Дафни? Я думаю о Дафни, когда смотрю на греческій павильонъ. Профиль его благороденъ и гордъ и онъ какъ бы говоритъ прохожему: « Остановись здѣсь и посмотри. Я олицетворяю собой страну нѣкогда славную, убѣжище мысли и пѣсень, — теперь она бѣдна и забыта, но сыны ея остаются ей вѣрны и любовь ихъ къ родинѣ такъ же сильна, какъ и прежде, какъ и всегда ».

Мы пошли дальше и полюбовавшись павильономъ Бельгін, точной копіей Оденардской ратуши, дошли и до княжества Монако.

— Павильонъ этотъ очень красивъ, — сказала Сольскій, — нельзя не любоваться этой суровой средневѣковой башней, около легкаго палаццо съ глубокими « ложжіями », но я хочу спросить тебя что могли они выставить?

— Можетъ быть усовершенствованную модель рулетки? вставилъ я.

Но Сольскій ничего не отвѣтилъ, и только поникъ головой.

Наступили сумерки, и я предложилъ своему спутнику отдохнуть передъ уходомъ на широкихъ скамьяхъ разставленныхъ вдоль набережной.

Мы облокотились на парапетъ, и молча, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, любовались Сеной по которой сновали пароходы уже зажегшіе сигнальные огни и казавшіеся теперь черными и очень подвижными животными.

Было тихо и тепло. Выставочныя зданія уже начинали окутываться мглой и слышенъ былъ лишь отдаленный грохотъ экипажей да пыхтѣніе локобилей на сосѣдней мастерской.

Пообѣдавъ мы направились въ Rue de Paris. Это скорѣе длинная аллея чѣмъ улица. Съ одной стороны тянутся затѣйливыя балаганчики и театрики, въ которыхъ помѣщаются артистическіе кабачки, маріонетки, живыя картины, синематографъ, словомъ, вещи видѣныя и перевидѣнныя. Съ другой стороны — набережная и Сена. Въ аллеѣ по вечерамъ оживленно и прохладно. Деревья освѣщены сотнями электрическихъ лампочекъ. На противоположной сторонѣ

Сены, окутанные мглой, величественно почиваютъ дворцы, палаццо и средневѣковые замки. То, только что покинутая нами *Улица Наций* — Космополисъ! Тамъ уже все темно а только гигантный силуэтъ Эйфелевой башни унизанный электрическими лампочками, красиво и тонко вырисовывается на темно-синемъ небѣ. Въ аллеѣ гдѣ то играетъ музыка; долетаютъ звуки скорбнаго вальса полного неожиданныхъ замедленій, вальса щекочущаго мозгъ и чувства.

Въ тѣни, около оранжерей города Парижа, — группы. Шелестъ шелковыхъ юбокъ, отрывистый смѣхъ. А внизу, подъ низкой набережной — тьма, тихо бурлитъ вода. Въ высокомъ небѣ ярко горитъ какая-то большая звѣзда.

— Это Юпитеръ, говоритъ Сольскій, и я пробуждаюсь.

Еще идемъ, передъ уходомъ, въ «*Старый Парижъ*». Немного далеко, но, можетъ-быть, найдемъ что-нибудь интересное. Развѣ это слово: «*Старый Парижъ*», не манитъ васъ, не говоритъ о чемъ-то таинственномъ и живописномъ? Но мы входимъ туда, осматриваемъ, и я быстро разочаровываюсь. «Какая пустая и глупая шутка!»

Сольскій тоже недоволенъ.

— Да, говоритъ онъ подло морочить такъ людей. Я еще понимаю что какой-нибудь «дворецъ пластики и танцевъ» можетъ васъ надуть; тамъ хоть и плохо, но что-нибудь да есть, а здѣсь кромѣ картонныхъ домовъ и какихъ-то застѣнковъ, долженствующихъ, вѣроятно, изображать парижскія улицы, положительно ничего нѣтъ. Да, я забылъ два-три кафе и жалкій театрикъ! А какая пустота, — хоть шаромъ покати.

И мы вышли изъ «*Стараго Парижа*», гдѣ нѣсколько жалкихъ цвѣточницъ, одѣтыхъ въ столь же жалкия отрепья, долженствующихъ, вѣроятно, изображать «костюмы эпохи Людовика XIII», предлагали намъ полузавядшія розы и георгины. У выхода я натолкнулся на какого то верзилу алебардиста, сторожившаго старую, сломанную пушку и не утерпѣлъ чтобъ не высказать ему всего моего негодованія. Онъ улынулся и выговорилъ:

— Господа Американцы не столь взыскательны какъ вы.

За эти слова я далъ ему франкъ.

ПРОГУЛКА ВТОРАЯ.

На слѣдующій день, отправившись на Выставку, мы вошли въ Отдѣлъ Колоній со стороны Ленскаго моста. Прежде всего миѣ бросились въ глаза павильоны Алжира. Ихъ было два: въ одномъ помѣщались экспоненты, и это былъ отдѣлъ офиціальныи, въ другомъ — кафе, панорама Алжира, туземный театръ и опять кафе.

— Въ Алжирскомъ отдѣлѣ, если только ты не любишь минералогіи и не коллекціонеръ древнихъ оружіи, тебя мало что заинтересуетъ. Пойдемъ прямо въ Тунисть; очень интересно, замѣтилъ Сольскій.

И мы отправились въ Тунисть.

Черезъ сквозную галерею изъ разноцвѣтнаго кирпича мы вошли въ тѣнистый садъ и непосредственно натолкнулись на убогое кафе, въ которомъ сидѣли на корточкахъ нѣсколько арабовъ.

— Прелестно, проговорилъ я, улыбаясь, какому-то грязному жителю Тунизіи, предлагавшему намъ чашки кипящаго кофе.

Дальше мы набрали на восточный базаръ. Длинная узкая улица, скверно вымощенная, — какъ это и подобаетъ восточной улицѣ, — подымалась въ гору. По обѣимъ ея сторонамъ тянулись лавки, въ которыхъ жирные, худые, старые или молодые арабы и тунисскіе евреи продавали всевозможные товары, начиная съ разныхъ побрякушекъ и неизбѣжныхъ ковровъ и кончая ятаганами и свѣтлыми шелковыми тканями. Было душно и шумно; галдѣли туземцы, завывали продавцы, кричали покупатели, и изъ сосѣдняго кабачка долетали тупые и раздражающіе звуки бубна. Въ одномъ мѣстѣ улица загибалась, и тутъ, у угла, у небольшой лавченки обуви, сидѣлъ красивый арабъ въ бѣломъ « бурнусѣ », препоясанный кушакомъ алаго цвѣта. Поджавъ подъ себя ноги и прислонившись къ стѣнѣ, онъ оглядывалъ проходящихъ хитрыми карими глазами. Сольскій подошелъ

къ нему и началъ торговать пару «бабушъ» изъ голубого сафьяна съ золотымъ позументомъ.

— Это удивительно, сказалъ онъ, когда мы отошли отъ лавки сапожника, — какъ на Востокъ люди умѣютъ быть одновременно и джентльменами, и плутами. Тотъ симпатичный юноша, у котораго я сейчасъ купилъ эту пару башмаковъ поразилъ насъ своимъ великолѣпиемъ и гордымъ видомъ а между тѣмъ онъ хотѣлъ надуть меня на пять франковъ.

— Базаръ этотъ, отвѣтилъ я, — очень характеренъ и оживленъ; мы еще вернемся сюда, но пока слѣдовало бы осмотрѣть и еще что-нибудь.

Мы направились дальше.

Рядомъ съ Тунисомъ раскинулась колонія Дагомея. Тутъ, кромѣ большаго павильона, крытаго соломой, съ глинобитными стѣнами было еще нѣсколько другихъ зданій. Всѣ они заполнены коллекціями оружія и жизненнаго обихода. Прежде всего я обратилъ вниманіе на портретъ бывшаго повелителя этой страны. По-тамошнему это мужчина красивый и породистый; изображенъ онъ былъ въ прекрасно сшитомъ мундирѣ нѣсколько архаическаго образца (я предполагаю что онъ былъ привезенъ въ подарокъ его прадѣду храбрымъ англійскимъ адмираломъ Кукомъ, а можетъ-быть былъ достояніемъ какого-нибудь другаго знатнаго Европейца, убитаго во время оно подданными короля. Но кто узнаетъ тайну твоего происхожденія, о, мундиръ?). Недостаётъ только короны на головѣ; но корона тутъ же, въ павильонѣ, въ одной изъ витринъ; мнѣ показалъ ее Сольскій, обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ мое вниманіе и на другія выставленныя вещи. Вотъ цѣлая коллекція очень интересныхъ фетишей. Есть тутъ фетиши обыкновенные и необыкновенные, для простаго люда и для людей съ вѣсомъ, для путешествій и для домашняго обихода. Возьмемъ, на примѣръ, одинъ изъ «королевскихъ фетишей». Это грубо-сдѣланный изъ мѣди левъ пожирающій не то лань, не то овцу. Исполненіе плохое, но левъ все же «даетъ настроеніе», какъ говорятъ художники, а еще вопросъ что надо прежде всего достичь, техническаго ли совершенства или эмоціи?

По-моему, левъ этотъ ничѣмъ не уступаетъ произведеніямъ большинства скульпторовъ X или XI вѣковъ; почему же, называя этихъ послѣднихъ художниками, мы не можемъ признать за дагомейцами артистическихъ наклонностей?

За павильонами Дагомеи, вокругъ пруда затѣйливой формы, съ пирогами и плавающими утками, нѣсколько жалкихъ хижинъ, пріютившихъ пять, шесть туземцевъ. У входа въ эту деревню стоитъ на часахъ дагомейскій солдатъ, одѣтый по-европейски: онъ на службѣ у Французскаго правительства. Двѣ дамы шоколаднаго цвѣта прогуливаются вдоль пруда, съ любопытствомъ разглядывая проходящихъ. Повидимому, онѣ никакъ не могутъ понять зачѣмъ ихъ сюда привезли и чего хотятъ отъ нихъ всѣ эти глупые блѣднолицые люди, такъ упорно не отходящіе отъ ихъ хижинъ. Маленькій, голенькій дагомейчикъ, припрыгивая, курить трубку, — это уже плоды цивилизаціи; другой спитъ на днѣ пирога и, вѣроятно, видитъ во снѣ пальмы, рисовыя поля, своихъ папашу и мамашу или что-нибудь другое, въ этомъ же родѣ.

— Ай да дагомейцы! *quels braves gens*, говорю я, уходя Сольскому.

— Замѣть, милый мой, отвѣчаетъ онъ мнѣ, — что Дагомея одна изъ богатѣйшихъ колоній Франціи. Колонистовъ, правда, тамъ не много, гораздо меньше чѣмъ администраторовъ, но за то земли у нихъ вволю, и у самыхъ бѣдныхъ есть всегда челоуѣкъ 10-15 прислуги.

— Но что они дѣлаютъ?

— Кто это, прислуга или колонисты?

— И колонисты, и прислуга.

— Прислуга — сѣтъ, садить...

— ... А колонисты собираютъ въ житницы свои! Старая пѣсня, другъ мой. Но Богъ съ ней, съ Дагомеей, пойдѣмъ въ Индо-Китай.

Въ Индо-Китаѣ я любовался яркочерными и золотыми статуями Будды, прелестными чайными сервизами, тканями и маленькими подвижными аннамитами, одѣтыми въ темно синіе хитоны, съ головами обвязанными платкомъ.

— Одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ выставки, это — французская же колонія Камбоджа, передалъ мнѣ Сольскій.

Дивная пагода Будды, чудо Трокадеро и пожалуй всей Выставки. Высоко доминируя надъ окружающими ее постройками и деревьями — поднимается къ небу ея конусообразная крыша, по бокамъ которой дремлютъ страшныя чудовища, обитатели темныхъ ночей и непроходимыхъ лѣсовъ. Внутри пагоды громадная зала изъ желтоватаго камня; въ нишахъ изваянія божества о шести рукахъ. Съ потолка падаетъ голубой свѣтъ, отъ котораго всѣ окружающіе предметы принимаютъ какой-то таинственный отпечатокъ. Въ глубинѣ широкая лѣстница ведетъ на крышу и террасы. Эта пагода — точная копія королевскаго храма «Пномъ-Пенъ», выстроеннаго когда то въ Камбоджѣ исчезнувшимъ теперь народомъ, по имени «Хмэръ».

Въ то время какъ я разсматривалъ этотъ удивительный памятникъ давно погибшей цивилизаціи, памятникъ представляющій собой настоящее архитектурное «credo» и гдѣ каждый камень, каждый изгибъ, каждая ступень, каждая статуя заключаетъ въ себѣ символъ и содѣйствуетъ — также какъ и въ готическихъ храмахъ — утвержденію извѣстнаго догмата и вѣры, — мимо насъ, молча и ступая на кончики пальцевъ прошло нѣсколько аннамитокъ. Ихъ ребяческія, желтыя лица, съ которыхъ не сходила полу-униженная, полу-привѣтливая улыбка, на столько гармонировали съ окружающимъ, съ храмомъ и лѣсомъ пальмъ, въ которомъ, какъ и тамъ въ далекомъ Индо-Китаѣ — позвенивали мѣднымъ и меланхолическимъ звономъ маленькіе колокольчики извѣщающіе набожности правовѣрныхъ равно какъ и страху паріевъ — близость святыхъ мѣстъ, — что я не могъ не скрыть отъ своего спутника всего своего восхищенія.

— Да, сказалъ онъ, это такъ на самомъ дѣлѣ. Но замѣтилъ ли ты эту восточную и слабую улыбку. Она одна цѣлая поэма и цѣлая легенда. Люди крайняго Востока и въ особенности японцы, всегда улыбаются или улыбались. Это было ихъ національною чертой. Но я читалъ въ одномъ прекрасномъ сочиненіи объ Японіи что эта

улыбка стала пропадать съ ихъ лицъ по мѣрѣ того какъ они знакомились съ европейцами и европейцы начали проникать въ ихъ страну. Авторъ сочиненія, изъ котораго я почерпнулъ это любопытное свѣдѣнiе, придаетъ громадное значенiе этой улыбкѣ; онъ написалъ о ней цѣлую главу во сто слишкомъ страницъ.

— Такъ что, когда исчезнетъ улыбка, исчезнетъ и крайнiй Востокъ?

— Не совсѣмъ. Но, конечно, перестанутъ существовать тѣ аннамитки, которыми мы только-что любовались, или японцы, которыхъ мы привыкли видѣть на пестрыхъ «какемоне» . . .

— . . . и японскихъ вазахъ изъ Гамбурга. Вѣдь ты знаешь что не только луна готовится въ Гамбургѣ, но также и тѣ японскiя и китайскiя издѣлiя что продаютъ въ такъ-называемыхъ восточныхъ магазинахъ.

Мы зашагали дальше, и дорогой я спросилъ моего спутника :

— А у китайцевъ существуетъ эта улыбка?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, — китайцы изстари считаются прекрасными политиками и философами. Буддизмъ, проникнувъ въ Срединное государство, охолодилъ ихъ темпераментъ и породилъ массу ученiй противныхъ жизнерадостному смѣху, или улыбкѣ. Онъ лишь укрѣпилъ, лучше сказать, развилъ ихъ природный индифферентизмъ къ смерти. Мнѣ попало какъ-то въ руки, въ прекрасномъ англiйскомъ переводѣ, ученiе одного китайскаго философа — имени его теперь не припомню. Въ немъ я нашелъ нѣсколько замѣчательно-курiезныхъ строкъ относительно страха смерти. «Страхъ смерти», — говоритъ этотъ оригинальный мыслитель, — «я отгоняю отъ себя такимъ разсужденiемъ: время, говорю я себѣ, только пустой звукъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ни времени, ни пространства. А разъ нѣтъ времени, что можетъ принести мнѣ смерть, и вытекаетъ ли изъ этого что я долженъ вѣчно жить? Нѣтъ, вытекаетъ изъ этого только, что моя смерть уже была, есть и всегда будетъ. Я ея не чувствую, но вмѣстѣ съ тѣмъ она уже со мной; однако, я не долженъ ея бояться, такъ какъ было бы безумiемъ бояться прихода того что уже было.» Вотъ, видишь, какъ все хитро

придуманно, къ тому же слова моего философа подошли къ мѣсту: мы подходимъ къ отдѣлу Индіи, къ странѣ гдѣ отношеніе людей къ жизни было и еще остается тѣмъ что Гёте называетъ : *des Lebens ernstes Führen*.

За павильономъ Цейлона, вокругъ небольшихъ столиковъ и около хорошенькаго домика съ террасой покрытой кусками шелковымъ матерій, сидѣло множество народа; великолѣпные господа и элегантныя дамы пили *настоящій* цейлонскій чай. Между группами, ловко лавируя, бѣгали высокіе, стройныя цейлонцы въ бѣлыхъ курткахъ и передникахъ. Мы присѣли за столикъ подъ тѣнистымъ каштаномъ и заказали себѣ чаю. « Гарсонъ », — но, нѣтъ! нельзя назвать столь вульгарнымъ именемъ того индуса который намъ прислуживалъ, слишкомъ онъ уже былъ живописецъ и гордъ. Итакъ, индусъ принесъ намъ двѣ громадныя чашки, съ зеленымъ, съ золотою каймой чайникомъ, и освѣдомился на прекрасномъ англійскомъ языкѣ : « желаютъ ли джентльмены печенья? » Между тѣмъ вокругъ насъ шелъ разговоръ на десяткахъ языковъ. За сосѣднимъ столомъ небольшая группа французовъ оживленно бесѣдовала. Какой-то господинъ спрашивалъ : « Вы видѣли павильонъ Трансваала? » — Да, я даже присутствовалъ при промывкѣ золота. — « Ну, положимъ, это не золото; а пиленая мѣдь! » — Почему? — « Откуда же имъ, съ этою войной, привозить еще въ Парижъ золото? » — « Говорятъ что Френчъ вошелъ уже въ Юганнесбургъ. » — « Ахъ, это ужасно! Но, державы, нейтралитетъ, Гагская конференція . . . » — « Вотъ вы увидите что скоро на Трансваальскомъ павильонѣ будетъ развѣваться англійскій флагъ. » — « Этого не допустить. » — « Ахъ, помилуйте. » Пауза. « Почему нѣтъ на выставкѣ яванокъ? » спрашиваетъ вдругъ одна изъ дамъ. — « Ихъ не пустили, хотя все уже было приготовлено для ихъ приѣма въ монастырѣ Шандри-Сара, въ отдѣлѣ голландскихъ колоній. » — « Почему ихъ не пустили? » — « Вѣроятно, они побоялись далекаго путешествія и прелестей парижскаго существованія. » — « Вы видѣли ихъ на прошлой выставкѣ, въ 1889 году . . . » — « Да, онѣ очень были милы и такъ хорошо танцовали. » — « Очень жаль что ихъ нѣтъ! » — « Да, очень жаль. »

Цейлонець принесъ намъ печенья. Мы выпили чай, расплатились и поспѣшили дальше. Дальше, — это Японія. Среди затѣйливаго сада съ небольшимъ бассейномъ, въ которомъ плаваютъ золотыя рыбки, нѣсколько домиковъ. Тутъ тоже пьютъ чай въ маленькомъ павильончикѣ изъ бамбука. Цыновки замѣняютъ стѣны, французенки, одѣтыя японками, — дѣвъ страны Восходящаго Солнца. Однако, японцы все-таки здѣсь есть. Они продаютъ разный *bric à brac* въ лавкахъ находящихся въ самой глубинѣ садика. Но что это за странный народъ и какъ онъ мало намъ понятенъ. Одѣты они по европейски и мѣряютъ матерію метрами — и между тѣмъ они такъ далеки отъ насъ!

Въ японскомъ саду прогуливается нѣсколько китайцевъ, въ пестрыхъ, шелковыхъ одѣянїяхъ. Между ними, слегка подпрыгивая и улыбаясь таинственной улыбкой ходить взадъ и впередъ молодая и чрезвычайно красивая китайка одѣтая въ европейское платье замѣтельно къ ней идущее. Вокругъ маленькихъ столиковъ нѣсколько элегантныхъ и вѣтренныхъ парижанокъ кушаютъ сандвичи и громко болтаютъ. Иногда онѣ разгуливаютъ по газону и рвутъ цвѣты. Какіе мы варвары, Боже мой, какіе мы грубые и глупые варвары!

Въ японскомъ павильонѣ крайне просто и тонко декорированномъ я вижу въ многочисленныхъ витринахъ массу шедевровъ. Я совершеннѣйшїй невѣжда въ японскомъ искусствѣ, я не «*јапонисант*», какъ говорятъ французы, а потому могу сдѣлать какую угодно ошибку и легко перепутать вѣкъ и школу, но смотря на статуи изъ дерева и бронзы, смотря на старинныя «*какэмонэ*», на лаковыя издѣлія, я чувствую что все это красиво, я чувствую что все это манифестація красоты, которой мнѣ, варвару, никогда не постичь. Конечно мы можемъ «*японизировать*», сколько намъ угодно, тѣмъ не менѣе мы никогда не разгадаемъ тайны японскаго искусства. Узнаемъ ли мы когда либо языкъ, религію и жизнь Японіи въ той степени въ какой мы можемъ узнать языкъ, религію и жизнь древней Эмады? Конечно нѣтъ; мы ничего не пойметъ, за исключеніемъ развѣ того, что мы принадлежимъ къ болѣе грубой и низкой

расѣ; къ той которая не умѣетъ *подразумѣвать*. Все японское искусство основано если не составлено изъ *подразумѣваній*; посмотрите хоть на всѣ ихъ картины и изваянія; почти всегда глаза закрыты и губы плотно сжаты. Но съ нашей тяжелой замашкой постоянно утверждать что необходимо-де быть откровеннымъ, съ нашимъ грубымъ презрѣніемъ лжи и обмана, мы менѣе чѣмъ наполовину цивилизованы. Наша наитончайшая иронія въ сравненіи съ непонятной сложностью въ которой любить скрывается, и сколь спокойно, воображеніе японцевъ, есть лишь, на самомъ дѣлѣ, одно только ребячество. Для японскаго воображенія самая грубая форма имѣетъ свою цѣну; часто она есть лишь условный знакъ, съ помощью коего люди сообщаютъ другъ другу свои грѣзы и мечты, ни словомъ объ нихъ не обмолвиваясь. Какія мечты? ни я ни вы, ни одинъ изъ тѣхъ, кто родился подъ блѣднымъ небомъ Европы никогда ихъ не разгадаетъ.

Нѣкоторые свѣдущіе психологи увѣряютъ, что тѣ парижанки, которыхъ я сейчасъ видѣлъ представляютъ изъ себя настоящіе шедевры сложности и все это только на томъ основаніи, что по открытію перваго ящичка мы находимъ въ немъ часто другой ящичекъ, а открывши второй находимъ иногда и третій. По этому говорятъ что эти женщины въ совершенствѣ умѣютъ *подразумѣвать*. Но на самомъ дѣлѣ онѣ лишь немного менѣе варвары чѣмъ мы. Однако что такое — ихъ тайна въ сравненіи съ тайной скрывающей отъ насъ самую маленькую душу, самого маленькаго японца. Попробуйте открыть его ящички; уже на второмъ вы сломаете себѣ всѣ ногти. А посему не будемъ поносить всемірныя выставки. Онѣ говорятъ намъ между прочимъ о несовершенствѣ нашей культуры; онѣ сбиваютъ съ насъ нашу спесь, а это часто бываетъ очень полезно.

Осмотря японскій отдѣлъ мы направили наши стопы въ нидерландскія колоніи, на островъ Яву и Суматру. При входѣ въ главный павильонъ, храмъ Шандри-Сара, я встрѣтилъ не безъ удивленія, трехъ миниатюрныхъ «gong' geng», странствующихъ гадалокъ съ острова Явы. Маленькія, худенькія и блѣдныя, онѣ

были одѣты въ поношенные хитоны и препоясаны кусками шелковыхъ матерій.

— Какъ попали вы сюда? спросилъ я у нихъ. Всѣ вмѣстѣ онѣ опустили очи долу и прошептали :

— По волѣ великаго Будды, который явился намъ въ храмѣ Тжамбжи-Сеу и приказалъ ѣхать въ Парижъ.

— Разскажите мнѣ, какъ предсталъ онъ предъ вами.

— Однажды, заявила старшая изъ яванокъ, мы долго молились въ храмѣ и принесли Буддѣ дары; потомъ исполнили священный танецъ и зажгли передъ его изваяніемъ, пахучія травы и ладонъ. Облака благовонія подымались вокругъ насъ, и намъ казалось, что другія божества храма громко выражали свое неудовольствіе за то, что мы имъ ничего не принесли. Мы были одѣты, и намъ стало страшно. Мы упали ницъ и попросили ихъ смиловаться, обѣщая и имъ принести дары и спѣть священныя пѣсни. Когда они успокоились и видѣнія перестали носиться надъ нами, мы подняли наши головы и увидали чудо. На мѣстѣ громаднаго кратера, господствующаго надъ храмомъ, возвышалась теперь, подобно громадному персту, ваша Эйфелева башня.

— Не можетъ быть!

— Совершенно правильно. Она горѣла тысячью огнями и освѣщала лучше любой огнедышащей горы.

Наступила пауза.

— И такимъ-то образомъ — закончила маленькая гадалка — мы познали волю боговъ.

Мы поблагодарили ихъ за чудный разсказъ и пошли дальше.

ПРОГУЛКА ТРЕТІЯ.

Въ *Маломъ Дворцѣ* насъ встрѣтила величественная фигура Франциска I верхомъ, въ доспѣхахъ и полномъ рыцарскомъ вооруженіи. Статуя помѣщена въ серединѣ небольшого дворика съ двумя бассейнами съ чудеснымъ бордюромъ изъ ляписъ-лазуревой мозаики съ золотой каймой. Зданіе окружающее дворикъ украшено красивой и легкой колоннадой напомнившей мнѣ пилястры « храма любви » Малаго Трианона.

Въ залахъ *Дворца* устроена, благодаря стараніямъ г. Молинъ, компетентнаго хранителя древностей Луврскаго музея « Ретроспективная выставка французскаго искусства ». Наиболѣе древнія изъ выставленныхъ вещей относятся къ V и VI вѣкамъ, наиболѣе современные, — къ XVIII. Коллекціи составлены изъ присылокъ провинціальныхъ музеевъ, изъ церковныхъ сокровищъ и изъ вещей, предложенныхъ частными лицами. Всѣ коллекціи, раздѣленные на нѣсколько группъ, большею частью крайне интересны и цѣнны. Такъ, въ группѣ вещей изъ слоновой кости, въ большинствѣ относящихся къ IX—XII вѣкамъ, есть нѣсколько замѣчательныхъ складней. Одинъ изъ нихъ взятый изъ Пикардійскаго музея, представляетъ изъ себя описаніе жизни святаго Реми. Рисунокъ тутъ очень наивенъ, но замѣтно стараніе иллюстрировать какъ можно вѣрнѣе текстъ житія святаго и произвести впечатлѣніе реализмомъ сценъ. Другіе складни трактуютъ библейскіе сюжеты и по преимуществу жизнь и страданія Христа. Въ нихъ тоже видна большая опытность въ работѣ кости и та же наивность въ группировкѣ или передачѣ. Изъ слоновой кости сдѣлано еще нѣсколько ларцевъ, то для мощей или церковныхъ нуждъ, а то и просто для домашняго обихода. Но и на этихъ послѣднихъ доминируютъ религіозные сюжеты⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Переходъ языческаго искусства въ христіанское, былъ вначалѣ замѣтенъ лишь въ выборѣ сюжетовъ. Впрочемъ (католическая) Церковь очень часто собирала и подго-

Коллекція вещей изъ слоновой кости весьма богата ; она подготавливаетъ насъ къ воспріятію средневѣковой скульптуры, начавшейся выражаться, какъ извѣстно, съ середины XII столѣтія. Всѣ данныя говорятъ за то, что она вышла изъ маленькихъ *ivoig'ovъ*.

Скульптура среднихъ вѣковъ исключительно украшала храмы ; подаркомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ она всего болѣе процвѣтала, какъ на примѣръ во Франціи, она носитъ общее названіе *sculpture monumentale*. Она, какъ я уже говорилъ вышла изъ барельефа, складней, статуэтокъ и « кофрѣ » и въ продолженіи многихъ лѣтъ оставалась подъ этимъ вліяніемъ. Только благодаря расцвѣту архитектуры она стала вполнѣ самостоятельной и заняла принадлежащее ей по праву мѣсто.

Архитектура, въ тѣ времена нуждалась въ скульптурѣ, скульптурѣ же для дальнѣйшаго существованія необходима была архитектура. Благодаря союзу двухъ отраслей искусства родилась готика и вполнѣ опредѣлились контуры средневѣковой скульптуры. Въ залахъ *Трокадеро* выставлено масса рисунковъ и моделей лучшихъ построекъ этого чисто французскаго стиля, въ *Маломъ Дворцѣ* г. Молине собралъ значительную коллекцію скульптурныхъ вещей той же эпохи.

Но вотъ наступаетъ вѣкъ французскаго ренессанса и въ архитектурѣ мы видимъ зарожденіе иныхъ формъ, а въ скульптурѣ появленіе отдѣльныхъ статуй и сюжетовъ изъ мірской жизни. Къ этому же времени относятся лучшія *tapisseries* и замѣтенъ прогрессъ въ обработкѣ дерева и металловъ. Выставка *Малаго Дворца* даетъ намъ возможность полюбоваться прелестной коллекціей рыцарскихъ оружій и доспѣховъ. Къ сожалѣнію, въ ней мало чисто

няла подъ нужды своего обихода множество *ivoig'ovъ* явческаго происхожденія, и очень долго они служили предметомъ вдохновенія для начинающаго христіанскаго искусства. Случалось также, что епископы получившіе въ подарокъ, какъ « чиновники » отъ вновь назначенныхъ префектовъ небольшіе « диптики » превращали ихъ въсплѣдствіи въ таблицы для занесенія именъ (о которыхъ читалось во время службы) благочестивыхъ дателей, мучениковъ или священнослужителей, или же въ оправу для церковныхъ книгъ.

французскихъ вещей; большинство выставленнаго итальянскаго или германскаго производства. Это объясняется тѣмъ, что во Франціи французскихъ доспѣховъ въ настоящее время крайне трудно найти. Они разсѣяны по Европѣ и даже Америкѣ. Поэтому въ *Маломъ Дворцѣ* французской работы развѣ только доспѣхи Генриха III, да нѣсколько бургундскихъ мечей.

Всѣ стѣны *Малаго Дворца* обвѣшаны коврами и панно (tapisseries). Большинство изъ нихъ тоже вывезено изъ провинціи или принадлежитъ церквамъ и частнымъ коллекціонерамъ. Сюжеты, вытканые на коврахъ, крайне разнообразны: такъ на панно XIV и XV вѣковъ мы видимъ чаще всего святыхъ, окруженныхъ тварями земными и небесными, подвиги мучениковъ, эпизоды изъ библейской исторіи и т. д. Только гораздо позднѣе начинаютъ появляться турниры, охоты, битвы ⁽¹⁾.

Въ отдѣлѣ мебели есть много очень красивыхъ и рѣдкихъ вещей. Прежде всего надо отмѣтить все, что относится къ вѣку Людовика XIV, къ регентству и послѣдующему царству. Форма тогда достигла совершенства, въ выборѣ дерева и рисунка не столько руководитъ желаніе дать что-нибудь практичное, сколько очень тонкій вкусъ, любящій фіоритуры, ломанныя линіи и нѣкоторую манерность. Существуетъ цѣлая пропасть между кресломъ эпохи Генриха III и «бержеркой» Людовика XV. Эта пропасть зиждется не въ манерѣ работать, а въ идеѣ, въ складѣ ума. Кресло поражаетъ насъ своей массивностью, «солидностью», оно сдѣлано для людей, нечуждыхъ еще простого образа жизни, донашивающихъ латы и высокіе сапоги и любящихъ въ длинныя вечера дремать у пылающаго камина. Совершенно иное «бержерка»; она легка, граціозна. Она говоритъ намъ о модѣ «паньѣ», о «мушкахъ»; на ней не сидѣли, а только присаживались прелестныя маркизы съ умомъ столь

⁽¹⁾ Самая древняя изъ выставленныхъ tapisseries, представляющая изъ себя одинъ изъ мотивовъ серіи Апокалипсиса и хранящаяся въ церкви св. Мориса (въ Анжѣ) есть также и наиболѣе замѣчательная. Ея исторія, благодаря трудамъ гг. де-Фарси и Гюнжрѣ, — намъ хорошо извѣстна. Она была выткана «мэстромъ» Никола Батайлѣ, старшиной парижскаго чеха ткачей и «valet de chambre» герцога Анжуйскаго.

же вертлявымъ, какъ и ножки затѣйливаго сидѣнья. Pendant къ бержеркѣ картины Риго и даже Бушэ; тяжелыя панно хорошо повѣсить за стуломъ эпохи Валуа⁽¹⁾.

Вокругъ этихъ шедёвровъ, въ серединѣ дня, толпится много народа, но по утрамъ до двѣнадцати въ залахъ тихо и свободно. Тогда можно долго и спокойно разсматривать всѣ эти сокровища собранныя знающей рукой.

У мебели времянь трехъ Людовиковъ мы остановились съ особымъ интересомъ. Тутъ было выставлено столько прелестныхъ вещей, столько рѣдкихъ, единственныхъ предметовъ. Баульчики, кресла, диваны, затѣйливыхъ рисунковъ, часы съ мраморными колонками съ амурами и цвѣтами; настоящіе выходцы съ того свѣта, невѣрно показывающіе время и доигрывающіе нѣсколько усталымъ и охрипшимъ голосомъ увядшія мелодіи Люлли и Гретри.

Предъ всѣми этими памятниками давно застывшаго прошлаго невольно становишься задумчивымъ. Старыя улыбка, прелесть прошлыхъ весенъ, гдѣ вы? Гдѣ вы, суровые, рыцари, садившіяся за трапезу передъ этимъ столомъ изъ рѣзнаго дуба, или вы, прелестныя маркизы и ваши «фижмы» и «мушки»?

⁽¹⁾ Среди выставленной исторической мебели находится нѣсколько прекрасныхъ экземпляровъ и прежде всего кровать герцога Антуана Лоттарингскаго (взята изъ историческаго музея въ Нанси). Она по всѣмъ вѣроятіямъ относится къ 1516 году т. е. къ тому году когда Антуанъ и Ренэ Бурбоны вошли въ Нанси. Экземпляры относящіеся къ тому времени настолько теперь рѣдки, что кровать герцога Антуана есть почти что единственная вещь по которой мы имѣемъ возможность прослѣдить медленный переходъ готики въ ренессансъ. Это послѣднее особенно замѣтно тутъ въ характерѣ буквъ составляющихъ по бокамъ кесона кровати девизъ герцога: *J'espère avoir* и герцогини: *Espérance* и *Une pour jamais*, эти буквы вырѣзаны въ деревѣ, равно какъ и всѣ герцогскія эмблемы, крестъ Лоттарингій, рука вооруженная короткимъ мечомъ, такъ называемыя «*chapeaux de feste*» и двѣ соединныя въ пожатіи руки. Четыре колонки постели сработаны за-то по традиціи XV вѣка. Они напоминаютъ по своей формѣ сплетенныя между собой веревки. Послѣ этого образца отживающаго средневѣковья слѣдуетъ отмѣтить столы и шкапы времени Катерины Медичи и первыхъ «эбенистовъ» доставившихъ изъ Голландіи не только моду употреблять въ работѣ заморскія дерева (до тѣхъ поръ французскіе столяры и «мастера деревяннаго дѣла» употребляли почти исключительно національные продукты: дубъ и орѣхъ) но также и иной «заграничный» фасонъ.

Какъ все было когда-то свѣжо и юно, а какъ все завяло, и ваши улыбки и баульчики, въ которыхъ вы клали когда-то предложенные вамъ мадригалы и любовныя записочки продрушенныя « шипромъ », и ваши розы!..

. . . Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..

Мы подошли къ большой витринѣ, въ которой были размѣщены гребни разныхъ формъ и величинъ.

— Какая красивая коллекція, сказалъ я своему спутнику. Она можетъ смѣло поспорить съ той, что выставилъ въ своей витринѣ, Ляликъ, этотъ современный магъ и волшебникъ въ дѣлѣ дамскихъ украшеній и бездѣлушекъ.

— Пожалуй ты и правъ, отвѣтилъ Сольскій, но съ гребнями и браслетами Лялика не связано никакихъ воспоминаній, на нихъ еще нѣтъ « пыли вѣковъ ». Тогда, какъ эти. . . Да вотъ взгляни на этотъ гребень, что лежитъ въ углу. Я охотно допускаю, что имъ чесалась. . . ну хоть Фрэнегунда, въ ту минуту, какъ въ спальню вошелъ король, ея супругъ. Фрэнегунда совершенно не ожидала этого прихода и настолько была занята своей прической, что даже не обернулась и только спросила : « это ты, Ландри ? » У бѣднаго супруга при этомъ восклицаніи окончательно открылись глаза. Фрэнегунда никогда не простила королю своей оплошности и скоро-же послѣ этого инцидента приказала его убить, чѣмъ вѣроятно надѣялась восстановить свой пошатнувшійся престижъ. . . Да, въ тѣ времени не шутили и не долюбивали сантиментальныхъ осложненій. Все дѣлалось скоро и « чисто ».

Я полюбовался еще большимъ кольцомъ изъ мѣди и золота. Въ серединѣ его красовалась гемма изображающая голову медузы. Двѣ змѣи, переплетаясь держали ее въ открытыхъ пастьяхъ. Въ работѣ этой вещицы была видна опытная рука, но рисунокъ обличалъ нѣсколько варварскій и вмѣстѣ съ тѣмъ напыщенный вкусъ; вѣрный признакъ художественнаго декаданса.

— Это кольцо, послѣдующей эпохи, вставилъ Сольскій. Оно византийскаго происхожденія. Его носила, вѣроятно современница Эмануила Комнена или Софіи Палеологъ и привезено оно было

во Францію изъ Итали, въ багажѣ придворной дамы Катерины Медичи.

Выходя изъ Малаго Дворца я выразилъ желаніе осмотрѣть *Exposition centennale* являющеюся, какъ бы продолженіемъ предъидущей. Когда мы переходили широкую авеню — Сольскій сказалъ :

— Подробный осмотръ всего выставленнаго въ Маломъ Дворцѣ, равняется внимательному чтенію серьезнаго труда по исторіи искусства⁽¹⁾. Оно даже не такъ утомительно и не столь сухо. Мы только что обошли восемь столѣтій французскаго искусства ; сначала мы видѣли его подчиненнымъ византійскому вліянію, затѣмъ, во времена готики, тѣсно связаннымъ съ германской культурой, а позднѣе поклоняющимся и учащимся у итальянскаго Возрожденія. Но вотъ наступаетъ XVII столѣтіе и французское искусство не только становится самостоятельнымъ, но даже начинаетъ уже главенствовать и пренебрегать чужими мнѣніями. Въ концѣ того же вѣка мы видимъ какъ Франція подавляетъ мощью и оригинальностью своего искусства — всѣ прочія страны. Въ XVIII столѣтіи Франція царитъ всюду и ея искусство, благодаря утонченному вкусу ея женщинъ, округляетъ линіи мебели и покрываетъ ее шелками и тканями нѣжныхъ тоновъ. Тогда, Франція, въ силу своего живаго, свѣжаго и даже могучаго темперамента смѣло ломаетъ старые предрассудки и на мѣсто отживающихъ формъ устанавливаетъ новые принципы и

(1) Это пожалуй очень вѣрно, такъ какъ съ кровати Антуана, герцога Лоттарингскаго, съ буфетовъ (*dressoirs*), столовъ и сундуковъ въ стилѣ Андруэ дю Серсо (*Androuet du Cerceau*) и Юга Самбонъ (*Hughes Sambin*) изъ коллекцій Шабріэръ-Арлясъ, маркизы Аргонати-Висконти и до *commodes mazarines* швейцарца Андре-Шарля-Буль, до стѣнныхъ часовъ герцоговъ Роганъ, до шаповъ Крессанъ (коллекція Шаппэ) вамъ довольно легко будетъ прослѣдить, среди эволюціи формъ и убранства французской мебели, одно изъ тѣхъ радикальныхъ превращеній французскаго вкуса, что неоднократно происходило на родинѣ Палисси и Николя Пуссена. Если же вы добавите къ столь знаменательнымъ и краснорѣчивымъ документамъ (соблюдая, однако, историческую давность) бронзы XVI и XVII вѣковъ отъ Жермэна Пилонъ и до Койзево (*Coisevoix*); издѣлія орфевровъ, монеты, медали и наконецъ полотна и «таписсеріи» начиная отъ *Visite du roy aux Gobelins* и кончая герсенской вывѣской Антуана Ватто. — то вы будете имѣть возможность заполнить ваши прогулки по Малому Дворцу разными общими размышленіями или часными выводами, — это смотря по настроенію минуты.

новыя цѣнности. Подъ ея вкусъ поддѣлываются итальянцы и нѣмцы, и тогда какъ Англія, у которой въ то время уже существовала національная художественная школа, остается все еще данницей Рубенса, Ванъ-Дейка и великихъ Венеціанцевъ — Франція переживаетъ прекрасный часъ дѣйствительнаго величія и неоспариваемой гегемоніи. . .

Въ *Большомъ Дворцѣ* мы прежде всего натолкнулись на скульптуру. Мало интереснаго или такого что не было уже видѣно и пере-видѣно сотни разъ. Однако, въ одной изъ боковыхъ залъ Сольскій подвелъ меня къ небольшой мраморной группѣ изображающей Карла IX съ головой покоящейся на плечѣ его « милой » Одетты Шанптиверь. На цоколѣ было кѣмъ-то нацарапано, можетъ быть самимъ скульпторомъ полузабытымъ Югенаномъ, слѣдующія лирическія строки : « . . . Charles est-il bien ainsi? » — dit Odette. Le Roi leva les yeux sur elle avec une ineffable expression de reconnaissance : « Oh oui, dit-il, Charles est bien, bien, bien . . . » — « Alors Charles peut dormir et Odette veillera près de lui, pour que le chien noir n'entre pas . . . » И скорбная фигура больного короля пронеслась мимо насъ и мы вспомнили почему-то, оба сразу и, какъ это бываетъ часто, о другомъ царственномъ юношѣ умершемъ въ чахоткѣ, вдали отъ своей родины.

— Пойдемъ къ колыбели герцога Рейхштадскаго, сказалъ я первый. Черезъ нѣсколько комнатъ мы прошли въ залъ гдѣ была разставлена мебель « empire ». Тамъ, по среди была выставлена колыбель сына Наполеона I, присланная изъ Вѣны по волѣ Австрійскаго Императора.

— Съ легкой руки Ростана, автора столь нашумѣвшаго *L'Aiglon*, король Римскій теперъ въ большой модѣ, сказалъ мой спутникъ разсматривая со вниманіемъ простую люльку краснаго дерева обитую внутри голубымъ атласомъ. — Но надо признаться, что все что было объ немъ написано, за послѣдніе время, весьма далеко отъ истины. Ростанъ идеализировалъ своего героя, да иначе онъ и не могъ сдѣлать. Жизнь « Орленка » на самомъ то дѣлѣ мало интересна и не даетъ пищи для драматурга. Онъ не былъ ни энергиченъ,

ни предприимчивъ; жизнь провелъ въ мечтаніяхъ и какъ бы въ полудремотѣ. Вѣроятно Меттернихъ его угнеталъ, вѣроятно также и то, что онъ былъ лишенъ по природѣ свѣтлаго ума и смѣлости. Недовѣрчивый къ себѣ и къ окружающимъ его людямъ, непривязчивый, нерѣшительный и больной бродилъ онъ по аллеямъ Шёнбрунна и по заламъ вѣнскихъ дворцовъ. Въ немъ ничего не было Наполеонскаго; это былъ «le fils de l'Autrichienne». У него даже никогда не существовало любовнаго романа, а былъ лишь кратковременный и невинный «флѣртъ» съ какой-то актрисой представленной ему въ домѣ Фавни Эстлеръ. . .

— Еще одна разрушенная легенда, замѣтилъ я улыбаясь.

— Да, еще однимъ «рыцаремъ бѣднымъ» больше на землѣ. — «Онъ имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму.»

Верхнія залы *Большаго Дворца* отведены подъ живопись. Тамъ собраны сотни картинъ, говоряція о томъ что такое было французская живопись въ XIX столѣтіи.

Чтобъ наглядно отмѣтить точку отправленія новыхъ тенденцій искусства въ XIX столѣтіи, въ залахъ *Centennale* выставлено нѣсколько картинъ принадлежащихъ кисти художниковъ, которые не смотря на то, что умерли послѣ 1800 года все таки принадлежать XVIII столѣтію. Среди этихъ полотенъ, необходимо отмѣтить граціозный портретъ г-жи де Крюссоль работы Вижьё-Лебрень, нѣсколько манерныхъ портретовъ Данлу (на котораго сильно вліяли англичане) и наконецъ двѣ вещи Грѣза; портретъ Сень-Жюста, очень ласковаго и тихаго Сень-Жюста и другой Бонапарта, первымъ консуломъ, съ лицомъ сумрачнаго и упрямаго подростка но съ замѣчательно выразительными и живыми глазами. Живопись Грѣза нѣсколько слащава, приторна, а иногда и довольно таки шаловлива, но все таки это добрововѣстный художникъ и я въ сто разъ предпочитаю его работы, тѣмъ картинамъ надъ которыми рыдалъ когда то великій Дидро.

Но вотъ Прудонъ. Портреты его великолѣпны! Это былъ художникъ женской граціи и прелести, и стоитъ лишь увидать его портретъ Элизы Бонапартъ или еще женскій эскизъ изъ коллекціи Жа-

хана, чтобъ понять насколько его аллегорическія сюжеты стоятъ ниже его портретовъ. Тоже самое и даже съ большею убѣдительною можно сказать и о Давидѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же предпочтетъ его *Сабинянокъ* великолѣпному портрету Пиа VII? *Коронованіе* (Le Sacre) есть прежде всего лишь прекрасная коллекція портретовъ.

Преслѣдуемый Давидомъ художественный идеалъ, — это по его собственному выраженію — « ce type du beau qui n'existe que dans la nature collective et qu'on ne rencontre pas chez les individus ». Въ этой погонѣ Давидъ совершенно скомпрометировалъ свое замѣчательное художественное дарованіе. Онъ сдѣлалъ даже больше; онъ совратилъ съ пути истины всю свою художественную Школу. Зато, когда онъ забывалъ на время эту химеру « коллективной красоты » и рѣшительно становился передъ « натурой » то онъ достигалъ прекрасныхъ результатовъ и бывалъ внимательнымъ и проникновеннымъ портретистомъ. Посмотрите на его портреты г-жи Вижьё-Лебрень, г-жи Тальё, на выразительную женскую головку (изъ Орлеанскаго музея). Развѣ все это не правдиво и не прелестно?

То что я сейчасъ только что сказалъ о Давидѣ можно сказать и объ его ученикахъ, явившихся, большею частью въ такое время, когда люди отстранялись отъ всего что не было « антикъ » или не иллюстрировало наполеоновскія эпопеи. Энгръ работалъ въ лучшую для искусства эпоху. Это дало ему возможность направить гораздо болѣе свободно свой громадный талантъ на портретную живопись, въ которой онъ достигъ великолѣпныхъ результатовъ. « *Портретъ г-жи де Сенонз* » одинъ изъ шедевровъ французской живописи.

За Энгромъ шествуетъ Делакруа. Онъ не былъ никогда великимъ портретистомъ, въ полномъ или точномъ смыслѣ этого слова. Его чисто мечтательный геній всегда вздымался на дыбы отъ лицемерія самой обыкновенной прозы. Но его роль была весьма благородна и велика; онъ не столь реагировалъ противъ условности, сколько возставалъ противъ классицизма во имя движенія, красокъ и фантазіи. Однако онъ остался одинокъ и послѣдующее поколѣніе не пошло за нимъ, а зажило особнякомъ. Ари Шефферъ, Робертъ Флери

ничему не научились у Делакруа. Деларошъ потерялъ даже ту долю темперамента, которую мы еще видимъ у тѣхъ художниковъ. Изъ ихъ картинъ отмѣтимъ лишь : « *Взятіе Трокадеро* » кисти Делароша, да « *Арестъ Шарлотты Кордэ* » — Шеффера; тогда какъ у Делакруа такіе шедевры, какъ : « *Алжирскія женщины* », « *Входъ Крестоносцевъ въ Константинополь* », « *Актеры* ».

Но близокъ часъ когда явятся на художественную арену великіе пейзажисты Франціи Коро, Миллэ, Дюпрэ, Добиньи, Руссо. Эта плеяда артистовъ, явившаяся въ серединѣ нашего столѣтія, гордость и слава французскаго искусства. На выставкѣ они очень хорошо представлены, въ особенности чуткій и правдивый Коро. Сейчасъ же за пейзажистами 40-хъ годовъ слѣдуетъ Курбэ. Это темпераментъ; художникъ эпохи переходной и заслуги его громадны. Онъ подготовилъ путь импрессионистамъ. Наконецъ появляется знаменитый Манэ, и даетъ новое направленіе пейзажу и жанру. Манэ былъ художникъ неровный и парадоксальный, но вліяніе его живуче и по сейчасъ.

Выставка заканчивается нѣсколькими прекрасными полотнами Дегаса, Клода Монэ, великолѣпными фантазмагоріями Густава Моро, шедевромъ Фантенъ-Латура и рисунками Ренуара. Все это художники 80-хъ годовъ; изъ нихъ нѣкоторые еще работаютъ и до сихъ поръ.

ПРОГУЛКА ЧЕТВЕРТАЯ.

Я не видалъ своего пріятеля Сольскаго болѣе двухъ недѣль, какъ вдругъ встрѣтился съ нимъ на-дняхъ при входѣ въ китайскій отдѣлъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? — было первымъ моимъ вопросомъ.

— Все обозрѣвалъ выставку. Очень усталъ, но зато могу тебѣ объявить не безъ гордости, что она не имѣетъ больше для меня тайнъ.

— Вотъ какъ!

— Да. Последнее, что я проштудировалъ, это были выставочныя увеселенія, такъ называемыя *attractions*. Цѣлую недѣлю я ходилъ изъ театра въ театръ, изъ панорамы въ панораму, изъ кафэ въ кафэ и т. д.

— И къ какому же ты пришелъ выводу?

— Къ очень печальному. Увеселенія выставки, за очень малыми исключеніями, ниже всякой критики. Я тебѣ все это подробно расскажу, если ты только хочешь со мной обѣдать.

— Гдѣ?

— Да здѣсь же, въ китайскомъ отдѣлѣ. Мнѣ передавали, что тутъ очень хорошо кормятъ; прислуживаютъ китайцы, знаешь, съ такими характерными лицами, что прелесть!

— Чудесно, мы будемъ обѣдать и ты мнѣ передашь свою одиссею.

Мы направились въ китайскій ресторанъ, расположенный на одной изъ террасъ главнаго павильона. Въ очень пестро отдѣланной комнатѣ — столики, покрытые разноцвѣтными скатертями. Рядомъ — нѣсколько желтолицыхъ сыновъ Небесной имперіи.

— Вотъ бы ихъ поразспросить относительно « боксеровъ », какъ ты думаешь? — замѣтилъ я своему спутнику.

— О! не стоитъ. Это люди смиренные, но очень скрытныя. Ты врядъ ли узнаешь отъ нихъ что-либо положительное. На меня лично

люди Востока производятъ всегда какое-то странное впечатлѣніе. Я въ душѣ ихъ и уважаю, и боюсь. Мнѣ не вѣрится, что они только временныя, малозначащія единицы человѣчества. Я охотно допускаю, что они уже существовали при зарожденіи всего сущаго, ихъ лица неподвижны и точно выточены изъ старой слоновой кости или камня.

Мы сѣли за одинъ изъ столиковъ и Сольскій освѣдомился у лакея, нѣтъ ли у нихъ какихъ-нибудь китайскихъ блюдъ.

— О! — воскликнулъ тотъ протестуяще. — У насъ кухня европейская. Я могу вамъ предложить прекрасный *potage bisque*, *soles Colbert*, очень мягкій филе *béarnaise*.

— Вы китаецъ? — спросилъ его сердито мой пріятель.

— Да, я изъ Шанхая.

— Откуда же вы знаете названія французскихъ блюдъ?

— Помилуйте, я десять лѣтъ служилъ въ англо-французскомъ клубѣ въ Санъ-Франциско.

— А, прекрасно! Въ такомъ случаѣ принесите намъ : супъ. . .

— и Сольскій принужденъ былъ заказать самый ординарный обѣдъ европейской кухни.

— Вотъ тебѣ и Китай! — засмѣялся я.

— Да, это грустно. Но мнѣ уже такъ часто приходилось разочаровываться, что я начинаю привыкать. . . Былъ ли ты въ Венеціи? не въ настоящей, а въ той, что около выставки, на Марсовомъ полѣ?

— Нѣтъ еще, но предполагаю быть тамъ на-дняхъ.

— Не ходи; говорю — не ходи. Это ужасно! Вообрази себѣ, что площадь Св. Марка, величиной съ носовой платокъ. Нѣсколько наполовину картонныхъ домиковъ изображаютъ палаццо дожей, церковь Св. Марка, кампаниллъ и пр. Затѣмъ, вокругъ всего этого — грязная канава и на ней двѣ-три лодочки; это — каналы и гондолы. За канавой тянется полотно, на которомъ грубо написаны лагуны и палаццо. Есть еще нѣсколько жалкихъ голубей, торговка раковинъ и зачѣмъ-то — неаполитанскій оркестръ. Вотъ тебѣ Венеція. Чтобъ посмотреть ее, платишь полтора франка. Посѣтителей

тамъ мало, зато много контролеровъ, гондольеровъ, продавщицъ всякой базарной дряни и, понятно, тьма зѣвающихъ въ кулакъ лакеевъ. Но не лучше Венеціи и «*Андалузія времяъ мауровъ*», «*Панорама сибирскаго пути*» и разнаго сорта «*діорамы*», «*мареорамы*» и т. д. Впрочемъ *Stérorama mouvant* единственное зрѣлище, которое можно посмотрѣть съ интересомъ. Войдя въ длинный корридоръ построенный полукругомъ вы подходите къ большимъ окнамъ и любуетесь панорамой постепенно развертывающейся передъ глазами зрителя. Вы огибаете берега Алжиріи, начиная отъ Бона и кончая Ораномъ. Закаты и восходы солнца, лунная ночь и горячій полдень, проходящая мимо эскадра, пароходы и рыбацьи лодки, все это передано въ совершенствѣ; все рельефно и правдиво, благодаря цѣлой системѣ діорамъ, электрическимъ эффектамъ и моделямъ судовъ, движущихся среди картинъ. Особенно красива панорама Алжира въ глубинѣ цвѣтущаго залива и видъ Орана при красномъ закатѣ солнца, когда на горизонтѣ ложатся фіолетовыя полосы и море передъ вами волнуется и переливается тысячью тонами. Повторяю, «*стереорама*» — верхъ совершенства и иллюзіи.

Ужаснѣе же всего, это, по моему : «*Дворецъ Оптики*».

Какая пустая и глупая шутка! Васъ таскаютъ изъ одной темной залы въ другую, гурьбой, человекъ 20-30 за разъ, и показываютъ увеличенную въ три тысячи разъ каплю воды, выпуклыя и вогнутыя стекла, полученіе электрической искры, фотографическіе снимки, сдѣланные на днѣ моря, луну, лучи Рентгена, потомъ еще какіе-то препараты и, наконецъ, телескопъ, который очень смахиваетъ на громадную пушку, а еще больше на длинную водосточную трубу. Между двумя залами находится маленькій корридорчикъ, на одной изъ стѣнъ нарисовано звѣздное небо съ бѣлымъ кружкомъ, долженствующимъ изображать нашу планету, а полъ покрытъ кусками сѣраго картона «*Теперь вы на лунѣ*», объявляетъ проводникъ, «*вообразите себѣ что вы на лунѣ*» (вообразить себѣ этого никакъ нельзя), «*на этой стѣнѣ вы видите планеты, въ томъ расположеніи и величинѣ, въ какомъ ихъ видно съ луны*». Почемъ онъ это знаетъ! Выходишь изъ этого «*Дворца*» утомленнымъ и какъ бы при-

шибленнымъ. Вамъ говорятъ, что вы видѣли тридцать залъ; провѣрить это трудно, потому что послѣ пятой у васъ голова кружится. Всѣ эти научныя шалости — верхъ глупости и наглости. Почти всѣ увеселенія и такъ называемыя научныя развлеченія рассчитаны на наивныхъ зрителей — имя же ихъ легионъ — которыхъ не трудно и поднадуть и успокоить веселой погремушкой.

— Гдѣ былъ ты еще?

— Я былъ еще въ морскомъ и военномъ павильонѣ. Послѣ этого я осмотрѣлъ павильонъ знаменитой пушечной фирмы Максима и французскаго завода Крѣзо. Тамъ тоже на многое можно посмотрѣть, но, понятно это интересно для специалистовъ. Профановъ же, какъ я, можетъ все это заинтересовать, какъ дѣтей сложная и диковинная игрушка. Видишь, какая масса труда, знанія понадобилось, чтобы сдѣлать такія орудія, какъ напримѣръ пушку Максима, и не знаешь, а только угадываешь всю ихъ разрушительную силу. Въ эти отдѣлы я водилъ бы не военныхъ, а дипломатовъ; пусть смотрятъ и проникнутся той мыслью, что малѣйшая ихъ неловкость и легкомысліе могутъ заставить, заговорить этихъ страшныхъ чудовищъ, разносящихъ повсюду смерть и отчаяніе.

— Да, — вставилъ я, — не всѣ зрѣлища выставки навѣвають на васъ веселыя мысли. Стоитъ только сходить въ павильонъ города Парижа, осмотрѣть тамъ тюремное отдѣленіе или, напримѣръ, коллекцію историческихъ вещей. Я не могъ видѣть безъ содроганія ванную, въ которой былъ зарѣзанъ Маратъ, и собраніе вещей, пайденныхъ на самоубійцахъ. Тамъ же играетъ иногда оркестръ слѣпыхъ одной изъ городскихъ богадѣленъ. Какое, думаешь ты, могъ я получить настроеніе послѣ того, какъ услыхалъ изъ устъ одного изъ слѣпцовъ пѣснь Вольфрама изъ « Тангейзера » : « Восходишь ты, звѣзда моя ночная? » Какая грусть! Бѣдные глаза, погруженные въ вѣчную тьму, какая звѣзда когда либо загорится въ васъ?

— А рядомъ съ этимъ, — возразилъ мнѣ Сольскій, — бываютъ всетаки и веселыя сцены. Вотъ чего, напримѣръ, я былъ однажды очевидцемъ. Въ одномъ изъ шикарныхъ ресторановъ выставки сидятъ за отдѣльными столиками — « онъ » и « она ». Онъ — мужчи-

на солидный; она — красива и молода. Начинается съ того, что они оба разсматриваютъ другъ друга, потомъ дама дѣлаетъ нѣсколько многозначительныхъ знаковъ, а онъ, убѣжденный, что «клюетъ», вынимаетъ изъ бумажника карточку, на которой и пишетъ нѣсколько лирическихъ строкъ, предлагая прелестной дамѣ свое сердце. Карточку эту надо передать по назначенію; господинъ ищетъ глазами гарсона; всѣ гарсоны заняты и только одинъ хозяинъ, видимо, не занятъ и важно прохаживается въ глубинѣ залы. Господинъ подзываетъ его къ себѣ и говоритъ : « Будьте настолько любезны передать эту карточку вотъ той особѣ, что сидитъ въ бѣлой шляпѣ ». Хозяинъ беретъ карточку, мнетъ ее, краснѣетъ, потомъ нагибается съ виноватой улыбкой къ уху кліента и шепчетъ : « Извините меня, monsieur, но право я не могу исполнить ваше порученіе, мнѣ неудобно . . . Я докторъ правъ . . . И важно отходить ».

Пока рассказывалъ мой пріятель, наступили сумерки. Въ саду мало по малу зажглись разноцвѣтные фонари и въ открытыя настѣжъ окна долетали вмѣстѣ съ прохладнымъ вѣтеркомъ, звуки « Дунайскихъ волнъ ».

— Какое смѣшеніе! Какое вавилонское столпотвореніе! — воскликнулъ онъ. — Вотъ мы съ тобой объдаемъ во Франціи въ китайскомъ отдѣлѣ и прислуживаетъ намъ настоящій китаецъ, однако, мы ѣдимъ самыя обыкновенныя европейскія блюда и слушаемъ музыку, написанную австрійцемъ для венгерскихъ цыганъ. Нѣтъ, на выставкѣ мало выдержаннаго; вездѣ какой то ералашъ и ничѣмъ нельзя полюбоваться полностью, безъ неизбѣжнаго « но ».

— Мы, можетъ быть, перехватили черезъ край въ отношеніи « сближенія народовъ » и зашли слишкомъ далеко въ желаніи всюду и всегда примѣнять нашу цивилизацію. Поэтому то, можетъ быть, вездѣ такая монотонность, условность, толчея и пропадаетъ, яркость и цѣльность впечатлѣній. Еще сто, много двѣсти лѣтъ такой нивелирующей цивилизаціи, чуждающейся національныхъ различій, и конецъ всему оригинальному и самобытному. Въ самомъ дѣлѣ, что внесетъ въ свою записную книжку путешественникъ XXI столѣтія? Что вагоны между Александріей и Канштатомъ крайне удобны, что

въ Самаркандѣ и на островѣ Явѣ есть прекрасные рестораны, а въ Гимбукту электрическія конки и очень сносные кафе-шантаны?

— Какая скупа наша цивилизація и ея дѣтища: разныя выставки, конгрессы и т. д. — воскликнулъ Сольскій. Какъ только осмотрю русскіе отдѣлы, такъ сейчасъ же уѣду вонъ изъ Парижа, онъ мнѣ опротивѣлъ.

— Куда же ты поѣдешь?

— Не знаю еще; но только дальше отъ городовъ. Поѣду въ деревню или къ морю. Я сгораю нетерпѣніемъ бить ему челомъ словами поэта: «*Welcome, welcome, ye dark blue waves!*» Только тамъ на просторѣ можно понять всю прелесть и радость жизни. Въ деревнѣ, на морѣ, въ дорогѣ я — оптимистъ; въ городахъ я становлюсь пессимистомъ

Я вспомнилъ двѣ-три строчки изъ Мопассана, строчки, написанныя имъ наканунѣ отъѣзда изъ Парижа: «Жизнь, столь краткая и столь длинная, иногда дѣлается невыносимой. Она развертывается передъ вами, всегда одинаковая, со смертью въ концѣ. Ея невозможно ни остановить, ни измѣнить, ни постигнуть. Во что бы мы ни вѣрили, что бы ни замыслили, — мы умремъ. И вотъ, иногда кажется, что мы можемъ умереть завтра, не извѣдавъ ничего поваго, хотя бы мы уже и пресытились всѣмъ тѣмъ, что узнали раньше. Тогда чувствуешь себя какъ бы раздавленнымъ этимъ ощущеніемъ вѣчной ничтожности всего, раздавленнымъ безсиліемъ человѣка и однообразіемъ всѣхъ дѣйствій».

— Пойти въ китайскій театръ?

Мы расплатились и вышли.

Въ театрѣ представленіе уже началось. Среди небольшого помѣщенія, стѣны котораго были покрыты шелковой, вытканной золотомъ матеріей, «работалъ» эквилибристъ. Онъ клалъ себѣ на голову сразу нѣсколько лоханокъ и жонглировалъ ими, извиваясь, какъ змѣя. Его тѣло было упруго, какъ каучукъ, и казалось лишеннымъ костей. Онъ заворачивался, свивался, принималъ самыя невозможныя положенія, а чашки всетаки оставались у него на головѣ, точно были привинчены. Потомъ началось подражаніе разнымъ предме-

тамъ; то онъ былъ ползущая среди высокихъ травъ змѣя, то мальчишка, карабкающійся на дерево, то изваяніе какого-нибудь восьмирукаго бога — въ темной, подземной пагодѣ. Горѣлъ яркимъ пламенемъ бенгальскій огонь, кладя красноватая пятна на его голое тѣло и на стѣны, покрытыя темной матеріей.

Въ этомъ было что-то страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ притягивающее, но вотъ огонь погасъ, щелкнули « кумпи », чей-то голосъ сказалъ, на ломанномъ англійскомъ языкѣ, « представленіе кончилось », и наступилъ мракъ и тишина.

Когда мы вышли изъ театра, стояла уже ночь, и на выставкѣ было пустынно и ужасно грустно.

ПРОГУЛКА ПЯТАЯ.

Я завтракалъ на этихъ дняхъ, съ Сольскимъ въ «*Швейцарской деревнѣ*», въ ресторанѣ ужасно похожемъ на плохой провинціальный вокзалъ. По стѣнамъ висѣли желѣзнодорожныя афиши и росписанія отхода и прихода поѣздовъ и пароходовъ. Намъ прислуживали двѣ некрасивыя швейцарки въ зеленыхъ юбкахъ и странныхъ головныхъ уборахъ и мы ѣли очень вкусныя блюда приготовленныя парижскимъ поваромъ, видѣмо полнымъ искусства и традицій. Сольскій былъ не въ духѣ и находилъ что было глупо ходить завтракать на выставку, когда можно было ѣсть спокойнѣе и дешевле въ любомъ городскомъ ресторанѣ.

— Я понимаю, говорилъ онъ, если бы намъ еще подавали какія нибудь особенныя блюда но вѣдь здѣсь кухня точно такая же, какъ и вездѣ. Что иное такъ это швейцарское вино, оно нѣсколько похуже чѣмъ въ обыкновенныхъ парижскихъ ресторанахъ.

Однако онъ развеселился когда мы пошли осматривать деревушку — построенную дѣйствительно съ большимъ вкусомъ и умѣніемъ; хорошенькіе старинныя домики съ почернѣвшими отъ времени крышами, крошечныя «шалы» на выступахъ горъ, — долины покрытыя густой сочной травой, мельница — забытое кладбище съ покосившимися крестами, стада тучныхъ коровъ съ большими колокольчиками, овцы, запахъ скотнаго двора, оживленіе и неподдѣльная жизнь, — все это пріятно дѣйствуетъ на зрѣніе, слухъ и представленіе. Въ самомъ дѣлѣ устроители этого уголка выставки люди со вкусомъ и знаніемъ. Что нѣсколько мѣшаетъ полной иллюзіи такъ это виднѣющійся не вдалькѣ — повыше горъ и ледниковъ — назойливый кругъ «*Большого колеса*». Но тамъ гдѣ его не видать — забываешь положительно, что все сіе лишь игрушка и что громадныя горы весьма не высоки и кажутся такими лишь благодаря обману зрѣнія.

Изъ « Швейцарской деревни ». — благодаря движущемуся тротуару, выдумкѣ очень удобной для посѣтителей выставки, но вовсе не остроумной для обитателей тѣхъ многочисленныхъ домовъ, мимо которыхъ онъ носится визжа и треща въ продолженіи 17 часовъ, мы переѣхали въ другую часть выставки и попали въ тѣнистыя сады Champ-de-Mars. Тамъ было масса народу. Жители окрестностей и предмѣстій Парижа пользуясь великолѣпной погодой и какимъ-то праздникомъ завладѣли выставкой, какъ туча саранчи. Всюду гдѣ только могъ помѣститься человѣкъ, приткнуться, присѣсть, ихъ было понапихано десятками. Разложивши на колѣняхъ просаленныя газетныя листы весь этотъ людъ « перекусывалъ », жевалъ почерствелый хлѣбъ, холодную колбасу, крутыя яйца и прочую живность. Откупоривались бутылки дешеваго краснаго вина и ихъ содержимое вливалось прямо изъ горлышка въ здоровые, сильные желудки. Тѣ кто уже успѣлъ поѣсть, зѣвали, считали воронъ или ковыряли въ носу. Вереницы барынь съ претензіей на элегантность прогуливались подъ ручку съ своими наизаконнѣйшими супругами. Впереди бѣжали ребятишки и ломали по дорогѣ вѣтки кустовъ и прутья загоронокъ. Въ воздухѣ стоялъ гулъ, жара и тотъ особый острый запахъ, что свойствененъ потной и не чистоплотной толпѣ.

Черезъ ряды зѣвакъ и « посѣтителей » — мы прошли не безъ труда и не безъ того чтобъ нѣсколько разъ пустить въ дѣло локти, къ русскому павильону казенной продажи вина гдѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ сѣрыя, чистыя юбки фильтровали получаемую тутъ же водку и разливали ее въ бутылочки, которыя продавались, по близости, за весьма скромную сумму 30 сантимовъ. Я сообщилъ Сольскому что ихъ называютъ « мерзавцами » — и онъ согласился со мной что онѣ названы такъ вѣроятно потому что только могутъ раздражить « аппетитъ » любителя « возліяній ». Черезъ нѣсколько минутъ мы набрели на тирольскій замокъ въ которомъ помѣщался ресторанъ и кафе. Этотъ уголокъ выставки былъ крайне симпатиченъ; главнымъ образомъ потому, что вокругъ его было много зелени, деревьевъ и прохлады. Мы входимъ въ ресторанъ — который скорѣе простой кабачекъ — и вдругъ совершенно

неожиданно чувствуемъ себя за сотню верстъ отъ выставки и Парижа. Вокругъ простыхъ березовыхъ столовъ безъ признаковъ скатертей — краснощекие Тевтоны съ рыжими бородами попиваютъ легкое вино « Santa Magdalena » и ѣдятъ жаренныя сосиски. На стѣнахъ (опять!) висятъ желѣзнодорожныя рекламы и росписанія дилижансовъ и пароходовъ. Но здѣсь эти шутки болѣе у мѣста чѣмъ въ Швейцаріи; это происходитъ вѣроятно, потому что въ кабачкѣ больше того, что французы называютъ « couleur locale »; въ узенькія окошки продѣланныя въ толстыхъ стѣнахъ, дневной свѣтъ проникаетъ плохо; низкій потолокъ уже закоптѣлъ отъ табачнаго дыма сотенъ трубокъ; и черезъ широкую « симпатичную » дверь, выставочный гулъ доносится слабо и неопредѣленно. За прилавкомъ возсѣдаетъ почтенная дама въ тирольскомъ костюмѣ. За ея спиной высятся на консоляхъ оловянные кружки и блюда. Въ углу, около громадной бочки, какой то « малый » ужасно похожій на любого изъ тѣхъ ямщиковъ что мнѣ приходилось встрѣчать на козлахъ безчисленныхъ дилижансовъ и тѣхъ повозокъ что зовутъ въ Тиролѣ *Einstraepfer*, циркулирующихъ между Мераномъ и Трафои, — цѣдитъ золотистое пиво въ громадную фаянсовую кружку . . .

Вечеромъ того же дня мы попадаемъ въ Египетскій театр. У входа, тучный, красный, апоплектического вида господинъ — житель Каира — отчаянно галдитъ и машетъ руками. На него смотрятъ съ испугомъ, завистью и участіемъ : маленькій худенькій солдатикъ, спутница этого солдатика, блѣдная некрасивая швейка, высокій штатскій изъ иностранцевъ и двѣ престарѣлыя дамы, которымъ слѣдовало бы давно уже итти спать. Мы входимъ въ театр. Это очень пестрый и очень большой сарай. На стѣнахъ нарисованы (но, какъ нарисованы) эгипетскія пирамиды, сфинксы и пальмы. Все это очень пестро; замѣтна любовь къ кобальту и цинабрѣ. На сценѣ уже идетъ представленіе. Очень много народу, но еще больше шуму и криковъ. Происходитъ что-то непонятное. Высокій мущина въ головномъ уборѣ смахивающемъ на цвѣточный горшокъ изъ чернаго бархата и съ видимо фальшивой бородой, мѣшающей ему нагибать голову, старается убѣдить немногочисленную публику что его

ужасно, какъ интересуютъ танцы полдюжины некрасивыхъ и неживописныхъ женщинъ. Однако убѣдить насъ ему не удастся; я вижу прекрасно что его вовсе не интересуютъ танцы и что онъ всецѣло занятъ докучливой бородой и полами длиннѣйшаго халата, въ которомъ онъ вотъ, вотъ сейчасъ запутается и упадетъ. Но танцы прекращаются. На сцену вбѣгаетъ, отчаянно махая кривыми саблями (какъ страшно!) цѣлая орава головорѣзовъ (въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ) и начинается что то похожее на свалку. Господинъ съ приставной бородой и съ горшкомъ на головѣ отмахивается отъ вбѣжавшихъ деревяннымъ табуретомъ. Но вотъ къ нему подступаетъ какой-то другой человѣчекъ очень толстый но не смотря на это крайне подвижной и припираетъ его жирнымъ брюхомъ къ простѣнку между занавѣсью и первой декорацией. Этотъ геройскій подвигъ вызываетъ со стороны головорѣзовъ знаки одобренія; онъ также служитъ и сигналомъ къ продолжительнымъ крикамъ и танцамъ.

Я продолжаю не понимать.

Солскій, тотъ смотритъ въ афишу и объявляетъ мнѣ что передъ нами разыгрывается оперетка (египетская) съ танцами, плясками, торжественными шествіями и пр. и пр. подъ названіемъ *Храбрый Антаръ*. Оказывается, что Антаръ, это именно тотъ самый брюхатый и симпатичный человѣкъ, что является въ концѣ дѣйствія съ шайкой головорѣзовъ. Но онъ является не такъ, просто, захотѣлось и пришелъ, а для того чтобы покорить господина съ приставной бородой и взять у него лучшихъ женъ. Дѣйствительно, мы видимъ, черезъ нѣсколько минутъ, что изъ за кулисъ выволакиваютъ нѣсколько очень закутанныхъ особъ, похожихъ на огородныхъ пугалъ. Ихъ владыку, высокаго господина зачѣмъ-то «убираютъ» со сцены. Затѣмъ слѣдуютъ опять крики, звонъ мечей и сабель о мѣдные щиты и занавѣсъ падаетъ.

Во второй картинѣ исключительно происходятъ танцы. Пузатый господинъ — Антаръ — любитъ ими въ свою очередь и, о чудо! дѣйствительно ими заинтересовывается. На середину сцены выходятъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ въ различныхъ нарядахъ. Однѣ

одѣты во все черное, другія во все красное, третія въ розовое и т. д. Онѣ начинаютъ плясать подѣ медленный темпъ струннаго оркестра далеко не полнаго и не гармоничнаго. Танцы состоятъ въ томъ, что дѣвѣ отчаянно вертятъ задомъ, бедрами, животами и головой.

Но довольно; онѣ уходятъ. Ихъ мѣсто занимаетъ, на этотъ разъ, только одна танцовщица. Она ложится на полъ и кладетъ себѣ на животъ нѣсколько стакановъ и подѣ аккомпаниментъ оркестра начинаетъ ихъ трясти. Стаканчики стучаюся другъ о друга, жалобно звенятъ но не падаютъ. Чудо! но вотъ еще лучше.

Дама подходитъ къ стоящему тутъ же столику, нагибается надъ нимъ и вдругъ, совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ для насъ, схватываетъ его за край зубами и высоко приподымаетъ отъ земли. Съ такимъ украшеніемъ или ношей во рту она начинаетъ плясать, т. е. опять таки вертѣтъ задомъ, трясти бедрами и кружиться; я думаю: а, ну какъ столъ этотъ вылетитъ да угодитъ по физиономіи кому нибудь изъ сидящихъ въ залѣ! Какой скандалъ!

Но столъ держится крѣпко и дама, послѣ нѣсколькихъ очень мучительныхъ для зрителя и вѣроятно для ея самой, минутъ, ставитъ его на полъ.

Въ залѣ проносится одобрителный шепотъ. Музыка рветъ и мѣчетъ; симпатичные головорѣзы (они все еще на сценѣ) кричатъ въ изступленіи а у меня начинаетъ болѣтъ голова.

Еще танцы: потомъ что-то вродѣ жонглированія, потомъ опять танцы, потомъ крики, потомъ куда то всѣ идутъ и занавѣсъ падаетъ.

Въ третьей картинѣ опять появляются господинъ съ приставной бородой и горшкомъ на головѣ. Опять уныло смотритъ онъ на некрасивыхъ дѣвѣ, опять появляются головорѣзы и толстый, брюхатый человѣчекъ. Все начинается съизнова. Антаръ покоряетъ, отымаетъ женъ и присутствуетъ при торжественной процессіи; затѣмъ появляются юныя дѣвѣ въ красныхъ, синихъ, черныхъ одѣянїяхъ; пляшетъ дама со столомъ, другая съ кувшиномъ между ногами и опять занавѣсъ, опять является господинъ съ бородой, опять припираютъ его къ стѣнѣ и т. д. Ну однимъ словомъ: «У попа была

собака, онъ ее любилъ, она съѣла кусокъ мяса, онъ ее убилъ и на гробъ написалъ : У попа была собака . . . » и т. д. до безконечности.

Выходя изъ театра я замѣтилъ что крашеные сфинксы смотрѣли на меня уныло, и что передъ египтяниномъ все еще продолжавшимъ галдѣть упорно стояли маленькій солдатикъ и его спутница, молоденькая швейка или особа легкаго поведенія.

ПРОГУЛКА ШЕСТАЯ.

Сегодня я на *Улиць Націй*. Длинною чередой тянутся вдоль набережной павильоны и дворцы иностранных державъ. Вотъ итальянскій дворець; пестрая, замысловатая постройка, эклектизмъ въ архитектурѣ. Далѣе, турецкій отдѣлъ съ восточнымъ базаромъ. Пахнетъ розовымъ масломъ, человѣческимъ потомъ и шерстью. По стѣнамъ висятъ ковры, на прилавкахъ блестятъ всевозможныя издѣлія, а рядомъ разложены сладости и въ сосудахъ разноцвѣтные напитки. «*Parici, Madame! Mossiou, eh! Mossiou, venez voir!*» Пронзительные черные глаза, острые, какъ лезвіе кинжала, мясистые, крючковаые носы, гамъ и вонь; все это очень «характерво», все оно также и тамъ, на востокѣ, тѣ же люди, призывающіе ежеминутно Аллаха, ударяющіе себя въ грудь, клянущіеся и уступающіе за 10 франковъ ту самую вещь, за которую нѣсколько минутъ тому назадъ просили двѣсти. Рядомъ со мной, какой-то красивый Левантинецъ, съ глазами на выкатѣ, предлагаетъ хорошенькой парижанкѣ пару четокъ изъ кипариса.

— На что онѣ мнѣ? говоритъ барынька. — Да и не мѣсто покупать четки въ турецкомъ отдѣлѣ.

— Ахъ, госпожа, вздыхаетъ восточный человѣкъ, — я не турокъ, я изъ Лондона, а четки эти іерусалимскія.

Но барынька такъ и уходитъ не купивъ четокъ.

Много, очень много народу вокругъ австрійскаго павильона, проходитъ добрыхъ минутъ десять, раньше чѣмъ я въ него попадаю. Внизу, въ первомъ этажѣ двѣ залы заняты городомъ Вѣной. Въ витринахъ красуются партитуры и автографы Бетховена, Моцарта, Гайдна; въ углахъ бронзовыя статуэтки и бюсты знаменитыхъ людей Австріи. Во второмъ этажѣ нѣсколько комнатъ отведено подъ картины польскихъ и чешскихъ художниковъ. Есть весьма удачныя полотна. Вотъ портретъ Вильгельма II, въ уланскомъ мундирѣ вотъ акварели извѣстнаго чешскаго рисовальщика Мухи.

А вотъ Англія. Небольшой замокъ Елисаветинской эпохи пропадаетъ среди другихъ построекъ. Онъ задавленъ съ одной стороны великолѣпною и громадною Оденардскою ратушей (павильонъ Бельгіи), съ другой — башнями и массивнымъ корпусомъ венгерскаго павильона. Но осмотрѣть его стоитъ. Въ небольшихъ залахъ весьма комфортабельныхъ и эlegantныхъ висятъ шедевры старинной англійской живописи. Портреты Гейнсборо, Рейнольдса, Рэбёрна, Ромнэ и Лоренса, чередуются съ пейзажами Констэбла и Тёрнера. Наконецъ, въ первой комнатѣ (entrance hall) нѣсколько панно вытканыхъ по картинамъ современнаго художника, недавно умершаго Бернъ-Джонса. Замокъ раздѣленъ на множество комнатъ, убранныхъ въ «modern styl'ъ». Есть тутъ и салонъ, и бильярдная, и спальни, и даже ванная. Но въ нее перестали пускать съ тѣхъ поръ, какъ какой-то шутникъ открылъ краны и чуть не произвелъ наводненія. Отъ англійскаго павильона до Германіи — два шага. По дорогѣ я захожу въ бельгійскій отдѣлъ. Въ первомъ этажѣ много интересныхъ вещей: вотъ старинные фламандскіе ковры, профили тощихъ мадоннъ на картинахъ старыхъ нидерландскихъ «примитивовъ», прекрасные снимки съ лучшихъ картинъ бельгійскихъ музеевъ. За то во второмъ этажѣ — «мерзость заустѣнія»: стоятъ зачѣмъ-то длинные дубовые столы и на стѣнахъ развѣшены рекламы велосипедныхъ фирмъ.

— Почему велосипеды? спрашиваю я сторожа.

— Здѣсь отдѣленіе бельгійскаго «Турингъ Клуба», отвѣчаетъ онъ важно.

Тогда я вижу что и онъ въ низкой фуражкѣ велосипедистовъ и въ короткихъ штанахъ!

Однако, поспѣшимъ въ Германію. Громадный домъ, на фасонъ старинныхъ построекъ Нюрнберга, вмѣщаетъ множество прекрасныхъ вещей. Внизу, въ громадныхъ залахъ, разложены книги, атласы, альбомы, фотографіи; на стѣнахъ вы читаете: «Берлинъ», «Лейпцигъ», «Мюнхенъ». Какая масса бумаги! «Слишкомъ много книгъ!» не приминулъ бы сказать блаженной памяти Калхасъ. Но даже взятыя и въ такомъ количествѣ эти «орудія мирнаго завое-

ванія » все же симпатичнѣе орудій Круппа, иныхъ насадителей цивилизаціи, по увѣренію многихъ.

Во второмъ этажѣ четыре комнаты — « святое святыхъ » нѣмецкаго отдѣла. Чтобы проникнуть въ нихъ, надо имѣть разрѣшеніе отъ германскаго комиссара. И это еще не все. У дверей ведущихъ въ эти комнаты — толпа. Добродушный церберъ-сторожъ, истый баварецъ, пропускаетъ только десять, пятнадцать человѣкъ за разъ. Остальнымъ приходится дожидаться въ маленькой комнатѣ, въ которой всегда нестерпимо душно. Въ столь строго охраняемомъ помѣщеніи расположены коллекціи Потсдама, и прежде всего двадцать, тридцать полотенъ, шедевровъ французскаго искусства XVIII столѣтія, великолѣпныя картины Ланкрэ, Патэра, Антуана Ватто, вернувшіяся въ Парижъ по волѣ германскаго императора. Посмотрите на этихъ изгнанниковъ, какъ они прелестны и жизненны ! Вотъ Ланкрэ: легко и граціозно, расправляя пестрыя юбки, танцуетъ госпожа Камарго. Вокругъ ея гирлянды розъ, а сзади — кусокъ синяго неба и на травѣ лѣнныя группы хорошенькихъ маркизъ любующихся пляской. Госпожа Камарго танцуетъ!.. Дальше — Ватто со своимъ неизмѣннымъ Пьеро, и пасторали и пикники людей XVIII вѣка, существъ нѣсколько искусственныхъ, наивныхъ, но столь единственныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ картинъ, эти четыре залы заполнены красивою мебелью прошлаго столѣтія. Портреты Генрика IV и Лудовика XVI, бюстъ Вольтера работы Гудона и бронзовый кардиналъ Ришельё дополняютъ коллекцію. Въ маленькой комнатѣ, гдѣ висятъ нарядныя Ланкрэ, я замѣтилъ, на большомъ письменномъ столѣ, чью-то перчатку, довольно-таки поношенную. Что это, тоже историческій предметъ ?

Но пойдѣмъ дальше ; Испанія займетъ насъ надолго. По стѣнамъ великолѣпнаго дворца висятъ безцѣнные ковры и панно вывезенныя побѣдителемъ изъ покоренныхъ Нидерландовъ. Во многочисленныхъ витринахъ шлемы, доспѣхи, мечи королей и грандовъ « Великой Испаніи ». Вотъ щитъ подаренный когда-то Карлу V герцогомъ Мантуанскимъ, вотъ, наконецъ, мечъ Боабдила. Онъ весь

усыпанъ драгоценными камнями и сработанъ точно женское украшеніе. Стоитъ только посмотрѣть на него, дабы понять что обладатель этой драгоценной игрушки не могъ удержать за собой Гренады. Богатый и красивый, любящій нѣгу и искусства и уже не способный къ продолжительнымъ походамъ и битвамъ, — Боабдиль не смогъ защититься въ роковой часъ этимъ мечомъ, кованымъ и украшеннымъ какимъ-нибудь андалузскимъ оружейникомъ съ пестрой фантазіей, но съ непрактичнымъ умомъ. Это — произведеніе искусства временъ упадка маврскаго владычества; мечи же и шлемы испанскаго отдѣла говорятъ о силѣ и суровости возстановителей креста въ странахъ завоеванныхъ полумѣсяцемъ.

Разъ я заговорилъ о странахъ полумѣсяца, то вспомнимъ о Персіи. Ея павильонъ въ *Улицѣ Націй* также вмѣщаетъ въ себѣ восточный базаръ. Но онъ гораздо красивѣе чѣмъ турецкій: прежде всего въ немъ гораздо больше цѣнныхъ вещей, чѣмъ тамъ; да и потомъ, въ Персіи есть еще хорошенкій театрикъ, гдѣ разыгрываются очень куріезныя и характерныя піесы персидскаго репертуара. А въ базарѣ, какія пестрыя краски, какая тонкая отдѣлка вещей, что за богатство тоновъ! Ковры, миниатюры, фаянсъ, разныя бездѣлушки — все это полно прелести и красоты. Возьмете ли вы въ руки маленькій флаконъ для духовъ или ларецъ изъ-подъ драгоценностей, вамъ трудно будетъ съ нимъ разстаться. Можетъ быть въ сѣрой обстановкѣ нашихъ комнатъ всѣ эти яркія и блестящія вещи потускнѣютъ, но какъ устоять отъ соблазна и не купить?

Двѣ сестры, блондинки съ голубыми глазами — Швеція и Норвегія выстроили каждая по павильону. Что въ нихъ выставлено? Да всего по немножку. Лодочки, сѣти, мѣха, чучела птицъ и животныхъ, бюстъ Нансена и модель его корабля *Фрамъ*, планъ канализаціи гор. Христіаніи, телефоны, лыжи и пр. и пр. У входа въ шведскій отдѣлъ мидовидная барышня въ красномъ сарафанѣ и затѣйливомъ головномъ уборѣ продаетъ издѣлія изъ дерева и коры; рядомъ съ ней стоитъ какой-то молодой человекъ, очень солидный, въ золотыхъ очкахъ и немилосердно коверкаетъ французскій языкъ.

Есть въ павильонѣ Швеціи панорама Стокгольма и терраса надъ которой весело щелкаютъ національные флаги вперемѣшку съ французскими. Вотъ каковы Швеція и Норвегія. Все это очень почтенно и надъ всѣмъ этимъ смѣяться неприлично. Не для всѣхъ же природа — мать, для иныхъ она и мачиха.

« А что же Италія? » спроситъ меня любопытный читатель; « почему не сказали вы ни слова объ этой чудной странѣ? » Я умолчалъ о ней не безъ умысла. Мнѣ стыдно за Италію. То, что она выставила въ своемъ громадномъ дворцѣ, такъ плохо, такъ жалко, что право объ этомъ лучше и не говорить. Впрочемъ, для очистки совѣсти скажемъ все же два, три слова. Въ уродливыхъ или банальныхъ витринахъ и этажеркахъ выставлены красныя, желтыя или голубыя вазы, терракотовыя статуэтки, посуда, дешевыя кружева и пр. базарная дрянь, продающаяся за гроши во всѣхъ лавченкахъ Флоренціи и Венеціи. Гдѣ же драгоценныя кружева выдѣлываемыя нѣкогда въ мастерскихъ Мурано и Бурано? гдѣ бронза, гдѣ майолика Тосканы и мраморъ Каррара? Нѣтъ ни красивыхъ тканей, ни одной картины; если не считать посредственныхъ портретовъ короля и королевы. Все это замѣнено банальными, самыми безцвѣтными продуктами современнаго фабричнаго и иного производства. Уйдемъ изъ Италіи, разорвемъ одежды наши и посыплемъ пепломъ главу.

Подъ дворцами *Улицы Націй* тянется длинная галерея-набережная; съ одной стороны протекаетъ Сена, съ другой идутъ кафе-рестораны, балаганы и театрики разныхъ народовъ и національностей. Много публики, много шума и сутолоки; несутся звуки вѣнскаго вальса, норвежской пѣсни и турецкаго « тамъ-тамъ ». Шведки сервируютъ прохладительныя напитки, а рядомъ съ ними « кельнеры » въ прекрасныхъ фракахъ и безукоризненной бѣлизны сорочкахъ наливаютъ пѣнистое мюнхенское пиво. Вотъ прошелъ продавецъ « рахатъ-лукума », бронзовый челоуѣкъ въ красной фескѣ и бабушахъ; тамъ дальше, улыбаясь и извиваясь, какъ змѣя, прелестная сеньорита предлагаетъ разныя бездѣлушки и карточки знаменитой труппы *Feria*, танцующей каждый день подъ испан-

скимъ отдѣломъ въ душевнѣ залѣ, биткомъ набитой нарядной, публикой, сбѣгающейся со всѣхъ сторонъ Парижа взглянуть на « петенеру » и « тангу », исполняемую полдюжиной красивыхъ севильянокъ. Дѣйствительно, танцы замѣчательны. Какъ далеко все это отъ разученныхъ « па » нашихъ балеринъ, порхающихъ съ приторной улыбкой на устахъ, въ костюмахъ сомнительной точности и красоты. Тутъ все совершенно иное. Порхаютъ на гибкихъ стебляхъ, какіе-то громадныя, живыя цвѣты; красныя, желтыя оранжевыя. Чудовищныхъ размѣровъ тюльпаны, волюбилисы, мохнатыя розы. Точно змѣи сгибаясь, свиваясь, развиваясь, черныя, смуглыя дѣвушки съ громадными, пронзительными глазами плавно колыхаются или стрѣмительно кружатся подъ отчаянный аккомпаниментъ гитаръ, кастаньетъ и гортанныхъ возгласовъ : « оллэ! » « оллэ! » ; « айа! » « айа! » Что-то дикое, безшабашное, но удивительно жизненное, красочное и эффектное. Вотъ ужъ точно, какъ у Бодлера :

. . . J'ai vu parfois, au fond d'un théâtre banal
Qu'enflammait l'orchestre sonore,
Une fée allumer dans un ciel infernal
Une miraculeuse aurore.

Вечеромъ, въ большой Пагодѣ Будды, банкетъ въ честь официального открытія отдѣловъ Индо-Китая. Столы покрытыя бѣлоснѣжными скатертями и утопающіе подъ грудой цвѣтовъ — раздвинуты и, по серединѣ залы, на небольшомъ возвышеніи, знаменитая танцовщица Клео де-Меродъ въ костюмѣ аннамитской принцессы танцуетъ подъ жалостные звуки рожковъ и флейтъ. Медленно передвигая ногами и то подымая, то опуская голыя руки, покрытыя кольцами и брилліантами, ступаетъ она подъ лѣнивый и ласкающій темпъ музыки до тѣхъ поръ пока флейты не умолкаютъ и не обрываются струны на длинныхъ « семисенахъ ».

Какая-то удивительно тонкая матерія спадаетъ съ ея плечъ и падаетъ лентами до полу. Ноги обуты въ шитыя золотомъ туфли и на челѣ, надъ черными волосами низко спускающимися на виски,

— красуется діадема камбоджскихъ царевнѣ. Вокругъ эстрады десятки фраговъ и бальныхъ нарядовъ. Въ углахъ, въ глубокихъ нишахъ — величественно почиваютъ статуи Сакія-Муни и Амматерасу, богини солнца и любви. Воздухъ полонъ аромата увядающихъ розъ, и съ потолка падаетъ синеватый свѣтъ, въ которомъ всѣ предметы принимаютъ таинственный отпечатокъ. На бѣлыхъ, мраморныхъ ступеняхъ широкой лѣстницы ведущей на террасы пагоды стоятъ нѣсколько аннамитокъ въ широкихъ халатахъ. Но гдѣ мы? Въ Парижѣ или на островѣ Явѣ, или въ Гудумотѣ, на берегахъ таинственнаго и далекаго Меконга?

ПО ПАРИЖУ.

ПОРТРЕТЫ И МЕДАЛЬОНЫ.

ФРАНСУА СИКАРЪ.

В а послѣдніе годы изъ среды молодыхъ французскихъ артистовъ украшающихъ своими произведеніями преимущественно маленькія выставки особенно ярко выдѣлились, благодаря крупному артистическому темпераменту, ясной художественной концепціи и блестящей техникѣ, а иногда особо острому уму, нѣсколько именъ и между ними скульпторъ-статуэръ Франсуа Сикаръ.

Я былъ недавно у этого артиста и осмотрѣлъ его мастерскую. Въ ней я нашелъ нѣсколько удачныхъ произведеній о которыхъ я и хочу сказать сегодня хоть нѣсколько словъ.

Въ мастерской Сикара, въ двухъ громадныхъ комнатахъ, разделенныхъ между собой занавѣской, мраморныя глыбы, бронзовыя изваянія и гипсовые эскизы чередуются съ бѣлыми горельефами на стѣнахъ и копіями античныхъ статуй по угламъ.

Было свѣтло и какъ-то особенно радостно, когда я вошелъ въ мастерскую. Зимнее солнце, врываясь въ помещеніе черезъ громадное слуховое окно, весело играло на стѣнахъ и изваяніяхъ, пригрѣвая безжизненные формы античныхъ богинь и кладя свѣтлые блики на темную бронзу уже законченныхъ бюстовъ.

При моемъ появленіи, Сикаръ, работающій надъ небольшимъ этюдомъ, поспѣшно отослалъ модель, — высокаго, стройнаго италянца, и подошелъ ко мнѣ съ протянутою рукой.

— *Soyez le bienvenu*, — сказалъ онъ ласково и весело, смотря на меня своими большими черными глазами.

Я поблагодарилъ за радушный пріемъ, и сейчасъ же между нами, безо всякой подготовки, завязалась самая дружеская бесѣда.

Я спросилъ его, надъ чѣмъ онъ работалъ до моего прихода.

— О! это такъ, сказалъ онъ, подходя къ оставленной работѣ, — небольшой этюдъ къ задуманной группѣ : *Эдипъ по дорогѣ въ Тивы*. Какъ видите, я взялъ тотъ моментъ, когда Эдипъ разрѣшаетъ загадку Сфинкса. Вопреки ходячему мнѣнію, я изобразилъ Сфинкса лежащимъ и готовымъ, смотря по обстоятельствамъ, или броситься на Эдипа, или ринуться въ бездну.

— Вы любите мифологію? спросилъ я Сикара, заинтересованный его работой.

— Я люблю все истинно-эпическое и поражающее. Этотъ сюжетъ, что неоднократно волновалъ художниковъ, и какихъ : Энгра, Делакруа, Гюстава Моро; что далъ возможность Виктору Гюго сковать нѣсколько стиховъ столь же звучныхъ и торжественныхъ, какъ и призывные звуки античныхъ трубъ, я не побоялся взять еще разъ и изобразить въ бронзѣ посредствомъ рѣзца. Это благодарный сюжетъ! Въ лицѣ гордаго, прекраснаго Эдипа и лежащаго у его ногъ Сфинкса, столь же загадочнаго и ненадежнаго, какъ и глубокая ночь, я вижу соединеніе двухъ мировыхъ началъ, вѣчно борющихся между собой, вѣчно уступающихъ другъ другу мѣсто : Добра и Зла, Матеріи и Духа, Свѣта и Тьмы. Но, кромѣ всего этого, еиванскій герой привлекаетъ меня такъ же, какъ и олицетвореніе человѣческаго ума, силы, красоты. . .

. . . — И безпомощности, подсказалъ я.

— Да, пожалуй. Но взгляните на моего Эдипа; развѣ надъ нимъ уже не тяготѣетъ тотъ « рокъ », что бросить его впоследствии въ объятія вѣчной тьмы и душевной смуты?

Я подошелъ еще ближе къ работѣ моего собесѣдника и увидалъ Эдипа, столь смѣло и побѣдоносно смотрящаго на Сфинкса, столь увѣреннаго въ себя, что сейчасъ же вспомнилъ прекрасныя слова Ламартина : « *L'homme est un dieu tombé, qui se souvient des cieux* ». Но уже черезъ нѣсколько минутъ это первое впечатлѣніе пропало, и я нашелъ передъ собой слѣпаго, заблуждающагося юношу,

печальную игрушку въ рукахъ всеильнаго Рока, который думалъ, что дѣлалъ то, что хотѣлъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ исполнялъ лишь предписанія Судьбы. « Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben », говоритъ Мефистофель доктору Фаусту.

Однако послѣ небольшой паузы Сикаръ сказалъ :

— Посмотрите на эту монету, что мнѣ удалось добыть послѣ раскопокъ на островѣ Хиосѣ. Она изображаетъ крылатаго сфинкса, — полу-дѣву, полу-львицу — съ лирой или, вѣрнѣе сказать, тимпаномъ въ рукахъ, заканчивающихся острыми когтями грифона или кречета. А теперь взгляните сюда. Какъ вы видите, мой Сфинксъ тоже полу-женщина, полу-звѣрь, — онъ тоже крылатъ; но лицо его не столь безжизненно, какъ на монетѣ и въ античныхъ изображеніяхъ, — оно слегка улыбается, улыбается таинственною, еле замѣтною улыбкой, а на его высокомъ, бѣломъ челѣ простерта, какъ покрывало смерти, неземная и неутѣшная печаль. Вотъ это дополненіе — это нѣчто новое, — это моя личная поправка, мое собственное « слово ».

— И вы можете имъ гордиться, успѣшилъ я замѣтить, — потому что поняли, что улыбка и печаль суть двѣ главныя особенности великаго Сфинкса. Улыбка его — равнодушная улыбка всевѣдѣнія, а печаль — предчувствіе близкой гибели и уничтоженія.

Мы отошли отъ *Эдипа* и Сикаръ показалъ мнѣ другое произведеніе.

На шести небольшихъ медальонахъ-барельефахъ была рассказана прелестная *Легенда Психеи*. Среди аркадійскихъ пейзажей и на высотахъ величественнаго Олимпа, нѣжныя, дѣтскія формы Психеи выдѣлялись красиво и отчетливо. Въ компановкѣ группъ и въ исполненіи отдѣльныхъ частей тѣла была замѣтна большая опытность и стараніе.

— Покажите мнѣ еще что-нибудь, попросилъ я Сикара, когда мы отошли отъ стѣны, на которой были развѣшаны мраморные медальоны.

— Да право у меня ничего нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ. — Развѣ вотъ это . . .

Онъ подошелъ къ стоящему невдалекѣ постаменту и быстро отдернувъ покрывало, показалъ мнѣ прекрасно сработанный бюстъ молодой дѣвушки.

— Изображеніе человѣческаго лица, сказалъ мнѣ Сикаръ, — дѣло наиболѣе трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе благодарное. Лицо измѣняется до безконечности и варьируется сотни разъ. Развѣ сегодня оно у насъ такое, какимъ было вчера и будетъ завтра? Нѣтъ, не правда ли? И поэтому, если мы станемъ лишь слѣдить за этою неустойчивою внѣшностью, мы никогда ничего не сотворимъ и не передадимъ. Надо искать глубже и внимательнѣе. Надо схватить и передать то основное, что есть въ каждомъ изъ насъ и что составляетъ нашъ характеръ и наше личное «я». Настоящаго артиста не могутъ еще удовлетворить восторженные восклицанія публики: «какъ похоже!» Вотъ вамъ бюстъ, — и онъ подвелъ меня къ другой скульптурѣ изображающей мужчину среднихъ лѣтъ, въ круглой широкой шляпѣ на головѣ. — Мнѣ всѣ говорятъ, что онъ очень похожъ. И я это знаю. Но, что меня особенно радуетъ тутъ, такъ это то, что мнѣ удалось схватить мою «натуру», какъ быка за рога, что я добился того, что эта холодная бронза живетъ, дышетъ, если можно такъ сказать, что посадка головы, взглядъ, сложенные губы, все характерно, все передаетъ человѣка, какимъ онъ есть, а не только, какимъ онъ кажется.

Черезъ нѣсколько минутъ, на мою просьбу дать мнѣ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, собесѣдникъ мой сказалъ:

— Я уроженецъ Тура. Послѣ первоначальныхъ занятій въ тамошнемъ лицей и рисовальной школѣ, гдѣ моимъ учителемъ былъ знаменитый профессоръ Лоранъ, я былъ отправленъ, какъ стипендіатъ города Тура, въ парижскую Академію Искусствъ, гдѣ и поступилъ сначала къ Кавѣ, а затѣмъ въ мастерскую Барриаса. Въ 1887 году, послѣ успѣшнаго конкурса, я былъ откомандированъ въ Римъ, въ тамошнюю французскую художественную школу. Въ *Вилла Медичи* я пробылъ четыре года — лучшіе въ моей жизни — и вернулся въ Парижъ черезъ четыре года. Тогда же я сталъ работать самостоятельно. Въ 1893 году я выставилъ въ «Салонѣ» мра-

морную группу *Агарь*, въ настоящую минуту находящуюся въ Люксембургскомъ музеѣ. Послѣдующими моими произведеніями были : статуя генерала Куртэ, мраморное изображеніе кардинала Меньяна для Турскаго собора, группа *Добрый Самарянинъ* и т. д.

— А въ настоящую минуту? . . .

— Работаю надъ тѣмъ, что вы видѣли.

— Ну а Римъ? Разскажите мнѣ о вашихъ римскихъ впечатлѣніяхъ? Находите ли вы необходимымъ имѣть въ Римѣ правительственную Академію Искусствъ?

— Безусловно! Первая вещь для успѣшнаго труда, это, спокойствіе нравственное и матеріальное, не такъ ли? Ну такъ вотъ это спокойствіе, особенно необходимое для еще не вполне сформировавшихся артистовъ, и даетъ *Вилла Медичи*. Но это еще не все. Находясь въ Римѣ въ благопріятныхъ для работы условіяхъ, художники имѣютъ полную возможность изучить антики и видѣть какъ дѣлали и что дѣлали великіе мастера прошлыхъ вѣковъ. Древніе мастера, — это неизчерпаемый источникъ изученій и наслажденій, на которыхъ наши взоры должны быть обращены какъ въ минуты художественныхъ радостей, такъ и въ часы художественныхъ мукъ и сомнѣній. Наконецъ, Римъ съ своимъ климатомъ, атмосферой и « кампаніей » даетъ намъ возможность оцѣнить жизнь и полюбить природу.

Я ушелъ отъ Сикара въ прекрасномъ расположеніи духа, такъ отрадно повліялъ на меня бодрый и увѣренный въ себя скульпторъ.

ЖАНЪ ВЕБЕРЪ.

Дня три спустя послѣ посѣщенія мастерской Сикара, я отправился на далекій boulevard Réveire, въ гости къ Жану Веберу, живописцу, рисовальщику, каррикатуристу и крайне остроумному человѣку.

Когда, проводившая меня въ гостиную, горничная пошла докладывать Веберу о моемъ приходѣ, я сталъ осматривать помѣщеніе. Убранство его было художественно и изысканно. Богатые ковры блѣдныхъ тоновъ, старинные норманскіе шкафы, баульчики, кресла, на стѣнахъ эстампы, рѣдкія гравюры и нѣсколько картинъ — кисти самого хозяина дома. Около большаго письменнаго стола съ нагроможденными на немъ книгами и бумагами, — рояль прикрытая кускомъ парчи богатаго рисунка, и на пюпитрѣ раскрытая тетрадь нотъ : *Пьсни Шумана*. Нѣсколько въ сторонѣ — этажерка съ настоящимъ Саксомъ и Танагрскими статуэтками, и тутъ же книга — безсмерное твореніе Раблэ : « *Похожденіе Пантагрюэля* ». Затѣмъ, въ простѣнкѣ, картина самого Вебера, его знаменитая *Борьба женщины*, бывшая настоящимъ « гвоздемъ » Салона 1898 года, и повыше маленькое полотно Гойи, язвительная и желчная буффонада.

Присутствіе въ этой комнатѣ произведеній Гойи и Раблэ меня нисколько не удивило, наоборотъ, я нашелъ, что иначе оно и не могло быть, что у Вебера только и могли быть что Раблэ да Гойя.

Закончивъ осмотръ комнаты, я присѣлъ къ столу и, отъ нечего дѣлать, принялся перелистывать книги подвиговъ славнаго Пантагрюэля. Я прочелъ : « Mais en chemin toutes les bandes passant une grande campagne furent saisis d'une grosse housée de pluie. A quoy commencèrent se tresmousser et se serrer l'un l'autre. Ce que voyant Pantagruel leurs fist dire par les capitaines que ce n'estoit rien, qu'ils se missent en ordre, et qu'il les vouloit couvrir. Lors se mirent en bon

ordre et bien serrés. Et Pantagruel tira sa langue seulement à demy et les en couvrit comme une géline fait ses poulets.

« Cependant je, qui vous fais ces tant véritables contes, montay dessus et cheminay bien deux lieues sus sa langue, tant que je entrai dedans sa bouche. Mais ô dieux et déesses que vis je là? Je y cheminois comme l'on fait en Sophie à Constantinople et y vis de grands rochers, comme les monts des Danois (je croy que c'estoient ses dents) et de grands prés et. . . »

Вокругъ меня было тихо, темно и уютно. Въ громадномъ каминѣ съ затѣйливыми приспособленіями лѣниво потрескивали нѣсколько полѣньевъ, то вспыхивая, то замирая. Съ улицы — ни звука, и только въ домѣ чувствовалось присутствіе жизни; вотъ гдѣ-то захлопнули дверь, вотъ раздался серебристый смѣхъ ребенка, чей-то голосъ, и потомъ опять тишина. Я было снова принялся за книгу, какъ вдругъ дверь отворилась, и на ея порогѣ показался высокій брюнетъ среднихъ лѣтъ съ бородкой клиномъ, съ смѣющимися, умными глазами — самъ Жанъ Веберъ.

— Простите, ради Бога, что заставилъ васъ такъ долго ждать, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ и пожимая мнѣ руку, — но мы съ женой укладывали спать дѣтей.

Я поспѣшилъ его успокоить и объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ цѣль моего визита.

— Вы просите меня дать вамъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, отвѣтилъ Веберъ, усаживаясь въ кресло, — я охотно это исполню, только долженъ васъ предупредить, что біографія моя тускла и не богата происшествіями. Я уже не запомню, когда взялся впервые за карандашъ; это было довольно давно и подъ вліяніемъ нашего отца, который былъ самъ художникомъ. Онъ дѣлалъ рисунки для матерій и кружевъ. Мы съ братомъ постоянно вертѣлись вокругъ его, когда онъ работалъ, а также когда принималъ своихъ закащиковъ и покупателей. Видя ежедневно вокругъ себя множество людей мало похожихъ другъ на друга, я приучился различать типы и характеры, и тогда же сталъ ихъ зарисовывать, совершенно безсознательно преувеличивая ихъ пороки и недостатки. Подъ этими

рисунками мой братъ Пьеръ, который, какъ вы знаете, сталъ теперь писателемъ, — передавалъ, въ нѣсколькихъ словахъ, ихъ походку, привычки и разговоры. Такимъ образомъ мы положили начало цѣлой галлерей портретовъ, галлерей, которую мы возобновили много лѣтъ спустя, когда стали на ноги и узнали жизнь. Такъ вотъ съ чего я началъ и какимъ образомъ пристрастился къ рисованію. Но говорить ли вамъ о моихъ юношескихъ годахъ? Право не стоить. Я тоже, какъ и всѣ мы грѣшные, прошелъ черезъ Академію Искусствъ; но въ годъ моего выпуска не было присуждено ни одной медали, и я попалъ въ Римъ гораздо позднѣе и уже на свой счетъ.

— Вы тогда же начали работать самостоятельно?

— Да, вскорѣ же по выходѣ изъ школы. Первый мой успѣхъ былъ въ 1890 году. Мнѣ удалось написать удачный портретъ Жюль Леметра. Но критики занялись мною серьезно лишь нѣсколько лѣтъ спустя, и особенно съ 1895 года. Тогда я выставилъ въ «Салонѣ» картину, озаглавленную *L'Éternelle Convoitise* (Вѣчное вожделѣніе). Это полотно, какъ вы можетъ-быть знаете, изображаетъ подлюжину безногихъ нищихъ (*culs de jatte*), сидящихъ на маленькихъ телѣжкахъ и дерущихся между собою на краю тротуара, въ грязи и пыли, изъ-за брошеннаго кѣмъ-то лундора. Чтò я хотѣлъ сказать этою картиной? Да просто то, что пороки и страсти соотвѣтствуютъ почти всегда душевнымъ и тѣлеснымъ недугамъ. Чтобы поразить толпу и заставить ее ненавидѣть порокъ, надо его изображать подъ отталкивающею личиною и дѣйствовать на зрѣніе и воображеніе. Вотъ почему, забывъ охотно чувство жалости, я представилъ рабовъ людскихъ страстей подъ личиною жалкихъ и страшныхъ калѣкъ. Но изъ этого еще не вытекаетъ, что я социальный сатирикъ, какъ то утверждаютъ многіе. Я просто стараюсь, иногда, занять мѣсто комедіи, которая, какъ вы знаете, «*castigat ridendo mores*». А главнымъ образомъ я ненавижу уродства и люблю смѣхъ. Да, смѣхъ — это все! По моему, смѣхъ есть чувство торжества.

Онъ замолчалъ, пощипалъ привычнымъ жестомъ свою бородку и, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, продолжалъ такъ :

— Годъ спустя я выставилъ небольшую картинку, озаглавленную *Любитель куколъ*, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ напугалъ обычныхъ посѣтителей «Салона» произведеніемъ, названнымъ мной *Домъ* (*Les Maisons*). Но пойдите ко мнѣ въ мастерскую; у меня тамъ хранится еще снимокъ съ этой картины. Вы увидите, что она изображаетъ.

По узенькой лѣстницѣ мы проникли въ громадное помѣщеніе, почти утопающее въ темнотѣ. Веберъ зажегъ высокій газовый шандалъ съ рефлекторомъ и, придвинувъ два кресла къ стоявшему посрединѣ комнаты мольберту, знакомъ пригласилъ меня занять мѣсто. Потомъ онъ взялъ изъ кипы рисунковъ громадный листъ картона и, поставивъ его на мольбертъ, проговорилъ :

— Вотъ вамъ офортъ съ моей картины *Домъ*.

Тогда, подъ тусклымъ свѣтомъ газоваго рожка, я увидалъ небольшую площадь какого-то поселка, окруженную со всѣхъ сторонъ горбатыми, приземистыми домиками. Посрединѣ площади возвышался фонтанъ-колодець и около него стояла дѣвочка и стадо гусей. Гуси держали себя, какъ обыкновенные гуси, то-есть были равнодушны и себѣ на умѣ, но дѣвочка прятала свое лицо въ руки и, видимо, была крайне испугана. Сначала я не могъ понять предмета ея страха, но, всмотрѣвшись повнимательнѣе, я съ ужасомъ замѣтилъ, что всѣ горбатенькіе, старенькіе, приземистые домики смотрѣли на дѣвочку громадными, страшными глазами. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое особое выраженіе и характерное отличіе. Вотъ тотъ, что направо, смѣялся, широко открывъ беззубый ротъ; вотъ этотъ, у котораго крыша почти что сползла на затылокъ, щурилъ лукаво лѣвый глазъ, а колокольня — длинный, несуразный малый и притомъ же еще и одноглазый, смотрѣлъ на ребенка тупо и прожорливо, точно собирался его съѣсть.

Это былъ какой-то ужасный, дикій и великолѣпный кошмаръ. Невольно становилось жутко и страшно и за себя самого, и за единственное живое и разумное существо поселка, за несчастнаго, запуганнаго ребенка

Но художникъ говорилъ :

— Немного грубо, не правда ли? Притомъ же слишкомъ смѣло, какъ по замыслу, такъ и по рисунку.

Я хотѣлъ ему задать нѣсколько вопросовъ, но онъ продолжалъ:

— Домà — если только взять эти неодушевленные предметы, живутъ своей собственною жизнью, которую мы не знаемъ и не можемъ постичь. Я замѣтилъ, что каждый домъ имѣетъ свою собственную индивидуальность и охотно принимаетъ обликъ и повадки своего хозяина. Это можетъ показаться вамъ страннымъ, невозможнымъ, *bagoue*, но это такъ на самомъ дѣлѣ. *Я это чувствую.* Домà бывають убѣжищемъ злыхъ духовъ или хранителями тайнъ или радостей. И позвольте по этому поводу рассказать вамъ слѣдующій случай.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я и одинъ изъ моихъ женатыхъ пріятелей рѣшили провести каникулы въ Нормандіи, на берегу моря. Нашъ выборъ палъ на довольно уединенное мѣстечко, называемое Вокоттъ и находящееся вблизи Феканъ, родины знаменитаго бенедиктина. За неимѣніемъ свободныхъ виллъ, мы принуждены были поселиться нѣсколько въ отдаленіи отъ поселка, въ дачѣ, прекрасно впрочемъ расположенной: оттуда былъ чудесный видъ на море и на окрестности. Намъ отдали ее почти за даромъ, такъ какъ никто не хотѣлъ въ ней жить въ виду того, что, по увѣренію мѣстныхъ жителей, она была проклята. Это убѣжденіе было настолько сильно среди жителей Вокотта и его окрестностей, что мы съ превеликимъ трудомъ могли убѣдить поставщиковъ доставлять намъ туда провизію и все необходимое.

Въ первый же день нашего житія на этой злополучной виллѣ я осмотрѣлъ ее съ особымъ вниманіемъ и былъ пораженъ ея неопредѣленнымъ и таинственнымъ видомъ. Ея физиономія, — если можно такъ выразиться, — была не то чтобъ зловѣщая, а просто отталкивающая; *elle était louche!* Я сообщилъ объ открытіи моему пріятелю и его женѣ — людямъ мало впечатлительнымъ и вполне здоровымъ, но они подняли меня только на смѣхъ.

Первое время нашего житія на дачѣ ничего особеннаго не произошло. Но однажды, въ то время, какъ мы сидѣли за обѣдомъ въ

нижнемъ этажѣ и прекрасно знали, что наверху, гдѣ были расположены наши спальни, никого не было, мы услышали отчетливо, и всѣ вмѣстѣ сразу, тяжелые шаги надъ нашими головами и передвижаніе мебели. Мой пріятель и я схватили лампу и револьверъ и бросились наверхъ, но, конечно, никого тамъ не нашли.

Черезъ недѣли двѣ жена моего друга отчетливо слышала стоны и вопли и приписала ихъ сначала воображенію и вою вѣтра, но когда они повторились на другой же день и притомъ среди бѣлаго дня, — то она стала упрашивать насъ съѣхать съ дачи. Мы очень скоро ее покинули.

На слѣдующій годъ, находясь опять въ Нормандіи, вблизи Вокотта, я не безъ ужаса и содроганія узналъ, что на той дачѣ, гдѣ я жилъ съ моимъ пріятелемъ, было произведено звѣрское убійство при самыхъ романтическихъ обстоятельствахъ. Вотъ и говорите послѣ этого, что на этомъ свѣтѣ все просто и что не существуетъ ни тайны, ни предчувствія.

Онъ слабо улыбнулся и сталъ снова рыться въ папкѣ съ рисунками.

Черезъ минуту, показывая мнѣ другой офортъ, Веберъ говорилъ :

— Вотъ репродукція моей картины : *Борьба женщинъ*. Присутствуя какъ-то разъ на народномъ гуляньи при подобномъ зрѣлищѣ, я былъ пораженъ его гнусностью и некрасотой. Голыя, грязныя тѣла безо всякой пластической красоты, съ животными выраженіями лицъ, въ поту, пыли и грязи копошились на землѣ, сжимая другъ друга и издавая сопѣнія, болѣе присущія животнымъ самаго низкаго разряда, чѣмъ человѣческому существу. Но что еще сильнѣе меня поразило, такъ это толпа зрителей, еще болѣе ужасныхъ и отталкивающихъ благодаря ихъ глупой страсти, чѣмъ пара жалкихъ самокъ, борющихся на потѣху этой тупой, звѣрской толпы. Въ этомъ зрѣлищѣ я видѣлъ олицетвореніе ходячихъ инстинктовъ, страстей и вкусовъ. Я видѣлъ тутъ поруганіе надъ всѣмъ, что есть лучшаго и чистаго въ мірѣ, надъ красотой и дѣвственностью, и полный гнѣва, отвращенія и стыда за себя и за моихъ современ-

— Я завидую скульпторамъ потому, что они могутъ сдѣлать вещь живучую и мало поддающуюся вліянію времени и стихій. Возьмите бронзу, какъ это красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ устойчиво! Между тѣмъ живопись и иллюстрація вещь нѣжная, хрупкая, если можно такъ выразиться. А къ чему мы должны стремиться въ этой жизни? Да просто къ тому, чтобъ оставить за собой какой-нибудь слѣдъ, къ тому, чтобы пережить себя и передать часть своего ума, души и мысли послѣдующимъ поколѣніямъ. Словомъ — не умереть совершенно. На портретахъ Ванъ-Дейка, на картинахъ Гольбейна люди живутъ, не умерли; они какъ будто наши современники; мы ихъ знаемъ, и они насъ знаютъ. Это великое чудо, это великая и умильная тайна творчества...

Онъ еще разъ улыбнулся, пожалъ мнѣ руку, — и мы расстались.

Февраль 1901 г.

ПОРТРЕТЫ И МЕДАЛЬОНЫ.

ЖОРЖЪ Д'ЭСПАРБЕСЬ.

Въ началѣ прошлой недѣли въ приѣмной редакціи газеты *Journal* я встрѣтилъ мушину среднихъ лѣтъ, коренастаго, невысокаго брюнета, съ печальными и умными черными глазами. Онъ прохаживался вдоль громадной комнаты, нервно пощипывая небольшую бородку, подстриженную клиномъ. То былъ Жоржъ д'Эспарбесь, авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ романовъ и весьма эффектной и обстановочной пьесы *La guerre en dentelles*. Я не видался съ д'Эспарбесомъ со дня мерваго ея представленія, то-есть почти четыре мѣсяца, и потому былъ крайне обрадованъ этой встрѣчѣ. Я уже зналъ, что за этотъ промежутокъ времени умерла его жена, молодая, безумно имъ любимая женщина, и что ему теперь приходилось нянчиться одному съ тремя мальчуганами малъ — мала меньше.

Мы поздоровались и съ первыхъ же его словъ я понялъ, насколько сильно отозвалась на немъ эта горестная утрата.

Онъ отвѣчалъ какъ-то нехотя и оживился лишь, когда я спросилъ объ его дѣтяхъ.

— Они со мной, здѣсь, въ Парижѣ. Нельзя было ихъ оставить на дачѣ, гдѣ мы жили прежде... Въ нихъ моя послѣдняя надежда...

Но тутъ его пригласили въ кабинетъ директора и, пожимая мнѣ руку, онъ закончилъ :

— Заходите ко мнѣ какъ-нибудь. Я почти всегда дома. Поболтаемъ.

Онъ далъ мнѣ свой адресъ и мы разстались.

Черезъ нѣсколько дней я звонилъ у дверей его квартиры, около Трокадеро. Мнѣ отворила какая-то женщина — кухарка, вѣроятно, и сообщила, что хозяинъ дома работаетъ у себя въ кабинетѣ, на шестомъ этажѣ. « Я пойду его предупредить », сказала она, про-

вода меня въ маленькую столовую, гдѣ играли и бѣгали три мальчика, подстриженные подъ гребенку, въ цвѣтныхъ блузахъ. Они встрѣтили меня восклицаніями : « Bonjour Monsieur! » и въ перебивку потянулись со мной здороваться. Въ ихъ обществѣ я пробылъ нѣсколько минутъ, пока не явился д'Эспарбесъ.

— Представляю вамъ мою команду, — сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь и лаская старшаго сына. — Вотъ этого, — сказалъ онъ, указывая на мальчика, — зовутъ Роланомъ, того Жаномъ, а самого младшаго — ему лишь три года — Артюромъ. А теперь дѣти слушаться команды.

И мальчуганы, здоровые и краснощекіе, вытянувшись въ струнку, закричали благимъ матомъ : « Vive l'Empereur! »

Я оглянулся. На каминѣ стоялъ гипсовый бюстъ Наполеона I^{го}, на стѣнахъ висѣли картины и гравюры эпохи Первой имперіи, а также и иллюстраціи походовъ и жизни перваго Бонапарта.

— Вы осматриваете мой музей? — спросилъ меня д'Эспарбесъ и, подведя къ небольшому рисунку гуашью, замѣтилъ :

— Это набросокъ Раффэ : *L'Aigle et l'Étoile*. Воткнутый въ землю императорскій штандартъ съ орломъ наверху, доминируетъ группу лошадей и заснувшей передъ битвой лагерь, а въ высокомъ небѣ, подернутомъ тучами и туманомъ, горитъ послѣдняя звѣзда, звѣзда удачи.

Подъ произведеніемъ Раффэ я замѣтилъ нѣсколько этюдовъ орлиныхъ головъ.

— Да вы отчаянный имперіалистъ, — замѣтилъ я ему.

Онъ смиренно улыбнулся.

— Я всегда былъ такимъ! Впрочемъ, мои симпатіи не идутъ дальше перваго Наполеона. Для меня существуетъ лишь одинъ « онъ ».

Тогда я вспомнилъ *La légende de l'Aigle*, эту удивительно жизненную книгу, написанную съ какимъ-то особымъ паѳосомъ, и мнѣ стали понятны и родны и крики дѣтей, и присутствіе въ этой квартирѣ рисунковъ Раффэ и старыхъ закоптыхъ трофеевъ. Бѣ самомъ дѣлѣ, кто кромѣ д'Эспарбеса, — « d'Esparbès des batailles », — какъ

назвалъ его въ часъ наитія поэтъ Франсуа Коппэ, могъ бы описать съ такимъ жаромъ и энтузіазмомъ наполеоновскую эпопею и походы и подвиги « славнаго короля » Генриха IV.

Le Roy — книга полная удивительно сильныхъ страницъ. Прочитайте, напริมѣръ, тѣ изъ нихъ, что озаглавлены : *La bataille d'Ivry*, и вы увидите, насколько д'Эспарбесъ сумѣлъ понять эту отдаленную отъ насъ эпоху и насколько онъ искусно и незамѣтно для читателей проникся ея духомъ и ярко обрисовалъ ея дѣятелей. Строчка за строчкой, подобно легионамъ, тянутся передъ нами страницы, какъ бы вылитыя изъ бронзы. Сквозь нихъ вы видите какъ на яву, то, что вы только-что прочли; до вашего слуха долетаетъ барабанный бой, пронзительный призывъ трубъ и возгласы самого великаго Гасконца : « *par la morbieu? Caracol par demi-escadron!* »

— При какихъ условіяхъ начали вы писать? — спросилъ я д'Эспарбеса, когда мы сидѣли въ его кабинетѣ.

— При самыхъ плачевныхъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ. — Мои первые « литературные опыты » были напечатаны въ *Gil-Blas's*, въ старомъ *Gil-Blas's*, помѣщавшемся тогда на углу бульвара des Capucines. Что за время было — страшно и вспомнить! Ежедневно, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, приходилъ я въ редакцію, дабы представить мою рукопись. Въ маленькой грязной пріемной я ждалъ часами « аудіенціи » у главнаго редактора. Никто не обращалъ на меня вниманія. Я стоялъ въ уголку и мимо меня проходили въ дорогахъ шубахъ и пальто « баловни фортуны », великолѣпный Катюль Мендесъ съ гривой черныхъ, какъ смоль, волосъ, тучный Мазеруа, задумчивый и сентиментальный Арманъ Силвестръ; а я все ждалъ. Наконецъ, однажды мнѣ сказали : « Господинъ д'Эспарбесъ, идите къ директору ». Дрожа отъ волненія, я вошелъ въ большую комнату, гдѣ сидѣлъ какой-то сѣдой старичекъ. Онъ спросилъ меня крайне холодно : « Это вы, д'Эспарбесъ? — что вы принесли? » Я показалъ ему нѣсколько десятковъ листовъ, первыя главы моей « легенды ». Онъ быстро пробѣжалъ начало и сказалъ равнодушнымъ тономъ : « Хорошо. Зайдите черезъ недѣлю ». Понятно, въ положенный срокъ я былъ въ редакціи. Съдѣнкій господинъ сказалъ мнѣ : « Я прочелъ

вашу» вещь; недурно, можетъ пройти. Зайдите черезъ недѣлю». Но хотя я и зашелъ черезъ недѣлю, моя вещь была лишь напечатана черезъ два мѣсяца. Но я былъ доволенъ и этимъ.

Вторая статья прошла черезъ мѣсяцъ, третья — еще скорѣе. Послѣ этого я мало-по-малу сталъ «своимъ человѣкомъ» въ редакціи *Gil-Blas'a*. Я познакомился кое съ кѣмъ изъ выдающихся сотрудниковъ. Фортуна улыбнулась и мнѣ. Когда, годъ спустя, въ 1891 году Ксо рѣшилъ основать *Journal*, то онъ пригласилъ меня въ число сотрудниковъ. Въ его газетѣ я закончилъ *Легенду* и началъ другое произведеніе. *Легенда*, отпечатанная отдѣльною книгой, разошлась довольно быстро и меня стали величать: «*notre jeune maître*».

Д'Эспарбесъ на минуту задумался, какъ бы что-то припомяная.

— Въ тѣ времена, — продолжалъ онъ черезъ нѣкоторое время, — въ Парижѣ было нѣсколько интересныхъ газетъ, ну и составъ многихъ редакцій былъ «занимателенъ». Напримѣръ, взять бы хоть тогдашній *Gil-Blas*, ничего не имѣющій общаго съ теперешнимъ (1901 г.). Чтò за народецъ попадался — такъ просто удивленіе! Помню, какъ сейчасъ, былъ у насъ такой высокій, худой репортеръ съ прядью совершенно сѣдыхъ волосъ посрединѣ головы. Какъ и чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ, такъ и осталось для меня тайной. У него даже не было квартиры. Дни онъ проводилъ въ редакціяхъ и въ кафэ, а спалъ то у пріятелей, въ гостинныхъ или прихожихъ, то въ редакціонной комнатѣ *Gil-Blas'a*, на продраннымъ диванѣ. Голодал онъ часто, носилъ какую-то ветошь и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ чудесную верховую лошадь. Ей, ей, правда! Кунилъ онъ, — понятно въ долгъ, — у директора какого то прогорѣвшаго цирка дымчатого жеребца, назвалъ его «*Septembre*», пашелъ ему даровую конюшню и кормъ и каждое утро, одѣтый съ иглочки и съ цвѣткомъ въ петлицѣ, гарцовалъ по аллеямъ Булонскаго лѣса. Потомъ, какъ то вдругъ онъ исчезъ и никто уже больше не видалъ ни его, ни дымчатого «*Septembre*». А вотъ еще другой «экземпляръ» — Ари Ренапъ, сынъ знаменитаго Ренана. Встрѣчался я съ нимъ во многихъ редакціяхъ. Онъ писалъ статьи по искусству, но зарабо-

тывалъ мало и отчаянно бѣдствовалъ. Блѣдный, болѣзненный, да къ тому же еще и горбатый, онъ производилъ на насъ всѣхъ самое удручающее впечатлѣніе. Бѣсъ что-ли толкнулъ его жениться на какой-то потаскушкѣ, которая безбожно его обманывала. Когда онъ по вечерамъ, голодный и усталый, возвращался домой, она выгоняла его на улицу и онъ проводилъ ночи на площадкѣ лѣстницы въ то время, какъ эта... ээ! да что вспоминать! слишкомъ тяжело... Какъ-то разъ встрѣчаю его на бульварахъ. Дѣло было зимой. Смотрю, а онъ въ легонькомъ пальто, мастикового цвѣта и въ жениныхъ башмакахъ. «Простите, — говоритъ, — что беспокою. Нѣтъ ли у васъ пяти франковъ; цѣлый день ничего не ѣлъ, а въ карманѣ только нѣсколько су». Бѣдный, бѣдный Ари. Мы похоронили его нѣсколько лѣтъ спустя; умеръ отъ чахотки. Такой былъ свѣтлый умъ!

Подъ впечатлѣніемъ его разказовъ мы оба замолчали, а въ это время изъ сосѣдней комнаты до насъ долетѣлъ радостный дѣтскій смѣхъ.

Д'Эспарбесъ нервно повелъ плечами и всталъ.

Я сталъ съ нимъ прощаться.

Когда я надѣвалъ въ прихожей пальто, онъ вдругъ неожиданно спросилъ :

— Знакомы вы съ рисовальщикомъ Виллеттъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — но я столько видѣлъ его рисунковъ и такъ много о немъ слышался, что очень хотѣлъ бы его видѣть.

— Такъ отправимся къ нему какъ-нибудь, ну, хоть, въ четвергъ. Это удивительный человѣкъ и такой крупный талантъ!

И мы распростились, обѣщая другъ другу свидѣться черезъ нѣсколько дней, дабы идти на высоты Монмартра къ «чудодѣю-поэту» Виллеттъ.

ВИЛЛЕТТЪ.

Восхождение на Монмартръ! Это цѣлая эпопея или, если вы хотите, водевиль. Есть нѣчто своеобразное въ фижіоніи этой части Парижа. Монмартрцы и парижане, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — двѣ разновидности. Они мало чѣмъ схожи между собой. Монмартръ хотя собственно ничѣмъ, кромѣ внѣшнихъ бульваровъ, и не отсталъ отъ остальнаго города, все же имѣетъ свой особый отпечатокъ. Люди, живущіе тамъ, сохраняютъ особый складъ характера и, вѣроятно, потому, что постоянно смотрятъ на остальной Парижъ сверху внизъ, питаютъ къ нему какое-то особенное пренебреженіе. Ихъ отношенія къ остальному человѣчеству самыя официальныя : Монмартръ довольствуется самимъ собой и у него свои собственныя знаменитости, свои традиціи и взгляды. Онъ веселится и горюетъ особнякомъ и, когда къ нему являются гости изъ Парижа, — « оттуда », — онъ говоритъ съ нѣскольکو пренебрежительной улыбкой : « *ce sont des Parisiens* », точно такъ же, какъ парижане замѣчаютъ : « *ce sont des gens de Montmartre* ». Особенности Монмартра объясняются, главнымъ образомъ, геологическими причинами. Бывши, такъ-сказать, « пупомъ » Парижа и живя по склонамъ громаднаго холма, доминирующаго надъ остальными кварталами столицы, они уже тѣмъ самымъ являются « исключеніемъ ». Посѣтить, напримѣръ, церковь *Sacré-Cœur* — цѣлое путешествіе; побывать у знакомаго, живущаго въ улицѣ *Cortot*, — подвигъ. Надо въ обоихъ случаяхъ подниматься по высокимъ, крутымъ лѣстницамъ, идти по узкимъ кривымъ улицамъ, въ которыхъ лишь встрѣчаются одни пѣшеходы; конки тамъ ходить не могутъ, а извозчики отказываются подниматься по такой крутизнѣ. Такія особенности Монмартра заставляютъ тѣхъ, кто тамъ обитаетъ, довольствоваться своими высотами и жить нѣскольکو замкнуто. Населеніе этого квартала

очень многочисленно и скучено. Тамъ живутъ выдающіяся знаменитости, уличные грабители, сутенеры и актрисы, тамъ ютятся художники, ремесленники, монахи, проститутки, негры, турки, русскіе и южно-американцы. По вечерамъ, въ плохихъ, грязныхъ кафе играютъ на билліардахъ подозрительнаго облика джентльмены, а въ на славу изукрашенныхъ и освѣщенныхъ театрикахъ мужчины во фракахъ и съ цвѣтами въ петлицѣ бражничаютъ съ расфранченными барынями, тѣмъ временемъ, какъ около, въ какомъ нибудь узкомъ переулкѣ, — подъ покровомъ н очи, шайка «бандитовъ» грабитъ и душитъ прохожихъ и въ низкихъ домахъ, за цвѣтными занавѣсками, «мученики идеи» проводятъ безсонныя ночи надъ изысканіемъ квадратуры круга, философскаго камня или сочиненіемъ эпической поэмъ, долженствующей перевернуть вверхъ дномъ весь цивилизованный міръ.

Таковы нѣкоторыя свойства Монмартра, этого «пупа» и чердака Парижа.

Восхожденіе на Монмартръ! Я совершилъ его въ обществѣ всезнающаго д'Эспарбеса, дня два послѣ нашего свиданія.

Оставивъ извозчика у подножія «горы», мы пошли пѣшкомъ по длиннымъ улицамъ, выложеннымъ булыжникомъ. Вначалѣ восхожденіе не представляло особой трудности; но вотъ пошли улицы болѣе крутыя и вскорѣ намъ пришлось замедлить шагъ и поминутно останавливаться, дабы перевести духъ. Все выше и выше поднимались мы по узкимъ, кривымъ переулкамъ, «обсаженнымъ» старыми, жалкими домиками. Иногда между ними встрѣчался пустырь, обнесенный заборомъ, покрытымъ афишами и рекламами, и тогда мы видѣли разстилающійся подъ нами громадный, сѣрый Парижъ, утопающій въ голубоватой дымкѣ. Ничто особенно не выдѣлялось изъ этой темной массы построекъ, — день былъ влажный и туманный, — только вдали, по правую сторону отъ насъ, блестѣлъ и переливался высокій шпигъ Дворца Инвалидовъ, да торчала, назойливо бросаясь въ глаза, громада Эйфелевой башни. На шпигъ Инвалидовъ я указалъ рукой д'Эспарбесу; тамъ спалъ «онъ» въ чинномъ, спокойномъ сномъ, въ мраморномъ саргофагѣ, окруженный

толпой воиновъ-калѣкъ, отжившихъ минуты отваги и самоотверженія.

На углу небольшой площади, гдѣ скрипѣлъ отъ вѣтра старый фонарь и былъ расположенъ кабачекъ, надъ входомъ котораго виднѣлась надпись съ потугами на остроуміе : « Zut », и ниже : « ici on mange », мы остановились.

— Гдѣ же живетъ Виллеттъ? — спросилъ я своего спутника, начиная уставать.

— Совсѣмъ близко, за угломъ, почти рядомъ съ Sacré-Cœur.

И мы пошли дальше.

У высокаго, узкаго дома, почти рядомъ съ бѣлою громадой собора, д'Эспарбесъ остановился и произнесъ съ таинственнымъ видомъ :

— Здѣсь!

По небольшой, темной лѣстницѣ мы поднялись на первый этажъ и позвонили.

— Monsieur Willette?

— Дома, пожалуйста.

Мы вошли въ крохотную прихожую, освѣщенную узкимъ окномъ, и сейчасъ же до нашего слуха донесся обрывокъ веселой пѣсни и возгласъ :

— Мариэттъ, кто тамъ?

— Ce sont des messieurs — столь же лаконично отвѣтила бонна.

Тогда дверь отворилась и на порогѣ ея показался плотный, коренастый мущина лѣтъ, такъ, сорока, сорока трехъ, съ короткою трубкой въ рукахъ.

— А, Жоржъ! — воскликнулъ онъ, подходя къ д'Эспарбесу и пожимая ему руку.

Затѣмъ я былъ представленъ.

— Очень радъ, очень радъ, — заговорилъ Виллеттъ и сейчасъ же спохватился : да что же мы стоимъ тутъ, проходите въ мою мастерскую.

Мы послѣдовали его приглашенію.

Мастерская Виллетта, какъ и онъ самъ, была совершенно не

тѣмъ, что я предполагалъ. Хозяинъ, съ большими бакенбардами въ видѣ запятыхъ, съ бритымъ подбородкомъ и безъ усовъ, возстановлялъ въ памяти портреты генераловъ временъ Реставраціи и царствованія Луи-Филиппа, а комната лишь очень отдаленно напоминала мастерскую художника. То была скорѣе или чертежная архитектора, или кабинетъ любителя эстамповъ.

Въ одномъ изъ угловъ цѣлая куча папокъ разныхъ величинъ, посрединѣ комнаты громадный бѣлый столъ съ бумагами, перьями, карандашами, набросками головъ, туловищъ и пр. По стѣнамъ ни одного полотна, — лишь рисунки и рисунки. Меблировка самая упрощенная : нѣсколько табуретовъ, и только.

Признаюсь, я былъ порядкомъ разочарованъ и положительно не зналъ, что спросить, что предпринять. Я подтолкнулъ д'Эспарбеса.

— А мы къ тебѣ съ маленькимъ интервью, — заговорилъ тотъ, — вотъ ему — онъ назвалъ меня по фамилии — очень хотѣлось посмотреть твои произведенія и кое-о-чемъ разспросить.

Виллеттъ посмотрѣлъ на меня, какъ мнѣ показалось, нѣсколько укоризненно и, вынувъ изо рта свою короткую трубку, выговорилъ :

— Я съ удовольствіемъ покажу все, что можетъ васъ заинтересовать.

Онъ подошелъ къ папкамъ, открылъ первую попавшуюся и началъ выкладывать на столъ кипу рисунковъ.

Тогда, какъ въ каледойскопѣ, стали развертываться передъ нашими глазами поэмы въ краскахъ, кошмары, запечатлѣнныя карандашемъ и углемъ, иллюстраціи къ какимъ-то сказкамъ Шехерезады, живыя сцены, дерзкіе до крайности образы. Вотъ рисунокъ : на возвышеніи, подъ эшафотомъ, въ величественной и между тѣмъ наглой позѣ сидитъ женщина въ фригійской шапкѣ на головѣ. Надъ ней, у одного изъ столбовъ, качается фонарь съ черною, многозначительною и, готовъ я сказать, зловѣщей цифрой 93, напоминающей терроръ; а подъ рисункомъ légende : « Je suis la Sainte Démocratie; j'attends mes amants ». А вотъ другой рисунокъ,

— на этотъ разъ въ краскахъ, которыя такъ и кажутся взятыми съ палитры Ватто.

На боченкѣ, подъ лиственницей, стоитъ хорошенькая дѣвушка, почти дитя, въ костюмѣ французской маркитантки, и держитъ въ высоко поднятой рукѣ стаканъ густаго, душистаго вина. Вокругъ ея цѣлая группа : тутъ и сельскій староста, и garde, и рабочій-блузникъ, и крестьянинъ въ деревянныхъ башмакахъ. Это — « винодѣліе ».

Затѣмъ цѣлый сонмъ женщинъ во всѣхъ позахъ, во всѣхъ видахъ и во всевозможныхъ манерахъ; легендарныя и знаменитыя женщины Виллетта, съ плутовато-вздернутыми носиками и маленькими головками подъ копной непослушныхъ волосъ; крошечныя, хрупкія созданія, шаловливыя и эемерныя. Однако, вотъ нѣсколько проектовъ декоративныхъ панно. На одномъ изъ нихъ представлена Франція подъ видомъ красивой, величественной женщины въ бронѣ и шлемѣ. Ее разоруживаютъ нѣсколько геніевъ; одинъ снимаетъ латы, другой беретъ мечъ, третій приподнимаетъ шлемъ.

— Что это? — спросилъ я; — символъ разоруженія?

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Виллеттъ.

— Такъ вы членъ международной лиги мира?

— Нѣтъ. Но возможно ли намъ, артистамъ, любить разрушеніе, моръ и гладь, — этихъ спутниковъ каждой войны?

— Je hais la guerre, elle gâte la conversation, — отвѣтилъ я, вспоминая слова одного остроумца писателя.

Виллеттъ улыбнулся и возразилъ.

— Да, исчезновеніе войны принесетъ лишь убытокъ одному Детайлю; да и то не особенно, потому что онъ ушелъ въ прошлое и прекрасно сдѣлалъ; тамъ есть еще много живописнаго (du pittoresque). Меня же армія перестала интересовать съ той минуты, какъ въ ней была упразднена маркитанка. Что было болѣе замѣчательнаго, чѣмъ зрѣлище этихъ женщинъ, часто съ медалями на груди, сопровождающихъ полки на поля брани? онѣ вносили много прелести и « человѣчности ». Безъ женщинъ, мущины — такіе грубые, de telles brutes... Надъ эскизомъ, имѣющимъ нѣчто схожее съ

знаменитымъ *Embarquement pour Cythère* божественнаго Ватто, я прочелъ стихи Бодлера, изъ *Le Voyage* :

. . . Un matin nous partons, le cerveau plein de flamme,
Le cœur gros de rancune et de désirs amers,
Et nous allons, suivant le rythme de la lame
Berçant notre infini sur le fini des mers.

— Вы любите путешествія?

— Очень! — и глаза его разгорѣлись и онъ даже забылъ свою трубку. — Я часто уѣзжаю, стараясь чтобы никто не зналъ, куда я ѣду. Я люблю тайну, неизвѣстность. По моему, это то, что придаетъ нашимъ буднямъ нѣкоторую прелесть и интересъ. Когда я отправляюсь путешествовать, я окружаю себя тайной; я лишилъ бы себя громаднаго удовольствія, еслибы сказалъ другимъ, куда я ѣду.

Мы принялись опять разсматривать рисунки, пастели, гуажи, и опять потянулись передо мной олицетворенныя грезы, мечты, порывы, скорби, негодванія. То тамъ, то сямъ, среди волнь розоваго тѣла, пышныхъ фрагонарскихъ контуровъ, мягкихъ, почти выцвѣтшихъ тоновъ Ватто, скорбная нотка, цѣлая драматическая страница, въ духѣ несравненнаго Гойа. Я не замѣтилъ, какъ промчался цѣлый часъ. Д'Эспарбесъ началъ звать меня, и только тогда, оторвавшись отъ брошенныхъ на столъ картоновъ и листовъ бумаги, я сталъ прощаться съ хозяиномъ.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ мягкимъ голосомъ :

— Заходите, заходите; не забываете меня.

Апрѣль 1901 г.

САЛОНЫ 1901.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля открылась художественная выставка « Société nationale des Beaux Arts », а перваго мая « Салонъ » « Société des Artistes français ». Обѣ эти выставки нашли себѣ приютъ въ громадномъ зданіи большого Дворца Елисейскихъ полей, то есть тамъ, гдѣ во время всемірной выставки былъ размѣщенъ отдѣлъ изящныхъ искусствъ.

Въ прошломъ году « Салоны » бездѣйствовали, была, правда, небольшая выставка « Общества французскихъ художниковъ », но настолько слабая и незамѣченная, что можно смѣло сказать, что ея не существовало, такъ что въ эту весну онѣ открылись послѣ двухлѣтней передышки въ иномъ помѣщеніи, о которомъ было говорено много хорошаго и худаго.

Слѣду замѣтить, что предсказанія мизантроповъ и скептиковъ не оправдались; картины размѣщены прекрасно и видно ихъ очень хорошо. Наконецъ, общее впечатлѣніе самое благопріятное.

« Société nationale des Beaux Arts », открывшее свои двери 22 числа прошлаго мѣсяца, — Общество еще сравнительно молодое. Оно было основано въ 1890 году послѣ раскола, происшедшаго въ нѣдрахъ многочисленной здѣшней артистической семьи, группой художниковъ, во главѣ которыхъ стояли и продолжаютъ стоять такіа выдающіяся личности, какъ Мейсонье, Пювисъ де-Шаваннъ, Карольюсъ-Дюранъ (теперешній предсѣдатель Общества), Ролль, Даньанъ-Буврѣ, Роденъ и др. Оно основалось какъ осязаемый протестъ противъ художественной рутины, безплодія академизма и разъ установленнаго метода.

Въ первые годы выставки новаго общества поражали своею смѣлостью и воинственнымъ характеромъ. Въ нихъ принимали участіе разнаго рода новаторы, піонеры кисти и рѣзца, экстраваганты, фантасты и пр. Но, со временемъ, буйные порывы улеглись, искатели новыхъ формъ стали пропадать, новаторы умерли или отошли

отъ выставокъ (Фантенъ-Латуръ, Клодъ Моннэ, Пизарро, Сислей, Ренуаръ, Дегасъ и пр.), такъ что въ настоящую минуту «Салонъ» Національнаго Общества не представляетъ собой ничего особо «съногъ-сшибательнаго», ничего такого, что могло бы особенно покорить буржуазный вкусъ и понятія любителей осторожнаго и враговъ новаторства.

«La Société nationale des Beaux Arts» или, какъ его называютъ до сихъ поръ, «Société du Champ de Mars», по мѣсту первыхъ выставокъ, является теперь своего рода «тезой». «Антитезой» ему служатъ уже новыя маленькія общества, какъ наприимѣръ, общество «Indépendants», гдѣ и ютятся теперь разные эквилибристы, символисты маги и окультисты. Тамъ-то и можно еще встрѣтить лиловыхъ лошадей, зеленыя облака и худыхъ дѣвъ съ неземною печалью на челѣ. Тамъ еще смѣшиваютъ живопись съ музыкой, съ литературой и внушеніемъ. Наконецъ, въ маленькихъ «сенакляхъ» (кружкахъ) выставляютъ свои бредни и фантазіи молодые люди, зачитывающіеся Бодлеромъ, Эдгаромъ По и Оскаромъ Уайльдомъ, подражающіе фантазмагоріямъ Гюстава Моро и мистическимъ картинамъ англичанина Бернъ-Джонса. Но на той выставкѣ, гдѣ присутствуетъ Карольюсъ-Дюранъ, таланты, въ большинствѣ случаевъ, «солидные», всѣми признанные, единицы крупныя, лишь иногда позволяющія себѣ какую-нибудь художественную волность или шалость. Между экспонирующими тутъ художниками немало иностранцевъ, вносящихъ часто въ общую сокровищницу свою національную ленту : какую нибудь характерную черту или взглядъ.

Выставка нынѣшняго года представляетъ слѣдующія особенности : на ней не особенно много портретовъ, за то большинство ихъ мастерски написаны, очень много пейзажей и жанровыхъ картинъ, и совершенно нѣтъ батальныхъ и историческихъ полотенъ. Произведеній съ религіозными сюжетами немного, лучшія изъ нихъ — эскизы Альбера Бенара для нѣсколькихъ церковныхъ фресокъ.

Съ этихъ то картоновъ я и начну говорить о выставкѣ.

Мнѣ рассказывали слѣдующее :

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ младшій сынъ Альбера Бенара, этого удивительнаго поэта и портретиста женской красоты и граціи, мальчикъ лѣтъ 11-12, тяжело заболѣлъ: у него отнялись ноги. Послѣ продолжительнаго лѣченія, не приведшаго ни къ какимъ результатамъ, доктора рѣшили отправить его на берегъ моря.

Тамъ то, въ Berck-sur-Mer, послѣ многочисленныхъ соленыхъ ваннъ и долгаго лежанія на тепломъ пескѣ, подъ живительнымъ морскимъ воздухомъ, полнымъ запаха ила и іода, — ребенокъ сталъ быстро поправляться и къ зимѣ совершенно выздоровѣлъ. Видѣлъ ли въ этомъ Бенаръ «перстъ Божій» или былъ настолько потрясенъ быстрымъ выздоровленіемъ сына, что вернулся въ «лоно Церкви», — я уже не знаю, по фактъ тотъ, что на слѣдующій же годъ онъ вернулся въ Беркъ и рѣшилъ украсить стѣны тамошней часовни при дѣтской больницѣ нѣсколькими фресками и полотнами. На выставкѣ посѣтитель можетъ видѣть проекты къ этимъ композиціямъ.

Собственно говоря, это не религіозная живопись въ тѣсномъ смыслѣ слова; сюжеты взяты не изъ Священнаго Писанія; это просто символическія описанія людской жизни, ея радостей и бѣдъ, при которой незримо для насъ присутствуетъ Спаситель. То: Рожденіе, Вѣра, Надежда, Воскрешеніе, Милосердіе. Въ каждой панно-картинѣ фигурируетъ и, такъ сказать, благословляетъ людей любящихъ, болящихъ, надѣющихся, кающихся и вѣрующихъ, скорбная и милосердная фигура Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Онъ то стоитъ посреди нихъ, то какъ бы сходитъ съ небесъ, то призываетъ ихъ къ себѣ, во оправданіе словъ евангельскихъ: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіе и обремененные и Я успокою васъ...»

Рисунки Бенара нарисованы просто, очень просто, безъ всякихъ затѣй и хитростей, лишь съ тѣмъ громаднымъ мастерствомъ и силой, которыя составляютъ отличительныя качества этого крупнаго и самостоятельнаго таланта. Лица экспрессивны, положенія характерны и отъ всѣхъ композицій вѣетъ прочувствованностью, великой эмоціей и благодарностью.

Только что умершему, въ полномъ разцвѣтѣ таланта, Жану Казанъ, отведена цѣлая стѣна, на которой и развѣшаны нѣкоторые изъ его лучшихъ произведеній.

Середину занимаетъ большая аллегорическая картина *Souvenir de fête à Paris*, а вокругъ нея расположены пять пейзажей, характерныхъ представителей наклонностей и особенностей громаднаго таланта Казэна : меланхолія и гармонія между сценой и пейзажемъ, великая любовь къ сумерочнымъ освѣщеніямъ и строгая непорочность красокъ и рисунка.

Рядомъ съ Казэномъ виситъ большое полотно — одна изъ лучшихъ картинъ всей выставка : *Прогулка послѣ боя быковъ* испанскаго художника Цулоага. По колориту, по разработкѣ характеровъ и по удивительной компановкѣ — это настоящій шедевръ. Видимо художникъ одного поля съ великимъ Гойа. Но онъ расходится съ нимъ по « духу » и художественной конценціи, такъ какъ ничто у него не напоминаетъ излюбленныхъ сюжетовъ и трактовки Гойи. У Цулоага все жизнерадостно, красиво и сильно. Нѣсколько изящныхъ испанокъ въ нестрыхъ, праздничныхъ платьяхъ прогуливаются и стоятъ на широкой дорогѣ, вдоль которой гарцуетъ великолѣпная амазонка. За группой разстилается характерный пейзажъ испанской « Сьерры », съ холмами, долинами и поселками. Впечатлѣніе отъ картины получается крайне сильное; она настолько не современна, въ лучшемъ смыслѣ слова, что уже по одному этому заставляетъ обратить на себя вниманіе. Это не соединенные воедино портреты и ландшафтъ какого нибудь уголка Испаніи, это вся Испанія на одномъ полотнѣ; все, что есть въ ней характернаго, особеннаго и своего, слито вмѣстѣ и представлено, такъ сказать, въ видѣ « синтеза ».

Въ той же залѣ талантливый портретистъ Жакъ Бланшъ выставилъ великолѣпный портретъ дѣвочки. Ребенокъ полулежитъ въ глубокомъ креслѣ, закинувъ ручки за голову и смотря на зрителя. Бѣлое атласное платьице удачно отбѣняетъ свѣжесть лица съ маленькимъ упрямымъ ртомъ, въ углахъ коего читается не то усмѣшка, не то отвращеніе. Портретъ этотъ большая загадка; ребенокъ предста-

вленный на немъ, своею позой и свѣжестью говоритъ намъ о молодости, выраженіемъ же своего лица заставляетъ сомнѣваться въ свѣжести и непорочности своей души. Благодаря, отчасти, удачному выбору сюжета, Бланшъ достигъ въ своемъ портретѣ предѣловъ совершенства. Въ слѣдующихъ комнатахъ я нашелъ портретъ работы Каролюса-Дюранъ и нѣсколько полотенъ ирландца Лавери, одного изъ лучшихъ современныхъ портретистовъ обоихъ полушарій. Что-то неопишимо-благородное, изящное и нѣжное обволакиваетъ головки изображенныхъ имъ женщинъ. Въ портретѣ молодой дамы, сидящей въ профиль, въ платьѣ стальнаго цвѣта, онъ достигаетъ удивительно мягкихъ тоновъ, совершенства въ посадкѣ и умѣнья вполнѣ оттѣнить характеръ. Какъ далеки отъ него (по крайней мѣрѣ на этой выставкѣ) Пикаръ, шведъ Цорнъ и ла-Гандара, этотъ извѣстный и модный портретистъ современнаго «Космополиса». Эти три художника, выставившіе каждый по нѣсколько портретовъ, едва поспѣваютъ за Лавери.

Но вотъ опять Альберъ Бенаръ. Шикарный женскій портретъ и картина озаглавленная : *Домашня феерія* (*Féerie intime*). Въ темной, уютной комнатѣ съ закрытыми ставнями, сквозь которые едва брезжитъ утренній свѣтъ, полулежитъ на диванѣ обнаженная женщина. Ея платье, украшенное стеклярусомъ, брошено тутъ-же, рядомъ. Догорающій огонь невидимаго камина бросаетъ на ея сочно-выписанное тѣло послѣдній свой отблескъ; хорошенькая головка пропадаетъ въ нѣсколько голубоватомъ сумракѣ. На столикѣ причудливой формы съ инкрустаціей и изображеніями ибисовъ, — игрушкѣ вывезенной изъ далекихъ, заморскихъ странъ, — торжественно горятъ двѣ свѣчи въ большомъ шандалѣ и, кажется, слышно ихъ потрескиваніе и замѣтно мерцаніе ихъ пламени. Въ обстановкѣ и позѣ лежащей женщины чувствуется таинственность, нѣга и обворожительная поэзія. Эта женщина, кто-она такая? Современная ли это Саломея, свѣтская ли дама, или дитя далекихъ, полуденныхъ странъ, привезенная, какъ куріезная вещь, любителемъ рѣдкостей и долженствующая, въ его воображеніи, занять мѣсто рядомъ съ японскимъ столикомъ и шандалами временъ Ренессанса? Вотъ

вопросы, на которые можно отвѣтить различно, смотря по характеру, темпераменту и воображенію. Картина Бенара написана, какъ и почти всѣ полотна этого художника-поэта, замѣчательно сочно, широко и колоритно, съ громаднымъ знаніемъ цѣнностей (valeurs) и умѣніемъ пользоваться ими до виртуозности.

Отмѣчу еще присылки извѣстнаго и любимаго парижанами Аманъ-Жана; женскій портретъ (очень сочный и правдивый) Фламандца Леемпольса; портретъ красивой дамы еще совершенно молодаго художника Девальбера, маленькій шедевръ граціи, писанный красками, похищенными съ волшебной палитры Ватто и, передъ тѣмъ какъ перейти къ пейзажамъ, остановлюсь не на долго передъ великолѣпными произведеніями Каррьера, которыя суть не что иное, какъ красочныя эпиталамы въ честь материнства, семейной жизни и любви; здоровыя и столь привлекательныя страницы опозитизированныхъ будней.

Пейзажъ и жанръ.

Вотъ полный характера, индивидуализма и меланхоліи Шарль Коттэ, живописецъ далекой сумрачной Бретани, пѣвецъ широкаго, грознаго океана, маленькихъ, убогихъ рыбацкихъ поселковъ и ихъ темной, простой, но столь смиренной жизни. Палитра Коттэ сурова и темна, но не смотря на это, письмо его крайне разнообразно, а рисунокъ выдержанъ и обдуманъ. Содержаніе его картинъ всегда немного печально и говоритъ о большой наблюдательности. Онъ любитъ подчеркивать фатальное могущество стихій въ противоположность людской беспомощности и покорности, этой покорности, которою бретонцы обладаютъ въ столь высокой степеня. Взгляните на присланное имъ большое полотно *Ночь на Ивана Купала*. Вокругъ костра, зажженнаго на утесѣ, надъ темнымъ, грознымъ моремъ, собралась кучка людей; они смотрятъ напряженно и нѣсколько устало на пламя, жгущее ихъ лица и заставляющее слезиться глаза. На камняхъ, ближе всѣхъ, сидятъ три старухи въ длинныхъ плащахъ съ капюшонами; три бретонскія парки, невидимо ткуція тонкую нить жизни. А вотъ, противъ нихъ, нѣсколько ребятшекъ уставились на огонь; ихъ лица столь же задумчивы и

покорны, какъ и физиономіи старухъ; тутъ молодость и старость сходятся и, вѣроятно, думаютъ одну думу, живутъ одними и тѣми же представленіями и если не надеждами, то все же одинаковыми грѣзами. За этою группой въ темнотѣ ночи видны вдоль побережья, на утесахъ, другіе костры, вокругъ коихъ сидятъ, вѣроятно, другіе подобные же люди.

Послѣ Коттэ необходимо сказать, хотя нѣсколько словъ, объ Андрѣ Доппэзъ. Это пейзажистъ безконечныхъ ландъ, маринистъ холодныхъ, сѣверныхъ морей. У него на выставкѣ четыре полотна, полныя крупныхъ достоинствъ.

Совершенно въ другомъ тонѣ и настроеніи написаны картины талантливаго Лермитта. Пейзажи этого художника — цѣлыя поэмы сельской жизни, сельскихъ радостей и горестей. Вотъ его картина *Послѣ жатвы*. Громадное безконечное, сливающееся съ горизонтомъ неба, желтовато-бурое поле, уставленное высокими скирдами, между которыми видно нѣсколько женщинъ въ яркихъ платьяхъ и платкахъ. Онѣ, низко нагнувшись, собираютъ оставшіеся послѣ жатвы золотистые колосья спѣлой пшеницы и кладутъ ихъ въ широкія корзины. Какая мощь и радость жизни въ этой композиціи! Произведенія Лермитта написаны въ сочныхъ, « мажорныхъ » тонахъ.

Изъ дорогой для нихъ Фландріи, два художника привезли намъ свои грѣзы и впечатлѣнія. Первый изъ нихъ, Клозь, рассказываетъ въ нѣсколькихъ яркихъ полотнахъ прелесть послѣднихъ солнечныхъ дней глубокой осени, когда первые утренніе холода покрываютъ легкимъ слоемъ льда пруды и рѣки и окутываютъ въ бѣлое покрывало уже отцвѣтшую траву. Второй, ле-Синадеръ, живописуетъ маленькіе фламандскіе города, ихъ пустынные площади и уединенныя аллеи, вдоль заснувшихъ каналовъ, покрытыхъ листьями и иломъ. Все это немного сѣро и уныло, но вѣдь такъ оно и на самомъ дѣлѣ!

Фрицъ Тауло, послѣдній изъ столбовъ норвежской живописи и самый извѣстный на континентѣ, — прислалъ три картины. Зима. Идетъ снѣгъ; холодно и сыро; скорѣй домой, къ огню, чтобъ отогрѣться, чтобы не застигла непогода и холодъ суровой ночи.

Три аркадійскіе пейзажа Ренэ Менара. Ихъ авторъ, чуткій и правдивый поэтъ-живописецъ, зачарованный спокойными и классическими по формамъ ландшафтами. Онъ классикъ не только въ манерѣ письма, но и въ выборѣ сюжетовъ. Все, что имъ написано (а онъ работаетъ давно и много), напоминаетъ по настроенію и колориту лучшія вещи великаго Тернера. У нихъ обоихъ одинаковая точка отправленія, желаніе передать « общее » впечатлѣніе отъ красоты поразившаго ихъ пейзажа и боязнь частныхъ и аксессуаровъ. То художники *стилисты*. Вотъ почему картины Менара не только пейзажи извѣстной части какой-нибудь страны, — но *пейзажъ* въ широкомъ смыслѣ слова. Заурядный художникъ, понимай онъ такъ живопись, надѣлалъ бы много грѣха, — только такая крупная индивидуальность, какъ Ренэ Менаръ, можетъ « стилизовать », не боясь впасть въ фальшь, манерность и условность. Иллюстраціей ко всему вышесказанному можетъ служить любой изъ пейзажей, присланныхъ имъ въ « Салонъ ». Возьмемъ, на примѣръ, вотъ этотъ : ландшафтъ представляетъ небольшое озеро, окруженное зелеными дубравами, со стадомъ коровъ, пасущихся среди высокихъ травъ. Вечерѣтъ. По гладкой поверхности воды легко носится прозрачный туманъ и изъ-за лѣса встаетъ блѣдный серпъ луны. Всѣ предметы уже окутываются сумракомъ и, прозрачнѣе и нѣжнѣе легкихъ тканей Косса, опускается на землю темное покрывало ночи. Это самый торжественный часть сутокъ, тотъ очаровательный часть, о которомъ такъ красиво и образно выразился Стефанъ Маллармэ :

. . . C'est l'heure où à l'horizon dénué de ride
S'aperçoit le serein souffle artificiel
De l'inspiration, qui regagne le ciel.

Очень интересенъ полупейзажистъ, полужанристъ Гастонъ Латушъ. Его произведеній на выставкѣ изрядное количество, большинство — пастели. То настоящія симфоніи въ краскахъ : цѣлые потоки золота, пурпура, искры пламени, какое-то великолѣпное изверженіе всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ радуги. Но, несмотря на такое громадное количество цвѣтовъ, гармонія между тонами существуетъ

огромная и всё предметы вырисованы умѣло и тонко. На картинѣ названной *Возношеніе Даровъ* (l'Élévation), изображена часовня съ толпой молящихся на первомъ планѣ. Сквозь разноцвѣтное окно, расположенное за главнымъ алтаремъ, врывается въ церковь снопъ золотистыхъ лучей солнца. Они радостно играютъ на серебряной ризѣ священника съ драгоценною чашей въ приподнятыхъ рукахъ, на церковной утвари, на колѣнопреклоненной толпѣ и, наконецъ, купаются въ голубоватомъ дымѣ кадилаицицъ.

Мнѣ бы никогда не кончить этой замѣтки, еслибъ я сталъ говорить обо всѣхъ выдающихся картинахъ «Салона» Національнаго Общества. Потому меня слѣдуетъ извинить, если я, пропустивъ множество художниковъ достойныхъ вниманія, остановлюсь лишь предъ полотнами еще двухъ живописцевъ. Люсьенъ Симоиъ совершенно правдивый жанристъ, интересный повѣствователь жизни крестьянъ и рыбаковъ Бретани и Нормандіи. У него очень яркія краски и, если не много поэзіи, то богатая компоновка и техника. Я помню, что, года два тому назадъ, я имѣлъ случай видѣть одну изъ его картинъ, крайне меня тогда заинтересовавшую. Она называлась, если я не ошибаюсь, *Борьба*: два парня, широкоплечихъ и голыхъ до пояса, боролись на песокѣ, среди группы бретонковъ и бретонцевъ въ нестрыхъ національныхъ костюмахъ. За толпой виднѣлся улымый, плоскій пейзажъ и вдали кусочекъ синяго моря. Эту перспективу я нашелъ вторично въ присланной Симономъ картинѣ *Крестный Ходъ*. Но въ ней мнѣ не понравились головы крестьянъ, слишкомъ грубо выписанныя; нѣкоторое однообразіе тоновъ тоже портитъ дѣло.

Кому приходилось читать *Les provinciales* Бальзака, тотъ помнитъ, какое чувство грусти, тоски и невозвратнаго произвела на него эта книга. То же настроеніе получилъ я послѣ просмотра картинъ Ксавьэ Прино. Чѣмъ-то очень ветхимъ, заброшеннымъ и забытымъ вѣетъ отъ его маленькаго дворика и фасада стараго помѣщичьяго дома, на порогѣ котораго происходитъ *Прощанье*. Невольнo сердце сжимается отъ тоски и намъ хочется плакать вмѣстѣ съ тѣми, кто уѣзжаетъ и остается въ этой далекой глуши, плакать надъ чѣмъ-то,

что мы едва можемъ выяснить. Надъ ветхостью ли и заброшенностью этого дома, надъ неизбежною ли разлукой этихъ людей, сотворенныхъ, повидимому, чтобы жить вмѣстѣ, или надъ воспоминаніями нашего собственнаго дѣтства, можетъ-быть проведеннаго въ далекихъ, заброшенныхъ усадьбахъ, куда мы больше никогда, никогда не вернемся. Миѣ нравится меньше его *Крейцерова Соната* и не потому, что отъ нея вѣетъ «литературой», а просто оттого, что картина эта технически писана хуже предыдущей. Но все же надо сказать, что и это — вещь незаурядная. Какъ правдиво написана эта женщина, только-что игравшая на рояли и теперь предлагающая свои уста «ему», побѣдителю ея сердца. Ея бѣлая, породистая рука покоится на клавишахъ, одинъ изъ пальцевъ придерживаетъ еще взятую ноту, которая, вѣроятно, перестала звучать, разъ заговорили ихъ сердца. Въ обстановкѣ я замѣтилъ ту же архаичность и ветхость; старинный рояль, старинныя кресла краснаго дерева, неудобныя, но крайше симпатичныя; подсвѣчникъ подъ зеленымъ абажуромъ, голыя, бѣлыя стѣны. Какъ все это мило, уютно и не современно.

А теперь обратимся къ скульптурѣ.

Знаменитый Роденъ предсталъ на этотъ разъ съ великолѣпною скульптурой : *Викторъ Гюго*. Это не памятникъ и даже не статуя; это мраморный портретъ. Гюго, обнаженный, какъ античный богъ, полулежитъ среди груды скалъ, у подножія коихъ разбиваются съ нѣмой высокія волны океана. Онъ какъ бы прислушивается къ ихъ говору. Но лицо его непроницаемо, и нѣтъ возможности прочесть что-либо въ его глазахъ. Одна рука его простерта впередъ и упирается широко-раскрытою ладонью на обломокъ гранита, другая поддерживаетъ могучую, сѣдую голову.

Такимъ, по-моему, будетъ жить въ представлеіи нашихъ потомковъ великій авторъ *Légende des Siècles* и *Travailleurs de la Mer*. Весь его колоссальный трудъ омываемъ океаномъ, какъ его собственная жизнь, проведенная на половину вблизи грозныхъ волнъ. Гюго — Родена, полутитанъ, окруженный уже «легендой»,

существо почти что мифическое, плохо разгаданное и могучее, какъ стихія.

Нѣсколько удачныхъ бюстовъ, проектъ памятника Верлену работы Ньедергаузерна, мраморъ, *Тайна Бартоломэ*, высоко-талантливаго творца группы *Monument aux Morts*, находящейся теперь на кладбищѣ Père-Lachaise, произведенія Константина Менья, Александра Шарпантьэ, столь прекрасно зарекомендовавшимъ себя медальонами и барельефами, очаровательныя статуетки обворожительнаго Виллэ Вальгрена и множество бездѣлушекъ, могутъ вполне дополнить мой отчетъ о скульптурномъ отдѣлѣ и закончить этотъ обзоръ «Салона» Національнаго Общества, не претендующій ни на полноту, ни на неоспоримость выраженныхъ въ немъ мнѣній.

А теперь перейдемъ въ другой «Салонъ», въ залы, отведенныя «Société des Artistes français». Уже у порога вы остановитесь, пораженные... чудовищными размѣрами полотень, количествомъ картинъ и обиліемъ декоративныхъ панно, историческихъ и мифологическихъ сюжетовъ.

«Создатель! — думаете вы, — Какъ же я устану послѣ обозрѣнія всѣхъ этихъ залъ! Вѣдь ихъ звѣриное число — 36, а размѣщенныхъ въ нихъ картинъ около 3.000 (не считая рисунковъ, акварелей, пастелей, гравюръ и в. т.).

Ну, возможно ли при такихъ обстоятельствахъ добросовѣстное отношеніе ко всему выставленному; возможно ли критику все осмотрѣть и обо всемъ сказать не только пару теплыхъ, но пару и не теплыхъ словъ. Мнѣ жаль моихъ собратьевъ, французскихъ художественныхъ рецензентовъ, коимъ приходится особенно много бѣгать и отмѣчать подробно, до самыхъ мелочей. Они, бѣдные, за время выставокъ худѣютъ, блѣднѣютъ и становятся весьма раздражительными. Я ихъ понимаю и отъ души жалью. Но господа художники — тѣ пописываютъ и, какъ говорится, въ усъ себѣ не дуютъ. Чтò имъ за дѣло до репортерскихъ мукъ и даже до усталости публики.

И нигдѣ такъ не развита эта опасная и заразная болѣзнь, именуемая « гинертрофіей живописной маніи », какъ среди живописцевъ, экспонирующихъ въ « Обществѣ французскихъ артистовъ ». Эту болѣзнь уже много разъ клеймили, много разъ совѣтовали лѣчить и даже предлагали лѣкарства. Но не знаю уже почему, все какъ-то оставалось всегда ностарому и совѣтчиковъ не слушали. Недугъ же этотъ существуетъ по многимъ причинамъ : прежде всего потому, что Общество, имѣющее тѣсныя связи съ Институтомъ и Академіей Художествъ, пользуется правомъ раздавать награды, медали и почетные отзывы. А здѣсь, и даже среди художниковъ, до всего этого падки. Затѣмъ оно « штампуетъ » молодыя силы, выбрасываетъ ихъ на рынокъ, даетъ имъ рыночную цѣну и *autorité*!

Вотъ все это, а также официальное положеніе большинства заправилъ Общества и развило тотъ печальный недугъ, о которомъ я только-что говорилъ. Выставочное жюри очень снисходительно относится къ присылкамъ, принимаетъ много и охотно. Въ нынѣшнемъ году оно, на примѣръ, *ошиблось* и приняло около 600 полотенъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Приятная ошибка для художниковъ, но очень печальное недоразумѣніе для критики и серьезной публички. Потворство заправилъ Общества къ чрезмѣрному малеванію будетъ лежать на ихъ душѣ, равно какъ и стараніе придать наиболѣе официальный характеръ ихъ періодическимъ выставкамъ. Разнаго рода приманки и перспектива дешевой славы толкають многихъ на тотъ нуть, для успѣшнаго прохожденія коего у нихъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ. Такое положеніе ломаетъ молодыя силы и готовитъ имъ ужасное будущее. Официальность же въ искусствѣ тоже весьма печальное явленіе. Она связываетъ по рукамъ и по ногамъ; оно лишаетъ ясности и свободы и мѣшаетъ отнестись правдиво къ собственнымъ ощущеніямъ. А нигдѣ личный взглядъ, знаніе и независимость такъ не нужны, какъ въ дѣлѣ художества; не даромъ же даже на казенномъ языкѣ художниковъ зовутъ « вольными », « свободными ». Можетъ ли человѣкъ « схватывать », уловлять то, что его окружаетъ, если онъ связанъ программой и традиціями разъ установленнаго метода? Къ сожалѣнію,

большинство художниковъ « Общества Французскихъ Артистовъ » знать всего этого не хотятъ. Они не заглядываютъ строго въ себя, не спрашиваютъ, дѣйствительно ли они пригодны для артистической карьеры; они легко и охотно идутъ въ кабалу и подчиняются программамъ и вкусамъ, разъ это приноситъ имъ прибыль и барыши; многіе только работаютъ имѣя въ виду Салонъ, дабы « *coûte que coûte* » сорвать аплодисменты равнодушной толпы, пришедшей « посмотреть картинки ».

Но покинемъ область « общихъ идей » и войдемъ на выставку.

Я уже вскользь упомянулъ, что на ней громадное количество большихъ полотенъ и много панно и историческихъ и иныхъ сюжетовъ. Я далеко не врагъ такого сорта живописи. Я нахожу большую прелесть и интересъ видѣть хорошее историческое полотно; для меня является настоящимъ праздникомъ — прогулка по Версальскому музею или нѣкоторымъ заламъ Лувра; но меня несказанно утомляетъ такъ-называемый историческій анекдотъ, къ которому необходима цѣлая пояснительная страница текста. Къ сожалѣнію, я констатирую, что современная историческая и батальная живопись все болѣе и болѣе склоняется къ анекдоту, къ пустячному, единичному случаю; точно силъ, разумѣнія не хватаетъ у художниковъ — дабы *создать* что-нибудь цѣльное и общее. Можетъ быть, что ужь слишкомъ подгоняютъ они свои картины подъ вкусы публики, а особенно покупателей. Какъ все это жаль!

Лучшія полотна съ историческими сюжетами безспорно картины Фабера дю-Форъ : *1812 годъ* и *Послъ Бородинъ*; это двѣ искреннія и прочувствованныя композиціи. Знаменитый художникъ Детайль, представленъ крайне неудачно. Его *Маршалъ Массена*, прекрасно, впрочемъ, выписанный, даже слишкомъ прекрасно, лишь эпизодическая страница изъ жизни этого храбраго генерала. Это лишь иллюстрація къ его полной и подробной біографіи. За то мундиры выписаны замѣчательно, и все такъ точно : каждая пуговица, каждый кантикъ, выпушка у мѣста. Все вычищено, все блеститъ, все прилажено, но искусству тутъ совершенно нечего дѣлать.

Еще нѣсколько батальныхъ полотенъ, которыя смѣло можно занести въ списокъ полковыхъ анекдотовъ. Таковы : *Марбо при Іенѣ*, *Бонапартъ ожидаетъ резервы*, *Генералъ и ординарецъ* и т. п.

Переходъ къ собственно историческимъ картинамъ занимаетъ большое полотно художника Фландрена *Жанна д'Аркъ*, понравившаяся мнѣ своею простотой и мастерствомъ исполненія. Надо замѣтить, что сюжетъ этотъ столь избитъ, что необходимо обладать крупнымъ талантомъ и вкусомъ, дабы сдѣлать тутъ что нибудь дѣйствительно интересное и новое. Фландрену это удалось. Онъ представилъ Орлеанскую Дѣву молодой, здоровой крестьянкой, съ рѣшительнымъ видомъ и упрямымъ лицомъ. Ни тѣни слащавости и мистицизма и любимой условности въ выраженіи глазъ.

Мнѳологическій и собственно историческій отдѣлъ выставки заключаетъ въ себѣ много произведеній, большинство которыхъ лишь достигаютъ предѣловъ посредственности. Ихъ авторы, за малыми исключениями, тѣ самые молодые старцы, на которыхъ когда-то возлагались большія надежды. Они ихъ не оправдали, но, кажется, не особенно объ этомъ горюють. Въ настоящее время они утомительны и банальны. Въ нихъ нѣтъ искренности тѣхъ, за кѣмъ они слѣдуютъ, и не достаетъ смѣлости сказать живописи : « прости ». Они повторяють одно и то же изъ года въ годъ, топчутся на мѣстѣ и стараются изъ всѣхъ силъ скрыть за « шикарною » техникой или эксцентричностью сюжета убожество мысли и вкуса. Они умѣють обманывать и правиться. Примѣры : — Рошгроссъ (*Чудесное сказаніе о царицѣ Савской и о мудромъ Соломонѣ*), Таттэгрень (*Бретонская легенда*), Шалонъ (*Фрина на праздникъ Венеры*). Ихъ картины — это все какое-то собраніе зарисованныхъ, восковыхъ куколъ, наряженныхъ въ пышные или нищенскіе костюмы, кричащихъ тоновъ и аксессуаровъ съ претензіей на археологическія познанія. А между тѣмъ, послѣдніе два художника — ученики Лесевра, вдумчиваго художника, хотя и академика.

Кстати объ академикахъ.

Ихъ на выставкѣ много. Все это болѣе или менѣе « маститые » старцы, почившіе на лаврахъ. Ихъ нѣсенка спѣта. Таланты ихъ призна-

ны всѣми : у нихъ масса поклонниковъ, подражателей, учениковъ и т. п. Потому-то, а можетъ и не только потому, они застыли въ своемъ великолѣпіи и не видятъ, что жизнь вошла въ инныя формы; живи они хоть еще сто лѣтъ, они остались бы все тѣми же и только существенно прибавилось бы количество ихъ произведеній. Стоитъ ли поэтому говорить о нихъ подробно? Указывать на ихъ достоинства и недостатки? Конечно, нѣтъ!

Вотъ Бонна. Онъ выставилъ неудачный по письму и мало похожій портретъ президента республики и большое аллегорическое изображение Правосудія. Вотъ Жеромъ : *Тиванская равнина во время разлива Нила*, пейзажъ весьма далекій отъ жизненности и простоты. Бугеро : *Летающій амуръ*; амуръ скорѣе виситъ надъ лужей, чѣмъ порхаетъ. Что-то очень приторное, карамельное. Наконецъ, еще нѣсколько другихъ именъ, магическимъ образомъ дѣйствующихъ на публику.

Я не стану утомлять читателей перечетомъ множества посредственныхъ картинъ посредственныхъ художниковъ и потому, упомянувъ только, что на выставкѣ есть картина, озаглавленная *Битва при Саламинѣ*, что есть двѣ *Юдиши*, громадное полотно, изображающее *Праздникъ въ честь Вакха и Ариадны* кисти Жервэ, я перейду къ скульптурѣ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ, безспорно, *Гюммеморативный памятникъ уроженцамъ Гара, павшимъ въ войнѣ 1870-1871 г.* — Антонена Мерсье. Серіозныя качества этой скульптурной композиціи ярко бросаются въ глаза. Какой строгій рисунокъ, какое громадное знаніе компоновки и умѣніе самыми простыми сочетаніями дать большое и сильное настроеніе.

« *Тяжелый годъ* » (Франко-Прусская война) вдохновилъ и другаго скульптора, Франсуа Сикара. Онъ выставилъ проектъ памятника павшимъ на полѣ брани воспитанникамъ Турскаго Лицея. Стоящій за женщиной, олицетворяющей Францію, величественный кирасиръ въ самомъ дѣлѣ полонъ трагизма и скорбнаго величія. Это « одинъ изъ послѣднихъ », тотъ, кто долженъ « умереть или побѣдить ».

Мечты, ваятеля Гекзамера, служатъ переходною ступенью отъ большихъ композицій къ жанровымъ группамъ и бюстамъ, которыхъ, какъ то и положено, великое множество. Среди послѣднихъ я

замѣтилъ нѣсколько присылокъ Бернштама, бюстъ президента Луба, принадлежацій рѣзцу Эндерлинга, и другой «официальный»(!?), какъ значится въ каталогѣ, бюстъ того же Луба, работы столь раз-мельчавшагося Пюэша.

Здѣсь, я полагаю, можно будетъ поставить и точку. Много, очень много именъ пропущено мною, признаюсь я; но я старался дать лишь общую картину и выдвинуть впередъ лишь наиболѣе выдающиеся.

Май 1901.

ВЕСНОЙ.

Весенній «сезонъ» нынѣшняго года былъ особенно блестящъ и продолтителенъ. Открывшись скачками въ Шантильи (Derby day), онъ закончился лишь на прошлой недѣлѣ прелестнымъ «garden party» или, вѣрнѣе говоря, благотворительнымъ праздникомъ устроеннымъ нѣсколькими великосвѣтскими дамами въ пользу версальскихъ дѣтскихъ ясель, въ тѣнистомъ паркѣ Малаго Трианона, что подъ самымъ Версалемъ. Въ промежутокъ между двумя этими полюсами, то-есть въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, общественныя и приватныя увеселенія чередовались съ головокружительною быстротой.

Но прежде чѣмъ попытаться ихъ описать, я долженъ сказать хоть нѣсколько словъ о развѣздѣ Tout-Paris (можно произносить tout pourti), который, благодаря тропической жарѣ и отсутствію въ ближайшемъ будущемъ какихъ-либо mondanité, находится въ настоящую минуту въ полномъ разгарѣ. Мода уѣзжать изъ «тошнаго города» сейчасъ же послѣ Grand-Prix, то есть, значить, въ половинѣ іюня, давно уже прочно установилась, и рѣдко когда великосвѣтское и богатое общество разрѣшало себѣ отнестись пренебрежительно къ этому развѣ навсегда установленному правилу.

Въ нынѣшнюю весну, благодаря нѣкоторымъ запоздавшимъ баламъ и свѣтскимъ собраніямъ и отчасти Трианонскимъ торжествамъ, рѣшено было пробыть въ Парижѣ нѣсколько лишнихъ дней. Но теперь, когда праздничные огни окончательно погасли, когда оркестры перестали гремѣть и на залитый горячимъ, лѣтнимъ солнцемъ Парижъ, опустилась пелена будней, всѣ тѣ, кого не задерживаютъ здѣсь дѣла, служба или семейныя обязанности, спѣшатъ направить свои стопы кто на берегъ моря, кто за границу,

а кто и въ дорогѣ и фешенебельные курорты. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ за этими «баловнями Фортуны» потянется и другая партія парижанъ, калибра помельче, и Парижъ на два, на два съ половиной мѣсяца обратится въ пустыню, по которой будутъ разгуживать «руки въ боки и глаза въ потолоки» толпы иностранцевъ и провинціаловъ, — все жертвы музеевъ, памятниковъ, гидовъ, путеводителей и всемирной фирмы Кука.

Но закроемъ скобку и обратимся къ самому парижскому «season», прошедшему также быстро, какъ и погожее весеннее утро. Вы помните старинный пригвѣвъ «... Elle a vécu ce que vivent les roses, l'espace d'un matin».

День «Французскаго Дерби» — цѣлое событіе въ парижской жизни. Это не только праздникъ спортсменовъ и любителей скачекъ, но и одно изъ крупнѣйшихъ происшествій въ существованіи той людской агломерациі, которую принято называть «сливками общества». Безо всякаго преувеличенія можно сказать, что нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ не найдешь одновременно и на такомъ сравнительно крохотномъ пространствѣ, какъ скаковое поле, столько красивыхъ женщинъ и столько титулованной, богатой и изысканной по своей элегантности публики, какъ въ Шантильи, въ послѣднюю весеннюю скачку. Зато демократическій элементъ, вѣроятно потому, что туда надо ѣхать по желѣзной дорогѣ и потратить не мало времени и денегъ, всегда почти что отсутствуетъ. И, замѣтите; нигдѣ такъ плохо не работаетъ *pari mutuel*, по нашему «тотошка», какъ именно въ Шантильи, мѣстѣ rendez-vous всего, что есть въ Парижѣ богатаго и знатнаго. Прелестныя дамы и великолѣпные господа, цвѣтъ и гордость «современнаго Вавилона», весь этотъ классъ de la haute noblesse et de la haute banque, le Gotha et le Golgotha, предпочитаютъ любоваться скачущими лошадьми, самимъ собой и другъ другомъ. Они любятъ прогуливаться подъ тѣнистыми аллеями вѣкового парка, промывать ближнему косточки и слегка сплетничать, «потинировать», какъ здѣсь говорятъ (отъ *potins* — болтовня), чѣмъ играть запоемъ у «букмакеровъ» или въ официальной тотализаторъ, какъ это дѣлаютъ обычные посѣтители парижскихъ скаковымъ кру-

говъ. Понятно, играютъ и здѣсь, но въ большинствѣ случаевъ, лишь для того, чтобъ знакомые не говорили бы о вашей скудости или что вы человѣкъ совершенно не посвященный и потому не знающій, какая именно лошадь придетъ первую.

Около скаковаго круга въ трибунахъ, ложахъ и вдоль палисадовъ — море головъ, или вѣрнѣе говоря, цвѣтныхъ, легкихъ шляпокъ, котелковъ и вылощенныхъ на славу цилиндровъ. Раздается звонокъ, стартеръ опускаетъ флагъ и пять длинныхъ мускулистыхъ лошадей, съ сидящими на нихъ разноцвѣтными жокеями, похожими издали на куколъ или еще лучше, на наряженныхъ обезьянъ — стремительно бросаются впередъ. За ними слѣдятъ сотни глазъ и сотни же биноклей разныхъ цвѣтовъ, величинъ и достоинствъ. Но вотъ они подходятъ къ выйгрышному столбу. Разговоры становятся громче, слышны женскія взвизгиванія и затѣмъ громъ апплодисментовъ по адресу побѣдителя. Однако, уже черезъ нѣсколько минутъ вниманіе публики переносится на другой предметъ. Начинается хожденіе вдоль трибунъ, передъ ложами, киванія и приподыманія шляпъ передъ знакомыми, разглядываніе дамскихъ туалетовъ, перекликанія, пересуды. Въ толпѣ важно прогуливаются законодатели модъ, модные дамскіе портные и портнихи : они отмѣчаютъ удачные наряды и критикуютъ « créations » собратьевъ. У входа въ трибуны репортеры записываютъ имена дамъ свѣта и полу-свѣта.

— Не забудьте упомянуть и мою фамилію, шепчетъ одна изъ этихъ дамъ представителю распространенной бульварной газеты.

— Вашъ портной?

— Господинъ X изъ улицы Z.

— Извините. Невозможно. Господинъ X ни разу не рекомендовалъ себя въ нашемъ органѣ.

Послѣ скачевъ чаепитіе на террасахъ двухъ главныхъ кафе. Тутъ, отчасти, вниманіе сосредоточено на развѣздѣ. Хотя до вокзала не болѣе получаса ходьбы, многіе богачи или желающіе прослыть таковыми отправляются туда или въ шикарныхъ и дорогихъ экипажахъ, или въ грузныхъ автомобиляхъ, апокалипсическихъ звѣряхъ, пытящихся и грохочущихъ.

Вдругъ мимо веранды Hôtel du Grand-Condé проходитъ, окруженный нѣсколькими господами въ скюртукахъ, высокій мужчина въ сѣромъ цилиндрѣ, съ большою сѣдою бородой.

« Бельгійскій король ! » — проносится въ толпѣ, и дамы и кавалеры, забывъ чай и сэндвичи, бѣгутъ къ окнамъ, спотыкаясь и подбирая юбки. Раздается нѣсколько возгласовъ : « Vive le Roi ! » Двѣ, три барыни машутъ платками, аплодируютъ. Леопольдъ, изысканно раскланиваясь и улыбаясь проходитъ мимо.

Теперь возбужденіе отъ этой встрѣчи нѣсколько улеглось. У прилавка, гдѣ разставлены блюда съ холодными кушаньями, настоящая давка. Какіе то два верзила хватаютъ черезъ головы стоящихъ передъ ними дамъ ломти ветчины и бутылки *пель-еля*, кисловатаго англійскаго пива.

— Невѣжа ! шепчутъ красивыя уста хорошенькой дамочки и, поправляя свою сбившуюся на бокъ шляпу, она, сердитая, отходить отъ буфета.

— Это Американцы, говорятъ ей ея спутницы, дабы ее успокоить.

— Хороши ! Нечего сказать ! Des peaux-rouges décadents, не унижается та.

— А каковъ Бельгійскій король ! восклицаетъ кто-то тутъ же рядомъ. Говорятъ онъ пріѣхалъ на автомобилъ прямо изъ Брюсселя.

— Ахъ, онъ удивительный спортсменъ.

— Вотъ какого бы короля слѣдовало бы намъ имѣть, вздыхаетъ третій.

Къ вечеру Шантильи, пустѣетъ. Въ чудныхъ, тѣнистыхъ аллеяхъ, окружающихъ вѣковой замокъ принцекъ Кондэ, — тишина и просторъ. Блѣдный дискъ луны отражается въ зеркальной поверхности громаднаго пруда; гдѣ-то въ отдаленіи, меланхолично протягивая заключительную трель, томно поетъ соловей. Хорошенькій, чистенькій городъ глубоко спитъ и только въ многочисленныхъ « барахъ » около вокзала и вокругъ главной площади жокеи и *lad*'ы (конюха) пьютъ *whisky and soda* и считаютъ барыши.

Въ слѣдующее воскресенье въ Auteuil, на « Grand steeple-chase » почти-что та же публика и почти тѣ же разговоры. Но за эту недѣлю « избранники » уже успѣли побывать на двухъ цвѣточныхъ корсо, устроенныхъ парижскою печатью въ пользу « кассы вспомошествованія жертвамъ долга » (Victimes du devoir), а накануне въ Большой Оперѣ на бенефисѣ отставной артистки Французской Комедіи Мари Лоранъ.

Эти свѣтскія происшествія служатъ во многихъ кружкахъ темой для разговоровъ. Однако, присутствіе президента Лубэ и двухъ, трехъ министровъ даетъ поводъ нѣкоторымъ непочтительнымъ господамъ, все еще фрондирующимъ республику и ея представителей, вспомнить, какъ будто невзначай, печальныя отейльскія событія 1899 года. Но ихъ плохо слушаютъ и большинство болтаетъ о вещахъ, ничего не имѣющихъ общаго съ политикой.

Развѣздъ со скачекъ еще до сихъ поръ занимаетъ парижанъ. Онъ если и не столь живописенъ и элегантенъ, какъ въ былыя времена (это, впрочемъ, по увѣренію старожиловъ), то все-таки представляетъ куріезную картину, которою не долженъ пренебрегать описатель современности и поэтъ « de l'humanité qui passe ».

Длинной, безконечной лентой тянутся, сначала по аллеѣ акацій Булонскаго лѣса, затѣмъ по широкой Avenue du Bois, до самыхъ Триумфальныхъ Воротъ, вереницы экипажей элегантныхъ, скромныхъ и просто « такъ себѣ ». Но « омелчаніе состояній » и « раздѣлъ капитала » замѣтны и тутъ. На одинъ « собственный » экипажъ приходится пять, шесть наемныхъ и нѣсколько десятковъ извозчичьихъ колясокъ. Сидятъ въ нихъ лица, также достойно свидѣтельствующія объ упадкѣ общественнаго вкуса, порядка и о нивелирующей способности демократическаго строя. Рядомъ съ элегантною запряжкой и роскошно одѣтыми дамами и кавалерами, — скромный « ванька » со столь же скромными сѣдоками, живущими на « скромныхъ началахъ ».

Всѣ эти ходячія « антитезы » сталкиваются, смѣшиваются, перегоняютъ другъ друга, но между ними одно лишь общее : ребяческое стремленіе какъ можно лучше и полнѣе повеселиться или

показать себя на потраченные деньги. И что за типы встречаются тутъ, что за жалкіе или омерзительные экземпляры людской породы, выдѣляются изъ ихъ среды, сколько ничтожностей въ павлиньихъ перьяхъ, сколько печальныхъ «уродовъ съ того свѣта».

Вся эта людская толпа проносится, или, лучше сказать, протекаетъ мимо любопытнаго зрителя, таѣ, подѣ кисло-сладкой улыбкой, подѣ личиной равнодушія или разсѣянности, тайныя вождельнія, душевныя смуты, ненасытныя аппетиты и страсти. У Триумфальныхъ Воротъ экипажи развертываются вѣеромъ по всѣмъ сторонамъ громадной площади, унося въ далекіе кварталы столицы этихъ живыхъ маріонетокъ великой жизненной сцены.

И, провожая ихъ глазами, невольно вспоминаешь припѣвъ этой злой, но столь правдивой пѣсни :

. . . Elles font, font, font, les petites marionnettes,
Trois petits tours et puis . . . s'en vont. »

Le Grand-Prix de Paris разыгрывается, обыкновенно, черезъ недѣлю послѣ отейльскаго Steeple-Chase. Промежутокъ между двумя этими скачками принято называть «grande semaine». Но на самомъ дѣлѣ ничего великаго или особенно замѣчательнаго не происходитъ за эти шесть дней, если не считать такъ-называемой journée des Drags, на которой присутствуетъ лишь очень ограниченное число посѣтителей.

La journée des Drags, — это праздникъ «мейль-кочей».

На отейльскомъ скаковомъ кругу, почти-что рядомъ съ клубомъ любителей игры въ «polo», сейчасъ-же послѣ скачекъ собираются десятка два этихъ громоздкихъ экипажей, запряженныхъ четверикомъ. Въ продолженіе получаса они эволюируютъ по подстриженному газону, затѣмъ выстраиваются напротивъ президентской ложи и получаютъ изъ рукъ прелестныхъ дамъ призы, награды и похвалы. Имѣть почетный отзывъ за безукоризненную ѣзду и запряжку считается такою честью, что владельцы «мейль-кочей» или любители такого сорта экипажей, не жалѣютъ ни

денегъ, ни хлопотъ, ни даже интригъ, только бы достигъ желаемаго.

Послѣ раздачи наградъ все общество въ экипажахъ или пѣшкомъ, — благо это близко, — отправляются на ипподромъ любителей «роу», гдѣ день обыкновенно заканчивается блестящей, а часто и сенсационной партіей, въ которой всегда принимаетъ участие самый цвѣтъ парижскаго (французскаго и космополитическаго) великосвѣтскаго общества.

Иностранному туристу, желающему узнать, что такое элегантнѣйшій и фешенебельнѣйшій Парижъ, прямо слѣдуетъ рекомендовать этотъ спортивный день. Съѣздивши, кромѣ того, въ Шантильи, въ день французскаго Дерби, онъ будетъ имѣть хоть и поверхностное, но все-таки весьма выпуклое представленіе о томъ, что такое «Tout-Paris», какъ и чѣмъ онъ живетъ и забавляется. Онъ достаточно пойметъ его психологію. Въ день «drag'овъ» и на скачкахъ, въ городѣ принцевъ Кондэ, любопытный зритель легко увидитъ, насколько искусственно создано это веселящееся и праздное общество; но онъ оцѣнитъ красоту его женщинъ, корректность мужчинъ, а если къ тому же онъ еще и аристократъ по духу или рожденію или артистъ, то ему представится тутъ великолѣпный случай вкусить прелесть женской граціи, облеченной въ художественный нарядъ, и весь престижъ обособленной касты еще не совсѣмъ забытой традиціи своихъ предковъ.

Но незавидна будетъ участь того путешественника, который, основываясь на когда-то слышанныхъ разсказахъ или опираясь на газетные отзывы или французскіе романы, станетъ искать «beau monde» въ толпѣ, возвращающейся со скачекъ въ день «Grand Prix» или на прогулкахъ въ Будонскомъ лѣсу среди бѣлаго дня. Онъ встрѣтитъ лишь скиснувшія сливки и въ оперѣ и въ модныхъ ресторанахъ и пр. Парижская великосвѣтская публика, равно какъ и знаменитости прячутся довольно умѣло; у нихъ свои дни въ театрахъ, свои излюбленные часы и мѣста прогулокъ и собраній. Поэтому не слѣдуетъ путешественнику предполагать, что стобитъ ему лишь проѣхаться вдоль Avenue du Bois или сходить вечеромъ въ верхнюю

залу кабака *Maxims'a*, дабы встрѣтить тамъ того графа, князя или моднаго писателя и артиста, имя коего онъ прочелъ за утреннимъ кофе въ свѣтскихъ отчетахъ *Figaro* и *Gaulois*.

Grand-Prix въ настоящее время сильно дискредитированъ. Теперь, это — лишь официальный скаковой день и громадное народное гуляніе. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе теряетъ свою прежнюю оригинальность и сенсационность. Но въ этотъ день, въ Лоншанѣ, слѣдуетъ быть тому, кто интересуется жизнью и вибраціей толпы.

Противъ трибунъ, въ дешевыхъ мѣстахъ, сосредоточенъ весь интересъ дня. Тамъ кишитъ «бѣдное и убогое» человѣчество, зарабатывающее потомъ и кровью свое скудное пропитаніе. И тамъ же идетъ самая жаркая и ожесточенная игра. Понятно, качество лошадей и ловкость ѣздоковъ переводятся, въ трехъ и однофранковыхъ мѣстахъ, на звонкую монету, но и тамъ, не рѣдкость, встрѣтить любителей чистаго спорта и людей, живущихъ исключительно скачками и ради скачекъ. Очень любопытенъ разѣздъ или, лучше сказать «расходъ» этой части скаковой публики. Тысячи, десятки тысячъ людей отъ мала до велика валятъ валомъ къ городу черезъ поля и придорожную часть Булонскаго лѣса. Омнибусы и трамваи берутся съ бою; вагоны городской поясной желѣзной дороги полны биткомъ; извозчики нанимаются въ складчину. Весь этотъ людъ снуетъ, хохочетъ, веселится по своему, и повѣрьте, отъ чистаго сердца. Но встрѣчаются и хмурые и недовольныя лица. То — проигравшіеся. Однако, они теряются въ толгѣ и ихъ стоны и сѣтованія заглушаются крикомъ ребятъ, свистомъ локомотивовъ и всѣмъ этимъ неопредѣленнымъ шумомъ, что всегда сопутствуетъ проходящей толпѣ.

Въ лѣсу, около дорожекъ, на подмосткахъ, на табуретахъ, а иногда даже и на раскрытыхъ зонтикахъ подозрительнаго вида джентльмены играютъ въ карты. Обыкновенно играютъ въ такъ называемый «*bonneteau*». Одинъ изъ благородныхъ синьоровъ, котораго уже давно ждетъ тюрьма и разыскиваетъ сыскная полиція, на глазахъ у десятка зрителей быстро перекладываетъ три карты,

обыкновенно три туза. Вамъ предлагаютъ играть, то-есть угадать, гдѣ находится намѣченный вами тузъ, — въ срединѣ ли, направо или налево. Хотя джентльменъ и показываетъ вамъ постоянно карты и передвигаетъ ихъ, съ позволенія сказать, передъ вашимъ носомъ, но все-таки и почти всегда вы проигрываете и платитесь кошелькомъ. Если же, что бываетъ довольно рѣдко, вы отгадали, то происходитъ перебранка, табуретъ, какъ бы нечаянно, опрокидывается, карты падаютъ и приходится начинать все сызнова. Но иногда, дабы затянуть игрока, джентльмены даютъ ему выиграть нѣсколько десятковъ франковъ, и на такую-то удочку попадается невѣроятное количество простаковъ. Такого сорта игры, понятно, строго запрещены, а потому въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ игроковъ разставлены «малые», обязанность коихъ предупреждать о грозящей опасности. Какъ только показывается вдали темная фигура городского или лѣснаго сторожа, табуретъ или зонтикъ моментально исчезаетъ, джентльмены утекаютъ въ кусты, а публика спѣшитъ разойтись. Но вотъ блюститель общественной тишины и порядка скрылся за поворотомъ аллеи, табуретъ или зонтикъ появляются снова и опять начинается игра мошенническая, съ одной стороны, и глуподовѣрчивая — съ другой. Иногда происходятъ драки, схватки. На крики сбѣгаются нѣсколько дюжихъ «полисменовъ», схватываютъ правыхъ и виновныхъ и тащатъ въ участокъ. Тамъ «все разберутъ» и отдѣлятъ козловъ отъ барановъ.

Вечеромъ того же дня въ Pavillon d'Armenonville, модномъ кафе-ресторанѣ, за покрытыми бѣлоснѣжною скатертью столами, заканчиваютъ трапезу нѣсколько дамъ и мушинъ, которыхъ можно отнести и къ великосвѣтскому и иному обществу. На небольшой эстрадѣ музыканты, — румынскіе цыгане, — въ красныхъ курткахъ, съ нахальными и глупыми лицами играютъ вѣнскіе вальсы и венгерскія рапсодіи. Среди лязга ножей и звяканія посуды со стороны Булонскаго лѣса долетаетъ грохотъ запоздалыхъ экипажей и пьяные возгласы гулякъ. У входа въ садъ ресторана за выкрашенными въ зеленый цвѣтъ столиками на, неудобныхъ стульяхъ сидитъ праздничная толпа, состоящая изъ представителей того, что при-

нято называть « чистой публикой ». Она потягиваетъ изъ стакановъ, чашекъ и бокаловъ разныя дорогія и дешевыя жидкости, носящія на рестораннымъ жаргонѣ самыя замысловатыя имена. Къ подъѣзду павильона, гдѣ сидитъ обѣдающая публика, то и дѣло подкатываютъ коляски, фаетоны и автомобили. Изъ нихъ выскакиваютъ разныя воздушныя созданія, напоминающія то « прекрасную Отеро », то « обворожительную Лянъ де-Пужи » или другихъ театральныхъ и полусвѣтскихъ львицъ. Стоитъ тупой гулъ сотенъ голосовъ. Большіе электрическіе шары мигаютъ и освѣщаютъ своимъ холоднымъ, равнодушнымъ свѣтомъ подведенныя очи, нарумяненныя щеки и кирпичнаго цвѣта лица всѣхъ этихъ кутиль обоого пола.

Но вотъ на темномъ горизонтѣ взвилась со стороны города первая ракета. Она описала полудугу, и какъ бы разбившись о небесный сводъ, рассыпалась тысячью красноватыхъ огоньковъ. За нею послѣдовала сейчасъ же другая, потомъ третья.

Публика смотритъ, зѣваетъ, видимо ее трудно « размолодить » такого сорта развлеченіемъ. Впрочемъ, эта простая забава устроена не для нихъ, и инстинктивно понимая это, сборище зѣвакъ и пресытившихся господъ охотно допускаетъ, что тамъ, откуда пущены эти ракеты, существуетъ иное человѣчество, болѣе здоровое и простое. . . . « Гдѣ-то блаженства цвѣты расцвѣтали ».

Они отворачиваютъ головы отъ звѣднаго неба и съ фальшивыми улыбкама не то презрѣнія, не то жалости обращаютъ свои взоры вокругъ себя, какъ бы ища въ окружающемъ, оправданія своему образу жизни и своему душевному маразму. Съ ужимками, съ врожденными, а иногда даже и искусственными тиками, говорятъ они о неудавшемся « ночномъ праздникѣ » въ залахъ Большой Оперы, о предстоящемъ трианонскомъ благотворительномъ базарѣ, о новинкахъ будущаго театральнаго сезона, о женскихъ тряпкахъ, о побѣдителяхъ Grand Prix и т. п. Но за этими, сотни разъ повторяемыми фразами слышатся часто отзвуки душевныхъ смутъ и въ головѣ, почти независимо отъ ослабѣвшей воли, встаетъ то и дѣло роковой вопросъ : « Какъ и чѣмъ будемъ мы жить завтра ? » Это мучаетъ и

пугаетъ ихъ, мужчинъ и женщинъ, больше чѣмъ перспектива смерти, больше чѣмъ недуги, которыми они страдаютъ.

Праздникъ и веселье въ полномъ разгарѣ. Хлопаютъ пробки, женщины визжатъ, прислуга суетится. А часы бѣгутъ, торопятся . . . но, вѣдь, « счастливые » часовъ не наблюдаютъ.

Я лично весь день Grand Prix провелъ за городомъ; сначала на *five o'clock tea*, устроенномъ Робертомъ де-Монтескье, извѣстнымъ поэтомъ и художественнымъ критикомъ въ своей новой виллѣ въ Neuilly, въ небольшомъ кокетливомъ домикѣ, окруженномъ великолѣпнымъ столѣтнимъ паркомъ; затѣмъ въ Сень-Жерменъ, откуда любовался вечернею панорамой обширнаго Парижа.

У Монтескье, въ « Павильонѣ Музъ », въ знаменитомъ « *Rosarium* », гостиной полной несравненныхъ, мохнатыхъ розъ, среди шедевровъ всѣхъ эпохъ и странъ, на хрупкихъ стульяхъ и диванчикахъ, красивый и пестрый рой элегантныхъ женщинъ съ барскими чертами лица и осанкой. Блѣдными, нѣсколько выцвѣтшими пятнами стелятся ковры и шелковыя матеріи по полу и на розоватыхъ стѣнахъ помещенія. Тамъ и сямъ рѣдкія *bibelots* и картины; на столикахъ книги въ дорогихъ переплетахъ, въ высокихъ бокалахъ нѣсколько особенно рѣдкихъ цвѣтовъ, издающихъ нѣжный, почти ласкающій ароматъ. Все дышетъ нѣгой, комфортомъ и полнымъ артистическимъ вкусомъ. Черезъ два громадныхъ окна комнату заполняетъ заходящее солнце и, купаясь въ его золотистыхъ лучахъ и чуть замѣтной пыли, Берта Бади, молодая драматическая артистка декламируетъ отчетливымъ контральто Бодлеровскій *Madrigal triste* :

Que m'importe que tu sois sage?
Sois belle et sois triste! Les pleurs
Ajoutent un charme au visage,
Comme le fleuve au paysage;
L'orage rajeunit les fleurs.

.....

За нею на стѣнѣ виситъ единственный въ своемъ родѣ коверъ, вывезенный хозяиномъ-артистомъ изъ какого-то испанскаго монастыря, а почти рядомъ, открывая свои золоченыя объятія, — глубокое «tête-à-tête», отдѣланное старинною бронзой и маленькими розами изъ настоящаго сакса.

Послѣ чашки чая и нѣсколькихъ сандвичей, поданныхъ въ низкой столовой, сплошь увѣшанной японскими «какемонэ» прошлыхъ вѣковъ — разѣздъ многочисленныхъ гостей. Меня и двухъ, трехъ моихъ друзей уносить быстрый автомобиль по направленію къ Сенъ-Жерменъ, гдѣ подъ громадными каштанами, на единственной въ мірѣ террасѣ парка, мы наслаждаемся послѣдними минутами весеннихъ сумерокъ. Потомъ, обѣдъ въ длинной, ярко освѣщенной столовой прекраснаго ресторана, дружеская, легкая бесѣда, порхающая какъ весенній мотылекъ, залетѣвшій на огонь въ темную комнату, и долгая прогулка вдоль обрыва, что доминируетъ надъ Сеной и откуда такой чудесный видъ на Парижъ. Теперь, въ вечернемъ сумракѣ, покоясь вдали точно громадное, чудодѣйское животное, онъ горитъ миллиардами небольшихъ, разноцвѣтныхъ огней. Кто-то изъ насъ вспоминаетъ чудные стихи Верхарна :

..... Lorsque les soirs
Sculptent le firmament de leurs manteaux d'ébène,
La Ville au loin s'étale et domine la plaine
Comme un nocturne et colossal espoir;
Elle surgit : désirs, splendeurs, hantises.
Sa clarté se projette en miroir,
Son gaz myriadaire en buisson d'or s'attise.
.....
C'est « la Ville tentaculaire ! »

Въ Маломъ Трианонѣ, въ рамкѣ изъ газона, плюща, стройныхъ тополей и вѣковыхъ дубовъ, прелестная идиллія, столь же нѣжная по краскамъ, какъ и воздушныя композиціи Ланкрэ и Патера. Вокругъ покосившихся хижинъ и домиковъ, современниковъ Мари-

Антуанетты, пестрая вереница хорошенькихъ дѣвушекъ въ соломенныхъ шляпкахъ à la Louis XVI, въ легкихъ цвѣтныхъ платьяхъ и тюлевыхъ косыночкахъ, продаютъ посѣтителямъ парное молоко, деревенскія лепешки и сырники. Далѣе, около водяной мельницы нѣсколько осликовъ апатично ожидаютъ нагрузки и тутъ же, прелестный ребенокъ, сынъ мельника, играетъ на самодѣльномъ кларнетѣ чувствительную пастораль. Тамъ и сямъ крестьянки въ пестрыхъ нарядахъ продаютъ букетики, трогательныхъ и наивныхъ незабудокъ, воспоминанія о нѣсколькихъ минутахъ, проведенныхъ въ Hameau de la Reine, и откуда-то доносятся отрывки увядшихъ мелодій Люлли и Гретри.

Художественная попытка воскресить и оживить на нѣсколько часовъ королевскую деревню «Малаго Трианона», гдѣ когда-то великолѣпныя маркизы съ королевой во главѣ играли въ «пастушекъ» и «пастушковъ», принадлежитъ старанію и опытному вкусу маркиза де-Нолакъ, хранителя и директора Версальскаго дворца. Съ помощью нѣсколькихъ великосвѣтскихъ дамъ и дѣвицъ, нашедшихъ прекрасный случай нарядиться въ костюмы своихъ прабабушекъ, ему удалось дать намъ картину если и не совѣмъ точную, то во всякомъ случаѣ оригинальную, колоритную и единственную въ своемъ родѣ. Понятно, вина не его, если наше зрѣніе было часто неприятно поражено невяжущимся сочетаніемъ современнаго съ прошедшимъ (большинство посѣтителей было одѣто по модѣ XX столѣтія) и подучаемымъ, потому, впечатлѣніемъ удачнаго маскарада. Но добродушіе и предупредительность временныхъ хозяекъ «hameau» было столь велико и искренно, что невольно мы забывали о непреодолимыхъ погрѣшностяхъ и недочетахъ. Красивыя, нарядныя женщины, прекрасный, погожій день, музыка, пѣніе, «минуетъ», настоящихъ танцовщицъ на лугу, вблизи заскувшаго пруда, добрая чашка густаго молока, — все это способствовало полученію или сохраненію хорошаго расположенія духа. Только любители копошиться въ ужасахъ прошлыхъ дней, да профессиональные ворчуны (отъ которыхъ нигдѣ не убережешься) находили нужнымъ или остроумнымъ вспоминать плачевный

конецъ той королевы, для которой былъ устроенъ этотъ цвѣтущій уголокъ.

Онъ былъ ей подаренъ Лудовикомъ XVI во время завтрака, за которымъ была произнесена слѣдующая фраза : « Королева, я знаю, вы любите цвѣты. У меня припасенъ для васъ цѣлый букетъ : Малый Трианонъ ». Тамъ Мари-Антуанеттъ провела лучшіе дни своей жизни. Тамъ, скинувъ корону и мантию, весь официальный строй и дворцовый этикетъ, который она переносила съ трудомъ (она была столь молода и такъ хрупка), она жила помѣщицей, заботясь лично о сѣнокосѣ, о своихъ стадахъ и фермѣ. Прогулки въ деревню, населенную тогда *настоящими* крестьянами и крестьянками, были также однимъ изъ ея развлеченій. Тамъ давались вечеринки, праздники (такъ-называемыя « *berquinades* »), въ которыхъ королева танцевала до упада.

Въ день послѣднаго праздника въ Трианонѣ мнѣ почудилось ее видѣть на яву. Около « храма Любви », плавно скользя по зеленому газону въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня прошла женщина въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ пудрѣ, въ живописной плятѣ à la Lamballe, съ высокою тростью въ рукахъ. Но, подойдя къ ней ближе, я увидалъ не безъ разочарованія, что горько ошибся : передо мной стояла графиня де-Кастеланнѣ, урожденная гжа Гуль, дочь американскаго милльярдера, нажившаго свое состояніе разнаго рода опасными спекуляціями . . .

Іюнь 1901 г.

ВЪ ТЕАТРЪ.

Въ парижеской жизни, основанной, главнымъ образомъ, на bluffъ и комедіанствѣ, сценическое искусство занимаетъ, фатальнымъ образомъ, одно изъ первыхъ мѣстъ, если не самое первое. Странный міръ театра, съ его пошлостью, условностью, съ его пороками, поверхностной образованностью, фальшивымъ изяществомъ, замаскированной нищетой и поддѣльными чувствами и брильянтами, резюмируетъ какъ нельзя лучше самое общество. Отсюда его привлекательность и популярность; отсюда также и то понятное явленіе, что двѣ трети здѣшнихъ газетъ заполнены театральными рецензіями, отчетами, новостями и всякаго рода пересудами и сплетнями, касающимися извѣстныхъ, любимыхъ и модныхъ актрисъ и актеровъ прославленнаго Cabotinville.

Совершенно не предполагаю слѣдовать за моими французскими собратьями въ дѣлѣ описанія малѣйшихъ « faits et gestes » разныхъ влюбленныхъ « сосьетеровъ » и очаровательныхъ « пансіонерокъ », я ограничусь лишь тѣмъ что опишу здѣсь одно изъ тѣхъ « представленийъ » на которыхъ мнѣ довелось присутствовать. Оно довольно характерно и можетъ, пожалуй, служить показателемъ господствующихъ претензій, потребностей и вкусовъ.

.....
Кто-то сказалъ, что надо имѣть много характера и такта, чтобы прекратить свою дѣятельность во-время.

Я предполагаю, что этихъ словъ Иветтъ Гильбертъ не знаетъ или не помнитъ, иначе она не выступила бы вновь послѣ долгодѣтельной отставки передъ той самой публикой, которая знала ее молодой, очаровательной, окруженной ореоломъ славы. Иветтъ Гильбертъ или, какъ ее зовутъ парижане, « Иветтъ » была, еще не такъ давно знаменитостью. Она изобрѣла особый жанръ шансонетки и полумонологовъ и послѣ долгой « карьеры » въ Парижѣ, объѣхала

съ этимъ багажомъ всѣ столицы Европы и крупныя центры Америки, а затѣмъ почилъ на лаврахъ. Что вернуло ее къ дѣятельности, — а не знаю и не могу понять, но фактъ тотъ, что мнѣ пришлось ее видѣть на крохотной сценѣ театра Бодиньеръ. Этотъ театрикъ, такъ же, какъ и «Иветтъ», пережилъ свою славу. Еще года три-четыре тому назадъ въ немъ собирались во время дневныхъ представлений сливки литературнаго и артистическаго міра Парижа. Le Tout-Paris отряжалъ туда свои лучшія силы. Тогда тамъ давались маленькія пьески и пантомимы, распѣвались романсы молодыхъ музыкантовъ, «подающихъ надежды», и читались разнаго рода conférences. Не все, что тамъ давалось, было удачно и не всѣ артисты были талантливы, но публика рѣдко когда скучала, такъ какъ знала другъ друга хорошо и ходила въ театръ, какъ ходятъ въ клубъ или въ гости, чтобы увидѣть знакомыхъ и поболтать между собой. Красивыя женщины въ элегантныхъ нарядахъ вносили веселье и оживленіе, модныя романисты, поэты, художники, члены извѣстныхъ клубовъ придавали этимъ собраніямъ особую, единственную въ своемъ родѣ окраску. Но прошла мода на маленькія пьески, пасторали, конференціи знаменитостей и романсы молодыхъ, бритыхъ музыкантовъ, съ моноклями и въ чрезвычайно длинныхъ сюртукахъ, — и театрикъ опустѣлъ. Теперь онъ ожилъ на время благодаря Иветтѣ Гильберъ, репертуаръ которой на этотъ разъ состоялъ изъ романсовъ и стихотвореній. Но что это была за «Иветтъ». Въмѣсто тоненькой, худенькой женщины съ шаловливо-вздернутымъ носикомъ, въ неизмѣнныхъ черныхъ перчаткахъ и бѣломъ платьѣ, — женщины, поющей или скорѣе мурлыкающей разный вздоръ кафешантановъ, — передъ нами появилась въ тотъ вечеръ тучная особа, въ какомъ то цвѣтномъ нарядѣ съ претензіей на костюмъ «бержерки» и съ двойнымъ подбородкомъ. Только и оставалось стараго, что шаловливый носикъ.

Иветтъ Гильберъ была представлена многочисленной публикѣ (какъ будто ее надо было еще представлять) художественнымъ критикомъ Арсеномъ Александромъ. Онъ сидѣлъ за столикомъ, на крохотной сценѣ театрика, а рядомъ съ нимъ, сложивъ ручки на

животикъ и, состроивъ губки « бантикомъ », стояла сама « дива ». Г. Александръ говорилъ :

— « . . . Теперь М^{ме} Иветтъ Гильберъ споетъ намъ *L'invitation au voyage*. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній Бодлэра, поэта тончайшихъ чувствъ и анализа. *L'invitation au voyage*, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, — это мечта о далекихъ странахъ, (*пауза*) это воспоминаніе о чудныхъ пейзажахъ, залитыхъ горячимъ солнцемъ (*новая пауза*). Впрочемъ, если вы мнѣ позволите, то я прочту этотъ знаменитый « *погсеаи* »; такимъ образомъ вы будете имѣть возможность оцѣнить его сами. Послѣ этого г-жа Иветтъ Гильберъ познакомитъ насъ съ прелестной музыкой, которую написалъ на слова Бодлэра талантливый и симпатичный Морисъ Роллина. »

Monsieur Александръ читаетъ *L'invitation au voyage*; читаетъ съ трудомъ какъ человѣкъ, который никогда не читалъ стиховъ. Но, не смотря на это, онъ весьма доволенъ, онъ пышетъ гордостью. Еще бы ! Благодаря ему мы знаемъ теперь, что за поэтъ Бодлэръ и что за пѣвица неподражаемая Иветтъ.

Вокругъ меня, въ зрительной залѣ, много извѣстныхъ и « славныхъ » парижанъ. Вотъ почти вся редакція газеты *Фигаро*, съ г. Корнели во главѣ. Корнели сидитъ въ ложѣ и аплодируетъ, когда аплодируетъ партеръ. Въ промежуткахъ онъ смотритъ на романиста Ренэ Мазеруа, какъ будто не вѣря своимъ глазамъ, что на свѣтѣ существуютъ такіе красавцы. Эммануэль Аренъ улыбается своей вѣчной улыбкой. Анри Фукъа смотритъ укроткой на часы и собирается дать « тягу »⁽¹⁾.

Среди публики очень много друзей и знакомыхъ г-жи Гильберъ. Есть также и пріятели г. Бодиньэ и музыканта Роллина. Весь этотъ людъ аплодируетъ съ какимъ-то бѣшенствомъ и остервененіемъ.

Иветтъ подходитъ къ рампѣ и, въ свою очередь, произноситъ :

— « *L'invitation au voyage, par Charles Baudelaire, musique de Maurice Rollinat.* »

⁽¹⁾ Сколько переживъ съ тѣхъ поръ ! Фукъа умеръ; Корнели исчезъ съ парижскаго горизонта, а остальные постарѣли и повыходились.

Улыбка, поклонъ, приложеніе носового платка къ губамъ, риту-
нель въ оркестрѣ : піанино, скрипка, віолончель, арфа. Начинается
пѣніе :

Mon enfant, ma sœur,
Songe à la douceur
D'aller là-bas vivre ensemble !

.....

Духи, пудра, косметики и эманации многочисленной публики на-
чинаютъ давать себя чувствовать и составляетъ постоянную и спе-
ціальную « атмосферу » здѣшнихъ театральныхъ залъ.

Фукъэ встаетъ, позевываетъ и уходитъ. Я слѣдую за нимъ . . .

Іюль 1901 г.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Попытки украсить и придать болѣе художественную форму тѣмъ вещамъ, которыми мы ежечашно пользуемся, а также стараніе наложить на нашу домашнюю обстановку современный отпечатокъ зародились впервые въ Англіи, странѣ по преимуществу практичной и крайне заботящейся о комфортѣ и красотѣ жилья или, лучше сказать, того, что тамъ зовется непереводимымъ словомъ « home ».

Благодаря цѣлой группѣ художниковъ, артистовъ и декораторовъ, во главѣ которыхъ стояли еще не такъ давно даровитый Вилліамъ Морисъ и отчасти Рескинъ, а теперь Вальтеръ Крэнъ, Шваннъ и др., возникла въ Англіи художественная промышленность, которой вскорѣ же предстояло стать весьма популярною и распространенною.

Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія того, что въ устахъ « снобовъ » и торговцевъ зовется теперь « modern style », « art nouveau » (варварскія названія, звучащія фальшиво и претенціозно), въ Бельгіи, благодаря стараніямъ Ванъ-де-Вельда, а затѣмъ и во Франціи, подъ руководствомъ теоретика-критика Габріэля Муррэ, Бинга и артистовъ Александра Шарпантье, Вальгрена, де-Феръ, Лялика, Плюмэ и пр., сначала робко и подражательно, затѣмъ болѣе увѣренно, стали появляться произведенія полныя новыхъ мотивовъ и формъ. Большинство изъ нихъ были почерпнуты изъ природы, изъ растительнаго и животнаго царства и почти всегда отличались строгостью, *но не сухостью* линій, простотой отдѣлки и большею или меньшею практичностью.

Эти произведенія, то-есть стулья, столы, кровати, посуда, лампы, ткани и пр. являлись продуктомъ работы мысли и рукъ *художниковъ*. Они не были вымучены и фальшивы. Но всесильная « мода », которая считаетъ себя всюду дома, захватила быстро и эту

отрасль человеческой предприимчивости и труда. Она родила въ публикѣ неожиданную потребность въ новой обмелеровкѣ и художественномъ обиходѣ и тѣмъ самымъ родила цѣлую толпу ремесленниковъ-подражателей, цѣль которыхъ состояла лишь въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и выгодиѣе удовлетворить капризы покупателей. Нисколько не стараясь выработать что-либо оригинальное и усовершенствовать полученное, эти люди стали лишь подражать и шаржировать. Благодаря такому положенію вещей въ настоящее время въ сотняхъ мебельныхъ магазиновъ какъ Парижа, такъ Лондона и Брюсселя, можно видѣть образцы торгашескаго «art nouveau», который въ самомъ дѣлѣ не представляетъ собой ничего красиваго и оригинальнаго. Войдите въ любой изъ такихъ магазиновъ и васъ сейчасъ же поразитъ во всѣхъ выставленныхъ на продажу вещахъ насиліе надъ природой, настойчивое стараніе облечь необходимое въ личину излишняго. Модныя матеріи имѣютъ блѣдные оттѣнки старинныхъ шелковъ; въ мебели отсутствуетъ существенное различіе, такъ какъ диваны могутъ служить и шкапами, а пирмы — подставками для книгъ и т. д. Нѣтъ простоты, благородства и ума!

Въ виду такого положенія вещей получается сумбуръ и весьма понятно, что большинство, которое ужъ и безъ того не страдаетъ излишкомъ художественнаго вкуса и оцѣнки, положительно сбито съ толку. Люди серьезные не безъ основанія смѣются и поносятъ такое искусство и часто, за трудностью разобраться, не даютъ себѣ труда сообразить, что это лишь плодъ торгашества и что для того, чтобы вполне оцѣнить современное прикладное искусство, надо обратиться къ самому источнику, то есть пойти посмотрѣть, что дѣлаютъ инициаторы этого движенія или тѣ артисты, которые за ними слѣдуютъ, кои уже давно перестали смотрѣть на него свысока и дошли до убѣжденія, что произведенія художественнаго обихода, дающаго въ результатѣ вѣковой стиль, должны быть исполняемы артистами съ тонкимъ и просвѣщеннымъ вкусомъ. Только тамъ, только у нихъ можно пріобрѣсти вещь «цѣлую», хорошую, красивую и вполне отвѣчающую практичности.

Многихъ останавливаетъ дороговизна. Но можно сказать, что уже теперь существуетъ въ Парижѣ группа артистовъ, которая задалась цѣлью удешевить цѣну своихъ работъ, и я увѣренъ, что скоро онѣ будутъ доступны обыкновенному среднему кошельку.

Благодаря тѣмъ лицамъ, о которыхъ я уже говорилъ выше, въ настоящую минуту въ Парижѣ существуетъ цѣлая плеяда даровитыхъ художниковъ, архитекторовъ и декораторовъ, которые ежедневно производятъ шедевры вкуса и простоты. Ихъ мебель можно было видѣть въ прошломъ году на всемирной выставкѣ, въ павильонѣ Бинга, а въ нынѣшнемъ — на выставкѣ *L'art dans tout* и отчасти въ обоихъ «салонахъ». Бросивъ уже давно подражать тому, что одинъ остроумный критикъ назвалъ «англо-бельгійскимъ стилемъ», они (самые выдающіеся: де-Феръ, Анри Соважъ, Колонна, Гайяръ, Лаликъ, Шарпантьэ, Грассэ, Плюмэ) придали своимъ произведеніямъ оригинальность и чисто національно-французскія черты, то-есть тѣ непередаваемые оттѣнки граціи и изящества, которыми такъ славится французское искусство всѣхъ временъ и эпохъ ⁽¹⁾.

Особенно оригинально и совершенно самостоятельно развилось во Франціи ювелирное искусство. «*L'art du bijou*», какъ называютъ здѣсь эту отрасль художественной промышленности, стоитъ во Франціи куда какъ выше, чѣмъ въ Англии или Бельгіи. Этотъ отдѣлъ прикладного искусства вмѣстѣ съ отдѣломъ медали богаты самыми крупными талантами, которые ежедневно дарятъ насъ, въ своей спеціальности, настоящими шедеврами. Стоитъ лишь вспомнить прекрасныя и высоко-художественныя медали, «плакетты» и медальоны такихъ артистовъ, какъ Шапленъ (ничего не имѣющаго общаго съ художникомъ, носящимъ ту же фамилію) обоихъ Шарпантьэ, Дебуа, Вальгрэна, Роти и т. д., чтобъ понять насколько высоко стоитъ во Франціи «*l'art de la médaille*».

⁽¹⁾ Посѣтители Всемирной Выставки 1900 г. конечно еще помнятъ объ чудныхъ образцахъ французской мебели, которыми они имѣли возможность любоваться въ «Маломъ Дворцѣ» и на «*Esplanade des Invalides*», въ отдѣлѣ «*Centennale du Meuble*».

Ювелирные издѣлія, исполняемая въ продолженіи долгихъ лѣтъ ючти-что одними ремесленниками и фабрикантами, стали теперь срабатываться настоящими художниками. Нечего и говорить, что они лишь выиграли отъ такой перемѣны и что въ настоящую минуту сами торговцы не находятъ уже возможнымъ конкурировать съ современными артистами-ювелирами.

Но французскіе медальеры и ювелиры не только придали новыя формы своимъ произведеніямъ, они еще и распространили вокругъ себя новые художественные принципы, съ помощью которыхъ иностранные мастера имѣютъ отнынѣ возможность производить вещи оригинальныя и самобытныя.

Дѣло возрожденія ювелирнаго искусства во Франціи принадлежитъ, безусловно, Ренэ Лялику. До него, какъ я уже говорилъ, эта отрасль прикладнаго искусства находилась въ совершенно нехудожественныхъ рукахъ и за исключеніемъ Массэнъ (1867) я не вижу ни одного артиста, который бы до того занимался ювелирными издѣліями. Но явился Ляликъ и картина перемѣнилась. У этого молодого человѣка было много воображенія, знанія и смѣлости. Сначала робко и обращаясь лишь къ немногимъ, — затѣмъ болѣе смѣло и уже обращаясь къ толпѣ, онъ заговорилъ объ необходимости вырвать ювелирное искусство изъ рукъ безталанныхъ ремесленниковъ-торговцевъ. Онъ показалъ, какъ это можно сдѣлать. Онъ сработалъ нѣсколько прекрасныхъ и тонкихъ вещей и толпа, сначала удивленная, затѣмъ совершенно зачарованная, пошла къ нему. Послѣдній ударъ, нанесенный Ляликомъ рыночному ювелирному искусству, относится къ 1900 г. Въ настоящее время Ляликъ имѣетъ около себя цѣлую плеяду талантливыхъ художниковъ, съ которыми онъ и справляетъ свою полную побѣду.

Мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы остановиться на описаніи самаго метода работы и на самихъ произведеніяхъ Лялика и идущихъ за нимъ артистовъ, какъ на примѣръ Вэвэръ, Фука, Ренэ Фуа, но это дѣло настолько субъективное, что я искренно боюсь заставить смотрѣть читателя своими собственными глазами. Пусть-же онъ самъ попытается оцѣнить ихъ оригинальность, новаторство

и крупныя качества. Съ своей стороны я лишь замѣчу, что для полной оцѣнки современныхъ ювелирныхъ произведеній необходимо обратиться къ самимъ источникамъ, а не довольствоваться первыми попавшимися подъ руку образами, которые, весьма возможно, могутъ быть лишь жалкими и грубыми имитаціями, сдѣланными для разныхъ «снобовъ» и глупыхъ модниковъ.

Весьма полезными популяризаторами описаннаго движенія художественной промышленности являются въ Парижѣ нѣсколько журналовъ, издающихся, въ большинствѣ случаевъ, подъ руководствомъ художественныхъ критиковъ или самихъ артистовъ (понятно есть и чисто спекулятивныя изданія, но о нихъ говорить не приходится) Почти всегда они изданы роскошно, съ массой прекрасно исполненныхъ фотографическихъ снимковъ и рисунковъ. Но благодаря количеству и заманчивой внѣшности въ ихъ выборѣ надо быть осторожнымъ.

Августъ 1901 г.

SCHOLA CANTORUM И ЕЯ КОНЦЕРТЫ.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа, въ узенькой и темной улицѣ Saint-Jacques, почти что рядомъ съ клиниками и госпиталемъ Val de Grâce, приютилась въ старомъ, но весьма почтенномъ зданіи «Schola Cantorum, школа литургическаго пѣнія и религіозной музыки», основанная Шарлемъ Бордомъ, знаменитымъ регентомъ капеллы Св. Жервѣ и находящаяся въ настоящее время подъ почительствомъ высоко-талантливаго музыканта и композитора Венсенъ д'Энди.

Исторія возникновенія Школы крайне интересна. Лѣтъ шесть тому назадъ нѣсколько музыкантовъ и духовныхъ лицъ, собравшись въ регенской церкви Св. Жервѣ, обсуждали способы вернуть религіозной музыкѣ все ея бывшее величіе и красоту. Это собраніе было создано Шарлемъ Бордомъ, регентомъ или, точнѣе говоря, управителемъ «общества пѣвцовъ Св. Жервѣ» (Compagnie des chanteurs de Saint-Gervais), становившимся уже извѣстнымъ, благодаря неподражаемому исполненію шедевровъ хоральной музыки шестнадцатаго столѣтія. Гильманъ, извѣстный здѣшній органистъ, и Венсенъ д'Энди были также на собраніи и согласились сейчасъ же дать свою опору возникающему дѣлу. Всѣ, безъ исключенія, были полны энтузіазма, благородныхъ порывовъ и желанія какъ можно скорѣе изгнать изъ церковнаго обихода свѣтскіе мотивы и театральную музыку. Наиболѣе воодушевленные предлагали вернуться къ грегорианскому напѣву и приложить на дѣлѣ принципы, установленные Соломскими бенедиктинцами. Другіе требовали открытія специальныхъ школъ, печатанія произведеній старыхъ религіозныхъ композиторовъ, а г. Бурго-Дюкудрэ резюмировалъ такъ предпринимаемое дѣло : «Воздвигнуть храмъ на мѣстѣ казино». Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній всѣ разошлись съ намѣреніемъ собраться вто-

рично черезъ нѣсколько дней для дальнѣйшей разработки вопроса. Второе засѣданіе было столь же оживленно и плодотворно. За нимъ послѣдовало еще нѣсколько другихъ и, въ концѣ концовъ, благодаря энергіи Борда, сѣмена, брошенные щедрыми руками, взошли на хорошо подготовленной нивѣ и Schola Cantorum увидала свѣтъ не болѣе какъ черезъ два года послѣ перваго собранія въ церкви Св. Жерва.

Вскорѣ же послѣ учрежденія въ Парижѣ школы литургическаго пѣнія, неутомимый Шарль Бордъ сталъ разъѣзжать по французской провинціи и совѣтовать приходскимъ священникамъ, органистамъ и регентамъ вернуться къ истинному источнику священной музыки и устраивать у себя пѣвческіе хоры и капеллы. Призывъ его былъ почти всюду услышанъ, такъ что въ настоящее время всѣ большіе города Франціи имѣютъ свои Schola Cantorum, устроенныя по образцу парижской. Что касается самого учрежденія на улицѣ Saint-Jacques, то надо сказать прежде всего, что оно состоитъ изъ школы и пансіона. Музыкальные классы школы раздѣляются на двѣ серіи. Съ одной стороны существуютъ классы пѣнія и музыки, предназначенные исключительно для дѣтей, пансіонеровъ школы, являющихся со всѣхъ концовъ Франціи и предназначающихъ себя въ регенты и въ органисты. Этотъ отдѣлъ составляетъ, такъ сказать, ядро и колыбель школы. Изъ числа обучающихся на немъ дѣтей треть — будущіе пѣвцы капеллы церкви Св. Жерва и музыканты оркестра школы. На ихъ воспитаніе и обученіе обращено большое вниманіе, а ихъ профессора — такіе музыканты и пѣвцы, какъ Венсенъ д'Энди, Шарль Бордъ, Гильманъ, Пьеръ Лало, Глазъ и т. д. Второй отдѣлъ состоитъ изъ классовъ, предназначенныхъ для взрослыхъ и пришлыхъ. На немъ преподается фортепiano, органъ, пѣніе (хоровое и сольное) и декламация. Число учениковъ со стороны весьма ограничено, а пріемъ крайне строгій.

Пансіонъ школы предназначенъ для дѣтей, обладающихъ хорошимъ голосомъ и слухомъ. Они поступаютъ туда десяти лѣтъ и, кромѣ профессиональнаго обученія, получаютъ и обученіе общее, равняющееся по программѣ образованію, дающемуся въ здѣшнихъ

городскихъ школахъ. По истеченію извѣстнаго срока большинство воспитанниковъ школы возвращаются въ провинціи и получаютъ тамъ мѣста регентовъ и органистовъ; только немногіе, наиболѣе талантливые, остаются въ Парижѣ и получаютъ въ школѣ дальнѣйшее образованіе.

Для пропагандированія хорошей духовной музыки и для поддержанія завѣтовъ основателей школы Шарль Бордъ даетъ публичные концерты.

Концерты *Schola Cantorum*, на которыхъ присутствуютъ главнымъ образомъ знатоки и любители, происходятъ ежегодно съ Декабря по Іюнь и даются въ великолѣпной и какимъ-то чудомъ сохранившейся залѣ-салонѣ чистѣйшаго стиля Людовика XIV. Мѣсть немного, но акустика прекрасная и всегда эти музыкальныя собранія представляютъ собой настоящій праздникъ для почитателей старой музыки.

Репертуаръ школы очень обширенъ и захватываетъ даже свѣтскую музыку прошлыхъ вѣковъ, но отдаетъ большую долю камернымъ композиціямъ, духовной музыкѣ и хоровому пѣнію *a capella* или съ аккомпаниментомъ органа.

За прошлые два года *Schola Cantorum* познакомила обычныхъ посѣтителей своихъ концертовъ съ произведеніями Палестрины (*Missa Papæ Marcelli* и *Ave Maria*), Кариссими (*Плачъ дочери Іефвайя*), Генделя (*Ораторія Мессія*), мотеттами испанцевъ Моралеса и Витторіи (*O vos omnes*), сонатами Скарлатти и фугами Баха, «пастораліями» Датуша и наконецъ цѣлымъ рядомъ образцовъ грегорианскаго распѣва.

Декабрь 1901.

ПОРТРЕТЫ И МЕДАЛЬОНЫ.

МОРИСЬ БАРРЕСЬ.

Я познакомился впервые съ произведеніями Мориса Барреса лѣтъ восемь тому назадъ, во время моего жительства въ Москвѣ. Помню, въ тѣ годы я сильно увлекался только что начинавшими проникать тогда въ Россію произведеніями Ницше, драмами Матерлинка, первыми разсказами Киплинка и философіей Макса Штирнера и Серена Киркегора, этого оригинальнаго датскаго мыслителя, съ столь энергичной волей и живой фантазіей. Я тогда искалъ себя и поэтому мои чтенія не были только одной погоней за новизной. Мнѣ необходимо было найти подходящую пищу для моей развивающейся чувствительности и надо было одновременно съ этимъ высвободить свою индивидуальность изъ слизкихъ объятій нищенски больничной морали, проповѣдуемой стадомъ нашихъ ноющихъ неврастениковъ, равно какъ и изъ давящихъ тисковъ пресловутаго категорическаго императива, жертвой котораго я палъ, какъ и многіе другіе, благодаря несносному воспитанію, основанному главнымъ образомъ не на выводахъ положительныхъ знаній, а на вѣрованіяхъ въ непреложность метафизическихъ системъ.

И такъ, реагируя противъ вбитаго въ мою голову семьей и школой способа мышленія, развивая свою чувствительность и стараясь закалить свое «я» съ помощью метода, рекомендуемаго Лойолой въ его «спиритуалистическихъ упражненіяхъ», я натолкнулся на одно изъ первыхъ сочиненій Мориса Барреса. Оно меня сейчасъ же крайне заинтересовало, а когда я перечелъ его вторично, то мнѣ показалось, что я могъ примѣнить къ своему случаю знаменитую фразу Ницше : «Dort war's auch wo ich das Wort «Übermensch» vom Wege auflos».

Съ годами и при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ Барресомъ это первое впечатлѣніе нѣсколько измѣнилось; однако, несмотря на это, я до сихъ поръ еще увѣренъ, что держалъ тогда въ своихъ рукахъ чрезвычайно интересный учебникъ эголизма.

Помню, что на другой же день послѣ прочтенія книги Барреса меня навѣстилъ одинъ изъ моихъ пріятелей, интересующійся нѣсколько умственными парадоксами и я не утерпѣлъ, чтобъ не прочесть ему нѣсколько отрывковъ.

Я прочелъ :

« Ты все грустна, Амариллисъ! Неужели молодые люди тебя покинули, цвѣты твои завяли, благоуханія испарились? Неужели Атисъ, божественный ребенокъ, уже пресытилъ тебя своими напрасными ласками? Амариллисъ, пожелай какую нибудь вещь, бога или драгоценность; пожелай всего, но только не любви, къ которой я окончательно теперь неспособенъ; — хотя, признаюсь, улыбка той, кого обожаетъ Афродита, можетъ сдѣлать невозможное ».

— Я не люблю стихотвореній въ прозѣ — отвѣтилъ мнѣ мой пріятель.

Предполагая, что онъ предпочитаетъ психологическіе выводы, я прочелъ ему одинъ за другимъ два отрывка :

« Какая пытка начинать свою жизнь съ самой низкой ступени, послѣ того, какъ разумъ нашъ успѣлъ уже объять всѣ послѣдовательныя степени человѣческаго развитія ».

« Каждый изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, сочиняетъ себѣ свою легенду. Мы служимъ нашей душѣ, какъ нашему кумиру; ассимилированныя идеи, разгаданные характеры, однимъ словомъ всѣ наши опыты помогаютъ намъ украсить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ обмануть самихъ себя. Лишь слушая легенды другихъ мы начинаемъ сокращать нашу душу; мы догадываемся что она не занимаетъ того мѣста во вселенной, какое мы предполагаемъ. »

Но онъ отвѣтилъ :

— Не понимаю.

Я еще прочелъ :

« О, душа моя, скажи мнѣ, дѣйствительно ли я страдаю или толь-

ко думаю, что страдаю. Послѣ столькихъ грѣзъ я уже пересталъ это сознать. Я родился или сотворилъ себя? Ахъ эти сомнѣнія, что летаютъ передъ глазами, уставшими ихъ различать! Я осмѣливаюсь пренебрегать жизнью и ея призраками, развертывающимися вокругъ моихъ чувствъ. Прошлое, я избавился отъ его традицій съ перваго моего лепета. Будущее, я боюсь его сотворить, несмотря на то, что оно еще вчера трепетало во мнѣ при улыбкѣ женщины. Изъ моихъ воспоминаній и моихъ надеждъ я творю неподражаемыя грѣзы. Я узналъ отъ отцовъ моихъ, что краски, запахи, добродѣтели, все что привлекаетъ насъ, суть лишь дрожаніе, происходящее отъ слабого дыханія нашихъ желаній; и такъ какъ они уже убили сущее, я убилъ даже желаніе существовать. Гармонія, которой я достигаю, не переживетъ меня. Я люблю потому, что мнѣ пріятно любить, и люблю я исключительно самого себя за женственный ароматъ своей души. Пусть придетъ теперь женщина! Я смѣюсь надъ ея несовершенными прелестями.»

— Я продолжаю непонимать — сказалъ онъ снова.

По уходѣ моего пріятеля я выказалъ нѣкоторое нетерпѣніе. Однако, его отвѣты не только не возмущали меня, а наоборотъ вселяли во мнѣ чувство остраго наслажденія.

И такъ эта книга была моею книгой, а не его.

И, не видавъ никогда въ глаза Мориса Барреса, я почувствовалъ, что его надо было защищать отъ скоропалительныхъ сужденій и нападковъ.

Несомнѣнно, говорилъ я себѣ, что туманность, — туманность дѣланная, таинственность добытая почти что съ мученіями, — которую можно найти на каждой страницѣ этой превосходной книги, свидѣтельствуютъ лишь о ясности ума молодого автора. Конечно, онъ легко могъ бы разъяснить неясность зарожденія желаній, страстей и грѣзъ въ душѣ своего юнаго героя, однако онъ этого не сдѣлалъ. И въ этомъ его громадная заслуга. Вялость спиритуалистическихъ ландшафтовъ, ломанная и какъ бы дрожащая, если только не трепещущая, линія повѣствованій, суть вещи необходимыя, ибо съ помощью ихъ достигается удивительная правдивость. Мысль вы-

сказывается въ полутонахъ и ее сопровождаетъ музыка разнообразныхъ и тончайшихъ чувствъ.

Книга, которую я защищалъ такъ горячо, называлась *Sous l'œil des Barbares*. Она развивала въ сущности ту идею, что на свѣтѣ существуютъ лишь друзья и враги нашей чувствительности. Надо предохранять себя отъ однихъ, надо соединиться съ другими, дабы имѣть возможность восторжествовать вмѣстѣ съ ними надъ «варваромъ». Несмотря на желаемую туманность стиля и его сильные эллипсисы, наслажденіе при чтеніи получалось огромное.

.....
Наконецъ, мѣсяцъ тому назадъ, я познакомился съ нимъ лично.

Это было на югѣ Франціи, около Іера, въ мѣстечкѣ называемомъ Costabelle.

Солнце уже садилось за высокіе кипарисы и пинны. Подо мной, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго свѣтила, слались, мягко купаясь въ вечернемъ воздухѣ, бѣлые и розоватые дома далекаго Іера и было такъ тихо, что слышался плескъ недалекаго моря и доносились съ полей голоса расходящихся рабочихъ.

.....
Послѣ обѣда въ комфортабельной гостиницѣ, гдѣ жилъ Барресъ и гдѣ поселился и я, мы вышли прогуляться передъ тѣмъ, чтобъ идти спать. Было луно и хорошо. Ночной воздухъ властно носился сквозь заснувшія дубравы; со стороны болотъ и заросшихъ иломъ прудовъ отчетливо доносилось свистящее кваканье лягушекъ и тамъ, гдѣ угадывался городъ, блестѣло и мигало нѣсколько десятковъ маленькихъ огоньковъ. Направо отъ насъ — вдали, море слалось какъ зеркало и поминутно вспыхивалъ вертящійся сторожевой маякъ, а по другую сторону, вырисовываясь на темной синевѣ моря, стояли длинной шеренгой печальные кипарисы, — угрюмые стражи смерти.

— Какая ночь! — проговорилъ Барресъ, — просто хоть садись да балладу пиши. . .

Онъ слегка улыбнулся не то печально, не то съ ироніей, и, снявъ

шляпу, привычнымъ жестомъ руки отстранилъ отъ глазъ назойливую прядь длинныхъ волосъ. Я посмотрѣлъ на его худощавое и блѣдное лицо римскаго цезаря и невольно въ памяти моей восталъ отрывокъ когда-то и гдѣ-то прочитанной фразы : « *Il y a de beaux rêves inachevés dans la vie splendide et mélancolique de Maurice Barrès* ».

Я спросилъ его такъ, просто, въ шутку :

— А вы писали стихи ?

— Никогда ! — воскликнулъ онъ. — Совершенно не умѣю. Я плохой лирикъ !

Я вспомнилъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ изъ *Jardin de Bénice*, изъ *Amateur d'Ames*, изъ неоконченной книги объ Венеціи и хотѣлъ ему сказать, что онъ клеветаетъ на себя, но онъ заговорилъ первый :

— Впрочемъ — сказалъ онъ, — красота вещей (*la beauté des choses*) и грусть, что истекаетъ изъ лицеарѣнія остатковъ прошлаго, поражала меня всегда до настоящаго экстаза. Я помню, что почти въ такую же дивную ночь я вернулся къ себѣ, въ деревню, въ Лоттарингію, послѣ очень долгаго отсутствія. Все, что я видѣлъ тогда, было для меня безконечно дорого. Это было умилительное возвращеніе въ отчій домъ и сердце мое казалось билось въ унисонъ съ сердцемъ всей страны. Какъ тогда я хорошо понималъ мою милую Лоттарингію, какъ ясно представилось мнѣ, что человѣкъ можетъ жить счастливо и мирно лишь только тамъ, гдѣ ему знакомо бѣеніе народнаго пульса, гдѣ онъ логическое звено цѣлой цѣпи жизненныхъ силъ, гдѣ между нимъ, жителями и могилами его умершихъ предковъ есть одна общая, священная связь : вѣковыя традиціи ! Понимаете ли вы это ? Понимаете ли вы всю прелесть и звучность слова : « родина » ? поминаете ли, какія сильныя нити связываютъ насъ съ прошлымъ, какую притягательную силу имѣетъ слово : « смерть » ?

Онъ сдѣлалъ паузу и продолжалъ :

— Мало сказать, что усопшіе говорятъ и думаютъ черезъ насъ : всѣ поколѣнія составляютъ лишь одно существо. Конечно, это существо (*être*) подъ дѣйствіемъ окружающей жизни выказываетъ большую или меньшую сложность ; но на самомъ дѣлѣ оно не ви-

доизмѣняется. Это точно архитектурный стиль, который усовершенствуютъ; однако это все тотъ же стиль. Это точно домъ, въ которомъ дѣлаютъ внутреннія перемѣны; однако не только его фундаментъ, но даже камни, изъ котораго онъ сдѣланъ, остаются все тѣ же. Да, тотъ, кто проникся этими истинами, тотъ отстраняетъ отъ себя притязанія чувствовать и желать лучше, чѣмъ его отецъ и мать; онъ говоритъ себѣ: « я — только они ». Все это я сознаю и чувствую съ особенной силой въ день Всѣхъ Усопшихъ (Jour des Morts). Этотъ день — вершина всего года и съ этой вершины открываются передъ нами самые отдаленные горизонты. Но наиболѣе сильная эмоція получается въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно съ посѣщеніемъ могилъ усопшихъ мы воскрешаемъ наше дѣтство! Второго Ноября, въ Лоттарингіи, когда звонятъ колокола моего родного города и изъ каждой могилы встаетъ воспоминаніе, всевозможныя мысли охватываютъ меня и витаютъ на холодномъ, зимнемъ небѣ. Я люблю съ ихъ помощью связывать смерть съ заботами о жизни.

Онъ замолчалъ и сталъ шагать быстрѣе. А я думалъ :

— Вотъ значитъ какова послѣдняя стадія его душевнаго развитія и какъ былъ правъ тотъ, кто сказалъ, что мы существа настолько подвижныя, настолько легко видоизмѣняющіяся, что достаточно одинаго дуновенія каприза или впечатлѣнія, дабы мы съ трудомъ могли бы узнать себя въ своемъ прошломъ. То были мы, то уже не мы. Такъ и съ Барресомъ. Что стало съ его эготизмомъ; съ его изысканнымъ дилетантизмомъ? Послѣ могучихъ попытокъ достичь свободы, его умственная утонченность вершится самымъ примитивнымъ сентиментализмомъ. Вчера еще полный гордости, онъ падаетъ сегодня на колѣни около могильныхъ плитъ и смиренно проситъ у праха своихъ предковъ поученій на завтрашній день. Конечно, мы всѣ связаны съ прошлымъ и наивенъ тотъ, кто хочетъ его отвергнуть; но эта истина кажущаяся неопровержимой, когда она изложена простымъ языкомъ и когда ее не берутъ только голой, поражаетъ настоящій разрушительный фатализмъ — каждый разъ, когда ее обращаютъ въ « credo » и берутъ исключительно « à la lettre ».

Она имѣетъ слабую сторону и эта слабая сторона именно и есть сентиментализмъ. Культъ мертвыхъ и вытекающая изъ него философія зарождаются въ умѣ большею частью послѣ какихъ либо глубокихъ разочарованій. То, что жизнь отказываетъ намъ дать, то, что она беретъ отъ насъ, мы готовы просить того у смерти. Когда умъ обращается къ прошлому, тогда люди спускаются въ адъ, дабы искать тамъ настоящее. Они углубляются въ потемки для того, чтобъ достигъ свѣта, и бѣгутъ на кладбища въ надеждѣ найти тамъ жизнь. Конечно, думалъ я еще, Барресъ долженъ былъ пережить часы разочарованій и неувѣренности, иначе онъ не говорилъ бы такъ, какъ говорилъ сейчасъ. Однако его культъ смерти, превращающійся въ настоящій принципъ тираніи по отношенію къ жизни, есть ли дѣйствительно чувство здоровое и сильное? не есть ли это, скорѣе, извращенный и болѣзненный вкусъ, порожденный тепличной культурой, въ которой одинаковое мѣсто занимаютъ логика, чувственность и сентиментализмъ, въ видѣ сильныхъ духовъ, заглушающихъ разные смрадныя запахи? Во всякомъ случаѣ, что означаетъ тотъ фактъ, что на обложкахъ всѣхъ его послѣднихъ книгъ встрѣчается слово : « смерть »? *La Terre et les Morts, Du Sang, de la Volupté et de la Mort, La Mort de Venise, Une soirée dans le Silence, et le Vent de la Mort.*

Но въ этотъ вечеръ я не получилъ никакого отвѣта.

Погулявъ еще немного, мы вернулись въ гостиницу. Тамъ было еще свѣтло и людно. Двѣ три группы англичанъ и англичанокъ въ бѣлыхъ платьяхъ и безукоризненныхъ смокингахъ стояли у входа въ обширный « hall », гдѣ нѣсколько паръ молоденькихъ миссъ и белокурыхъ « бой » танцовали плавный и граціозный « boston ». Съ веранды доносились голоса и отрывистый, гортанный хохотъ, а въ темномъ паркѣ слышалось шуршаніе песка подъ ногами и лакеи разносили бутылки виски и чашки кофе.

— Вообразите — сказалъ мой спутникъ, когда, снявъ наши пальто въ прихожей, мы проходили въ гостинную, — вообразите, что здѣсь ежедневно кого нибудь да хоронятъ. Я узналъ это случайно черезъ прислугу моей жены. Почти каждый день ночью и укладкой

выносить тѣло, ставятъ его на дроги и маршъ маршемъ отвозятъ въ Іеръ. И никто ничего не знаетъ. Если спросятъ объ такомъ-то : « Что, какъ его здоровье ? » — « Лучше, онъ уѣхалъ отъ насъ вчера ».

— Зачѣмъ же продѣлывается это тайкомъ и ночью ?

— Какъ зачѣмъ ? да для того, чтобы не взбудоражить остальныхъ, особенно здоровыхъ. Еще недавно здѣсь умерла отъ чахотки молодая американка. Никто ничего не зналъ. Вечеромъ въ отелѣ былъ балъ, танцовали далеко за полночь, а, когда всѣ улеглись, прислуга вынесла гробъ и несчастнаго ребенка увезли въ скачъ въ Іеръ или куда еще тамъ. Впрочемъ это вездѣ такъ здѣсь дѣлается и въ Каннѣ и въ Сень-Рафаэлѣ, я уже не говорю объ Ментонѣ. Каждая хорошая гостинница имѣетъ особые флигера для больныхъ и особую прислугу для выноса тѣлъ.

— Какое безчеловѣчіе ! — не удержался я, чтобъ не воскликнуть.

Барресъ улыбнулся и пожалъ мнѣ руку. Мы пожелали другъ другу спокойной ночи и разошлись по своимъ комнатамъ.

Морисъ Барресъ родился въ Шармэ, въ Вогезахъ, въ 1864 году. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ почти что еще юношей послѣ продолжительнаго пребыванія въ Нанси, гдѣ изучалъ между прочимъ философію подъ руководствомъ Бюрдо, ставшаго впоследствии министромъ и президентомъ Палаты Депутатовъ. Объ своихъ школьныхъ годахъ Барресъ рассказываетъ особенно подробно въ своей книгѣ *Les Déracinés*, появившейся въ 1897 году.

« Бутельэ (въ дѣйствительности Бюрдо), — говоритъ онъ въ своихъ *Безпочвенныхъ*, — заставлялъ насъ прогуливаться изъ одной философской системы въ другую. Всѣ онѣ были интересны и привлекательны, но онъ не говорилъ намъ въ какихъ случаяхъ и для какихъ именно людей были онѣ вѣрны и правильны. Мы спотыкались и путались. Тогда онъ предложилъ намъ, какъ наиболѣе устойчивый базисъ, нѣкую парижско-германскую доктрину, вѣроятно выработанную въ канцеляріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для нуждъ политиканствующей братіи : « Я долженъ поступать всегда такъ, чтобъ мои поступки могли бы служить общимъ правиломъ » ;

таковъ былъ тотъ кантовскій принципъ, на которомъ Бутельэ опиралъ свое пренодованіе. » Понятно, этотъ принципъ не могъ удовлетворить Барреса и впоследствіи онъ доказалъ, самымъ блестящимъ образомъ, всю его несостоятельность, но въ 20 лѣтъ, пріѣхавъ изъ провинціи въ Парижъ, онъ еще воображалъ, что наставленія Бутельэ-Бурдо достойны похвалъ и должны быть приложены на дѣлѣ.

Вскорѣ-же послѣ своего прибытія въ столицу онъ вошелъ въ очень интересный кружокъ талантливыхъ литераторовъ и черезъ годъ, другой сталъ « своимъ человѣкомъ » въ нѣсколькихъ редакціяхъ парижскихъ газетъ и журналовъ. Въ 1888 году появился его первый романъ (если только можно назвать эту книгу романомъ) *Sous l'Œil des Barbares*, а черезъ два года *Le Jardin de Bérénice*. Въ промежутокъ между двумя этими книгами избиратели города Нанси послали юнаго Барреса въ Палату Депутатовъ.

Въ Бурбонскомъ Дворцѣ молодой депутатъ постарался, прежде всего, разобратъся въ многочисленныхъ теченіяхъ и закулисныхъ ходахъ. Онъ быстро понялъ, что даже въ Парламентѣ авторитетъ достигается очень медленно и главнымъ образомъ благодаря важности той политической группы, къ которой вы принадлежите. Барресъ былъ лишенъ грошеваго тщеславія и мелкаго желанія сдѣлать « карьеру ». Къ тому-же онъ вскорѣ-же замѣтилъ, что наиболѣе важную роль въ жизни депутатовъ играла не зала засѣданій Палаты, а прилегающіе къ ней кулуары и кабинеты. Тамъ, между двумя папиросками, происходила настоящая работа, — работа подпольная, — и которую въ залу засѣданій доставляли уже совершенно законченной. Пускаться въ интриги и инсинуаціи, долгіе часы шушукаться въ амбраурахъ оконъ съ « дорогими коллегами » и политиканствовать со всякимъ подозрительнымъ людомъ, готовымъ всегда къ мятежному наскоку, показалось ему противнымъ и не достойнымъ уважающаго себя человѣка. Поступать же иначе чѣмъ остальные было почти что невозможно; въ Палатѣ вотируютъ въ большинствѣ случаевъ не на предложенный вопросъ или по своему собственному убѣжденію, а такъ, какъ то говорить вожакъ группы или партіи, и всегда противъ или за министерство.

Понявъ все это крайне быстро, Барресъ не замедлилъ отойти отъ своихъ политиканствующихъ собратьевъ. Вѣроятно онъ скоро-бы и совершенно ушелъ изъ Бурбонскаго Дворца, если бы къ этому времени не выплылъ наружу панамскій скандалъ. Онъ былъ вызванъ небольшою группою молодыхъ депутатовъ, незаинтересованныхъ въ общемъ шантажѣ и еще допускающихъ ту мысль, что страна помимо Парламента можетъ высказаться и осудить. Горячій, пылкій и благородный депутатъ Нанси нашель своимъ долгомъ поддержать ихъ насколько возможно. Но его идеализмъ былъ настолько великъ, что онъ допускалъ ту мысль, что стоитъ лишь осудить публично воровъ и мошенниковъ, дабы эти лица перестали бы принадлежать къ обществу и быть народными представителями. Ближайшее будущее доказало ему насколько онъ заблуждался. Тогда, полный горечи и отвращенія, онъ окончательно покинулъ Парламентъ и вышелъ въ отставку. Панамское дѣло болѣе, чѣмъ предыдущіе скандалы, помогло зарожденію французскаго націонализма и однимъ изъ первыхъ его «учредителей», если можно такъ выразиться, явился Морисъ Барресъ. По первоначальному плану націонализмъ выражался въ трехъ словахъ: традиціи, протекціонизмъ, децентрализація. Впослѣдствіи, однако, прибавились еще разныя другія добавочныя статьи, но можно сказать, что онѣ только сгустили краски и были допущены Барресомъ и другими основателя движенія лишь скрѣпя сердце. Дѣло Дрейфуса доказало, насколько эти новые элементы осложнили національную машину и лишили ее подвижности.

Однако занимаясь политикою, участвую и редактируя самъ крайне боевыя газеты, Барресъ не забывалъ своей роли писателя. Въ промежутокъ между назначеніемъ его депутатомъ и заключеніемъ дѣла Дрейфуса появилось въ печати нѣсколько его произведеній. Подъ вліяніемъ буланжистской эпопеи былъ написанъ второй томъ серіи, названной имъ: «Roman de l'énergie nationale», — *L'appel au Soldat*, а во время каникулъ и поѣздокъ за границу нѣсколько крайне тонкихъ и прочувствованныхъ статей объ Италіи и Испаніи. Наконецъ панамская исторія дала обширный матеріалъ для книги, озаглавленной *Leurs Figures*.

Я не пишу критической статьи, а стараюсь лишь дать психологическій или литературный портретъ. Поэтому, вмѣсто разбора произведеній Мориса Барреса, я говорю о немъ самомъ. Въ наше время принципы и образцы перестали существовать. Каждый писатель, сочиняя свое произведеніе, сочиняетъ одновременно и свою собственную этику и эстетику; намъ приходится поэтому обращаться скорѣе за помощью къ чувству, чѣмъ къ разуму. Въ литературѣ, какъ и во всемъ остальномъ, абстрактныя выраженія перестали имѣть какое либо значеніе. Художественное произведеніе существуетъ постольку, поскольку оно даетъ намъ эмоцію; поэтому остается лишь охарактеризовать и опредѣлить свойство этой эмоціи. Подобныя ислѣдованія коснутся одинаково какъ метафизики, такъ и чувственности, какъ чистой идеи, такъ и физическаго удовольствія.

Впрочемъ, вотъ нѣсколько общихъ выводовъ.

Большинство произведеній Мориса Барреса мало имѣютъ общаго съ принципомъ чистаго искусства и полнаго безпристрастія. Многія его книги на первый взглядъ скорѣе философскія или социальныя трактаты, чѣмъ романы. Однако художественная цѣнность ихъ одинакова съ цѣнностью твореній самого непосредственнаго вдохновенія. Но почему же это? Да потому, что методъ избранный Барресомъ включаетъ въ себѣ какъ критику, такъ и паѳосъ, какъ психологію, такъ и романтизмъ. Это объясняетъ, почему одни считаютъ его философомъ, другіе поэтомъ; это объясняетъ также, почему у него было столько учениковъ и послѣдователей; его методъ притягиваетъ и очаровываетъ. Однако между тѣмъ, какъ одни изъ его поклонниковъ оставили его еще на культъ его «я», другіе слѣдовали за нимъ и тогда, когда онъ примѣнялъ на дѣлѣ и на людяхъ свою теорію эгоизма, и тогда, когда онъ по своимъ собственнымъ словамъ «*fondait le nationalisme sur la terre et les morts*» [*Amori et dolori sacrum*]. Но послѣ этого почти все его оставили. Культъ мертвыхъ онъ развиваетъ уже въ одиночествѣ и это тѣмъ болѣе жаль, что именно теперь-то Барресъ и сталъ наиболѣе мягкимъ и наименѣе замкнутымъ.

На другой день, передъ завтракомъ, я встрѣтился съ нимъ въ паркѣ отеля. Перекинувшись нѣсколькими банальными фразами о погодѣ, красотѣ природы и удобствахъ гостинницы, мы завели разговоръ о политикѣ.

— Вотъ вы только что изъ Парижа, — замѣтилъ Баррессъ, — и, значить, въ курсѣ дѣла. Скажите, что говорятъ тамъ о будущихъ парламенскихъ выборахъ?

— А развѣ васъ все еще интересуеетъ политика?

— О! — протянулъ онъ, ведя тростью по песку и смотря себѣ подъ ноги, — я интересують теперь политикой какъ *homo sapiens*. Я теперь въ роли ѣздока, выбитаго изъ сѣдла, который, лежа на травѣ, ощупываетъ себѣ бока, дабы узнать, не раненъ-ли онъ, и смотритъ довольно равнодушнымъ взоромъ, куда и какъ скачетъ его вѣбсившаяся лошадь. — Онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на меня пристально (мнѣ показалось, что какъ въ его глазахъ, такъ и въ голосѣ и въ самомъ жестѣ проглядывала какая-то усталость, то, что французы называютъ *lassitude*, плохо скрываемая горечь и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе) и продолжалъ: — Когда, почти годъ тому назадъ, я рѣшилъ покинуть политику и бросить управление боевой газеты *Drapeau*, то мой уходъ съ арены общественной дѣятельности былъ комментированъ очень ложно. На самомъ дѣлѣ я не проклиналъ своихъ политическихъ друзей, я только отошелъ отъ нихъ, дабы не имѣть необходимости опровергать и противорѣчить нѣкоторымъ ихъ дѣйствіямъ. Конечно, Деруледъ прекрасный товарищъ; конечно, Жюль Леметръ, котораго я очень уважаю, весьма выдающійся умъ; они желаютъ отъ всей души блага своей родинѣ, но ихъ манера ей служить нѣсколько схоластична и наивна. Турнэ по Франціи членовъ лиги « французскаго отечества » (*La Patrie Française*) есть, можетъ быть, вещь и прекрасная, къ сожалѣнію она ничего не измѣнитъ въ судьбахъ Франціи и это главнымъ образомъ потому, что рѣчи Леметра, Каваньяка, Коппэ и другихъ есть лишь академическія упражненія, но не больше. Впрочемъ ничего новаго не будетъ, нѣтъ ни людей, ни энтузіазма... Лично я, теперь, буду служить своей родинѣ по своимъ слабымъ силамъ и отказываюсь

вступать въ число мстителей общественной морали, потому что не хочу безъ конца преломлять копьѣ съ людьми, которыхъ я глубоко презираю. Да... таковъ мой путь... Помните ли вы эту прекрасную фразу Паскаля : « La manière la plus agréable à Dieu est de secourir les pauvres *pauvrement*, c'est-à-dire chacun selon son pouvoir, sans se remplir l'esprit de ces grands desseins qui tiennent de cette excellence dont je blâme la recherche en toute chose »... Такъ и я, я готовъ помогать своей родинѣ по *бѣдности* своей т. е. по своимъ силамъ, не задаваясь несбыточными мечтаніями. Къ тому же я занятъ теперь своими литературными работами. Вотъ мнѣ надо закончить для одного парижскаго журнала статью объ покойномъ путешественникѣ маркизѣ Морресѣ; затѣмъ мнѣ необходимо просмотрѣть мои замѣтки объ Греціи, а къ зимѣ я готовлю новую книгу⁽¹⁾.

— Продолженіе вашей серіи романовъ « національнаго мужества? »...

— О, нѣтъ! Я закончилъ, къ счастью, эту серію книгой : *Leurs Figures*. Но, кстати объ этой книгѣ. Я хотѣлъ запечатлѣть въ ней нѣкоторыя спазмы и перепетіи злосчастнаго панамскаго дѣла. Нѣкоторыя лица меня привлекали и я ихъ зналъ лично. Но я, однако, не намѣревался, какъ то увѣряютъ критики, написать « историческій трудъ ». Я началъ писать эту книгу въ 1897 году, вскорѣ же послѣ скандала, гдѣ же тутъ мнѣ было думать объ исторіи! Меня увѣряютъ еще, что я высказалъ себя въ ней первокласнымъ панфлетистомъ, я право не знаю! Я написалъ эту вещь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго, всего этого прошлаго, которое еще живетъ во мнѣ столь же сильно, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Признаюсь, я вылилъ въ этой книгѣ много своей жѣлчи, ненависти и презрѣнія. Но вотъ и все...

— Вашъ будущій трудъ?

— Заключение начатой книги о Венеци. Этотъ городъ, вмѣстѣ съ Толедо и Сиенной, производитъ на меня чрезвычайно сильное

⁽¹⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ была набросана эта статья, книга о Греціи была написана и Барресъ сталъ членомъ Французской Академіи и, увя! опять депутатомъ. Люди неподсѣдовательны и забывчивы. Но это называется эволюціей.

впечатлѣніе. Венеція! Я постоянно страдаю тамъ отъ лихорадки. Я живу тамъ въ какомъ-то особо-приподнятомъ настроеніи, граничащемъ съ галлюцинаціей, и мнѣ хотѣлось бы передать это мое состояніе, въ которомъ сгораютъ все желанія и все надежды. Можетъ быть меня никто не пойметъ, но мнѣ кажется, что этотъ городъ, пріучающій мечтателя къ самоанализу, былъ всегда великолѣпной колыбелью для будущихъ баловней судьбы...

То были послѣднія слова, которыя я запомнилъ изъ моихъ разговоровъ съ Барресомъ. На другой день я уѣхалъ изъ Костабеллы.

Апрѣль 1902 г.

САЛОНЫ 1902.

Въ нынѣшнемъ году въ обоихъ Салонахъ есть не мало хорошихъ вещей. Къ сожалѣнію, благодаря существующему методу приѣма и классификаціи, эти хорошія вещи положительно теряются въ массѣ посредственности и бываютъ весьма часто окружены плохими и недостойными сосѣдями. Вотъ почему первое впечатлѣніе отъ обоихъ выставокъ, особенно «Салона» Société des Artistes français, скорѣе неопредѣленное, если не неблагопріятное, а ансамбль всего выставленнаго кажется крайне сѣрымъ и мизернымъ. Только осмотрѣвшись повнимательнѣе и потративъ много времени и труда, что можно было бы избѣжать, если бы администраціи выставокъ были бы болѣе одарены вкусомъ и чувствомъ мѣры, только тогда начинаешь находить извѣстное наслажденіе и должное оправданіе къ существованію весеннихъ художественныхъ выставокъ.

«Салонъ» національнаго Общества, съ котораго я начинаю этотъ отчетъ, представляетъ обычныя свои качества и особенности. Въ немъ много портретовъ, жанра, пейзажей и нѣтъ почти ни одной батальной, исторической и религіозной картины. Декоративная живопись также не очень богата, но она, на этотъ разъ, представлена присылками Бенара, Аманъ-Жана и Виктора Прувэ, что даетъ ей возможность занять на выставкѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Но все-таки надо сказать, что, несмотря на десятка два именъ, общее впечатлѣніе — это впечатлѣніе пустоты, и мнѣ кажется, что оно такъ будетъ повторятся еще неоднократно. Находясь въ продолженіи многихъ лѣтъ подъ руководствомъ знаменитаго Пювисъ де-Шаванна, — Société nationale пользовалось ежегодно его именемъ и выставляло не безъ гордости его присылки. При жизни Пювисъ де-Шаванна «Салонъ» бывалъ иногда слабымъ, но никогда онъ не былъ пустъ: работы президента заполняли съ избыткомъ встрѣчающіеся пробѣлы и дополняли собой попадавшіеся недочеты. Но въ

настоящее время дѣло обстоитъ совершенно иначе и отсутствіе Пювисъ де-Шаванна вѣкогда еще не ощущалось такъ сильно, какъ въ нынѣшнемъ году, когда выставка Société nationale полна посредственностей, а хорошія вещи, — которыхъ не особенно таки много, — не имѣютъ возможности загладить общее впечатлѣніе. Конечно, нынѣшній президентъ общества, Карольюсъ-Дюранъ, не бездарность, но онъ не умѣетъ приподнять своими присылками общаго уровня выставокъ и его портреты тоже не въ силахъ заполнить пробѣлы и заставить насъ позабыть, что Пювисъ де-Шаванна уже болѣе нѣтъ.

Чтобъ отдать, однако, должное соціальному положенію и художественному прошлому Карольюса, а также дабы имѣть возможность приступить, неотлагая дѣла, къ осмотру портретовъ, которыми продолжаетъ блистать «Салонъ» національнаго Общества, я займусь прежде всего присылкой «маститаго» президента. О ней впрочемъ много говорить не приходится. Если Карольюсъ-Дюранъ и удивилъ насъ размѣрами своей композиціи и сложностью ея темы, то онъ все-таки нисколько насъ не порадовалъ трактовкой и богатствомъ кисти. Никакой «эмоціи» или «настроенія» зритель не получаетъ отъ этого громаднаго полотна, на которомъ, въ условныхъ и сугубо-театральныхъ позахъ, изображена вся многочисленная семья почтеннаго художника. Я знаю, что этотъ *Семейный портретъ* нѣкоторые охотники къ лести и обобщеніямъ нашли достойнымъ старыхъ фламандцевъ, а одинъ изъ нихъ даже воскликнулъ, что это совершенный Веласкезъ, но на мой скромный взглядъ произведеніе Карольюса, прежде всего и единственно, — произведеніе Дюрана. Оно отличается всѣми свойственными этому живописцу качествами и недостатками, отсутствіемъ искренности, «духа живаго», чопорными красками, если можно такъ выразиться, и большимъ мастерствомъ въ внѣшнихъ приемахъ, въ эффектахъ освѣщенія и посадки.

Въ наше время и, особенно, во Франціи художественная критика изрекаетъ *литературныя* сентенціи и вмѣсто того, чтобъ анализировать и указывать, насколько картина даетъ художественное наслажденіе, старается изо всѣхъ силъ проводить параллели, не замѣчая,

или не желая замѣчать, что немислимо хвалить одновременно какого нибудь Карьеръ-Белёза и Бенара, любить Руабэ и Эннера, Бланша и Фраппа и т. д.

Конечно, безпристрастіе — вещь прекрасная, но на тѣхъ высотахъ, гдѣ обитаетъ эта чистая безпристрастность, есть лишь мѣсто нѣсколькимъ мыслителямъ, ушедшимъ отъ жизни, и для которыхъ безпристрастіе замѣняетъ равнодушіе ко всѣмъ проявленіямъ человѣческихъ дѣяній. Мы же, принужденные вращаться среди людей и жить обыкновенной жизнью, присутствовать и принимать участіе въ ея схваткахъ и борьбѣ, мы не можемъ достигъ этихъ высотъ; для насъ необходимы чувства болѣе человѣческія и стало быть рѣзкія; намъ надо любить, ненавидѣть, восторгаться и презирать, такъ какъ иначе мы сотремся и *не станемъ*. Вотъ почему, по моему, это проявленіе чистаго безпристрастія съ нашей стороны является лишь началомъ отрицательнымъ, прикрывающимъ душевную бѣдность. равнодушіе, если не дешевые расчеты и эгоистическія помышленія.

Чтобъ быть искренними съ другими и съ самимъ собой, мы выскажемъ наши предпочтенія и постараемся объяснить, насколько мы умѣемъ, причины нашей любви и отвращенія.

Итакъ, произведеніе Карольюсъ-Дюрана кажется мнѣ вещью довольно банальной и я въ тысячу разъ предпочитаю ему портреты Бланша, Симона и Лавери. Бланшъ, какъ всегда, виртуозъ кисти и приверженецъ густыхъ и мягкихъ полутоновъ. Въ *портретъ Филиппа Барреса*, сына знаменитаго писателя, и въ другомъ пояскомъ *портретъ художника Коттэ* онъ подмѣтилъ свойственныя каждому изъ нихъ, — ребенку и взрослому мужику, — позы и темпераментъ. Бланшъ понимаетъ, что писать людей надо въ ихъ интимной обстановкѣ, и потому, подмѣчая ихъ физическія особенности и анализируя ихъ характеры, онъ объясняетъ также все это внѣшними аксессуарами.

Меня безконечно радуетъ молодой Симонъ. Онъ сьумѣлъ, благодаря упорному труду и недюжинной наблюдательности, отрѣшиться отъ нѣкоторой черноты и тяжести въ краскахъ и покинуть документальный, но немного анекдотическій жанръ для сюжетовъ болѣе

широкихъ и общепонятныхъ. *Вечерняя беседа*, семейный портретъ, одинъ изъ шедевровъ нынѣшней выставки, трактованъ художникомъ по нѣсколько новой манерѣ. Въ немъ переливы красокъ и отдѣльные блики не нарушаютъ общей гармоніи и спокойствія всей композиціи. За чайнымъ столомъ, подъ ярко свѣтящейся лампой, — семья и пріатели художника тихо бесѣдуютъ въ привычныхъ для нихъ позахъ въ то время, какъ самъ авторъ качаетъ на своихъ рукахъ толстощекаго ребенка, а въ находящееся позади группы окно заглядываетъ блѣдный серпъ луны, серебря гладкую поверхность далекаго моря и суровыя скалы Бретани.

Невдалекѣ отъ Симона, талантливый Лавери выставилъ небольшой поясной портретъ молодой женщины en gris et noir. Это, по моему, одно изъ лучшихъ произведеніи молодого ирландца. Всѣ обычныя качества его кисти : могучая лѣпка, умѣніе пользоваться всѣми цѣнностями (valeurs) и освѣщеніемъ, все это встрѣчается съ избыткомъ въ новомъ произведеніи, окутанномъ какимъ-то особымъ и непередаваемымъ настроеніемъ. Лавери по своей манерѣ и художественному темпераменту — совершенная противоположность модному и нѣсколько затасканному портретисту парижскаго и иного « космополиса » Антонио де Ла-Гандара. Вотъ художникъ, который писалъ и будетъ писать всю свою жизнь разныхъ « фешенебельныхъ » дамочекъ, героинь Поля Буржэ и Марсея Прево, — разныхъ эцентричныхъ « снобинетъ » съ куриными мозгами и цыплячьимъ темпераментомъ, и который никогда не пойдетъ дальше вымученныхъ позъ и красиво переданныхъ складокъ шелковыхъ нарядовъ. А между тѣмъ онъ нравится и многіе считаютъ его выдающимся художникомъ. На самомъ же дѣлѣ онъ, подобно другому модному портретисту, опарижанившемуся итальянцу Больдини, полонъ художественныхъ фокусовъ и утомительно холоденъ. Но публика, даже самая развитая, такъ мало умѣетъ наблюдать и *видѣть*, что отъ нея ускользаетъ все, что не есть одна внѣшность или фотографическое сходство.

Сколько, напримѣръ, лѣтъ понадобилось публикѣ, да и многимъ критикамъ, чтобъ замѣтить, насколько композиціи и даже портреты

извѣстнаго здѣсь Аманъ-Жана написаны криво, болѣзненно слабо, безъ всякаго знанія пластики и рисунка. А вѣдь ими восторгались очень долго и, конечно, въ небольшихъ этюдахъ и картинкахъ эти недостатки художника замѣчались не настолько сильно, какъ въ большихъ произведеніяхъ, не настолько, напримѣръ рельефно, какъ въ присланной имъ въ нынѣшнемъ году композиціи для стѣннаго ковра : *Паркъ*, гдѣ неумѣніе рисовать и бѣдность темперамента выступаютъ съ особой и необычной силой. Группа молодыхъ женщинъ въ различныхъ нарядахъ, но съ одинаковымъ лицомъ (это все та же модель — жена художника) и съ одинаковыми недостатками : кривымъ ртомъ, широко разставленными глазами, съ плохо написанными руками, поражаетъ искусственностью группировки и болѣзненно вялыми тонами. Впрочемъ и весь паркъ написанъ такими-же анемичными красками. Становится грустно и какъ-то неловко послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ передъ этой картиной.

Но вотъ нѣсколько другихъ полотенъ. Вотъ превосходный *портретъ Дени Кошена*, извѣстнаго депутата правой, работы Альбера Бенара; вотъ три портрета кисти шотланца Остенъ Брауна, сильные, колоритные и столь удачно выбранные; вотъ портретъ молодого человѣка въ флорентинскомъ костюмѣ очаровательнаго и великаго Уистлера; вотъ наконецъ полотна другого американца, высоко-талантливаго Сарджента, *портретъ піаниста Деллафоса* и другой, двухъ молодыхъ дѣвушекъ въ пышныхъ нарядахъ, интересный по типу и по передачѣ этого типа и, наконецъ, шесть небольшихъ этюдовъ Каррьера, шесть шедевровъ, написанныхъ съ поразительной простотой и силой.

Вокругъ этихъ именъ нѣсколько другихъ художниковъ, портретистовъ, присылки коихъ обличаютъ похвальные усилія, художественную искренность, а то и крупную индивидуальность. Таковы : Кройеръ, Эдельфельтъ, Девальеръ и т. д.

Послѣ портретовъ первое мѣсто занимаетъ пейзажъ. Тутъ встрѣчаются имена Коттэ, Дошеза, Ле-Синадера, Лермитта. Менара, норвежца Тауло и американца Гаррисона.

Начнем нашъ осмотръ пейзажей съ присылокъ пѣвцовъ Бретани, съ двухъ ея бардовъ — Коттэ и Дошеза.

Ранняя обьдня зимой, небольшое полотно Коттэ, можетъ считаться одною изъ лучшихъ вещей выставка. Это очень типичная вещь, показывающая предѣлъ художественнаго развитія живописца. Послѣ этой картины можетъ лишь произойти или паденіе или повтореніе. Созданное изъ множества отдѣльныхъ этюдовъ, въ которыхъ художникъ изучалъ различныя частности, новое произведение Коттэ можетъ быть принято, какъ окончательный синтезисъ Бретани. На фонѣ немного грустнаго, но весьма характернаго пейзажа, съ тяжелыми, низко нависшими тучами, съ полоской безцвѣтнаго моря, съ печальною сѣрою дорогой, окаймленною большими камнями и рыжею травой, нѣсколько женскихъ фигуръ въ характерныхъ капюшонахъ спѣшатъ къ виднѣющейся вдали деревушкѣ, которую доминируетъ молочнаго цвѣта колокольня.

Впечатлѣніе получается очень сильное благодаря также тому обстоятельству, что въ этой картинѣ нѣтъ ничего лишняго и что всѣ ея части гармонируютъ и удачно дополняютъ другъ друга.

Вокругъ этого прекраснаго полотна размѣщено нѣсколько другихъ присылокъ художника: марины, ландшафты, этюды, — все это очень характерно и интересно, все говоритъ о крупномъ и здоровомъ темпераментѣ и тщательномъ наблюденіи природы.

Дошезъ вообще мало чѣмъ уступаетъ Коттэ. Но въ «Салонѣ» этого года присылки его почему-то слабѣе прошлогоднихъ. Объясняется ли это нѣкоторою усталостью или неудачнымъ выборомъ «сюжетовъ», я, право, не знаю, да и не ищу на это разгадки: художественные темпераменты бываютъ часто настолько хрупки и впечатлительны, что малѣйшій толчокъ можетъ дисгармонизировать ихъ надолго.

Послѣ бретонцевъ и аркадійскихъ ландшафтовъ Менара, фантастическій сюжетъ Бенара, *Счастливыи островъ*, можетъ остановить насъ надолго. Декоративное панно «*L'île heureuse*» — есть видѣніе несбыточной Аркадій, къ которой несется на легкихъ ладьяхъ по темно-синему морю жаждущее счастья и красоты человечество. Кар-

тина Бенара, являющаяся нѣкоторымъ образомъ варіантомъ знаменитаго *Embarquement pour Cythère* Ватто, хотя и написана крайне широко, въ поразительно яркихъ, но гармоничныхъ тонахъ, страдаетъ главнымъ образомъ отъ неподходящихъ къ сюжету размѣровъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что видно, какъ много потрачено было труда и таланта.

Послѣ вышеописанныхъ полотенъ тамъ и сямъ еще нѣсколько удачныхъ присылокъ. Марины Гаррисона, садики и тихіе каналы Ле-Синадера, горные потоки и лагуны Тауло, виды Голландіи молодого Албера, — все это свѣжо, добросовѣстно и натурально.

Но перейдемъ къ жанру. Онъ представленъ на выставкѣ картинами Ла-Туша, Симона, Принэ, Вебера и т. д.

Ла-Тушъ со своими четырьмя присылками занимаетъ безспорно первое мѣсто и первое мѣсто между его картинами надо отдать *Маскированному балу* и *Ужину послѣ бала*. Это двѣ композиціи, во вкусѣ лучшей эпохи XVIII столѣтія, написаны прямо таки волшебною кистью. Богатый и благодарный самъ по себѣ сюжетъ позволилъ Ла-Тушу дать намъ такую симфонію тоновъ и оттѣнковъ, что остается лишь развести руками. И замѣьте, что все это скомпановано не въ жидкихъ, анемичныхъ тонахъ, въ которыхъ разобратъ не представляется никакой возможности, а горячими, сочными красками, замѣчательно умѣло пригнанными другъ къ другу.

Вдоль красивой лѣстницы съ причудливыми изгибами — рой красивыхъ масокъ; цѣлая вереница пышныхъ и фантастическихъ костюмовъ. А дальше : въ гостиной чистѣйшаго стиля Людовика XVI, вокругъ столиковъ съ бѣлоснѣжными скатертями, подъ ярко горящими свѣчами — группы веселящихся паяцовъ, маркизовъ и « бержерокъ ». Такова по себѣ тема. Аксессуары къ ней многочисленны и выбраны съ большимъ вкусомъ и стараніемъ.

Танцевальный залъ — Симона переноситъ насъ изъ богатаго отеля въ скромную бретонскую харчевню, гдѣ подъ единственною лампой пляшутъ, съ не меньшимъ весельемъ, чѣмъ маркизы Ла Туша, нѣсколько расфранченныхъ бретонковъ и бретонцевъ. Здѣсь краски болѣе суровыя и строгія : нѣтъ тѣхъ горячихъ и сказочныхъ потоковъ

золота, пурпура и бирюзы, но зато мы видимъ больше сдержанности и неприкрашенной правды. Картина Симона — это скромный романсъ, тогда какъ произведенія Ла-Туша — блестящій салонный вальсъ.

Что сказать о Веберѣ? Я посвятилъ ему въ этой книгѣ цѣлую главу, въ которой постарался охарактеризовать талантъ и склонности этого художника-фантаста, играющаго въ національномъ Обществѣ роль *enfant terrible*, которому все дозволено. Онъ часто злоупотребляетъ этимъ правомъ, но никогда, надо сознаться, не бываетъ скученъ или ординаренъ. Къ сожалѣнiю его картины часто трудно описать; ихъ надо видѣть.

Въ заключенiе отмѣтимъ еще прекрасныя по тонамъ и концепции присылки Принэ, особенно его *Партiя въ биллиардъ* съ тремя женскими фигурами, полными жизни и грации, прекрасный жанръ нѣмца Брутта *Конференцiя*, съ очень удачнымъ вечернимъ освѣщенiемъ и сочно и не банально написанными и сгруппированными фигурами, очень интересную серiю колоритныхъ *gitanas* испанца Англада и наконецъ полужанры-полупейзажи одного изъ лучшихъ канадскихъ художниковъ Джемса Уильсона Морриса.

Только нѣсколько аршинъ пустаго пространства отдѣляютъ «Салонъ» національнаго Общества отъ выставки *Société des Artistes français*, а между тѣмъ контрастъ настолько великъ, что нельзя осматривать обонхъ «Салоновъ» въ одинъ и тотъ же день. Для успѣшнаго, плодотворнаго осмотра второй Выставки необходимо, чтобы прежнiя впечатлѣнiя окончательно улеглись.

Я не могу сказать, чтобы выставка Общества французскихъ артистовъ была бы особенно выдающейся, но на ней есть нѣсколько интересныхъ полотенъ и общiй ея уровень, пожалуй, не ниже перваго «Салона».

Первое мѣсто занимаетъ тутъ, вмѣстѣ съ историко-фантастическою живописью, живопись декоративная, въ которой, конечно, первое мѣсто принадлежитъ Детайлю.

Я долженъ быть откровеннымъ. Мнѣ никогда не правилась жи-

вопись этого почтеннаго живописца; я находилъ ненужнымъ и недостойнымъ истиннаго артиста всѣ его обычныя бутафорскія уловки и театральныя положенія. Мнѣ думалось, что художникъ не долженъ быть рабомъ аксессуаровъ и заданной темы и что Детайль охотно забываетъ, какими, собственно, простыми способами старе мастера умѣли возбуждать художественное наслажденіе. Вотъ почему сегодня я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ могу констатировать полный успѣхъ новыхъ произведеній художника, предназначенныхъ для Парижской Городской Ратуши и названныхъ: *Наборъ волонтеровъ на Pont-Neufъ въ 1792 году* и *Встрѣча парижскимъ муниципалитетомъ войскъ, возвратившихся изъ Польши*. Въ этихъ двухъ громадныхъ композиціяхъ Детайль, позабывъ опушки и выпушки, позабывъ обычный лоскъ и условность въ группировкѣ и выраженіяхъ, — придаетъ картинѣ настоящее движеніе и настоящую жизнь.

Присылка Тудуза *Курсъ теологіи въ XIV столѣтіи*, предназначенная для зданія новой Сорбонны, — вещь далеко не заурядная. Фигура поучающаго монаха среди группы студентовъ полна жизни и выраженія. Это очень хорошій «кусокъ» (motseau), какъ говорятъ въ мастерскихъ.

Отмѣтимъ еще композицію талантливаго Жанъ-Поль Лоранса: *Восхваленіе Кольбера* (Glorification de Colbert), написанную очень яркими красками и съ обычною виртуозностью, но удивительно холодную и необычайно сложную, — и перейдемъ «къ сюжетамъ болѣе веселымъ!» . . .

Жанръ страдаетъ отсутствіемъ крупныхъ талантовъ; лучшія вещи не выходятъ изъ предѣловъ золотой посредственности и трудно изъ всей массы выставленнаго запомнить для иностраннаго читателя даже два — три имени.

Портретовъ на этой выставкѣ видимо невидимо, но изъ 300 съ лишнимъ нумеровъ можно отмѣтить лишь прекрасный портретъ старой дамы работы Эннера, портретъ *Лорда Савиль* покойнаго Бенжамена-Констана, — это очень типичная и совершенно англійская вещь во вкусѣ Лоренса, да работы маститаго Бонна, который хотя и повторяется, остается все таки достаточно интереснымъ.

Пейзажъ слабъ. Лишь тамъ и сямъ нѣсколько интересныхъ вещей. Изъ полужанра, полупейзажа отмѣтить можно только одну вещь, но за то въ самомъ дѣлѣ крайне удачную : *Осень*, г-жи Дюфо. Въ самомъ дѣлѣ эта настоящій синтезисъ; синтезисъ легендарной и героической Эллады, гдѣ жизнь должна течь въ нѣгѣ и спокойствіи. Въ картинѣ г-жи Дюфо — все есть, что надо, и все это на своемъ мѣстѣ и написано сочно и съ темпераментомъ.

Религіозная живопись интересуеъ гг. Иннокента и Казимира Дотрема (я не говорю о другихъ совершенно слабыхъ вещахъ), но видимо у обоихъ изъ нихъ не хватаетъ ни достаточнаго таланта, ни восторга, поэзіи и вѣры, чтобъ трактовать успѣшно такіе сюжеты, какъ *Святое Семейство*, *Рождество*, *Положеніе во Гробъ*. Все это прилично, но и только.

Намъ остаются еще міѳологія, исторія и область легенды. Но если мы отличимъ въ этомъ отдѣлѣ имена Жерома, Татегрена, Бутро, Жюля Лефевра и скажемъ, что эти господа продолжаютъ дѣлать все то же самое, то-есть зарисовываютъ « темы » и фикціи, то можно будетъ поставить и точку.

Я отложилъ скульптуру и прикладное искусство обоихъ « Салонъ », что называется *rouge la bouche bouche*, такъ какъ нахожу, что въ отдѣлѣ скульптуры пожалуй столько-же интересныхъ вещей, если не больше, чѣмъ на всей выставкѣ вообще. Конечно, всего интереснѣе ваяніе у художниковъ « національнаго общества », которое видимо ориентуруется въ сторону « маленькой скульптуры », того, что можно было-бы назвать комнатнымъ ваяніемъ. Это направленіе будетъ очень интересно прослѣдить. Изъ болѣе крупныхъ вещей первое мѣсто, конечно, принадлежитъ Родену. Вотъ его *Голова Виктора Гюго* — поразительно сильная и экспрессивная маска, вотъ фигуры, предназначенныя для группы : *Тьни*. Какъ все это сильно, хаотически могуче и съ какимъ знаніемъ человѣческаго тѣла и человѣческой скорби все это скомпановано! *Надгробный памятникъ* Бартоломэ — задуманъ очень удачно, но исполненъ нѣсколько тяжело.

Рядомъ съ Бартоломэ надо поставить двѣ аллегорическія головы Бурделла : *Побѣда* и *Пораженіе*. Это двѣ очень сильныя вещи, ском-

панованныя изъ различныхъ металловъ, воска и мрамора. Вальгрень выставилъ на этотъ разъ нѣсколько статуэтокъ-портретовъ, сработанныхъ съ большимъ вкусомъ и тщательностью.

Константинъ Меньэ, Камилль Лефевръ, Пьеръ Рошъ, Карабенъ — прислали каждый весьма хорошія вещи.

Скульптурный отдѣлъ Общества Французскихъ Артистовъ представляетъ собой нѣчто очень похожее на громадное Campo Santo и я предполагаю, что тѣ изъ посѣтителей Выставки, которые имѣли возможность побывать въ Генуѣ, не могли не вспомнить о тамошнемъ кладбищѣ при осмотрѣ «Салона» скульптуры. Но, какъ тамъ, такъ и здѣсь бюсты и изображенія разныхъ «великихъ неизвѣстностей» занимаютъ болѣе трети пространства. Остальное отдано подъ болѣе интересныя попытки, изъ коихъ первое мѣсто принадлежитъ присылкамъ Мерсьэ, Франсуа Сикара, Одино и пр.

Прикладное искусство или, говоря точнѣе, художественная промышленность принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе коммерческій характеръ. Конечно, мы встрѣчаемъ въ обоихъ «Салонахъ» произведенія оригинальныя, не предназначенныя для имитации и подписанныя именами настоящихъ артистовъ, но большинство все же суть лишь модели для фабричнаго производства. Столь оригинальныя вещи, какъ браслеты, броши, ожерелья и пр. высоко-талантливаго Лалика или кубки и братины Фалиса, или еще кожи и матеріи Роберта де-Флэра, мебель Колонна, майолика Мажорела, бронза Дамта находятъ, въ настоящую минуту, массу безталанныхъ подражателей, работающихъ лишь для большихъ магазиновъ, гдѣ можно купить удачно исполненную копию съ ихъ произведеній за нѣсколько десятковъ франковъ. Подобная демократизація была бы еще не особенно печальна, если бы въ общественный обиходъ входили лишь вещи красивыя, простыя и практичныя. Къ сожалѣнію, мы видимъ постоянно на торговыхъ базарахъ и въ лавкахъ экземпляры такъ-называемаго «nouveau style», которые совершенно этому не отвѣчаютъ и являются насмѣшкой надъ вкусомъ и поруганіемъ красоты. Кого должны мы винить въ подобномъ поло-

женіи вещей? Сначала мы готовы осудить фабрикантовъ, торговцевъ и даже самихъ артистовъ, но, всмотрѣвшись повнимательнѣе, мы замѣтимъ, что вина главнымъ образомъ на сторонѣ грубой и неразвитой публики, которая, желая быть по модѣ одѣтою и по модѣ обставленною, довольствуется поддѣлкой, только бы не платить много и имѣть много на потраченныя деньги. « Tel maître, tel valet. »

Май 1902 г.

ПОРТРЕТЫ И МЕДАЛЬОНЫ.

КНЯГИНЯ М. В. ЭРИСТОВА.

Я стараюсь, по мѣрѣ возможности, избѣгать всего, что мнѣ кажется некрасивымъ. Мнѣ думается, что я стала бы злою и несчастною, если бы мнѣ пришлось постоянно жить среди грубыхъ и не эстетичныхъ вещей.

Такъ говорила мнѣ, на этихъ дняхъ, русская художница-настелистка, княгиня Марья Васильевна Эристова.

Мы сидѣли въ обширной и высокой мастерской и вокругъ насъ, среди простой, но красивой обстановки, виселось нѣсколько громадныхъ портретовъ и картинъ.

Было свѣтло. Октябрьское солнце, проникая богатымъ потокомъ въ громадное створчатое окно, золотило хрустальныя вазы, въ которыхъ искрились и торжественно умирали первыя осеннія хризантемы, и весело играло на полу, устланномъ толстымъ, кавказскимъ ковромъ. На низкомъ, но длинномъ диванѣ въ привычной позѣ, поджавъ подъ себя ноги и обложившись подушками и валиками пестрыхъ цвѣтовъ, сидѣла сама художница. На ней было надѣто длинное, черное платье, окаймленное золотымъ позументомъ, похожее на монашескую рясу или далматику византійскихъ императрицъ, и держала она въ тонкой и бѣлой рукѣ, украшенной кольцами и запястьями, короткую папироску, дымившуюся и обволакивающую ее синеватымъ дымомъ.

Княгиня Эристова говорила мнѣ объ искусствѣ, о книгахъ, о грѣзахъ, о жизненныхъ радостяхъ и жизненныхъ страданіяхъ. Ея ровный, грудной и сочный голосъ слегка вздрагивалъ, когда бесѣда заходила объ особенно любимыхъ ею предметахъ, и мнѣ казалось, что я присутствую при какой-то исповѣди или торжественномъ изложеніи священнѣйшаго *Credo*.

Почти напротивъ меня стоялъ на постаментѣ небольшой бронзовый Гермесъ, одинъ изъ тѣхъ, что эллины называли *ψυχαγωγός*, то есть вожатымъ или руководителемъ душъ, благодаря его особому посоху и жесту руки, а сбоку среднихъ размѣровъ полотно, на которомъ былъ изображенъ масляными красками молодой фавнъ съ вѣнкомъ изъ красныхъ розъ. Стоя у опушки лѣса, среди зеленыхъ, травянистыхъ дубравъ, онъ игралъ на тонкой свирѣли вечерній гимнъ ясноокому Фэбу, легкому проводнику свѣта, золотящему послѣдними своими лучами вершины стройныхъ кипарисовъ.

Я слушалъ :

— Природа есть неисчерпаемый источникъ эмоцій и радостей. Красоту и свѣжесть образовъ, оттѣнковъ, красокъ и движеній, все это нѣкоторые изъ насъ чувствуютъ настолько сильно, что имъ и въ голову не приходитъ сохранять полученныя впечатлѣнія лишь для самихъ себя. Вся ихъ жизнь проходитъ въ стараніяхъ придать полученнымъ ими ощущеніямъ извѣстную форму или образъ, если вы хотите, который былъ бы понятенъ остальному человѣчеству. Этотъ образъ, эта форма, есть произведеніе искусства, не такъ ли? Но среди художниковъ одни лишь пейзажисты обращаются постоянно къ природѣ и ищутъ въ ней силы и матеріала. Они счастливы! Ихъ взоры не встрѣчаютъ некрасотъ и они могутъ постоянно варьировать и постоянно комбинировать свои впечатлѣнія. Мнѣ хотѣлось бы писать ландшафты и марины; мнѣ хотѣлось бы набросать спокойные, аркадійскіе пейзажи, на которыхъ отдохнули бы мое зрѣніе и мой умъ.

Я пристально взглянулъ на свою собесѣдницу. Она сидѣла теперь нѣсколько нагнувшись впередъ и не моргая смотрѣла своими громадными голубыми глазами куда-то за меня и за стѣны тѣсной мастерской, туда, вѣроятно, гдѣ витали ея полуоформленныя, но пышныя мечты. Папироска потухала и по красивому, точно выточенному изъ слоновой кости лицу пробѣгала едва замѣтная, но печальная тѣнь.

— А портреты? — замѣтилъ я.

Она пожала плечами и возразила :

— Область портрета очень узка. Если вы не любите психологию и не умѣете подмѣчать характера вашихъ « натуръ », что остается? Маски, трюпки, болѣе или менѣе естественныя позы. Вотъ и все. Я знаю, что есть теоретики, утверждающіе противное. Еще недавно я читала Рескина. Рескинъ даетъ совѣты! . . . Но я не люблю Рескина, не люблю совѣтовъ, не люблю теоретиковъ. Я пишу портреты такъ, какъ мнѣ Богъ на душу положилъ, а отдыхаю вотъ на этомъ, вотъ на томъ, что вы видите въ углу. . . .

И художница широкимъ жестомъ показала мнѣ на двѣ картины религіознаго характера. На первой изъ нихъ Спаситель лежалъ во гробѣ и надъ нимъ плакала темная фигура женщины. Красный, боковой свѣтъ освѣщалъ голову Бога-человѣка и клалъ яркіе блики на обнаженную грудь. Подпись гласила : *Искупитель*. Во второй картинѣ, залитой яркимъ, мутнымъ свѣтомъ, подъ ласково мигающими звѣздами, этими цвѣтами неба, божественное тѣло Спасителя покоилось у подножія креста. Молодая женщина, въ бѣломъ хитонѣ мудрыхъ дѣвъ, охраняла Небеснаго Жениха, воздымая къ высокому небу, въ нѣмой мольбѣ, черныя очи и блѣдныя руки. Въ темной равнинѣ сгибались и падали ницъ передъ божественнымъ тѣломъ, озареннымъ небеснымъ свѣтомъ, сотни человѣческихъ фигуръ. Онѣ молились, онѣ пѣли : « Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою. »

Обѣ картины, писанныя пастелью съ необычайною силой и рельефностью (двумя обычными качествами крупнаго артистическаго темперамента художницы, обладающей чисто-мужскою кистью и фактурой), были видимо исполнены въ минуту сильнѣйшаго душевнаго восторга и, скажемъ также, сильнѣйшей душевной смуты.

— Это символы, — проговорилъ я, осмотрѣвъ картины.

— Что-жъ изъ этого? — живо возразила она. — Что-жъ изъ этого, разъ *это* придаетъ реальность или выпуклость нашимъ мечтамъ? А кто изъ насъ свободенъ отъ преувеличеній, отъ грезъ, отъ порывовъ куда-то? Говорятъ, что одни лишь архангелы древней легенды могутъ считать себя свободными отъ всяческихъ мечтаній, и знаете почему? потому что они избавились, наконецъ, отъ соблаз-

на . . . , увидавъ въ какую глубокую пропасть пали тѣ, кто дерзаль когда-либо мыслить . . .

Наступила пауза. Я спросилъ :

— Вы давно живете въ Парижѣ?

Она посмотрѣла на меня, какъ будто спросонья, и не сразу отвѣтила . . .

— Да, вотъ уже скоро десять лѣтъ — сказала она, наконецъ. — Я пріѣхала сюда съ мужемъ прямо съ Кавказа. Но еще до этого я наѣзжала сюда неоднократно и дѣвушкой работала у Зичи въ тѣ времена, когда онъ жилъ въ Парижѣ.

— Вы долго жили въ Петербургѣ?

— Я тамъ родилась и воспитывалась. Когда я еще была ребенкомъ, мнѣ давали уроки живописи многіе знаменитые теперь художники. Я долго работала у Зичи, у Рѣпина. Впослѣдствіи и все тамъ же я написала мои первые портреты. Помню, одно время, мои головки и этюды, которые я выставяла у Беггрова, на Невскомъ, продавались очень хорошо и я знаю, что нѣкоторые изъ нихъ находятя теперь въ музеяхъ.

— Такъ-что вашихъ портретовъ въ Петербургѣ очень много?

— Да, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Тифлисѣ . . . Въ Парижѣ я написала цѣлую серію портретовъ и съ русскихъ, и съ французовъ, и съ американокъ . . .

— На всемірной выставкѣ въ отдѣлѣ русскаго искусства я видѣлъ два вашихъ портрета, — это были два настоящіе шедевра.

— Да, — вспомнила художница. — Я выставила тогда портретъ барона Фредерикса, бывшего нашего военнаго атташе въ Парижѣ, и другой — гжи Пакэнъ, жены знаменитаго дамскаго портнаго. За первый портретъ я получила большую серебряную медаль. Но съ тѣхъ поръ я написала такъ много новаго . . . лучшаго? Я не знаю. Я никогда не знаю, хороши ли мои работы . . . я постоянно ищу, я постоянно недовольна. Мнѣ такъ хотѣлось бы сдѣлать что-нибудь особенное, что-нибудь въ самомъ дѣлѣ захватывающее. Но посмотрите на эти портреты, что стоятъ около васъ, и скажите, какъ вы ихъ находите.

Она встала съ дивана и мы подошли къ одному изъ портретовъ.

На громадномъ полотнѣ была изображена красивая молодая дѣвушка въ розовомъ, бальномъ нарядѣ. Изящная головка, съ копной почти что рыжихъ волосъ, нагибалась нѣсколько набокъ и большіе, аметистоваго цвѣта глаза смотрѣли не то холодно, не то равнодушно. Тонкаго рисунка носъ съ легкою горбинкой обличалъ если и не породу, то все же тщательный подборъ, а бѣлый, низкій лобъ говорилъ объ упрямствѣ и скрытности. Около бѣлолицой и стройной красавицы спала маленькая собачка съ рыжими, почти что красными ушами. Да, у ногъ подобныхъ существъ животныя дремлютъ.

Но вотъ, почти что рядомъ, еще другой портретъ. Молодой худощавый и серьезнаго вида мужчина съ бритымъ лицомъ и сложенными на груди руками стоитъ, прислонившись къ большому зеркалу. Въ немъ все указываетъ на то, что онъ живетъ внѣ тѣлесной оболочки, заключенной въ темное платье со строгими складками. Жизнь, видимо, сконцентрирована въ высокомъ бѣломъ челѣ, окаймленномъ плоскими и сухими волосами. Сочныя, кроваваго цвѣта, губы, однако, какъ бы ищутъ тѣлесныхъ усладъ; но въ углахъ широкаго рта уже ложатся первыя складки горечи. На продолговатомъ лицѣ не замѣтно ни ненависти, ни разочарованія. Повидимому, ничто не опьянитъ, но ничто и не удивитъ этого человѣка, привыкшаго анализировать малѣйшія жизненныя явленія. Въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ я читаю усмѣшку и чуть сдерживаемую улыбку, заставляющую нѣсколько подыматься его лѣвую бровь. Онъ усмѣхается, этотъ странный и строгій человѣкъ! Но надъ чѣмъ онъ усмѣхается? Неужели онъ понялъ, насколько мимолетны наши горести и печальны послѣдствія нашихъ радостей?

Мнѣ не хотѣлось хвалить. Мнѣ казалось излишнимъ и совершенно напраснымъ произносить неопредѣленные фразы, которыми мнѣ никогда бы не удалось описать, какъ слѣдуетъ, полученное наслажденіе, а потому я молча отошелъ отъ портретовъ и мы принялись пить чай.

Княгиня Эристова, помѣстившись снова на диванѣ и отпивъ глотокъ горячей влаги, проговорила :

— Вы видите, я не выбираю « сюжетовъ », да это и не мыслимо, когда работаешь портреты на заказъ, но иногда мнѣ попадаются модели очень удачныя, интересныя. Тогда я работаю съ особымъ напряженіемъ и любовью. Я люблю контрасты не только въ характерахъ, но и въ краскахъ. Я люблю яркіе тона и неопредѣленныя полутѣни. Я стараюсь, чтобы мои портреты были написаны въ одной опредѣленной гаммѣ и имѣли-бы « *une note* ».

Она снова зажгла папироску и принялась курить. Легкая возбужденность отъ долгой бесѣды проходила; красивыя руки падали, какъ бы отъ усталости, и прекрасныя, добрыя глаза заволакивались и погасали.

Я хотѣлъ уходить. Но она сказала :

— Нѣтъ, сидите. Я сегодня не буду работать; уже поздно и темно. Я никогда не выхожу и сижу постоянно дома, иногда недѣлями сижу, мнѣ бываетъ часто скучно и я рада, когда кто-нибудь заходитъ ко мнѣ.

Бѣлыя руки опустились еще ниже и драгоценныя камни на пальцахъ — опалы, брилліанты, сапфиры и жемчуги — засверкали въ наступающихъ сумеркахъ тревожнымъ и болѣзненнымъ блескомъ.

Мы молчали. Стаивилось совсѣмъ темно. И вдругъ изъ этой темноты послышался грудной и страстный голось.

— Меня многіе считаютъ странною. . . вѣроятно потому, что я не живу такъ, какъ всѣ, вѣроятно потому, что бываю иногда слишкомъ откровенной, потому, что чуждаюсь общества, того, что называютъ « свѣтомъ ». . . Но я вѣдь не бѣгу отъ людей, я люблю смѣхъ, веселье. . . Я сама люблю смѣяться и шутить. . . Я не выношу угрюмыхъ, скучныхъ, я не выношу тьмы, потемокъ. . . Marie, Marie, зажгите лампу, зажгите всѣ лампы. . . во тьмѣ ничего не видно и я въ ней задыхаюсь. . .

Служанка зажгла двѣ лампы и поставила ихъ на столъ. Отъ опущенныхъ низко абажуровъ на стѣны легли тяжелыя тѣни, а въ

углахъ громадныя портреты съ мертвыми глазами какъ бы оживли и задвигались.

— Какъ жаль, — сказала художница, продолжая курить, — какъ жаль, что вы не играете на фортепiano. Какъ хорошо было бы теперь послушать музыку, хорошую музыку. Этого мнѣ часто недостаетъ.

Я посмотрѣлъ на нее — и мнѣ вспомнились стихи Бодлера :

... Tu rappelles ces jours blancs, tièdes et voilés
Qui font se fondre en pleurs les cœurs ensorcelés.

Когда я вышелъ на улицу было холодно и грустно. Въ пустынной и полутемной авеню газовыя рожки фонарей мигали лѣниво и съ деревьевъ, оголенныхъ уже осеннимъ вѣтромъ, падали на землю послѣдніе мертвыя листья. Осень, осень . . .

ВИЛЛЭ ВАЛЬГРЭНЬ.

С овѣмъ въ концѣ улицы Faubourg Saint-Honoré, около place des Ternes, существуетъ небольшой и тихій переулокъ, сплошь заселенный живописцами и скульпторами. Тамъ, по обѣимъ сторонамъ широкой и опрятной мостовой, тянутся одноэтажныя мастерскія со стеклянными крышами и маленькіе домики, обнесенные заборчиками и очень похожіе на уютныя англійскіе «коттэджи». Около панелей, передъ дверцами загородокъ и окнами мастерскихъ, высятся въ зеленыхъ и нѣсколько развалившихся кадкахъ завялыя лимонныя деревья и цвѣтушія гераніи, а между этими кадками грѣтся на солнцѣ невѣроятное количество кошекъ всякихъ возрастовъ и цвѣтовъ. Это настоящая идиллія, которую не нарушаютъ ни экипажи, ни прохожіе; ворота переулка (impasse) остаются почти всегда затворенными.

Въ одномъ изъ хорошенькихъ домиковъ переулка живетъ, вотъ уже многіе годы, извѣстный скульпторъ статуэръ Виллэ Вальгрэнъ. Его мастерская находится тутъ же рядомъ и стоитъ лишь постучать висячимъ желѣзнымъ замкомъ, какъ дверь моментально отворится и на порогѣ ея покажется небольшого роста мущина, съ сѣдою бородкой и въ бѣлой рабочей блузѣ. Онъ улыбнется, пожметъ вамъ руку и скажетъ: «войдите!» Вальгрэнъ работаетъ цѣлый день, его всегда можно найти дома и его гостепріимство столь же громадно, какъ и его талантъ.

Въ мастерской Вальгрэна очень просторно и вмѣстѣ съ тѣмъ уютно. Въ громадномъ, мраморномъ каминѣ, — произведеніи самого хозяина, — потрескиваетъ и шуршитъ пріятный огонекъ; съ потолка, на которомъ висятъ нѣсколько лампъ, падаетъ ровный свѣтъ, а въ углу и около длинныхъ дивановъ, стоящихъ вдоль стѣнъ помещенія, — высятся на многочисленныхъ постаментахъ таинственныя глыбы, закутанныя въ бѣлыя, а то и сѣроватыя просты-

ни. Тамъ и сямъ виднѣются мраморныя или бронзовыя статуэткы и головки; все это уже законченные шедевры поэзіи и граціи.

Виллѣ Вальгрәнъ родомъ изъ Борго (Финляндія); но онъ учился во Франціи у Кавальѣ, въ Парижской Академіи Искусствъ, и уже болѣе 25 лѣтъ живетъ безвыѣздно въ Парижѣ. Его многочисленныя работы разсѣяны въ настоящую минуту по всему свѣту и художественные музеи Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Мюнхена, Бостона, Филадельфіи и т. д. хранятъ многія его произведенія.

Произведенія Вальгрэна отличаются, прежде всего, двумя замѣчательными качествами: оригинальностью замысла и образцовымъ исполненіемъ; никто такъ не самостоятеленъ и не искрененъ съ самимъ собой и другими, какъ этотъ скульпторъ. Въ самыхъ мелкихъ его работахъ мы можемъ легко усмотрѣть широту его мысли и глубину его художественной эмоціи. Произведенія Вальгрэна, это, прежде всего, цѣлый рядъ небольшихъ бронзовыхъ статуэтокъ, которыя скульпторъ покрываетъ легкою «патиной» (окисью) замѣчательно удачныхъ оттѣнковъ и тоновъ. Эти современныя Танагры граціи и прелести часто символизируютъ, подъ чертами молодыхъ дѣвъ, женщинъ и мужчинъ, различныя наши чувства и душевныя настроенія. Таково, на примѣръ, *Утѣшеніе* (*Consolation*) подъ видомъ двухъ обнявшихся молодыхъ людей; таковы: *Les Aimés Tristes*; *Передъ Гробомъ* (*Devant le tombeau*), или еще *Секретъ* (*Le secret*) въ видѣ женщины со склоненною головой, укутанною въ длинный плащъ, какъ-то безпомощно и тяжело падающій съ ея опущенныхъ плечъ, — и бережно несущей погребальную урну, или, наконецъ, *Гордость* (*Fierté*) подъ обликомъ молодой дѣвушки со смѣло поднятою головой и вызывающимъ взоромъ. Подобныя скульптуры передаютъ своими положеніями, жестами и аксессуарами различныя фазисы нашей духовной жизни.

Но у Вальгрэна существуетъ еще и другой разрядъ произведеній, если можно такъ выразиться, который уже прямо относится къ прикладному искусству, то — многочисленныя бронзовыя люстры, лампы, подставки, вазы и прочіе легкіе и красивые предметы до-

машинного обихода. Какъ этими самыми работами, такъ и своими статуэтками Вальгрэнъ не только составилъ себѣ имя, но также и положилъ основаніе цѣлой художественной школы; къ сожалѣнію, его многочисленные ученики далеко отстоятъ отъ него и большею частью подражаютъ своему учителю, а иногда и прямо-таки воруютъ у него идеи и формы.

Однако, все это лишь творенія статуэра.

Посмотримъ теперь на Вальгрэна скульптора. Это послѣдняя и наименѣе давнишняя степень его таланта.

Чисто-скульптурныя произведенія Вальгрэна — многочисленны. Отмѣтимъ прежде всего его серію мраморныхъ и бронзовыхъ портретовъ, составлявшихъ гордость скульптурнаго отдѣла *Салона* нынѣшняго года.

Вотъ трогательное и великолѣпно исполненное мраморное изображеніе пѣвицы Актэ въ роли глюковской *Alceste* ъ; вотъ граціозный портретъ одной изъ миловидныхъ, молодыхъ артистокъ Французской Комедіи; вотъ фигура сидящей женщины въ пышномъ бальномъ нарядѣ; вотъ, наконецъ, одинъ изъ шедевровъ Люксембургскаго музея : *Méditation*, бюстъ молодой дѣвушки, съ головой, покоящейся на открытой ладони красивой руки, и со взоромъ, устремленнымъ въ пространство. Къ этой серіи, столь удачно задуманной и такъ безупречно исполненной, слѣдуетъ еще прибавить нѣсколько вещей, изваянныхъ артистомъ во время частыхъ пребываній въ деревняхъ Бретани : то портретики бретонекъ и бретонцевъ въ ихъ пестрыхъ, національныхъ костюмахъ.

Точно такъ же какъ Коттэ въ живописи понялъ красоту бретонскаго моря и пейзажа, точно также и Вальгрэнъ въ скульптурѣ оцѣнилъ прелесть и непосредственность бретонской души. Въ этомъ отношеніи оба художника удивительно какъ близко стоятъ другъ отъ друга. Но то, что у перваго изъ нихъ является лишь одною изъ частныхъ, то у втораго, — понятно, получило первичную важность. Я имѣю въ виду изображеніе человѣческой фигуры и пониманіе ея скрытой души. У Вальгрэна это пониманіе, это проникновеніе граничитъ почти-что съ тѣмъ, что окультисты называютъ

« double vue » или ясновидѣніемъ. За примѣрами ходить не далеко : стоитъ лишь взять любой изъ бретонскихъ портретовъ скульптора, дабы вполне оцѣнить это качество. Вотъ, напримѣръ, фигурка Yvette — бретонской дѣвочки. Въ этой вещи видимо синтезированы всѣ особенности этой удивительной расы съ закаленнымъ и простымъ сердцемъ. Подъ красивымъ вышитымъ чепчикомъ (coiffe) маленькая головка съ упрямымъ и круглымъ лбомъ нѣсколько наклонена на бокъ. Небольшой вздернутый носикъ придаетъ лицу какую-то особую прелесть и шаловливость, но большіе и глубокіе глаза смотрятъ уже ясно и задумчиво, какъ очи тѣхъ, кто долго смотрѣлъ на необъятное и суровое море. Yvette одну руку заложила въ кармашекъ длиннаго передника; въ другой она держитъ яблоко. Такою она предстала впервые передъ артистомъ; такую она ему и позировала — и, смотря на нее, мнѣ кажется, что она говоритъ скульптору устами поэта :

Vous avez dit mon âme . . .

Одно изъ послѣднихъ и наиболѣе крупныхъ произведеній Вальгрэна — это надгробный памятникъ, заказанный княгиней Барятинской для могилы ея сына, похороненнаго въ Царскомъ Селѣ. Памятникъ изображаетъ громаднаго ангела со сдвинутыми крыльями и сложенными на молитву руками. Неописуемое выраженіе грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды и покорности озаряетъ его блѣдное прекрасное лицо съ глубокими глазами, обращенными долу и какъ бы смотрящими и видящими лицо умершаго, покоящагося подъ тяжелою, надгробною плитой.

Говоря о Виллѣ Вальгрэнѣ, было бы грѣшно и непростительно умолчать объ его достойной и талантливой супругѣ. Жена нашего скульптора сама лично очень крупная художница, ничѣмъ ему не уступающая въ своей специальности.

Антуанетта Вальгрэнъ миниатюристка и переплетчица. Съ неподражаемымъ вкусомъ и умѣніемъ она выдѣлываетъ изъ кожи богатые и художественные переплеты, соблюдая при этомъ полнѣйшую гармонию между текстомъ и иллюстраціями, украшающими

обложку книгъ. Эти иллюстраціи и прочія украшенія, вырѣзанныя и такъ-сказать выдолбленныя въ кожѣ, она окрашиваетъ или вытравляетъ различными окисями. Такимъ образомъ въ дѣло не входитъ ни одна краска, а всѣ тоны и полутѣни получаются лишь одними этими кислотами. Это очень красивая, но очень хлопотливая работа.

Изъ работъ гжи Вальгранъ, многократно появлявшихся на различныхъ художественныхъ выставкахъ, слѣдуетъ отмѣтить переплеты для книгъ д'Эспарбеса, Гюстава Флобера : *Saint-Julien-l'Hospitalier*, *Hérodias* и т. д.

Во всѣхъ этихъ переплетахъ Антуанетта Вальгранъ выказала себя не только недюжиннымъ мастеромъ, но и весьма талантливою художницей съ тонкимъ вкусомъ и богатою техникой.

Октябрь, 1902 г.

СЛОАСА МАХИМА.

На этихъ дняхъ, около десяти часовъ вечера, ко мнѣ зашелъ совершенно неожиданно мой добрый другъ Мишель Тиссиэ и предложилъ мнѣ провести съ нимъ вмѣстѣ вечеръ.

— Съ удовольствіемъ — отвѣтилъ я, — но гдѣ проведемъ мы этотъ вечеръ?

— Да въ разныхъ учрежденіяхъ, гдѣ принято веселиться. Посмотримъ на людскіе капризы и прихоти, а потомъ поужинаемъ на скромныхъ началахъ.

— Съ чего же мы начнемъ?

— Да если вы не имѣете ничего противъ этого, то мы прежде всего осмотримъ вѣкій « домикъ скромный », гдѣ собираются курильщики опиума.

— Вы не предполагаете ли уже, что я стану курить опиумъ?

— Кто объ этомъ говоритъ! Мы просто посмотримъ, какъ его курятъ другіе. Такъ идемъ, что ли?

— Идемъ.

Черезъ четверть часа мы были уже на улицѣ и, нанявъ извозчика, покатали на avenue de Wagram.

Было сыро и душно. Моросилъ мелкій дождикъ и улицы окутывались молочнаго цвѣта туманомъ, въ которомъ газовые и электрическіе фонари мигали тревожно и неопредѣленно. Панели и мостовыя были мокры и слизки. Однимъ словомъ то былъ характерный вечеръ парижской поздней осени съ неизбѣжнымъ дождемъ и жидкой, липкой грязью, въ которой шлепали и барахтались прохожіе и экипажи. Мы миновали площадь Согласія и черезъ темныя и какъ бы заснувшія Елисейскія Поля поднялись до avenue de Wagram.

Около громаднаго сѣраго дома извозчикъ нашъ остановился и Тиссиэ сказалъ мнѣ, почти что шепотомъ :

— Здѣсь. Выходите. . .

Мы вышли изъ кареты и, расплатившись съ возницей, прошли черезъ ворота на небольшой и почти квадратный дворикъ. У первой двери, направо, мой спутникъ осторожно постучался. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Наконецъ дверь слегка пріотворилась и чей-то голосъ, — женскій, какъ мнѣ показалось, — спросилъ тревожнымъ шепотомъ :

— Кто тамъ?

— Мишель ! — отвѣтилъ мой пріятель.

Тогда дверь отворилась совершенно и мы вошли въ крохотную прихожую, тускло освѣщенную газовой горѣлкой. Передъ нами стояла маленькая старушка съ желтымъ, добродушнаго вида лицомъ и связкой ключей въ морщинистыхъ рукахъ.

— Это вы, monsieur, сказала она улыбаясь Тиссиэ. Давненько вы у насъ не бывали.

— Не курю, почтеннѣйшая госпожа Сизо, ну потому и заглядываю рѣдко. Есть кто нибудь?

— Есть, есть, — успокоительно возразила г-жа Сизо. Крѣпко затворивъ наружную дверь, она добавила, поглядывая на меня изъ подлѣбя :

— Такъ-то оно спокойнѣе, — и вдругъ, совершенно неожиданно, куда-то исчезла.

— Пройдемъ во внутренніе покои, — предложилъ мнѣ Тиссиэ.

Изъ прихожей мы какъ были, въ пальто и шляпахъ, отворивъ еще другую дверь, проникли въ длинную комнату, утопающую въ полумракѣ.

Вдоль стѣнъ, обитыхъ циновками и увѣшанныхъ громадными китайскими масками, стояли широкіе диваны и столики, на которыхъ горѣло нѣсколько спиртовыхъ лампочекъ и высокихъ зеленоватыхъ, восковыхъ свѣчей. Другого освѣщенія въ комнатѣ не было. Тамъ и сямъ, на диванахъ, въ разнообразныхъ позахъ, но почти что безъ движенія лежало нѣсколько человѣческихъ фигуръ.

За темнотою не было никакой возможности различить ихъ лица и выраженія. Восковыя свѣчи, спертый затхлый воздухъ, въ которомъ носился запахъ какихъ-то сильныхъ, заморскихъ духовъ, и неподвижность распростертыхъ тѣлъ — все это заставляло походить эту комнату на усыпальницу или мертвецкую. Только присмотрѣвшись и свыкнувшись съ полутьмой, можно было замѣтить, что периодически руки нѣкоторыхъ изъ лежащихъ лѣниво протягивались и хватали длинныя трубки, похожія на палки, и что эти трубки сначала прикладывались къ спиртовымъ лампочкамъ, а затѣмъ и къ желтымъ, неподвижнымъ пятнамъ, то есть къ лицамъ безформенныхъ массъ. Происходило куреніе и, такъ какъ на насъ никто не обращалъ вниманія, то мы присѣли въ уголъ одного изъ дивановъ. Почти около меня полулежалъ какой-то бритый мужчина съ желтымъ, апатичнымъ лицомъ. Опершись на локоть лѣвой руки, онъ что-то мастерилъ на столикѣ, гдѣ рядомъ съ лампой стоялъ пузатый, фаянсовый горшечекъ, заполненный до краевъ какимъ-то темно-коричневымъ тѣстомъ. Курильщикъ воткнулъ въ горшечекъ длинную иголку и иголка покрылась липкимъ тѣстомъ. На огнѣ лампочки тѣсто съѣжилось, потрескало и вздулось пузыремъ. Тогда мой сосѣдъ поднесъ иголку къ головкѣ трубки и размялъ на ней еще горячее тѣсто. Раза три возобновлялъ онъ эту операцію и каждый разъ тѣсто вздувалось и громадный пузырь лопался и остывалъ отъ прикосновенія съ холоднымъ фаянсомъ трубки. Наконецъ игла проникла въ узкое отверстіе трубки, опиумъ закипѣлъ и курильщикъ, откинувшись на спину, приложилъ къ своимъ губамъ длинный чубукъ и затянулся. Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ еще слышалось потрескиваніе, потомъ все смолкло и рука, державшая чубукъ, безпомощно опустилась и уронила трубку. По безстрастному дотолѣ лицу курящаго, одновременно съ легкимъ облачкомъ дыма, пронеслось выраженіе неимовѣрнаго блаженства и улады.

Но вотъ въ одномъ углу комнаты послышался громкій шепотъ, что-то похожее на бредъ; въ другомъ мѣстѣ женскій голосъ кашлянулъ и потомъ разразился тихимъ, дребезжащимъ смѣхомъ. Кто-то сказалъ: « дайте мнѣ эфиру », кто-то, вѣроятно во снѣ, произнесъ

какое-то имя. Голубоватый дымъ подымался спиралями къ потолку и свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ продолжали трещать, вспыхивать и плакать крупными, зеленоватыми слезами.

— Ну посмотрѣлись, — сказала тихо Тиссіэ, — пройдемъ въ другую комнату.

Другая комната была еще меньше « мертвецкой », но въ ней было сравнительно свѣтло и не такъ душно. Горѣло два газовыхъ рожка и было разставлено нѣсколько столиковъ и мягкихъ креселъ. Около камина, въ которомъ весело пылалъ огонекъ, сидѣлъ на табуретѣ, передъ столомъ, какой-то господинъ и писалъ на небольшихъ листахъ бумаги. Около него стояла широкая чашка и пузатый чайникъ. Лицо этого человѣка было блѣдно и утомленно. Онъ былъ въ мягкой шляпѣ и въ пальто съ поднятымъ воротникомъ.

— Здравствуйте Антуанъ, — сказалъ Тиссіэ, подходя къ посетителю.

Тотъ, кого звали Антуанъ, положилъ перо, вскинулъ на моего пріятеля выцвѣтшими глазами и молча протянулъ руку.

Мы сѣли рядомъ съ нимъ въ мягкія кресла и Тиссіэ добавилъ:

— Рекомендую: мой пріятель, русскій.

— Аа!.. протянулъ Антуанъ и подаль мнѣ два пальца лѣвой руки.

— Что это васъ нигдѣ не видать, Антуанъ; вы больше ничего не печатаете?..

— Я пишу свои мемуары — отвѣтилъ вопрошаемый, — они будутъ напечатаны послѣ моей смерти; это почище всякихъ романовъ.

— А гдѣ бываете?

— Дома и . . . здѣсь. Я чувствую, что сталъ старѣть, дѣлаться неподвижнымъ и домосѣдомъ . . . Я начинаю узнавать прелесть безмятежныхъ напряженій мысли и сладость грѣзъ . . .

— *La volupté des paradis artificiels*, — подсказалъ мой пріятель.

— Именно. А что другое? Вотъ, — и онъ указалъ глазами на лежащія передъ нимъ листки исписанной бумаги, — хотѣлъ что-то сотворить, ха, ха, ха!.. Когда обдумывалъ, казалось и оригинальнымъ и красивымъ, а теперь . . . пуа! — и онъ съ омерзѣніемъ швырнулъ листки въ каминъ.

Но въ эту минуту къ намъ подошелъ, мягко ступая войлочными сандалями по толстому ковру, маленькій аннамитъ съ хитрымъ и услужливымъ лицомъ, одѣтый въ длинный бѣлый хитонъ.

— Не хотите ли чаю? — спросилъ онъ насъ на ломанномъ французскомъ языкѣ.

— Хотите? — спросилъ меня Тиссиэ, — чай здѣсь хорошій.

Я согласился и аннамитъ пошелъ исполнять заказъ.

— Да, такъ вотъ я и говорю, — продолжалъ Антуанъ, отпивая изъ своей чашки глотокъ какой-то темной жидкости, — я говорю, что у каждаго изъ насъ, брата-писателя, больше любви къ тому, что мы хотимъ выразить, чѣмъ къ тому, что нами уже выражено.

— Это аксіома?

— Понятно!

Онъ всталъ, потянулся и докончилъ съ нѣскольکو виноватой улыбкой:

— Пойду, покурю... что-то засосало.

— А вы бы бросили, — наставительно замѣтилъ Тиссиэ.

— Бросить? какъ можно! — воскликнулъ тотъ и скрылся за дверью ведущей въ курильную. Принесли чай въ маленькихъ плоскихъ чашкахъ — крѣпкій, очень пахучій настой.

— Да это чернила! — воскликнулъ я.

— Это зеленый чай, — замѣтилъ мой спутникъ, — если онъ кажется вамъ слишкомъ крѣпкимъ, то можно его разбавить молокомъ; но я вамъ не совѣтую это дѣлать; пропадетъ весь ароматъ и вкусъ.

— Кто этоть, — Антуанъ? спросилъ я черезъ минуту, отпивая глотокъ ужасно горячей и горькой влаги, пригодной лишь для опио-мановъ.

— Это тѣнь, — отвѣтилъ мнѣ Тиссиэ. — Не будемъ объ ней говорить...

Мы замолчали и стали прислушиваться къ жизни дома. Но вокругъ насъ стояла какая-то зловѣщая тишина и мнѣ вдругъ показалось, что я находился въ царствѣ Смерти. Тиссиэ положилъ на столъ двадцати-франковую монету и мы поспѣшили выйти на улицу.

— А теперь куда? — спросил онъ меня, когда мы уже были на *place de l'Étoile*.

— Куда хотите, — отвѣтилъ я : — только ради Бога не къ опиоманамъ.

— Такъ отправимся ужинать.

Мы опять наняли извозчика и по круговымъ бульварамъ покатали по направленіи къ Монмартру.

Ночной кафэ-ресторанъ, въ который мы пріѣхали послѣ менѣе чѣмъ получасовой ѣзды, назывался « *L'Abbaye de Thélème* ». Это былъ одинъ изъ тѣхъ характерныхъ кабаковъ, которыхъ много у подножья Монмартра, на маленькихъ площадяхъ, куда надо добираться по узкимъ улицамъ, идущимъ въ гору и окаймленнымъ высокими унылыми домами. Въ первомъ этажѣ двѣ, три залы были биткомъ набиты разнаго рода людомъ. Тутъ были совершенно безусые юноши, почтенные старцы и господа среднихъ лѣтъ, однообразно одѣтые и какъ бы съ одинаково скроенными физиономіями. Между ними встрѣчалось изрядное количество иностранцевъ — скромныхъ нѣмцевъ, взыскательныхъ англичанъ, равнодушныхъ янки, экспансивныхъ русскихъ и, наконецъ, разнаго рода « растакуровъ » т. е. всяческихъ венгерцевъ, румынъ, португальцевъ, египтянъ, южноамериканцевъ и т. п. Все это пило, ѣло, ухаживало, а то и бранилось съ многочисленнымъ штатомъ почныхъ, дешевыхъ проститутокъ, несчастныхъ, полуголодныхъ созданій, одѣтыхъ въ экцентричныя шляпки и разноцвѣтныя, поношенныя платья. Была обычная, ежедневная сутолока, скука и мелкій, грошевый дебошъ. Мы поднялись во второй этажъ или то, что называется въ Парижѣ: « *entresol* ». Еще съ минуту доносился до насъ снизу гулъ голосовъ, шарканье сотенъ ногъ, звонъ стакановъ и возгласы гарсоновъ : « *versez!* », « *bock deux!* » и потомъ все стихло. Мы входили въ низкую столовую, гдѣ народу было не особенно много и не было того ужаснаго шума, что внизу. Большинство держало себѣ довольно чинно и ужинало. Между столами, ловко лавируя и постоянно оглядываясь, расхаживали « эти дамы », однако калибра

куда какъ крупнѣе, чѣмъ внизу, «ищейки», снующія взадъ и впередъ въ поискахъ покладистаго мущины, ужина, а то и просто стакана вина. Въ углу игралъ оркестръ такъ называемыхъ румынскихъ цыганъ, людей въ красныхъ курткахъ съ эксельбантами и съ глупыми, круглыми рожами. Разлетались звуки веселаго, разудалаго вальса сорви-голова, которому аккомпанировалъ тупой лязгъ ножей и вилокъ и щелканье раскупориваемыхъ бутылокъ. Было достаточно оживленно и пахло сильными духами и тѣмъ особымъ запахомъ отдѣльныхъ кабинетовъ, въ которомъ нельзя было сказать, чего было больше — кухоннаго ли чада, табачнаго дыма или женскаго остраго пота.

Заказавъ себѣ легкій ужинъ и бутылку шампанскаго, мы стали разсматривать публику. Послѣ продолжительной паузы Тиссиэ, проговорилъ :

— Не замѣтили ли вы, во время посѣщеній вами подобныхъ симпатичныхъ учреждений, сколь скучно и однообразно стало наше «существованіе». Даже въ Парижѣ, въ этомъ центрѣ изысканновѣжливыхъ формъ общежитія, остроуміе, веселье и шаловливость стали пропадать и уступать мѣсто оздобленности, грубому, скучному кутежу и фарисейской добродѣтели . . . изъ за нужды и страха за завтрашній день.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ я. — Мнѣ неоднократно приходили на умъ подобныя мысли. Но мнѣ кажется, что сегодня вечеромъ я понялъ лучше, чѣмъ когда либо, «*l'âme secrète*» этого веселаго учрежденія. Всмотритесь хорошенько въ стѣнныя украшенія залы, во всѣ эти линіи, что свертываются, сгибаются и развертываются. Мнѣ говорятъ, что это «*l'art nouveau*», но я не вѣрю; я охотнѣе допускаю, что это олицетворенный бредъ сумасшедшаго. А потомъ эта музыка, повторяющая все тоже самое; эти женщины съ дѣланными улыбками и аппетитами . . . Развѣ все это не настраиваетъ васъ на извѣстный ладъ и не даетъ вамъ впечатлѣнія чего-то притупляющаго и дикаго. Повѣрьте, милый мой, здѣсь настоящій Элезіумъ для маниаковъ и душевно-больныхъ . . . Посмотрите вокругъ себя; никто изъ окружающихъ не смѣется на-

туральнымъ, добрымъ смѣхомъ. Нѣтъ право, мнѣ кажется, что всѣ эти люди чувствуютъ, что смерть, которую они такъ часто вызывали и надъ которой такъ зло подсмѣивались, ожидаетъ ихъ внизу вотъ этой крутой и узкой лѣстницы.

Тѣмъ временемъ, какъ я говорилъ, мимо насъ проходилъ лакей съ испитымъ, нахальнымъ лицомъ. Онъ несъ на подносѣ нѣсколько яблоковъ и грушъ и, мурлыкая себѣ подъ носъ какую-то пошловатую мелодію, оцѣнивалъ прищуреннымъ глазомъ « работу » молодой и довольно миловидной женщины, присѣвшей къ столику одного изъ посѣтителей и заказавшей различные ликеры.

Намъ подали первое блюдо. Тиссіэ отпилъ глотокъ вина и выговорилъ :

— А сколь рѣдки теперь дѣйствительно оригинальные люди. У меня масса очень милыхъ и пріятныхъ знакомыхъ, но между ними я не вижу ни одного, кто не страшился бы быть искреннимъ съ самимъ собой и окружающими его людьми. Всѣ стараются быть не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ. Одни подражаютъ повадкамъ разныхъ сомнительныхъ знаменитостей, другіе поддѣлываютъ свои чувства и желанія подъ условную и при томъ же модную форму, третіи, наоборотъ, боятся всего, что въ глазахъ толпы можетъ показаться исключительнымъ, а значитъ и смѣшнымъ, на томъ основаніи, что будто-бы « *le ridicule tue en France* ». И такимъ образомъ выходитъ, что всѣ эти люди ничто иное, какъ маньяки и « снобы », настоящіе маньяки съ природными, а то и искусственными тиками и настоящіе « снобы », ежеминутно обмѣнивающие одну шкуру на другую на томъ основаніи, что будто бы жизнь есть прекрасный калейдоскопъ, неисчерпаемо богатый яркими красками, которыя мы можемъ мѣнять по произволу. Однако погоня за ощущеніями постоянно мѣняющимися дѣлаетъ изъ людей, живущихъ въ искусственной средѣ и большею частью оторванныхъ отъ почвы, довольно развитыхъ диллетантовъ, постоянно мечущихся изъ стороны въ сторону. Этотъ современный и, прибавлю я, космополитическій диллетантизмъ, признавшій своей родиной и мѣстомъ пребыванія громадный Парижъ, порождаетъ

такимъ образомъ не только цѣлый рядъ курьезныхъ типовъ, но и цѣлый рядъ «странныхъ» художественныхъ и литературныхъ произведеній. Стихотворныя попытки какого нибудь графа Роберта Монтекиѣ или не столь давно умершаго Альбера Саманъ, романы и литературныя опыты графини Матѣе де Ноайль и Жана Лоренъ, художественная критика Сизеранна и Габріэля Муррэ, равно какъ и картины Ла Туша, Англады, мебель Соважа, браслеты, кольца, ожерелья Лялика и музыка Дюбюсси или Шарпантъэ — все это есть лишь работа очень способныхъ и умныхъ диллетантовъ. Но я назвалъ лишь самыхъ крупныхъ. Вокругъ нихъ кипитъ цѣлая пляска мужчинъ и женщинъ, полныхъ разныхъ «ощущеній» «настроеній» и носящихся съ мучительно выношенными плодами этихъ разныхъ «ощущеній» и «настроеній», какъ съ писанной торбой.

— Гм... — возразилъ я на тираду моего пріятеля. — Мнѣ вспоминается, что нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, не особенно далеко отсюда, существовалъ пышный и богатый городъ, населенный способными артистами, философами оптимистами, очаровательными эстетамы-эпикурейцами и интеллигентными гетерами. Жизнь въ этомъ городѣ была ключемъ. Она была пестра, лихорадочна, полна вѣдшности и призрачныхъ потребностей. Философы и эстеты проводили тамъ время въ тонкихъ метафизическихъ спорахъ, артисты творили чудныя, замѣчательно цѣнныя бездѣлушки, а гетеры знали изысканныя ласки. Между дѣломъ и разговорами всѣ посѣщали разнаго рода ристалища и состязанія. Но вотъ однажды, совершенно неожиданно, появились турки и взяли чудную, богатую Византію. Не думаете ли вы, что Парижъ сталъ нѣсколько походить на Византію? Вѣдь и здѣсь, какъ и тамъ, все сдвинулось съ мѣста и цѣль первичная исчезла. Вѣдь и здѣсь въ свою очередь роскошь только поверхностна, искусство только тѣшитъ чувство осязанія и обманываетъ глазъ, нравственность только извѣстная форма вѣжливости. Но можетъ быть я ошибаюсь; во всякомъ случаѣ, скажите мнѣ, что такое парижанинъ? Къ какому классу животнаго царства принадлежитъ онъ?

— Парижанинъ есть нѣчто составное и искусственное. Знаете, въ природѣ существуетъ дубъ, орѣховое дерево или еще то, что называется « bois des îles »; но парижскаго дерева въ природѣ нѣтъ; парижское дерево — это крашеная сосна.

Мы замолчали и стали смотрѣть на публику. Народу прибывало. Вошли, хихикая и шумно болтая, еще нѣсколько женщинъ и молодыхъ старцевъ. Оркестръ цыганъ заигралъ бравурный маршъ и пробки бутылокъ начали щелкать съ какимъ-то особымъ воодушевленіемъ.

Почти что рядомъ съ нашимъ столомъ, но ближе къ выходу, сидѣлъ прекрасно выбритый англо-саксонецъ съ насмѣшливыми глазами и краснымъ, почти-что женскимъ лицомъ, на которомъ не вздрагивалъ ни одинъ мускулъ. Этотъ человекъ, выглядывающій одновременно старымъ и молодымъ, вѣроятно благодаря алкоголю и тѣлеснымъ упражненіямъ, походилъ иногда на древнюю статуетку китайскаго бонзы. Но кто былъ онъ на самомъ дѣлѣ? Можетъ быть бывший оксфордскій студентъ, конюхъ, разбогатѣвшій благодаря удачной игрѣ на скачкахъ, или еще ученикъ Конфуція. . . Онъ пилъ съ какимъ-то остервенѣніемъ виски и еще виски. Онъ глядѣлъ на женщинъ и улыбался, а тѣ подходили къ нему и пожимали ему руку, ни на минуту не нарушая его спокойствія и позы. Видимо онъ зналъ всѣ ихъ дѣлишки, а онѣ лишь тѣ, о которыхъ онъ самъ рассказывалъ.

Между столиками расхаживала съ дѣловитымъ и совершенно непринужденнымъ видомъ высокая женщина уже не первой свѣжести, одѣтая въ черное платье, съ громадной шляпой того же цвѣта. Она подходила то къ одному столику, то къ другому, говорила, смѣялась, присѣдала и время отъ времени осматривала себя въ зеркало, какъ бы желая убѣдиться, что все на своемъ мѣстѣ и что можно продолжать обычный маневръ.

Однако ужинающіе подымали діапазонъ голосовъ. Тамъ и сямъ уже слышались женскія взвизгиванія, шуршаніе шелковыхъ юбокъ и громкій разговоръ объ разныхъ пустякахъ. Но за этими, сотни разъ повторяемыми фразами, часто слышались, какъ бы отзвуки

душевныхъ смуть, а въ головѣ, почти независимо отъ ослабѣвшей воли, вставалъ то и дѣло роковой вопросъ : « Какъ и чѣмъ будемъ мы жить завтра? »

Однако Гиссиа прервалъ молчаніе.

— Посмотрите, — сказалъ онъ мнѣ, — на этого молодого человека, что сѣлъ напротивъ насъ. Это — маркизь Пикъ де-Понсьеръ, кандидатъ въ депутаты, политическій агитаторъ и председатель парижской роялистической молодежи. Посмотрите, какъ онъ элегантенъ и важенъ. Онъ чувствуетъ себя здѣсь прекрасно. Впрочемъ онъ серьезнѣе многихъ. Онъ даже не глупъ; къ сожалѣнію республиканское правительство совершенно не хочетъ признать въ немъ опаснаго человека и это его нѣсколько огорчаетъ. Въ сущности онъ ничего не дѣлаетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что занимается политикой. Ему вѣдь все равно и онъ прекрасно знаетъ, что король никогда не вернется въ Парижъ. Чего онъ ищетъ — такъ это богатой невѣсты, и даже безъ титула (титулъ есть у него самого). Для этого онъ посѣщаетъ балы и вечера сенъ-жерменскаго предмѣстья или кварталовъ Европы, Монсо и Трокадеро, знаетъ всякихъ старыхъ графинь и виконтессъ, ухаживаетъ за ними, занимаясь для вида политикой; а « тамъ » это цѣнять. У него есть цѣлые списочки невѣстъ, доставляемые ему этими самыми барынями и услужливыми аббатами, и онъ отмѣчаетъ на нихъ крестиками тѣхъ, на кого можно всего болѣе рассчитывать, а нотабенами имена молодыхъ дѣвушекъ болѣе неприступныхъ или очень богатыхъ, но не его круга. Пикъ де-Понсьеръ принадлежитъ къ поколѣнію, родившемуся сейчасъ же послѣ франко-прусской войны. Онъ, какъ и почти всѣ его сверстники, немного карьеристъ, немного скептикъ, знаетъ цѣну деньгамъ и здоровью и имѣетъ точное представленіе о томъ, что такое тѣ женщины, на которыхъ его предшественники раззорились и потратили свои силы. Но онъ ихъ не чуждается и вы видите, что, пока ему выбираютъ невѣсту, онъ развлекается съ этими дамами или вѣрнѣе говоря съ одной изъ этихъ дамъ. Его красивую, бѣлокурую сосѣдку зовутъ Diane de Pierrefonds; это одна изъ лучшихъ женщинъ, которыхъ я когда либо знавалъ. Впрочемъ мое знакомство съ ней

ограничилось лишь однимъ сеансомъ въ улицѣ Lord-Byron, послѣ чего я послалъ ей кольцо отъ Картъэ съ девизомъ герцоговъ Piègге-fonds : « *Qui veut peut* ». Но она не вполне оцѣнила мое подношеніе и просила мнѣ передать, что я поступилъ бы гораздо лучше, если бы подарилъ ей соболье кола. Странная женщина! Но вы меня спросите, почему у нея столь аристократическая фамилія? А это извѣстный и очень ловкій приемъ. Въ жизни такихъ существъ, какъ спутница нашего роялиста, первую роль играетъ умѣніе обратить на себя вниманіе. Для этого существуетъ красивая и громкая фамилія, театральные подмостки, покушенія на самоубійство или еще громкіе процессы. . . На все это обращаютъ вниманіе, вѣдь во Франціи женщина и особенно « деми-монденки » въ такомъ почетѣ, и почти всегда находится господничекъ, котораго подобныя вещи зачаровываютъ и притягиваютъ.

Я уже собирался произнести какую-то высоко-моральную сентенцію, какъ пріятель мой, посмотрѣвъ на проходящую мимо насъ женщину, вдругъ воскликнулъ :

— Модъ? а, Модъ?

Женщина обернулась и, уставившись на моего сосѣда большими и удивленными глазами, проговорила :

— Это вы?

Потомъ, подойдя къ столу, она сказала уже громче :

— Зачѣмъ вы сюда пришли? Тоже кутите или только хотите посмѣяться надъ нами? И совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ для меня, она толкнула Тиссіэ въ грудь.

— Перестань, — замѣтилъ тотъ. — мы не одни.

— Наплевать! Я никого не боюсь, — и еще разъ, но уже слабѣе, ударила его кулакомъ. Шляпка, вѣроятно еле-еле державшаяся на головѣ, сползла на бокъ, а губы, сильно намазанныя карминомъ, сложились въ жалостливую улыбку. Тиссіэ, не вставая, поймалъ ее за локоть и крѣпко его сжалъ.

— Довольно! слышишь!

Модъ вдругъ стала тише воды, ниже травы и, сѣвъ на стулъ противъ васъ, стала поправлять свою прическу.

— И давно ты сюда шляешься? — спросилъ ее Тиссіэ равнодушнымъ тономъ.

— Второй мѣсяцъ — столь же равнодушно отвѣтила она.

— Чтожъ, значитъ, порѣшила съ театромъ-то?

— Бросила! — потомъ, посмотрѣвъ на него изъ подлобья, спросила:

— Что вы обо мнѣ думаете?

— Что я могу думать? Я ничего о тебѣ не знаю.

— Однако мы знакомы вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Вы видѣли, какъ мнѣ тяжело было жить. . . Измѣны, потомъ ребенокъ, постоянное безденежье. Я задыхалась. . .

— Что сдѣлалось съ ребенкомъ?

— Онъ умеръ.

Наступило молчаніе.

— Ну что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? — спросила она опять.

— Я можетъ быть постарался бы найти человѣка, который бы меня полюбилъ и женился бы.

— Можетъ быть я и старалась, почему вы знаете.

Голосъ слегка вздрогнулъ.

Мишель Тиссіэ попросилъ счетъ и, расплатившись, сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ что ли?

Мы встали. Онъ подалъ женщинѣ руку и, подходя къ лѣстницѣ, не утерпѣлъ, чтобъ не произнести сентенцію.

— Если бы въ наше время не поносили бы такъ сильно общество, — проговорилъ онъ, — то я сказалъ бы, что эта женщина жертва общества. Но я не хочу выказывать себя глупцемъ и мизантропомъ. Мнѣ извѣстно, что все происходящее на этомъ свѣтѣ происходитъ по винѣ общества. Такъ напримѣръ, когда трамвай раздавливаетъ какого нибудь субъекта, то я знаю, что это произошло по винѣ общества. Разъ люди принудили себя жить сообща, то зачѣмъ же удивляться, что общество во всемъ виновато. Мы не можемъ существовать безъ того, чтобъ не двигаться, а разъ мы двигаемся, то фатально должны, не сегодня такъ завтра, что нибудь да сломать.

Мы были на лѣстницѣ. На первой площадкѣ какая то пышная дѣва, опершись руками о перила и слегка откинувшись назадъ, смѣялась въ лицо высокому муцинѣ, старавшемуся ее поцѣловать. Впереди насъ, перепрыгивая черезъ двѣ ступени, спускалась Diane de Pierrefonds, а за ней, сопя и путаясь въ подолахъ длинной шубы, спѣшилъ роялистическій агитаторъ. Съ первой площадки послышался громкій поцѣлуй, видимо мущина добился таки своего, потомъ серебрястый смѣхъ. Изъ опустѣвшей залы ресторана долеталъ женскій голось, напѣвавшій какую-то мелодію. Въ раздрающемъ воплѣ этого голоса, пѣвшаго пѣсню нѣги и страсти, слышалось отчаяніе разбитой жизни и тоска одиночества.

У подѣзда ресторана нѣсколько молодыхъ людей съ поднятыми воротниками пальто и въ цилиндрахъ на бекрень провожали тусклымъ взглядамъ расходящихся женщинъ. И, глядя на этихъ юныхъ старцевъ, мнѣ вдругъ вспомнилась презрительная фраза надменнаго нѣмецкаго философа : « Und seht mir doch diese Maenner an : ihr Auge sagt es sie wissen nichts Besseres auf Erden, als bei einem Weibe zu liegen »!

— А теперь куда? — спросилъ меня Тиссиэ.

— Да по домамъ, — замѣтилъ я.

— Какъ можно! — воскликнулъ онъ — вы видимо забываете о существованіи Halles. Который теперь часъ? Четыре часа ночи. Какъ разъ время, дабы посмотрѣть, что дѣлается у « Барата » или въ ресторанѣ-кабакѣ : « Au chien qui fume ». Ну а послѣ этого можно, пожалуй, и на покой. Такъ ѣдемте-же.

И мы опять покатали.

Вокругъ громаднаго центрального рынка, въ узкихъ, грязныхъ и темныхъ улицахъ существуетъ нѣсколько дешевыхъ кафѣ-кабаковъ, или лучше сказать подполій, куда собирается по ночамъ разнаго рода людъ, съ которымъ не всегда бываетъ пріятно встрѣтиться въ пустынномъ мѣстѣ. Сутенеры, женщины самаго низкаго сорта, крючники изъ Halles, карманные воришки и грабители якшаются и трутся отъ часа ночи и до разсвѣта около великолѣпныхъ джентльме-

новъ и заядлыхъ кутилокъ, прїѣзжающихъ въ эти кабаки посмотрѣть, какъ веселятся и проводятъ время поддонки парижскаго населенія. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ было довольно опасно спускаться въ эти погреба, но теперь, благодаря бдительности полиціи, перспектива быть ограбленнымъ или зарѣзаннымъ почти что пропала.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ бѣшеной ѣзды по заснувшимъ улицамъ города мы подкатили къ темному и слегка покосившемуся дому.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ чичеронэ, — предложилъ мнѣ Тиссіэ, выпрыгивая на грязную и слизкую мостовую.

Онъ подошелъ къ низкой стелклянной двери, плотно прикрытой деревянной ставней, и сильно толкнулъ ее ногой. Моментально дверь отворилась и темная улица освѣтилась потокомъ желтоватаго свѣта. Мы прошли за прилавокъ кабатчика и, найдя тамъ каменную лѣстницу, покрытую сыростью и плѣсенью, стали осторожно спускаться въ какой-то темный и зловонный подвалъ.

Подвалъ былъ биткомъ набитъ разнаго рода людемъ. Вокругъ засаленныхъ деревянныхъ столовъ сидѣло и пило десятка два мужчинъ и женщинъ. Тутъ были рабочіе, сутенеры, окрестные крестьяне, прїѣхавшія въ Halles, женщины, мелкіе торговцы, профессиональные воры и пьяницы. У входа дремали два городовыхъ.

Въ кабацѣ было душно, сыро, грязно, накурено и наплевано. Стаканы абсента чередовались на столахъ съ бутылками дешеваго краснаго вина и большими рюмками, до краевъ наполненными желтоватой водкой. Пьяницы икали, женщины бранились, сутенеры кричали и, не смотря на весь этотъ шумъ, у разбитаго піанино стояла какая-то тучная особа и выла со слезами на глазахъ чувствительный и сантиментальный романсъ.

Нашему приходу никто, видимо, не удивился и только одна изъ присутствующихъ женщинъ нашла необходимымъ замѣтить :

— Voilà des michets.

Мы выбрали себѣ уголокъ почище и Тиссіэ заказалъ « un litre » т. е. бутылку вина.

Однако нестерпимый галдежъ и шумъ вывели таки изъ себя чувствительную пѣвицу. Она отошла отъ піанино и заявила :

— Zut! У меня глотка пересохла.

Хозяинъ, высокій, здоровенный мущина въ низкой фуражкѣ автомобилиста на правомъ ухѣ, пожалъ плечами и, подойдя къ какой-то « личности » съ испитымъ лицомъ и безъ признаковъ бѣлья, проговорилъ фамильярно и ласково :

— Спой-ка намъ что нибудь.

Но оборванецъ покачалъ отрицательно головой.

Тогда хозяинъ опять пожалъ плечами и замѣтилъ уже болѣе строгимъ тономъ :

— Ну чего ломаешься! Говорю, что будутъ слушать, и, обернувшись къ публикѣ, онъ добавилъ громовымъ гласомъ :

— Цицъ и молчаніе!

Господинъ, умѣвшій пѣть, подошелъ къ піанино и, облокотившись на него въ непринужденной позѣ, кашлянулъ и заоралъ осипшимъ голосомъ :

Il avait pas encor' vingt ans,
Il connaissait pas ses parents,
On l'app'lait Toto Laripette
A la Vilette.

Il était un peu sans façon,
Mais c'était un joli garçon;
C'était l'plus beau, c'était l'plus chouette
A la Vilette.

Quéq'fois quand j'faisais les boulevards,
Il dégringolait les pochards
Avec le p'tit homme à Toinette
A la Vilette.

Послышался одобрителный шепотъ. Хозяинъ подошелъ къ пѣвицу и пожалъ ему руку. Но тотъ, совершенно не обращая вниманія

на эти внѣшніе знаки восторга, спросилъ « patron'a » боязливымъ голосомъ :

— Я что выставишь?

— Два стакана зеленой (абсента), — отвѣтилъ успокойтельно хозяинъ.

Но въ эту минуту, гдѣ-то въ углу послышались крики и ругательства : « Fumier! Traînée! Pourriture! »

Двѣ женщины, двѣ ужасныя уличныя гетеры, стуча кулаками объ столъ и смотря другъ на друга злыми и воспаленными глазами собирались драться изъ за какихъ-то неопытныхъ пустяковъ. Окружающая публика, не принимая участія въ ссорѣ, слѣдила за ними съ большимъ вниманіемъ и видимо ожидала развязки. Однако развязка не приходила; женщины никакъ не рѣшались перейти отъ словъ къ дѣлу. Весьма вѣроятно, что имъ было трудно встать и потому онѣ предпочитали осыпать другъ друга всевозможнаго рода угрозами :

— Gare à tes gencives! je te démolirai ton jeu de dominos, — кричала одна.

— Pour sûr, je ne t'en ferai pas autant, tu as laissé ton râtelier à la boîte! — отвѣчала другая.

Эта послѣдняя фраза переполнила всю чашу. Первая изъ женщинъ, которую звали Tototte, вскочила какъ ужаленная и бросила вызовъ :

— А нука выходи! Нечего зубы-то заговаривать.

Обѣ женщины встали и бросились къ лѣстницѣ. За ними двинулась и публика, но хозяинъ подвала подскочилъ къ выходу и загородилъ его своими здоровенными плечами.

— Прошу покорно оставаться на мѣстахъ, — скомандовалъ онъ и, обращаясь къ какому то субъекту, старавшемуся выбраться изъ подвала, онъ добавилъ :

— Ты, « la Tеггеur » сиди тоже, и цыцъ, молчаніе.

« La Tеггеur », худощавый малый въ плисовыхъ штанахъ и фуражкѣ велосипедиста, пожалъ плечами и отошелъ въ уголъ.

— Кто этотъ симпатичный юноша, которому вы приказали

не выходить? — спросилъ я подошедшаго въ нашему столу патрона.

— А это покровитель одной изъ женщинъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ.

— А куда же дѣлись женщины?

— А онѣ дерутся на улицѣ. Тамъ вольготнѣе, чѣмъ здѣсь. У меня «въ кафѣ» я запрещаю имъ таскать другъ друга за волосы. Оно не пристойно. Ну а улица для всѣхъ...

— Но на улицѣ ихъ могутъ забрать въ участокъ.

— И заберутъ. Это имъ не въ диковину.

Мы расплатились и вышли. На улицѣ уже начинало свѣтать и утренній холодокъ приятно щекоталъ усталыя лица. Вокругъ Halles проѣзды были запружены громадными возами съ капустой, морковью и прочими овощами. Между горами разной живности стояли и проходили торговки, крючники, подгородные крестьяне и разные оборванцы, нанятые для выгрузки вагоновъ поясной желѣзной дороги, доставляющей прямо въ центральный Рынокъ дичь, фрукты, овощи и мясо. Все было мокро отъ росы и недавно прошедшаго дождя. Вокругъ открытыхъ кафѣ и булочныхъ толпился разнаго рода людъ, поѣдая горячія сосиски, хлѣбъ и печеныя каштаны.

Вдоль загородокъ, въ которыхъ были разставлены громадныя корзины цвѣтовъ, мы добрались, не безъ труда, до станціи ночныхъ извозчиковъ и, распростившись, поѣхали по домамъ. Переѣзжая черезъ Сену я замѣтилъ, что Востокъ былъ совершенно окрашенъ въ пурпуръ и что шпицъ собора Парижской Богоматери горѣлъ и искрился, какъ сторожевой маякъ.

Декабрь 1902.

GARDEN PARTY.

На толстомъ картонѣ цвѣта «vert pomme», съ золотыми обрѣзами, значилось: «Madame Эмилъ Лубэ принимаетъ въ Елисейскомъ дворцѣ въ воскресенье, 28 июня, отъ 3 до 7 часовъ (танцевальное утро — Garden Party).» Получивъ столь любезное приглашеніе, я не на шутку задумался надъ тѣмъ, какъ слѣдовало мнѣ поступить въ данномъ случаѣ и въ какой нарядъ, наиболѣе подходящій къ данному событію и моей особѣ, долженъ былъ я облечься. Я мысленно дѣлалъ осмотръ моего гардероба, какъ меня осѣнила блестящая мысль. Доставъ изъ своей библіотеки репертуаръ *настоющаго свѣтскаго челоуька*, сочиненія господина де-Момпавонъ и томикъ баронессы Стафъ: *Le savoir-vivre*, я сталъ ихъ лихорадочно перелистывать. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ найти въ нихъ необходимыхъ указаній, а потому, бросивъ съ презрѣніемъ эти двѣ книжки, я рѣшилъ послѣдовать своимъ личнымъ и скуднымъ знаніямъ въ области «фашіона» и свѣтской жизни.

Итакъ, нарядившись въ темнаго цвѣта сюртукъ и покрывъ свою голову блестящимъ цилиндромъ, я отправился въ Елисейскій дворецъ въ прошлое воскресенье, около пяти часовъ дня — часть, который казался мнѣ особенно удачнымъ. Уже подъѣзжая къ Place Beauvaux, я замѣтилъ въ этомъ мѣстѣ необычное количество экипажей всѣхъ сортовъ и качествъ, а очутившись во дворѣ элегантнаго дворца, былъ пріятно пораженъ видомъ длинной вереницы нарядныхъ дамъ и дѣвицъ. Слѣдуя по пятамъ этихъ миловидныхъ приглашенныхъ и разнаго сорта господъ, одѣтыхъ точно такъ же, какъ и я — въ сюртуки и цилиндры, я проникъ въ обширную прихожую, украшенную цвѣтами и зеленью и, отдавъ какой то весьма важной особѣ мой пригласительный билетъ, выслушалъ отъ нея слѣдующее заявленіе: «направо зала адъютантовъ и танцевальный залъ; налѣво — проходъ въ садъ».

Я пошелъ направо. У дверей стояли величественнаго вида лакеи въ официальныхъ ливреяхъ (*habit à la française*), то есть въ бѣлыхъ чулкахъ, красныхъ короткихъ брюкахъ и голубыхъ ливреяхъ съ золотыми пуговицами и галунами. Въ обширномъ помѣщеніи, наполненномъ штофною, золоченою мебелью былыхъ временъ и называемомъ «залой адъютантовъ», г-жа Эмиль Лубэ, окруженная нѣсколькими дамами и двумя блестящими офицерами, принимала гостей. У входа въ залу стоялъ «приставъ» (*huissier*) во всемъ черномъ, съ цѣпью на груди и со шпагой на боку, и зычно выкрикивалъ фамилии. Гости входили одинъ за другимъ, кланялись супругѣ президента республики и проходили дальше.

Передъ тѣмъ, какъ пройти мимо импозантнаго пристава, я осматриваю своихъ сосѣдей. Впереди меня шествуетъ весьма тучная дама въ бѣломъ пикейномъ туалетѣ. Непосредственно за мной переминается съ ноги на ногу господинъ среднихъ лѣтъ съ прекрасными бакенбардами и во фракѣ (о, ужасъ!). Приставъ снисходительно наклоняется надъ тучной дамой и шепчетъ :

— Ваша фамилія?

— Вержинія Делиньи.

— Де-Линьи, въ два слова?

— Нѣтъ, въ одно слово.

— Проходите (*громко*). Госпожа д'Линьи.

Дама шуршитъ юбками, улыбается, присѣдаетъ и проходитъ мимо гжи Лубэ.

Чтобъ посмотрѣть, что будетъ дальше, я уступаю свое мѣсто господину во фракѣ.

— Ваша фамилія? — вопрошаетъ приставъ, прекрасно и по опыту знающій, къ какой категоріи принадлежитъ приглашенный и было ли ему лично послано приглашеніе или только передано какимъ-нибудь знакомымъ, что бываетъ всего чаще.

Господинъ съ бакенбардами на вопросъ пристава подымаетъ голову и выказываетъ своимъ лицомъ явное удивленіе. Наконецъ, медленно и важно онъ произноситъ :

— Г. Кокула, сенаторъ департамента Лотъ.

— Какъ вы сказали?

— Я сказалъ, господинъ Кокула, сенаторъ департамента Лотъ. Приставъ благодарить, выпрямляется и громко, такъ что всѣ оборачиваются, выкрикиваетъ :

— Моссье Кокула, сенаторъ.

Настаетъ моя очередь. Я даю свою фамилію и кланяясь прохожу мимо супруги президента; гжа Луба улыбается мнѣ и другимъ. Вокругъ ея дамы тоже улыбаются. Но въ помѣщеніи довольно-таки жарко, а процессіи не видно конца.

Изъ залы адъютантовъ черезъ двѣ другія комнаты я попадаю въ танцевальный залъ. Но тутъ уже стоитъ тропическая жара. Однако, не смотря на это, а также на большую толкотню, въ залѣ танцуетъ съ полсотни паръ. Молоденькія институтки, воспитанницы учебныхъ заведеній ордена Почетнаго Легіона, въ черныхъ полукороткихъ платьяхъ съ красными, синими и желтыми лентами вокругъ талій и воротовъ вальсируютъ съ юными офицерами и учениками военныхъ школъ Сень-Сиръ, политехнической и воспитанниками артиллерійской академіи, чтò въ Фонтенбло. Вдоль стѣнъ на хрупкихъ золоченыхъ стульяхъ сидятъ особы пожилыя, съ вѣсомъ и положеніемъ. Они разговариваютъ между собой о разныхъ злобахъ дня, но всего больше о политикѣ, о повышеніяхъ, перемѣщеніяхъ и наградахъ, такъ какъ все это политиканы, чиновники, лица официальные или жены этихъ чиновниковъ, военныхъ и администраторовъ на службѣ у республики.

Однако, въ саду еще больше народу. Тамъ гости гуляютъ по дивнымъ аллеямъ и вдоль вѣковыхъ дубовъ и вязовъ. Всю середину сада занимаетъ лужайка, на которой разставлены стулья и кресла. На темно-зеленомъ фонѣ зелени отчетливо и особенно удачно выдѣляются цвѣтныя платья дамъ и дѣвицъ.

Впрочемъ, особой эlegantности я что-то не замѣчаю : въ большинствѣ случаевъ наряды скромные и лица мало породистыя. Чиновники, депутаты, сенаторы, военные всѣхъ родовъ оружія и ихъ дражайшія половины съ чадами и домочадцами составляютъ ядро приглашенныхъ. Нѣсколько дипломатовъ, два, три художника и

писателя, столько же журналистовъ дополняютъ контингентъ гостей. Мушцины одѣты плохо, по почти всѣ знаютъ другъ друга и отличаются важностью; дамы и дѣвицы осматриваютъ другъ друга исподтишка, разговариваютъ и смѣются съ ужимками и манерами. У буфета, окруженнаго кустами жасмина, происходитъ давка и толкотня; изъ-за бокала шампанскаго, бутерброда съ ветчиной или икрой рвутъ дамскія платья и сбиваютъ цилиндры. Но большинство приглашенныхъ не подходитъ къ буфету, а, сидя на стульяхъ или прохаживаясь по аллеямъ, довольствуются лишь тѣмъ, что разговариваютъ и слушаютъ два оркестра музыки, поочередно играющіе по обѣимъ сторонамъ лужайки, образующей слегка покатую ложбину.

Вотъ проходитъ мимо меня, заложивъ руки за спину, г. Рувъэ, знаменитый министръ финансовъ. Онъ въ бѣлыхъ холстяныхъ брюкахъ, въ сѣромъ сюртукѣ и цилиндрѣ такого же цвѣта. Онъ разговариваетъ съ двумя тучными господами, съ солидною осанкой. О чемъ говоритъ онъ? О судьбахъ кабинета, о проектѣ подоходнаго налога? . . . Иногда онъ подымаетъ свою голову, улыбается знакомымъ и, останавливаясь, чертитъ своею палкой геометрическія фигуры на пескѣ дорожки.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ него, на газонѣ, около богатаго ковра и золоченыхъ креселъ, предназначенныхъ г. Лубэ, его супругѣ и ихъ знакомымъ, стоитъ другой министръ, г. Шомъэ, и рассказываетъ съ сильнымъ южнымъ акцентомъ ареопагу пожилыхъ дамъ о своемъ недавнемъ путешествіи по Греціи и Италіи.

Проходитъ писатель-фельетонистъ Шамсоръ, два маленькіе японца въ европейскихъ костюмахъ. . . . Музыка играетъ попури изъ *Аиды*, дамы продолжаютъ злословить и говорить о тряпкахъ, а въ самой глубинѣ садика, около заснувшаго прудика и тихо шепчущаго фонтана, пары молодыхъ людей любезничаютъ и смѣются.

Однако, несмотря на шестой часъ вечера, жара не спадаетъ; господа въ застегнутыхъ сюртукахъ меланхолично бродятъ, отдуваются и отираютъ потъ со лба. Но чего они ждутъ? Я смотрю въ сторону

золоченыхъ кресель. Вокругъ нихъ много сидитъ народу, но они не заняты; президента еще нѣтъ.

Еще музыка, еще толкотня у буфета, вальсъ въ танцевальномъ залѣ и потныя, красныя лица; еще шествіе именитыхъ и официальныхъ лицъ; еще напыщенность, поклоны, шарканье «салима-леки» и рой неэлегантныхъ и некрасивыхъ дамъ и дѣвицъ съ видимыми потугами походить то на львицу настоящаго «mond'a», а то и просто на шикарныя красавицы увеселительныхъ садовъ. . .

Солнце садится. Въ вечернемъ воздухѣ пахнетъ свѣже-скоженной травой и я мечтаю о деревнѣ, которую мнѣ не могутъ замѣнить кустики, лужайки и деревья Елисейскаго дворца.

Черезъ нѣсколько минутъ я выхожу. На прилегающихъ ко дворцу улицахъ вереница экипажей, большею частью наемныхъ, и тутъ же, сдерживаемые десятками полицейскихъ, представители «people-sovereign» жадно и съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрятъ на высокія стѣны, за которыми что то происходитъ.

Іюль 1903.

ДОМЪ ПОЭТА.

Еще полтора года тому назадъ, во время празднованія столѣтняго юбилея Виктора Гюго, было рѣшено почитателями великаго поэта обратить тотъ домъ на Place des Vosges, гдѣ онъ жилъ съ 1833 по 1848 годъ, въ національный музей, или въ такъ-называемый « Maison de Victor Hugo » на манеръ дома Гѣте во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и Веймарѣ, дома Листа въ томъ же городѣ, дома Моцарта въ Зальцбургѣ и т. д., — и пожертвовать его Парижу.

Но скоро лишь сказка сказывается и на устройство и обмелелировку дома музея понадобилось 17 мѣсяцевъ — промежутокъ времени весьма почтенный. Правда, еще съ марта мѣсяца намъ почти-что ежедневно обѣщали, что его открытіе будетъ на слѣдующій день, но время шло, а музей все еще устраивали и открыли только въ іюль, опоздавъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, по отношенію дома національнаго французскаго поэта можно сказать, что лучше поздно, чѣмъ никогда; лучше, что устроители потратили болѣе чѣмъ годъ, такъ какъ, благодаря этому, они дали намъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто законченное о оригинальное.

Домъ-музей Виктора Гюго, какъ я уже сказалъ, на Place des Vosges. Эта площадь, находящаяся въ одномъ изъ самыхъ старыхъ и интересныхъ кварталовъ Парижа, одна изъ его историческихъ красотъ. Въ немъ поэтъ занималъ лишь одинъ этажъ, но, конечно, въ настоящую минуту въ немъ нѣтъ больше жильцовъ и всѣ комнаты, даже чердакъ, обращены въ музей.

Устройство дома Виктора Гюго взялъ на себя его другъ и почитатель Поль Мѣрисъ. вмѣстѣ со старшей дочерью поэта, г-жой Локруа и его внукомъ Жоржемъ, г. Мѣрису удалось сдѣлать совершенно образцовый музей, полный красоты и интереса.

Домъ на Place des Vosges, открытый уже въ настоящую минуту

для публики, порадуетъ почитателей творца *Эрнани* и послужитъ для многихъ настоящимъ откровеніемъ. Походя одновременно на библіотеку и на музей, онъ тѣмъ не менѣе отличается характерностью; « il est personnel », какъ говорятъ французы, и убранство его, начиная съ прихожей и кончая послѣднимъ этажемъ, крайне гармонично и ласкаетъ зрѣніе и умъ.

Какъ извѣстно, тѣ 15 лѣтъ, что прожилъ Викторъ Гюго въ домѣ вогезской площади, были лучшими годами его творчества. Онъ написалъ, живя тамъ : *Бюргравовъ*, *Анжело*, *Лукрецію-Боржію*, *Марію Тюдоръ*, — почти весь французскій романтическій репертуаръ, — и такія лирическія произведенія, какъ : *Chants du crépuscule*, *Contemplations*, *Voix Intérieures*.

Въ этой « колыбели романтизма » собрано теперь также все, что относится къ Виктору Гюго — рисовальщику и живописцу. Конечно, мы уже знали и намъ приходилось видѣть въ различныхъ изданіяхъ наброски перомъ и карандашомъ, сдѣланные повтомъ въ минуты досуга; но намъ совершенно было неизвѣстно, до открытія « дома » и собранія воедино всѣхъ коллекцій, насколько много и талантливо рисовалъ Викторъ Гюго. Смотри на эти рисунки, акварели и гуаши, размѣщенные въ десяткахъ комнатъ, только диву даешься и спрашиваешь себя, когда успѣвалъ онъ все это дѣлать.

Однако, постараемся осмотрѣть все по порядку.

Большая, широкая и хорошо освѣщенная лѣстница соединяетъ всѣ три этажа дома. Она сверху до низу украшена рисунками, относящимися къ Гюго и его произведеніямъ : одни изъ нихъ иллюстрируютъ его драмы, романы, другія представляютъ восхваленія или сатиры; наконецъ, тутъ же мы видимъ цѣлый рядъ афишъ — « Французская Комедія », « Одеонъ », « Италіанскій Театръ », объявляють о первыхъ представленіяхъ его драматическихъ шедевровъ.

Въ первомъ этажѣ, послѣ небольшой прихожей, находится весьма обширная зала, посвященная картинамъ знаменитыхъ художниковъ, написанныхъ на сюжеты, взятые изъ произведеній

Виктора Гюго. Эта зала интересна по своему разнообразію и по тому еще, что мы можемъ подмѣтить, какъ и насколько глубоко повялъ и иллюстрировалъ каждый художникъ лучшія сцены и фигуры шедевровъ поэта. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія портретъ *Fantine* (одна изъ героинь *Misérables*) кисти Каррьера, превосходная картина высокоталантливаго Альбера Бенара *Первое представленіе Эрнани*, то-есть вечеръ борьбы классиковъ съ романтиками — вечеръ Теофиля Готье и его историческаго краснаго жилета. Все въ томъ же залѣ посѣтителѣ могутъ еще видѣть прекрасный и сочно написанный портретъ Виктора Гюго, работы Бонна (второй экземпляръ; первый будетъ посланъ внукомъ поэта въ Луврскій Музей), два сильно скомпонованные бюста, одинъ работы Давида д'Анжэ, другой — Родэна и, наконецъ, знаменитый письменный столъ поэта съ четырьмя чернильницами, принадлежавшими Александру Дюма отцу, Ламартину, Жоржъ Сандъ и самому Виктору Гюго, съ ихъ автографами по угламъ. Рядомъ съ этой залой находится бібліотека, вмѣщающая 4,000 рѣдкихъ изданій и 5,000 эстамповъ. Тутъ же, подъ громаднымъ монументальнымъ каминомъ, портретъ Шарля Гюго, кисти Шатильона. По увѣренію знатоковъ, этотъ портретъ — шедевръ музея.

Во второмъ этажѣ всѣ комнаты отведены подъ рисунки Виктора Гюго, тѣ самые рисунки, о которыхъ я уже говорилъ здѣсь и которыхъ нельзя описывать, а надо видѣть.

Въ третьемъ этажѣ одна изъ комнатъ представляетъ точную копію спальни, въ которой умеръ Викторъ Гюго. Остальныя-же заключаютъ коллекціи интимнаго характера, которыя не были бы такъ смѣшны, если бы скрывались болѣе отъ глазъ публики. Но это выставленіе на показъ — въ этомъ музее, посѣщаемомъ публикой, разныхъ «сувенировъ» вродѣ : «фуражка, которую носилъ Викторъ Гюго, когда онъ покидалъ Парижъ послѣ государственнаго переворота», «шесть перьевъ, послужившихъ для написанія Виктору Гюго его знаменитыхъ *Misérables*», «волосы Виктора Гюго, сохраненные Г. Шамбонъ, его парикмахеромъ,

нѣсколько дней до его смерти», «Зубъ Виктора Гюго, вырванный ему докторомъ, 11 Августа 1871 въ Вианденѣ, въ саду гостинницы Мари Кохъ, въ 3 часа дня» — болѣе чѣмъ ничтожно, глупо и смѣшно; это безчеловѣчно. Фетишизмъ ужасная вещь.

Августъ 1903.

ФРАНЦУЗСКІЕ ПРИМИТИВЫ

Когда два года тому назадъ, въ городѣ Брюггѣ, открылась выставка старыхъ фламандскихъ мастеровъ, многіе любители и знатоки живописи не преминули заявить, что подобнаго рода совершенно новая художественная попытка не могла быть возобновлена. Нечего и говорить, что такія сужденія были болѣе чѣмъ смѣшны, такъ какъ, если выставка сѣверныхъ «примитивовъ», хотя и далеко не полная и не безукоризненная въ смыслѣ подбора картинъ, и была, въ самомъ дѣлѣ, полна крупнаго интереса, ничто не позволяло намъ утверждать, что, даже въ ближайшемъ будущемъ, мы не увидимъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ повторенія подобнаго-же опыта. Какъ можно было предполагать, такъ оно и произошло. Пристыженные бельгійцами за свое равнодушіе ко всему, что касалось старой французской живописи, парижскіе художественные критики и писатели, по возвращенію во свояси, стали съ похвальной ревностью и терпѣніемъ изучать и розыскивать произведенія своихъ національныхъ средневѣковыхъ мастеровъ. Результатъ этой работы превзошелъ всѣ ожиданія. За полтора года было найдено, собрано и сгруппировано столь почтенное количество полотень, рисунковъ и изваяній, относящихся къ вѣкамъ предшествующимъ эпохѣ Ренессанса, что можно было уже говорить объ выставкѣ французскихъ примитивовъ.

Благодаря усердію и опытности Анри Бушо, директора департамента гравюръ Національной Библіотеки, эта выставка въ настоящую минуту вполне устроена и уже открыта для публики.

Выставка французскихъ примитивовъ имѣетъ два отдѣла. Первый отдѣлъ, размѣщенный въ Марсанскомъ павильонѣ Лувра, включаетъ въ себѣ живопись и скульптуру; второй, нашедшій себѣ пріютъ въ зданіи Національной Библіотекѣ, въ громаднѣйшей залѣ, являющейся

точной копией знаменитаго « cabinet du Roi », составленъ изъ иллюстрированныхъ манускриптовъ и книгъ; иными словами изъ произведеній средневѣковыхъ « enlumineurs ». Отвѣчая на зовъ и приглашеніе Анри Бушо, музеи Лувра, Кюни и Версаля, Национальная Библиотека, библиотека Арсенала, городскіе музеи Ліона, Руана, Макона, Мулана, Арля, Вильнева у Авиньона прислали на выставку лучшія произведенія своихъ средневѣковыхъ художниковъ. Но кромѣ этого, г. Бушо получилъ также много шедевровъ изъ Лондона, Берлина, Вѣны, Антверпена, Флоренціи, Глазго: отъ тамошнихъ музеевъ и многихъ иностранныхъ коллекціонеровъ, въ числѣ коихъ видное мѣсто занимаютъ англійскій король и германскій императоръ.

Жераръ Орлеанскій, Жанъ Костъ, Жанъ Орлеанскій, Бонево, Жанъ Сандоль, Жанъ Фука, Бурдишонъ, Переаль, Франсуа Колонбъ, Никола Фроменъ, Леонаръ Лимузанъ, Корнейль Ліонскій, Жанъ Кузенъ и Клуэ, всѣ эти пионеры и старые мастера собраны такимъ образомъ воедино и представлены въ полномъ свѣтѣ и новой славѣ. Поклонимся-же имъ и принесемъ имъ наше почтеніе и восторгъ.

Французскимъ средневѣковымъ художникамъ для успѣшной борьбы съ своими соперниками итальянцами и фламандцами не доставало главнаго рычага : хорошаго и дѣльнаго историка. Тогда какъ итальянцы прославлялись и восхвалялись снисходительнымъ Вазири, а фламандцы имѣли въ лицѣ Карла ванъ-Мандера словоохотливаго лѣтописца, примѣшивающаго къ своимъ наивнымъ и довѣрчивымъ хроникамъ самыя мифическія басни разныхъ провинціальныхъ аббатовъ, во Франціи обходили молчаніемъ творенія Фука, Переаля и Бурдишона. Конечно, въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Парижѣ существовали отдѣльныя лица, ухищряющіяся коллекционировать произведенія французскихъ художниковъ, но вообще въ тогдашней Франціи къ родному искусству относились съ презрѣніемъ и охотно его забывали. Всѣ восхищались тогда итальянцами и никому не было дѣла до своего. Впрочемъ эти итальянцы начинались съ Рафаэля, всѣ же сѣверные, готическія художники, равно какъ и

предшественники Рафаэля, а также и архитектора и скульпторы средних вѣковъ, ставились ни во что. Ихъ немилосердно преслѣдовали дешевыми насмѣшками, называли дикарями, полоумными и приписывали всѣ ихъ шедевры разнымъ « темнымъ » нѣмецкимъ и голландскимъ художественныхъ дѣлъ мастерамъ.

Во XVIII вѣкѣ, во Франціи, между Соборомъ Парижской Богоматери, Святой Капеллой Palais de Justice и новой тогда еще церковью ордена Іезуитовъ, что на rue Saint-Antoine, общественное мнѣніе или, говоря точнѣе, общественный вкусъ не могъ колебаться ни на минуту. Онъ еще менѣе колебался, когда рѣчь заходила объ Фуко и Лебрена, Жанэ и Мигнарѣ. Впрочемъ имя Клуэ, прозваннаго Жанэ, перешло къ послѣдующимъ поколѣніямъ; его охотно цитировали и, крайне безцеремонно обращаясь съ хронологіей, приписывали ему всѣ существующіе портреты *à façon antique*, написанные со временъ Людовика XI и до конца царствованія Генрика IV.

Благодаря такому плачевному положенію вещей произведенія французскихъ примитивовъ имѣли самую жалкую участь. Одни изъ нихъ были уничтожены, другіе потеряны, нѣкоторыя стали подъ чужими именами разгуливать по европейскимъ музеямъ и дополнять коллекціи нидерландскихъ и нѣмецкихъ средневѣковыхъ художниковъ. Все это привело къ тому, что, когда серьезные французскіе художественные критики вздумали заняться изученіемъ источниковъ родного искусства, они нашли во Франціи подъ ключкой « примитивовъ » лишь однихъ итальянцевъ и фламандцевъ и по этимъ то даннымъ и вывели свои заключенія. Да что говорить о прошломъ; даже въ настоящее время находится не мало людей и не изъ круглыхъ невѣждъ, которые открыто заявляютъ, что во Франціи нѣтъ примитивовъ. Что ихъ нѣтъ, это пожалуй вѣрно, такъ какъ громадное большинство изъ нихъ было перевезено за границу; но что ихъ никогда не существовало — это очень грубое заблужденіе, свидѣтельствующее лишь о предвзятости мысли или нежеланіи прослѣдить какъ слѣдуетъ затронутый вопросъ.

Я говорилъ, что многія произведенія французскихъ примитивовъ были уничтожены и потеряны. Но тотъ фактъ, что герцогъ Омаль-

скій нашелъ въ Франкфуртѣ сорокъ миниатюръ, находящихся теперь въ Шантильи въ музеѣ Кондэ, что въ томъ же городѣ и у того же лица Берлинскій музей приобрелъ превосходный портретъ автора миниатюръ Жана или Жеана Фука, что въ Антверпенѣ можно видѣть Богоматерь того же художника, а въ Вѣнѣ, у князя Лихтенштейна, портретъ мужчины и т. д., — этотъ фактъ показываетъ, что далеко не все было уничтожено и что значительная доля уцѣлѣла и отыскалась. Однако Фука далеко не единственный французскій живописецъ среднихъ вѣковъ; многіе провинціи Франціи дали изрядное количество художниковъ, на которыхъ сосѣдніе страны имѣли лишь самое поверхностное вліяніе.

Поставивши себѣ задачей соединить и воскресить всѣхъ этихъ забытыхъ мастеровъ, выставка назвала себѣ выставкой « французскихъ примитивовъ », чѣмъ конечно возбудила среда нѣкоторыхъ педантовъ знаки сожалѣнія и удивленія. Это слово « примитивы », приложенное къ французскимъ художникомъ, показалось патристическимъ преувеличеніемъ и мы сами нашли нѣсколько рискованнымъ подводить подъ эту рубрику такихъ художниковъ, какъ Франсуа Клуэ и Этьеннъ Дюмонтъ и такія школы, какъ школу Фонтенбло. Но наши замѣчанія были чисто хронологическаго порядка и не касались вопроса, насколько отвѣчали большинство изъ собранныхъ художниковъ тому представленію какое мы имѣемъ объ примитивахъ, т. е. людяхъ наиболѣе просто и наиболѣе наивно подчиненныхъ вліянію религіознаго чувства. На самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что очень многіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не уступали фламандцамъ. Когда же мы посмотримъ на выраженіе *primitif* съ современной тогда зрѣнія, т. е. какъ на слово могущее быть приложеннымъ лишь къ наиболѣе древнимъ и дѣйствительно первымъ художникамъ той или иной школы, то мы увидимъ, что французскіе примитивы суть, въ самомъ дѣлѣ, самые старыя изъ всѣхъ европейскихъ примитивовъ. Мы уже достаточно хорошо знаемъ, что Джіотто, какъ прямой послѣдователь византійцевъ, этихъ косвенныхъ потомковъ римлянъ и грековъ, не можетъ претендовать на это названіе. Но даже во Франціи, до XIII вѣка т. е. до тѣхъ поръ, пока

искусство не было освобождено отъ келейнаго духа, пошибъ оставался традиціоннымъ и византійскимъ. Только въ началѣ XIII столѣтія стала замѣтна эмансипація и движеніе изъ монастырей на чистый воздухъ.

Конечно изъ всего этого нельзя заключить, что нидерландцевъ тогда еще не существовало или что итальянцы только поспѣвали за французами. Конечно нѣтъ! Джіотто уже очаровывалъ Аппенинскій полуостровъ, но его послѣдователи и подражатели не продолжали движеніе, которое было дано искусству этимъ гениальнымъ византійцемъ. Французы же, наоборотъ, никому не подражали и, если въ началѣ XIV вѣка среди нихъ и жили итальянцы, то эти итальянцы были лишь довольно банальными римскими мозаистами. Къ тому же все говоритъ, что они находились исключительно въ Пуату. Бѣда была бы, если бы имъ подражали, какъ подражали они сами. Но парижане работали самостоятельно и, образовавъ свою собственную школу, жили своей нѣскольکو грубой, но сильной жизнью. Ихъ называли мелочными, на самомъ дѣлѣ они были болѣе другихъ наивны, искренни и *первобытны* (primitifs), въ правильномъ смыслѣ этого слова. У нихъ передъ глазами не было ни античныхъ примѣровъ, ни надѣдливаго эллинскаго совершенства и сформировались они благодаря потребности къ созерцанію и къ передачѣ жизненныхъ и космическихъ явленій. Конечно художественный языкъ ихъ былъ довольно грубъ, но онъ былъ все же настолько самостоятеленъ, колоритенъ и силенъ, что вліяніе его распространилось далеко за предѣлы тогдашней географической Франціи. Конечно въ концѣ концовъ итальянцы оставили позади себя этихъ старыхъ французскихъ мастеровъ, но въ XIV вѣкѣ они брали у нихъ столько же, сколько и давали. За примѣрами не далеко ходить. Возьмемъ хоть манеру въ передачѣ тканей на произведеніяхъ французскихъ «verriers» XIII столѣтія, манеру вскорѣ же перенятую итальянцами. Эту техническую тонкость Джіотто еще не зналъ, но Жераръ Орлеанскій, а до него сотня другихъ художниковъ, употребляли ее постоянно. Такъ же и во многомъ другомъ; въ равныхъ техническихъ формулахъ, о которыхъ, шестьдесятъ лѣтъ до

рожденія Тадео Габби, Вилларъ Оннекурскій говоритъ уже въ своихъ замѣткахъ. Вотъ именно подобныя то пустячки, какъ на-примѣръ рисунокъ вѣнчика, креста или какая либо мебель, прическа и форма головного убора и даютъ намъ точныя свѣденія о распредѣленіи взаимныхъ вліяній. Французъ, написавшій въ 1359 году портретъ Іоанна Добраго, что хранится еще до сихъ поръ въ Парижской Національной Библіотекѣ, былъ конечно впереди всѣхъ своихъ современниковъ, какъ и по свободѣ трактовки, такъ и по силѣ художественнаго воспріятія. Правда, онъ говорилъ въ нѣсколько грубыхъ выраженіяхъ неподражаемымъ языкомъ примитивовъ, но за то сколько у него точности въ тонахъ и какая мощь въ передачѣ характера!

Какъ я уже говорилъ, XIII вѣкъ былъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи французскаго искусства. Художественное движеніе, зародившись въ Парижѣ, распространилось вскорѣ же по всей провинціи. Оно достигло полнаго своего расцвѣта во время царствованія Карла V (1364-1380 гг.), который, вмѣстѣ со своими братьями Филиппомъ Бургонскимъ и герцогами д'Анжу и Берри, не переставалъ заказывать произведенія искусства французскимъ и иноземнымъ мастерамъ.

Къ столь славному времени для искусства, какъ царствованіе Карла V, относятся множество шедевровъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ превосходная *Grisaille* по бѣлому шелку, написанная въ 1374 г. Жераромъ Орлеанскимъ, *Tenture de l'Apocalypse*, исполненная по рисункамъ Жеана де Бандоль, придворнаго живописца Карла V, *Bréviaire de Paris à l'usage du roi Charles V*, о которомъ старинныя домовыя инвентаріи Карла V и герцога де Берри выражаются такъ : « Grand bréviaire entier, très noblement escript et très noblement enluminé et ystorié » : — « Très bel brevière, escript de bonne lettre de fournie, à l'usage de Paris, bien historié et enluminé », и, наконецъ, знаменитый изукрашенный *Большой и малый часословъ герцога де Берри* [Grandes et petites heures du duc de Berry] работы одного изъ самыхъ замѣчательныхъ миниатюристовъ того времени, Жакемара изъ

Эдена или Одюна [Hesdin ou Hodun], о которомъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ пока самыя скудныя біографическія данныя.

Послѣ образцовъ искусства XIV вѣка, на выставкѣ французскихъ примитивовъ первое мѣсто занимаютъ портреты Жеана Фука и его школы. Первый изъ этихъ портретовъ, въ хронологическомъ порядкѣ, это изображеніе *Карла VII* (Луврскій Музей); послѣдній, *Портретъ неизвѣстнаго мушкетера* изъ коллекціи князя Лихтенштейна. Но Жеанъ Фукъ особенно хорошъ въ миниатурахъ; *Часословъ Этьена Шевалье* считается его шедевромъ.

Преемникомъ Фука, былъ по всей вѣроятности, живописецъ герцоговъ Бурбонскихъ, такъ называемый «Мастеръ изъ Мулена» [Maître de Moulins]⁽¹⁾. Чтобъ подробно изучить его творчество, надо прежде всего обратить вниманіе на его первыя миниатюры, а потомъ уже перейти къ его великолѣпнымъ маслянымъ произведеніямъ, какъ напримѣръ къ картинѣ, озаглавленной *Рождество, Богоматерь и жертвователи Петръ II, герцогъ Бурбонскій и Анна королева Франціи* и которую приписывали очень долго кисти Гирландаіо.

Послѣ «Мастера изъ Мулена» можно перейти къ живописцамъ Прованса, а затѣмъ и къ Бурдишону. У него нѣсколько прекрасныхъ и трогательныхъ картинъ и портретовъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся является безспорно портретъ *Дюфина, Карла Орлеанскаго*, сына Анны Бретанской и Карла VIII. Это художественное произведеніе было приписываемо до самого послѣдняго времени живописцу герцоговъ Бурбонскихъ. Но теперь достовѣрно извѣстно, что «Мастеръ изъ Мулена» не могъ быть, хронологически, авторомъ этого портрета.

Бурдишонъ и его школа доводятъ насъ до знаменитой эпохи «французскихъ рисовальщиковъ», коей первыми представителями были отецъ и сынъ Клуэ. *Портретъ Франциска I* безусловно былъ сдѣланъ Жаномъ Клуэ.

Франсуа Клуэ, прозванный Жанэ, сынъ Жана, представленъ на

⁽¹⁾ Нѣкоторые знатоки и писатели думаютъ, что подъ этой кличкой скрывался Жанъ Перель.

выставкѣ тѣми самыми семью рисунками, которые онъ оставилъ въ наслѣдство своему племяннику Бенжамену Фулону. Ихъ справедливо считаютъ за лучшіе и наиболѣе цѣнные образцы французскаго искусства XVI столѣтія. Самый замѣчательный изъ этихъ рисунковъ, *портретъ Маріи Стюартъ*, въ тѣ года, когда она была французской королевой. Сравнить его съ другимъ эскизомъ, хранящимся въ Шантильи, на которомъ королева представлена въ вдовьемъ головномъ уборѣ.

Паралельно съ Франсуа Клуэ — Корнейль Лионскій живописуетъ Катерину Медичи. Картины и рисунки Корнейля, равно какъ и работы Клуэ, крайне цѣнны и интересны главнымъ образомъ съ иконографической точки зрѣнія, такъ какъ они передаютъ весьма правдиво и граціозно черты знаменитыхъ людей того отдаленнаго отъ насъ времени. Жанъ Декуръ, Кэзнель, Пьеръ Мустъя были учениками отца и сына Клуэ; но это уже художники эпохи Ренессанса и мнѣ не приходится говорить здѣсь объ нихъ.

Апрѣль 1904 г.

ВОСКРЕШЕНИЕ ПОЧИВШАГО КУМИРА.

ВОСПРИНЯТИЕ КУМИРА.

Нѣсколько дней тому назадъ, а именно перваго Юля (18 Юня), исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Авроры Дюпэнъ, въ замужествѣ Дюеванъ, извѣстной подъ именемъ Жоржъ Сандъ.

По этому случаю, какъ въ Парижѣ, такъ и въ помѣстьѣ Ноанъ (Nohant), гдѣ скончалась въ 1876 году знаменитая писательница, состоялись умиленные торжества, устройство которыхъ принадлежало инициативѣ кружка почитателей Жоржъ Сандъ, находящагося подъ непосредственнымъ покровительствомъ правительства и нѣкоторыхъ литературныхъ и артистическихъ свѣтилъ Франціи. Однако, не дожидаясь юбилейнаго дня, вышеупомянутый кружокъ счелъ уже возможнымъ пригласить насъ къ чествованію памяти покойной романистки, устройвъ для этого въ большомъ фойѣ театра *Odéon* выставку въ честь предстоящаго юбилея (*Exposition en l'honneur du centenaire*), на которой были собраны разнаго рода сувениры, относящіеся къ жизни и дѣятельности Жоржъ Сандъ.

Эта выставка, которая являлась своего рода «музеемъ Жоржъ Сандъ», была очень богата портретами, рисунками, рукописями и гипсами покойной писательницы. Но, кромѣ этого, на выставкѣ красовалось много и такихъ предметовъ, которые можно было-бы оставить въ покоѣ и не показывать. «Экзибиція» разнаго рода фамильныхъ бездѣлушекъ, интимныхъ вещей, полинялыхъ платьевъ и безвкусныхъ ювелирныхъ издѣлій отзывается всегда посмертною рекламой и отсутствіемъ деликантности (*discretion*). Все это сильно пахнетъ затхлостью и могилой, а пренебреженіе къ тому, что записные эстетики называютъ «паѳосомъ дистанціи», вредитъ общей картинѣ.

Что сказала бы сама Жоржъ Сандъ, такъ желавшая остаться въ памяти людей, какъ какое-то таинственное существо, прожившая сорокъ томовъ своей жизни въ восхваленіи тонкости чувствъ и разнаго рода сантиментовъ, елибѣ она увидала хоть однимъ глазкомъ, что сдѣлалось и на что пригодились ея юбки, брошки, кольца, папильотки и любовныя записочки? Бѣдная Жоржъ! Она вторично умерла бы отъ стыда; вѣдь эти вещественныя доказательства ея славы такъ мало романтичны, такъ печальны и ординарны! Но ее любили при жизни и любятъ послѣ смерти слишкомъ шумно и демонстративно! . . Осматривая эту часть выставки, мнѣ невольно пришло на мысль, что извѣстный современникъ Жоржъ Сандъ, художникъ Евгений Ламберъ, вѣроятно, допускалъ уже возможность подобнаго торжества въ тотъ годъ, когда онъ изображалъ на холстѣ своего «большаго друга» подъ видомъ птицы-синицы, выпархивающей изъ куста розъ и писалъ подъ этою дешевою аллегоріей нѣ сколько смѣшное и напыщенное четырехстишіе :

Ignorant complètement
Le langage des poètes,
J'ai employé mon petit talent
A peindre celle que je fête! . .

Да, конечно, это собраніе трогательныхъ пустяковъ было довольно смѣшно, однако изъ-за нихъ мы не должны забывать всего, что было интереснаго на выставкѣ, а именно того, что характеризуетъ Жоржъ Сандъ какъ писательницу и что даетъ намъ возможность лучше понять и оцѣнить ея замѣчательный талантъ.

« Notre-Dame de Nohant », какъ звали при жизни Аврору Дюпэнъ ея поклонники, была многократно и крайне сильно обожаема и поэтому не удивительно, что ея портретовъ, медальоновъ и бюстовъ осталось весьма много. На одной выставкѣ ея изображеній болѣе тридцати, но это еще далеко не все; я знаю многіе ея портреты, фотографіи и бюсты, которые не вошли въ коллекцію.

Кромѣ гравюры со знаменитаго и наиболѣе удачнаго портрета

Жоржа, кисти Кутюра, въ фойѣ *Одеона* красовались ея изображенія работы Шарпантъэ (1837), Каламатты (1836), портретъ, сдѣланный ея сыномъ Морисомъ Сандомъ въ 1856 году; репродукція портрета кисти Делакура, медальонъ работы знаменитаго скульптора Давида д'Анжэ (1833) и цѣлый рядъ литографій, дагерротиповъ, фотографій и рисунковъ; но, кромѣ того, что она позировала болѣе или менѣе знаменитымъ художникамъ, Жоржъ Сандъ позировала и себѣ самой.

На выставкѣ мы видѣли весьма удачный портретъ, сдѣланный вскорѣ же по прїѣздѣ въ Парижъ. Рисовать Жоржъ Сандъ научилась рано; первое время жизни своей въ Парижѣ эта ея способность даже приносила ей матеріальную поддержку; въ послѣдствіи, однако, она рисовала исключительно для своего удовольствія и въ часы досуга. Работая весьма регулярно и главнымъ образомъ по ночамъ, она любила часто, обдумывая новую главу, писать небольшія акварели. Иногда она фантазировала, набрасывала безъ особаго вниманія образы, потомъ ретушировала ихъ и превращала наброски въ законченные ландшафты.

Кромѣ этихъ маленькихъ фантазмагорій, Жоржъ Сандъ дѣлала и вещи болѣе серьезныя, вдумчивыя и характерныя. На выставкѣ къ этому разряду ея работъ принадлежалъ весьма законченный и живой портретъ ея сына Мориса. Ребенокъ изображенъ въ военномъ мундирѣ, правда нѣсколько фантастическаго образца, но крайне идущемъ къ его тонкому и вдумчивому лицу. Впрочемъ, Жоржъ Сандъ относилась къ своимъ художественнымъ способностямъ довольно таки строго. Отсылая этотъ самый портретъ своей матери, она писала ей: «Мнѣ кажется, что впечатлѣніе лица схвачено довольно удачно, но я боюсь, что изобразила его старше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и къ тому же я замѣчаю, что кое гдѣ рисунокъ грѣшитъ въ точности.»

Послѣ рисунковъ матери посмотримъ на рисунки сына. Это то, что можно было бы назвать иллюстраціями любимыхъ прогулокъ Жоржъ Сандъ. Пейзажи Берри и Крѣзы, которые они изображаютъ, были вдохновителями писательницы. «Всѣ тѣ, которые когда

либо писали литературныя произведенія, знаютъ, что вещи матеріальныя даютъ представленія о вещахъ отвлеченныхъ», говорила Жоржъ Сандъ и добавляла: «Нѣкоторые изъ моихъ романовъ были результатами какой-нибудь прогулки, встрѣчи или часа отдыха и *farniente*.» Такъ, видъ заброшенной мельницы, вокругъ которой росли всевозможные кустики и травы, породилъ романъ подъ заглавиемъ *Le meunier d'Angibault*; крезанскія ланды и развалины Шатобрюна дали мысль написать *Le péché de M. Antoine*, а мѣстность, называемая «chemin aux Napes», привела къ идеѣ *François le Champi*.

Послѣ рисунковъ, рукописи заслуживаютъ хоть нѣсколькихъ словъ. Вотъ, прежде всего, первые листы одного изъ наиболѣе извѣстныхъ ея романовъ *Indiana*. Они написаны тонкимъ и сжатымъ почеркомъ. «Я написала *Indiana*», говорила Жоржъ Сандъ, «осенью 1831. Этотъ романъ былъ сработанъ безо всякаго плана, безо всякой мысли объ артистическихъ и философскихъ теоріяхъ. Я была тогда въ томъ возрастѣ, когда пишутъ только своими инстинктами и разумъ лишь служитъ для того, чтобъ укрѣпить въ насъ наши природныя тенденціи.»

А вотъ, почти что рядомъ съ этою пожелтѣвшею бумагой, лежитъ листъ, на которомъ она нацарапала послѣднія свои строки, за нѣсколько дней передъ своею смертию, въ маѣ 1876 года, когда она закончила *Sabine*.

Всѣ эти писанія, кто ихъ перечитаетъ? «*La bonne dame de No-hant*» что-то сильно забыта, по крайней мѣрѣ ея романы. Конечно, ея «исторіи» комментируются и теперь съ большимъ любопытствомъ, даже съ бѣльшимъ, чѣмъ прежде, но все же, сквозь эти комментарии, образъ Жоржъ Сандъ съ ея бандо, пассіями и «литературой» кажется намъ очень далекимъ, выцвѣтшимъ и ужасно «рококо».

ТМА ГОРЬКИХЪ ИСТИНЪ.

Несмотря на то, что жизнь и приключенія Авроры Дюдеванъ, урожденной Дюпэнъ ⁽¹⁾ достаточно хорошо уже извѣстны, число тѣхъ, которые все еще «открываютъ» Жоржъ Сандъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Каждый человѣкъ мало-мальски интересующійся «литературой» и могущій довольно складно рассказать какой либо новый или видоизмѣненный анекдотъ изъ ея жизни, находитъ необходимымъ въ эти юбилейные дни посвятить ей пространную статью и заполнить своею, большею частью скучной прозой, газетные столбцы, а то и страницы разнаго рода «revues».

Но сужденія и разговоры о Жоржъ Сандъ составляютъ лишь скромную половину всего того что, появилось въ печати за послѣднее время относительно знаменитой и обворожительной «bonne dame de Nohant». Первое мѣсто занимаютъ тутъ мемуары, переписка самого Жоржа съ ея родными, знакомыми, пріятелями и поклонниками и, наконецъ, болѣе или менѣе пространныя и безпристрастныя показанія современниковъ объ ея жизни и дѣянiяхъ и, Боже мой, сколько тутъ сплетенъ, трухи, пустяковъ и глупостей! Только изрѣдка попадаетъ кое-что интересное, дѣйствительно цѣнное, значительное и не скабрзное. А то все остальное вертится главнымъ образомъ вокругъ «клубнички» и многочисленныхъ «пассiй» обворожительной дамы. Рекордъ въ этомъ смыслѣ побиваетъ переписка г-жи Дюдеванъ съ Альфредомъ де-Мюссэ, только-что напечатанная

⁽¹⁾ Всѣмъ хорошо извѣстно, что имя и фамилія Жоржъ Сандъ (George Sand) есть лишь псевдонимъ, заимствованный у Жюля Сандо (Jules Sandeau); опираясь на этотъ фактъ и французское произношеніе, я пишу не «Зандъ», какъ у насъ принято съ легкой руки нѣмецкихъ филологовъ, а «Сандъ», что нахожу гораздо правильнѣе. Я прошу благосклоннаго читателя не искать въ послѣдующихъ строкахъ намека на какой либо критическій опытъ или соращенную біографію. Все, что мною написано о Жоржъ Сандъ, есть лишь своего рода «commedia dell'arte» и не что другое.

въ Брюсселѣ однимъ изъ здѣшнихъ адвокатовъ, вопреки и помимо воли престарѣлой сестры поэта, madame Лардэнъ де-Мюссэ. Создатель, какая это печальная и жалкая книга! Всѣ изнанки души, всѣ тайники сердца, всѣ минутныя горести, восторги, разочарованія, паденія и подъемы двухъ любящихъ другъ друга существъ, все это грубо выставлено на показъ, все это, безо всякой жалости и чувства порядочности, дано на поруганіе, на обсужденіе, на смѣхъ и критику равнодушной толпы, любящей, чтобъ ее веселили и потѣшали чѣмъ нибудь « пикантнымъ » и совершенно интимнымъ.

При жизни своей Альфредъ де-Мюссэ, какъ поэтъ и писатель, показалъ толпѣ лучшую часть самого себя; онъ всенародно раскрывалъ, осматривалъ и « вивисецировалъ » свою душу и сердце. Его произведенія достаточно говорятъ намъ и немъ : о его безумствахъ, мукахъ и страстяхъ, благородныхъ и порочныхъ, все, что можно желать узнать, и даже болѣе этого. Однако, этого еще мало. Надо еще, чтобы много лѣтъ послѣ его смерти люди взламывали бы сундуки, искали въ ящикахъ, шарили въ шкапахъ и осматривали грязное бѣлье. Людямъ надо знать всѣ подробности, съ кѣмъ и когда и сколько разъ, людямъ нужно имѣть скандалъ или нѣчто подобное судебному засѣданію при закрытыхъ дверяхъ.

Какіе мы жалкіе, ничтожные и грязные! И думается мнѣ, что если бы то же самое было сдѣлано съ письмами какого-нибудь ничтожнаго буржуа, то семья этого буржуа начала бы процессъ и выиграла бы его. Но Альфредъ де-Мюссэ не имѣетъ права на подобное же почтеніе и защиту. Онъ славенъ и извѣстенъ! « Но что такое слава и извѣстность? » спрашивалъ себя еще Шамфоръ и отвѣчалъ : « C'est l'avantage d'être connu de ceux que vous ne connaissez pas. »

Альфредъ де-Мюссэ и Жоржъ Сандъ были влюблены другъ въ друга, потомъ разошлись, потомъ снова сошлись, потомъ заставляли себя обоюдно страдать; все это самая обыкновенная исторія. Но гдѣ исторія перестаетъ быть обыкновенной, такъ это тамъ, гдѣ намъ показываютъ « la bonne dame de Nohant » подъ видомъ коллекционера. Она потребовала обратно свои письма, адресованныя когда-то Альфреду,

собрала ихъ водино, проклассифицировала тѣ, которыя сама имѣла отъ Мюссэ, составила изъ всей этой переписки своего рода объемистый манускриптъ, а затѣмъ заявила, умирая, что она ничего не имѣетъ противъ того, если эта переписка будетъ напечатана накануне ея столѣтняго юбилея. Далѣе этого, въ дѣлѣ устройства себѣ посмертной рекламы, идти уже некуда и мы въ правѣ тутъ воскликнуть: «Ахъ Жоржъ! Какой вы были въ эту минуту практичный и возмутительный синій чулокъ!»

Впрочемъ характеръ Авроры Дюпанъ былъ составленъ изъ противоположностей. Она была одновременно и тщеславна до смѣшного и скромна, эгоистична и великодушна, буржуазно практична и готова къ постояннымъ восторгамъ и изступленіямъ. Жоржъ Сандъ воспринимала и судила жизненныя явленія только однимъ своимъ сердцемъ, которое было у нея гостеприимно и всегда готово къ самымъ благороднымъ порывамъ. Она любила или, говоря точнѣе, предпочитала все и всѣхъ, не исключая даже животныхъ и вещей неодухотворенныхъ. У нея была развита до совершенства способность отдаваться всему и каждому, Богу, червю, системѣ, пейзажу. Но не смотря на такую многосложность, она умѣла сконцентрироваться и оставаться цѣльною въ каждой своей книгѣ и въ каждомъ жизненномъ проявленіи. Всегда бросаясь изъ стороны въ сторону, она, казалось, должна была жить въ постоянномъ чаду или вихрѣ. А между тѣмъ, никто не былъ такъ спокоенъ, какъ она. Тѣ изъ ея писемъ, которыя можно было бы считать наиболѣе пламенными и горячими, были, на самомъ дѣлѣ, написаны спокойно и хладнокровно. Жоржъ Сандъ не умѣла отдаваться всецѣло нахлынувшей страсти. Она постоянно «думала» свои чувства, а такъ какъ она думала весьма скверно, то чувства ея были всегда испорчены и вымучены.

Впрочемъ время отъ времени въ ея голосѣ звучала горестъ, страданіе и мольба. Но мы плохо бы ее поняли если бы стали ее судить только по этимъ даннымъ. Она писала Мюссэ: «Я тебя больше не люблю, но буду постоянно тебя боготворить. Мнѣ нѣтъ больше до тебя никакого дѣла, но я не могу жить безъ тебя. . . Моя любовь,

моя жизнь, моя душа, мой братъ, моя кровь, уйдите скорѣе отъ меня, но убейте меня передъ уходомъ.» Все это мало естественно и было сказано въ минуту иступленія, послѣ разнаго рода обстоятельство, даже не имѣющихъ ничего общаго съ любовью. Настоящая Жоржъ, это та, которая, послѣ раздирающей разлуки съ Мюссэ, шлетъ ему подобныя строки : « Богъ мой, какъ подумаю, кто-то теперь будетъ за тобой ухаживать и *за кѣмъ я-то буду теперь ухаживать.* » Да, въ дѣйствительности Жоржъ страдала лишь отъ избытка состраданія, не находящаго себѣ дѣла. Послѣ разлуки съ поэтомъ у ней сильно заболѣла печень, но послѣ кризиса она скоро же стала индифферентной и равнодушной. Трудлюбивая и крайне плодовитая, относящаяся ко всему съ большой серьезностью, уважающая « печатное слово », любящая природу и не долюбливающая и не понимающая ироніи и скептицизма, она не была умна. « *Mme Dudevant* », заявила она однажды въ минуту паитія и откровенности, « *eût été méchante, si elle eût eu de l'esprit* ». И это было весьма правдивое признаніе. У Жоржъ Сандъ — женщины не злой, не было никакого « *esprit* »; почти всѣ ея современники соглашались въ этомъ. Она была глупенькая, говорила очень скверно и не умѣла слушать. « *Son regard décelait la réveuse stupidité d'une bonne génisse* », говорить о ней Шарль Моррасъ.

Происхожденіе Жоржъ Сандъ крайне любопытно. « *Émanée d'un père stupide et anarchique* », какъ замѣчаетъ Огюсть Контъ, дѣвица Дюпэнъ насчитывала среди своихъ предковъ польскаго короля, балетную танцевщицу и содержателя дешевой винной лавки. Она была родственница (*petite-cousine*) Лудовика XVI и какого-то продавца птицъ изъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ въ Парижѣ. Если въ настоящее время довольно трудно представить себѣ личность мелкаго торговца конца XVIII столѣтія, то мы весьма хорошо знаемъ, что за люди были сѣверные, нѣмецкіе аристократы того же самаго вѣка. Августъ II, король Польши и Саксонскій курфюрстъ, имѣлъ за свою жизнь по крайней мѣрѣ триста побочныхъ дѣтей, а его

сынъ *maréchal de Saxe* (Морисъ-Арминіусъ) любилъ всего больше на свѣтѣ сеledку и прогорьклое масло.

Отъ этихъ грубыхъ и здоровыхъ предковъ Жоржъ Сандъ унаслѣдовала главныя черты своего физическаго характера : грубость по отношенію къ жизни, такъ-сказать наглую дерзость въ манерѣ пользоваться этою самою жизнью и какое-то удивительное обжорство въ страстяхъ и чувствахъ. Хорошо написанная ея біографія могла бы служить настольною книгой для всѣхъ современныхъ вольнодумцевъ, чьи грезы и протесты она формулировала еще задолго до нихъ.

Какъ ученица и поклонница Жака-Жака Руссо, гжа Дюдеванъ была полна разнообразныхъ порывовъ и всевозможныхъ теорій. Поэтому, можетъ-быть, она всю свою жизнь старалась воссоединить несоединимое : стремленіе къ природѣ и омыненіе природой съ восторженнымъ восхищеніемъ « добродѣтелью » (*vertu*). Эпиграфъ ея *Histoire de ma vie* таковъ : « Состраданіе и доброта по отношенію къ ближнимъ, чувство достоинства по отношенію къ самому себѣ, чистосердечность по отношенію къ Богу. »

Но Жоржъ Сандъ никогда не была настоящею дочерью природы, никогда не была настоящей язычницей, потому что всегда пыталась объяснить себѣ свои порывы, никогда не была добродѣтельною и часто забывала быть сострадательною, потому что чувство собственного достоинства весьма часто главенствовало и переходило въ невозможную гордыню ; она никогда не была и чистосердечною по отношенію къ Богу, потому что представляла Его себѣ подъ видомъ Бога Канта и Руссо, съ Которымъ можно вести продолжительные споры и при случаѣ оспаривать Его рѣшенія.

Въ жизни подобной женщины мужчины, конечно, должны были чередоваться съ головокружительною быстротою. Эфемерныя минуты, быстро скользящія тѣни, моментально лопавшіеся мыльные пузыри — вотъ что были любовныя приключенія Жоржъ Сандъ.

Выйдя замужъ въ 1822 году за барона Дюдеванъ, она уже нѣсколько лѣтъ послѣ своей свадьбы стала находить его « скучнымъ и

ужасно буржуазнымъ ». Въ 1831 году она почти совершенно разошлась съ нимъ и прїѣхала въ Парижъ. Тамъ, почти сейчасъ же по прїѣздѣ, она познакомилась съ нѣсколькими писателями и напечатала свой знаменитый романъ *Indiana*, написанный, какъ извѣстно, безо всякаго плана, набѣлю и почти что за одинъ присѣсть. Она тотчасъ же вошла въ составъ небольшого кружка писателей и политическихъ дѣятелей, въ которомъ скоро же стала играть роль новой Елены. Къ этой первоначальной эпохѣ ея парижской жизни относится ея романъ съ писателемъ Жюлемъ Сандо⁽¹⁾. Но прошелъ

⁽¹⁾ Вотъ интересное письмо барона Дюдванъ, написанное сейчасъ же послѣ «открытія» связи Жоржа съ Жюлемъ Сандо. Привожу его въ подлинникѣ, дабы сохранить ему всё его «соль» :

Ma chère Aurore,

Je ne récrimine pas. Il aura du talent. Peut-être même te fera-t-il honneur quand il t'aura lâchée pour entrer, sans toi, à l'Académie. A moins que ce ne soit le contraire, ce que je lui souhaite, car je l'aimais beaucoup, cet excellent Jules, moi aussi!...

Il n'a eu qu'un tort envers moi, peut-être, un seul, dis-le lui entre deux baisers, c'est d'avoir abusé de ma modeste hospitalité pour me voler ma femme. C'est littéraire, oui, mais ce n'en est pas plus joli. A ce sujet, j'ai relu cette espèce de Code que nous a fait le Buonaparte, et j'y ai vu qu'il y avait un article (Pénal, 336 et suivants) pour ton cas et celui de Jules. Tâchez de ne pas vous faire pincer! On fait deux ans.

Il va sans dire, et bien entendu, que vous n'avez rien à craindre d'un homme de mon éducation. J'ai lu Molière, c'est le poète des vieux principes. J'en suis, par baronnie d'abord, mais bien plus encore par stupéfaction. La société du Buonaparte, celle que nous lui devons, dis-je, se révèle à mes yeux dessillés comme l'X d'une contradiction immense. Les lois y punissent ce que les poètes y chantent, et *vice versa*. Vous allez, Jules et toi, devenir très célèbres pour avoir violé... j'allais dire moi-même : héroïquement, l'une des lois fondamentales de ladite société, que Dieu bénisse, — ai-je besoin de te nommer le mariage?... Non, tu le connais à fond et tu en remontrerais là-dessus à ton cher Jean-Jacques, chère Aurore!

Excuse-moi d'utiliser mes premiers loisirs à cette méditation que la lune éclaire. Je rentre de la chasse, je te demande, je cherche Jules... plus personne!... J'ôte mes bottes et je rêve!

Cette société me tracasse. Entre les deux cornes (pardon!) du dilemme qu'elle nous pose, on ne sait plus où est le problème? La lune en rit elle-même entre les arbres, pleine.

Donc vous voilà célèbres. Moi moins. Vous êtes les amants. Je suis le mari. A vous la gloire! A moi ses reflets! Il me semble bien pourtant que je l'aimais aussi! Jules écrit mieux que moi, soit; mais j'abats ma perdrix à tout coup et je te la rapporte. Laissons les souvenirs. Si tu trouves un moment à perdre dans ton bonheur, ne crains pas de me faire savoir comment tu t'expliques, car il passe pour moi tout romantisme. Il est certain que l'humain

годъ, другой и появилось еще нѣсколько романовъ и нѣсколько вздыхателей; Жоржъ Сандъ стала уже приобрѣтать извѣстность, какъ вдругъ, выравшись изъ объятій Сандо и Меримэ, она столкнулась съ Альфредомъ де-Мюссэ.

Около 1833 года Жоржъ представляла собой даму пикантную, красивую, но уже склонную къ полнотѣ. Ея прекрасные глаза озирали тонкое, смуглое лицо съ какимъ-то бронзовымъ, горячимъ отгѣнкомъ. Когда Алфредъ де-Мюссэ увидѣлъ ее, ему представилось, что передъ нимъ былъ живой портретъ его Розины изъ *Mardoche*.

Un peu brûlée à ces soleils de plomb
Qui font dormir le pâtre à l'ombre du sillon,
Une lèvre à la turque et sous un col de cygne
Un sein vierge et doré comme une jeune vigne.

Въ тотъ же вечеръ онъ передалъ о своей встрѣчѣ своему брату Полю, а уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ ея любовникомъ и къ зимѣ уѣзжалъ съ ней въ Венецію ⁽¹⁾.

nité entière, et des deux sexes, va être pour vous contre moi, et que l'on cassera des guitares sous votre balcon d'illustres adultères. Moi, je n'ai que les gendarmes, et sans la manière de m'en servir encore!.. Il est probable que Jules et toi allez nous donner un joli roman où la situation sera élucidée. Tu penses si je le lirai avec joie!.. Ne m'éreinte pas trop, et envoyez-moi le premier exemplaire sorti des presses. J'y ai quelques droits. N'oubliez pas votre dédicace en double.

Bonsoir, Aurore. Il faut bien finir par aller se coucher tout de même.

Je te serre la main, George.

Merci de m'avoir laissé nos enfants. Pour le garçon, tout ira, c'est un homme, donc un apprenti mari. Je vais tâcher d'apprendre à coiffer la petite fille. Ils t'embrassent. . .

Baron Dudevant.

⁽¹⁾ Здѣсь не безъинтересно будетъ, можетъ быть, привести письмо матери поэта, адресованное ею въ Венецію, въ Декабрѣ 1833 г.

Mon cher enfant,

Je t'ai laissé partir pour l'Italie avec ta « connaissance », d'abord parce que si je te l'avais défendu tu m'aurais désobéi — du reste tu es majeur — et ensuite parce que, à Venise, un climat plus clément que le nôtre peut raffermir ta chère santé. Hélas! ne la compromets-tu pas toi-même? Mais les mères ont les yeux clos si leur cœur est toujours ouvert. Épargne-

Относительно знакомства и романа Жоржъ Сандъ съ Альфредомъ де-Мюссэ существуетъ въ настоящее время цѣлая литература, а потому я не желаю « пережевывать » и рассказывать въ сто первый разъ эту главную « исторію » обворожительной дамы.

Романъ Альфреда и Жоржъ есть страничка изъ исторіи французскаго романтизма. Но тогда какъ жизнь и труды Шатобриана или Мишлэ показываютъ намъ, какимъ образомъ романтики подчиняли свою волю беспорядкамъ мысли, связь гжи Сандъ и Мюссэ указываетъ, какимъ образомъ эти самые романтики понимали любовь и возможность любить.

toi un peu, je t'en conjure, et ne bois pas trop « d'eau des mers dans les crânes des morts »!

Je n'ai pas très bien vu, sous le voile, la personne qui t'accompagne dans la ville des Doges, mais il m'a semblé... est-ce une erreur?... qu'elle était déjà plus âgée que toi, et de six ans au moins... Mon pauvre Alfred, est-ce bien sage? Et puis... et puis... quelle odeur de cigarette!.. Enfin tu l'aimes ou tu crois l'aimer, je n'ai rien à dire.

Hier j'ai reçu la visite de Mlle de... avec sa mère. Elles venaient prendre de tes nouvelles... J'ai dû mentir pour t'excuser de ton délaissement. Elles n'y comprennent plus rien! Elles croyaient... Moi aussi! Ce mariage eût été dans l'ordre, et si tu t'y étais prêté... Oh! plus tard, beaucoup plus tard... Enfin je serais morte heureuse. Que le bon Dieu t'éclaire sur ton propre bonheur, mon enfant bien-aimé. Je n'ai jamais vu que des liaisons comme la tienne répondissent à ce qu'on en espère. Sais-tu pourquoi? Ce n'est pas seulement parce que la loi divine les réproouve (je garde ce chagrin pour moi), mais parce qu'elles contredisent aux simples lois humaines. Elles vont à contre-Code et la justice, pour ne point les punir, est obligée de détourner indulgemment la tête. Songe à cela, toi qui as tant d'esprit, et demande-toi si ton état extralégal n'est pas l'état sauvage, c'est-à-dire le dérèglement, selon le mot charmant de notre bon abbé, qui t'envoie ses bénédictions.

Travailles-tu au moins? C'est un peu là-dessus que je compte. Le travail est la joie saine des artistes, et Dieu sait si tu l'es!.. M. de Lamartine nous assurait l'autre jour de ton réel génie. « Ses débuts sont admirables, nous disait-il; il ne tient qu'à lui de reprendre ma lyre! » Un pareil éloge d'un pareil poète te fera plaisir, j'en suis sûr, là-bas, dans la torpeur des gondoles. Moi, il m'a rendue si fière et si triste!..

Si tu as besoin de quoi que ce soit, même en pharmacie, ne t'adresse pas à d'autre qu'à ta mère. Tu me consoleras, en abusant de mes bons offices, d'être obligée de partager avec un autre les soins dont tu as besoin, et plus que personne.

A bientôt, n'est-ce pas? Grâce à Dieu, je ne suis pas malade, mais les journées me durent, et les soirées plus encore.

Ta joue, mon cher enfant? Mais qu'elle est maigre!.. — Ta mère,

Veuve de MUSSET-PATHAY.

Альфредъ и Жоржъ родились въ плохую эпоху : во времена поголовнаго сумасбродства, въ дни полнаго господства сантиментовъ и сердца. Надо ли удивляться послѣ этого, что, родившись дѣтми своего вѣка, они подчинились ему всецѣлю и что ихъ романъ представлялъ собой картину полной сердечной разнузданности и умственнаго пожара. Но мы должны ихъ пожалѣть обоихъ. Они страдали больше, чѣмъ сами предполагали. Они страдали отъ сложности своихъ идей и чувствъ больше, чѣмъ отъ самаго проявленія этихъ идей и чувствъ. И поэтому мы должны вѣрить Жоржъ Сандъ, когда она пишетъ Альфреду : « Все это одна лишь игра ; мы играемъ ; по ставки наши — это наше сердце и наша жизнь, и вотъ почему эта игра на самомъ дѣлѣ не такъ забавна и занимательна, какъ это кажется. » Да, это была игра, но такая игра, что одинъ изъ игроковъ проигрался въ конецъ, а другой, болѣе сильный и ловкій, не могъ забыть о ней до самой своей смерти.

Въ началѣ 1835 года романъ Альфреда и Жоржъ оборвался, ⁽¹⁾ а черезъ годъ г-жа Дюдеванъ получила разводъ. Послѣ періода натиска наступилъ періодъ сравнительнаго затишья и Жоржъ стала дѣлать свою жизнь между Парижемъ и своимъ помѣстьемъ Ноангъ. Однако, уже въ 1837 она, почти что разойдясь съ кружкомъ писателей и политическихъ дѣятелей, въ которомъ она царила нѣкоторое время, стала все болѣе и болѣе проводить время въ деревнѣ, занимаясь тамъ съ еще большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде, своимъ сочинительствомъ.

Какъ жила, что думала и что писала Жоржъ Сандъ въ первые годы послѣ разрыва съ Мюссэ и со знаменитымъ Паджіелло и наканунѣ новаго романа, романа « en ut mineur », съ музыкантомъ Шопэномъ, намъ рассказываетъ весьма подробно Онорэ де-Бальзакъ.

Посѣтивъ госпожу Сандъ въ началѣ 1838 года, онъ шлетъ изъ Ноана графинѣ Гауской слѣдующее письмо :

(1) Разлука Жоржа и Альфреда состоялась въ Мартѣ 1835 года. Осенью того же года въ *Revue des deux Mondes* были напечатаны первыя главы : *Confession d'un enfant du siècle*.

« Я пріѣхалъ въ Ноанъ въ субботу на масляной недѣлѣ, около половины восьмага вечера, и нашелъ друга Жоржъ Сандъ сидящею, послѣ обѣда, у камина, въ громадной, пустой комнатѣ, въ халатѣ и съ сигарой во рту. На ней были красивыя, желтыя туфли, выпитыя золотомъ, кокетливыя чулки и красныя, шелковыя панталоны. Это что касается моральной стороны. Съ физической, она потолстѣла и удвоила подбородокъ, что заставляетъ ее нѣсколько походить на тучнаго каноника. У ней нѣтъ ни одного бѣлаго волоса несмотря на всѣ пережитыя горести и ужасы; смуглый цвѣтъ ея лица не измѣнился; прекрасныя глаза все такъ же лучисты и она выглядываетъ все такой же душой, какъ только начинаетъ думать. Я сказалъ ей, изучивъ ее нѣсколько времени, что все ея выраженіе въ глазахъ, а что думать ей слѣдуетъ предоставить другимъ.

« Она живетъ въ Ноанѣ вотъ уже цѣлый годъ; груститъ, скучаетъ очень, но очень много работаетъ. Въ общемъ она ведетъ гочно такой же образъ жизни, какъ и я. Она ложится въ шесть часовъ утра и встаетъ въ полдень; я же ложусь въ шесть часовъ вечера и встаю въ полночь. Но, понятно, здѣсь я подчинился ея привычкамъ и мы въ продолженіи трехъ дней болтали съ пяти часовъ вечера, послѣ обѣда, до пяти часовъ утра, такъ что я узналъ ее и она меня больше за эти три бесѣды чѣмъ за тѣ четыре года, когда она, любя Жюля Сандо, а потомъ имѣя связь съ Мюссэ, приходила меня навѣщать. Тогда она лишь случайно встрѣчала меня, въ виду того, что я и самъ изрѣдка бывалъ у нея.

« Встрѣча наша была очень полезна и нужна, такъ какъ мы сдѣлали другъ другу признанія относительно Жюля Сандо. Я былъ одинъ изъ послѣднихъ, упрекавшихъ ее за разрывъ съ нимъ; въ настоящую же минуту я могу чувствовать къ ней лишь самое глубокое состраданіе, точно такъ же какъ и вы сами почувствовали бы ко мнѣ подобное же состраданіе, еслибы знали, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, она въ любви, а я въ дружбѣ. Впрочемъ, съ Мюссэ она была еще болѣе несчастна и живетъ теперь въ полномъ уединеніи, проклиная одновременно и бракъ и любовь, потому что въ обоихъ

случаяхъ она была лишь обманута и получила одни лишь разочарованія.

« На самомъ дѣлѣ ея случай былъ рѣдкій вотъ и все. Но онъ повторится, потому что она отъ природы нелюбезна, и, значитъ, ее съ трудомъ будутъ любить. Она мальчикъ, она артистка, она благородна, великодушна, преданна, *чиста* (chaste); у ней характерныя черты мужчины : *ergo* она не женщина. Я, какъ и прежде, сидя рядомъ и болтая съ ней въ продолженіи трехъ дней, не чувствовалъ, что нахожусь объятый зудомъ любезности, которую такъ необходимо проявлять какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ по отношенію всякаго рода женщинъ. Я разговаривалъ съ товарищемъ. У нея много высокихъ добродѣтелей, которыя общество понимаетъ совершенно противоположно. Мы долго обсуждали съ серьезностію, искренностью, признаніемъ и чистосердечіемъ, достойными великихъ пастырей, управляющихъ человѣческимъ стадомъ, великіе вопросы свободы и брака. Она говорила мнѣ съ громадною гордостью (я лично объ этомъ не посмѣлъ бы и подумать), что « разъ мы своими писаніями подготовляемъ переворотъ въ существующихъ нравахъ, то ей слѣдуетъ подумать о неудобствахъ того и другого положенія ». И мы бесѣдовали въ продолженіи цѣлой ночи объ этой важной задачѣ. Я стою совершенно за свободу дѣвушки и за рабство женщины, то-есть я хочу, чтобы женщина до своего брака знала, на что она соглашается, чтобъ она вѣдала все и обо всемъ, дабы, разъ подписавъ контрактъ замужества и имѣя возможность судить объ его выгодахъ, она уже оставалась бы ему вѣрна. Я сдѣлалъ многое, постаравшись увѣрить гжу Дюдеванъ, что бракъ необходимъ и мнѣ думается, что, доказавъ ей это, я поступилъ хорошо.

« Она прекрасная мать и обожаетъ своихъ дѣтей, но почему-то одѣваетъ свою дочь Соланжъ въ костюмъ мальчика и это не хорошо.

« Нравственна она какъ двадцатилѣтній юноша, ибо чиста и стыдлива, а артистка она лишь наружно. Она куритъ чрезвычайно много и можетъ-быть слишкомъ уже усиленно играетъ à la princesse.

Она сознаетъ и говоритъ сама о томъ, что я думаю, а именно : что у ней нѣтъ ни силы творчества, ни умѣнія построить планъ, ни способности достигнуть художественной правды, ни чувства патетичности, но что, хотя она и не знаетъ хорошо французскаго языка, у нея все же есть *стиль*; это правда.

« Ну, однимъ словомъ, это мужчина и тѣмъ болѣе мужчина, что она этого желаетъ и даже уже покинула роль женщины; она не женщина. Женщина притягиваетъ, а она отталкиваетъ и, такъ какъ я — очень мужчина и она производитъ на меня подобное впечатлѣніе, то она должна будетъ произвести точно такое же и на всѣхъ другихъ мужчинъ, подобныхъ мнѣ. »

Тутъ надо полагать, что Бальзакъ или ошибся или имѣлъ въ виду лишь одинъ сортъ мужчинъ, такъ какъ не прошло и шести мѣсяцевъ послѣ его свиданія съ Жоржъ Сандомъ, какъ она уже « пылала » къ Шопэну, потомъ ѣздила съ нимъ на Майорку, а въ началѣ 1840 пригласила его къ себѣ, въ деревню. Тамъ, въ Ноанъ, блѣдная фигура музыканта бродила долго, и въ лунныя, тревожныя ночи его костлявые пальцы прикасались къ клавишамъ фортепiano и чудные звуки лились, лились . . . до шести часовъ утра.

Но намъ говорятъ, что къ Шопэну она пылала главнымъ образомъ материнской любовью. Онъ былъ такъ слабъ, такъ болѣнъ и печаленъ. Но мы знаемъ, что стоятъ подобныя завѣренія. Мюссэ былъ тоже слабъ и болѣнъ, она тоже относилась къ нему съ материнской нѣжностью и называла его « *mon enfant superbe* », что не помѣшало однако Мюссэ « обломать о нее все свое сердце », выражаясь языкомъ одного изъ героевъ Максима Горькаго, а ей самой (одно время) ревновать его къ первой встрѣчной женщинѣ и писать ему патетическія и страстныя посланія. Какъ я уже говорилъ, Жоржъ страдала отъ избытка состраданія, отсюда и ея материнскія чувства и особое влеченіе къ больнымъ, слабымъ и всѣмъ тѣмъ, за кѣмъ можно ухаживать. Но это отдѣльное чувство нисколько не заглушало страсть; наоборотъ, страсть рождалась у нея на почвѣ состраданія. Впрочемъ романъ съ Шопэномъ настолько мало интересенъ, что

было бы совершенно излишнимъ останавливаться на немъ слишкомъ долго.

Когда музыкантъ исчезъ, г-жа Дюдеванъ начинала уже мало-помалу тускнѣть. Однако, это не помѣшало ей продолжать своихъ траги-комедій и заниматься сочинительствомъ. Одна изъ ея послѣднихъ « пассій », если не самая послѣдняя, былъ буколическій поэтъ Арманъ Сильвестръ, съ холеною бородой и въ ослѣпительно бѣлыхъ манишкахъ. Но это уже было въ то время, когда « la bonne dame de Nohant » заканчивала *l'Histoire de ma vie*.

Прошло еще нѣсколько времени и « пассіи » замолкли и перо перестало скользить по бумагѣ. 8 іюня 1876 года Жоржа не стало; она умерла, оставивъ намъ нѣсколько « исторій » и весьма объемистый литературный багажъ, который ставитъ ее на одну доску съ лучшими писателями ея школы и эпохи.

Весьма возможно, что изъ этого писательскаго багажа потомство удержитъ нѣкоторую часть, — Жоржъ была часто большимъ поэтомъ и хорошимъ стилистомъ, — остальное же, представляющее собой, уже теперь, своего рода археологическую рѣдкость, неминуемо будетъ повергнуто въ Лету.

ТРИУМФЪ.

Современный Парижъ все болѣе и болѣе начинаетъ походить на громадное Campo Santo. Куда бы вы ни взглянули, на какую-бы площадь, въ какую-бы аллею, общественный садъ или скверъ вы ни проникли — всюду и прежде всего вамъ бросится въ глаза статуя, бюстъ или аллегорія. Такіе чудные и единственные въ своемъ родѣ сады, какъ паркъ Монсо, Люксембургскій садъ, Тюльбери и даже Елисейскія поля заполняются мало по-малу изваяніями и монументами разнаго рода знаменитостей.

Конечно, почитать своихъ великихъ людей — вещь прекрасная, хотя еще можно спорить, что единственная манера ихъ почитать это заказывать скульпторамъ ихъ изображенія, — но сколько изъ этихъ знаменитостей, имѣющихъ теперь свои памятники въ Парижѣ, заслуживаютъ на самомъ дѣлѣ такой громоздкой почести. А тѣмъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ, чтобы ихъ черты были обезсмертены, стоитъ ли все-таки жертвовать хорошею садовою лужайкой, красивымъ пейзажемъ или величественною перспективой?.. Люди проходятъ, слава меркнетъ, но природа пребываетъ все та же, и тогда какъ произведенія рукъ человѣческихъ приѣдаются и наскучиваютъ, глаза наши никогда не устанутъ отъ лицезрѣнія твореній природы.

Но есть люди, утверждающіе, что статуи украшаютъ и дополняютъ природу. Какое жалкое заблужденіе! Всѣ попытки украсить и дополнить природу суть лишь кощунства и никогда никакой монументъ не украсилъ и не украситъ самага бѣднаго пейзажа.

Заявляя это, я ничего не открываю: я лишь повторяю то, что говорили во всѣ времена многіе эстетики. Къ сожалѣнію, голоса ихъ, въ большинствѣ случаевъ, оставались голосами въ пустынь, ибо, какъ замѣчалъ одинъ философъ, « мудрецы всѣхъ временъ го-

ворили всегда одно и то же, а глупцы всѣхъ временъ, коихъ число есть легіонъ, поступали всегда одинаково, то-есть всегда обратно тому, какъ совѣтовали мудрецы ».

Еще недавно покойный нѣмецкій живописецъ Лембахъ, выражая свое мнѣніе относительно знаменитой « Siegesallee », составляющей одну изъ главныхъ некрасотъ берлинскаго Thiergarten'a, совершенно справедливо замѣчалъ, что когда дѣло идетъ объ украшеніи парка, то статуи Гогенцоллерна, Бисмарка, Рафаеля или Шекспира одинаково излишни и что въ крайнемъ случаѣ среди деревьевъ или на садовой лужайкѣ можно только допустить изображеніе Геркулеса или Нимфъ. Но Лембахъ въ Берлинѣ не послушался, какъ не послушался въ Парижѣ другихъ совѣтчиковъ, потому что какъ тамъ, такъ и здѣсь скульпторовъ, желающихъ получить заказъ и мечтающихъ имѣть возможность повторить знаменитое « Exegi monumentum! », столь же много, если не больше, чѣмъ людей ограниченныхъ, тщеславныхъ, или равнодушныхъ и не умѣющихъ наслаждаться и понимать красоту вещей (la beauté des choses).

Такъ какъ во Франціи въ болышинствѣ случаевъ перестали уже понимать, что такое значитъ « гармонія » и « пропорція », и такъ какъ здѣшнія официальные лица любятъ давать разрѣшенія на устройство памятниковъ, ибо это даетъ имъ возможность въ лишній разъ порисоваться и произнести рѣчь, т.-е. нѣсколько сотъ затасканныхъ словъ и шаблонныхъ сравненій, — то недавнее празднованіе столѣтняго юбилея Жоржъ Сандъ началось съ торжественнаго открытія памятника чествуемой писательницѣ и тѣмъ самымъ загроможденія одной изъ послѣднихъ пустыхъ лужаекъ Люксембургскаго сада.

Говоря это, я ничего не имѣю противъ самаго памятника. Онъ сдѣланъ скульпторомъ не лишеннымъ таланта и очень хорошо передаетъ намъ образъ Жоржъ Сандъ, когда она еще была « во цвѣтѣ лѣтъ », но уже не любила Алфреда Мюссэ; однако я не могу не пожалѣть, что этотъ монументъ не нашелъ себѣ болѣе подходящаго мѣста. Ставить его въ Люксембургскомъ саду только потому, что тамъ много мѣста (пока еще много) или что Жоржъ Сандъ подѣ

старость жила въ одной изъ прилегающихъ къ нему улицъ, — еще не достаточный резонъ. Вѣдь такъ можно найти совершенно допустимою мысль одного изъ моихъ знакомыхъ скульпторовъ, имѣвшаго у себя въ мастерской гипсовый проектъ монумента Фридриха Ницше и желавшаго его воздвигнуть на place Vauban, противъ часовни Дома Инвалидовъ, гдѣ, какъ извѣстно, покоится прахъ Наполеона Перваго, на томъ только основаніи, что Фридрихъ Ницше былъ великимъ почитателемъ перваго французскаго императора (безъ шутокъ). По моему скромному мнѣнію монументъ Жоржъ Сандъ слѣдовало было поставить въ подходящей ему рамкѣ помѣстья Ноанъ, а Люксембургъ должно было оставить въ покоѣ тѣмъ болѣе, что для обычныхъ посѣтителей этого сада Жоржъ Сандъ говоритъ очень мало, если только не напоминаетъ то, что на студенческомъ жаргонѣ называется « rompiég ».

Но начальство и официальные эстетика рѣшила иначе и передъ свершившимся фактомъ намъ остается лишь преклониться.

Итакъ, трогательное празднество началось съ открытія памятника, на которомъ Жоржъ Сандъ изображена сидящею на скалѣ, среди дубравы, въ меланхоличной и мечтательной позѣ. Одна рука ея опирается о скалу, другая придерживаетъ шаль. Приятныя черты ея правильнаго лица окаймлены громадными « бандо ». Глаза томны и въ позѣ сквозитъ « обворожительная » грація. Ей тутъ 35 лѣтъ (памятникъ сдѣланъ съ портрета, писаннаго въ 1839 году) и, значитъ, она болѣе чѣмъ бальзаковская женщина, но она еще настолько « обворожительна », что официальное лицо, замѣнявшее министра народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, сравнило ее съ Юноной.

Оно, это официальное лицо, сказала еще, что у памятника Жоржъ Сандъ, воздвигнутаго « благодарнымъ и сыновнимъ (filial) Парижемъ » (??), находились въ сборѣ литературныя знаменитости Франціи, но я, какъ ни искалъ, не могъ ихъ найти и видѣлъ только Марсея Прево, Андре Тёрвъ, да вездѣсущаго Кларти. Правда, были еще тутъ Поль Мерисъ и Гастонъ Буассъ; но это не знаменитости : это археологическія рѣдкости. Ихъ посадили по обѣимъ

сторонамъ двухъ милостивныхъ внучекъ покойной писательницы, вѣроятно для симметріи, и они слушали исправно и рѣчь официальнаго лица, и «divagations» господина Кларти, и плохіе стихи, сочиненные для торжества какою-то барышней, получившею за нихъ первый призъ на «литературномъ» конкурсѣ дамскаго журнала *Femina*. Послѣ стиховъ, гжа Северинъ, эта знаменитая плакса, сказала нѣсколько прочувствованныхъ словъ отъ имени «французскихъ женщинъ-писательницъ» и повергла къ ногамъ статуи, гдѣ уже лежалъ вѣнокъ (впрочемъ единственный) отъ. . . города Праги, небольшой пучокъ цвѣтовъ. Послѣ этого умилительнаго поступка гжи Северинъ официальное лицо встало и заявило, что надо было бы поблагодарить братьевъ Чеховъ за ихъ вѣнокъ, но такъ какъ на торжествѣ никакихъ Чеховъ не оказалось, то всѣ, слегка потоптавшись на мѣстѣ, разошлись по домамъ.

Уходя домой, я еще разъ осмотрѣлъ монументъ и мнѣ вспомнилось письмо Диккенса, писанное имъ въ 1856 году изъ Парижа, послѣ знакомства съ Жоржъ Сандъ.

«Увы, — писалъ онъ своему другу, — вчера пропала еще одна изъ моихъ иллюзій. Я видѣлъ Жоржъ Сандъ. Она совершенно не походитъ на тотъ романтическій портретъ, который я себѣ сдѣлалъ. Еслибы мнѣ ее показали въ Лондонѣ на улицѣ, я вообразилъ бы себѣ, что это одна изъ повивальныхъ бабокъ королевы; она толста и почтенна; у нея черные волосы, маленькіе усики и спокойные влажные глаза. Она только тѣмъ походитъ на «синій чулокъ», что любить въ концѣ разговора подводить ваши мнѣнія подъ свои, выработанныя въ глуши Ноанъ, этого помѣстья, гдѣ она играетъ въ королевы, тиранизируя и главенствуя надъ небольшимъ кружкомъ слѣпыхъ обожателей. Однимъ словомъ, это — добродушная дебѣлая дама, съ ординарнымъ лицомъ, обыкновенною рѣчью и самыми неважными манерами. Что касается ея ума, о которомъ мнѣ многіе говорили, какъ о вещи замѣчательной, я не могу судить: она не пожелала его показать».

Начавшись на открытомъ воздухѣ утромъ, празднество закончилось вечеромъ въ душной залѣ *Comédie Française*, гдѣ играли по

этому случаю піесу Жоржъ Сандъ : *Claudie*. Послѣ комедіи лучшіе актеры и актрисы труппы « Французской Комедіи » по приглашенію и даже приказанія рахитическаго Кларти читали разнаго рода хвалебные гимны, сложенные когда-то въ честь « ноанской барыни », какъ-то : *A George Sand* Виктора Гюго и *Hommages*, сочиненія Александра Дюма сына. Спектакль, на которомъ , конечно, присутствовали всѣ « сандисты », но и только, закончился торжественнымъ коронаваніемъ бюста покойной писательницы.

Іюль 1904.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПО ФРАНЦИИ.

РАСТАПОЛИСЬ.

Талейранъ сказалъ какъ-то, что надо остерегаться перваго впечатлѣнія на томъ основаніи, что оно всегда бываетъ благопріятно. Эту нѣсколько парадоксальную фразу знаменитаго дипломата я вспомнилъ почти сейчасъ же по моему вторичному приѣздѣ въ Ниццу. Хотя такъ называемый «сезонъ» уже заканчивался, иностранцевъ и французскихъ гостей было еще изрядное количество и главные прогулки и улицы города продолжали еще оглашаться англійской, нѣмецкой и русской рѣчью.

На Promenade des Anglais, передъ завтракомъ, и avenue Masséna, передъ неизбѣжнымъ «five o'clock», сновалъ и топтался все тотъ же людъ, что я видѣлъ и въ первый мой приѣздъ въ Ниццу, года три тому назадъ. Тѣ-же барыни, тѣ-же джентльмены, тѣ-же подозрительныя личности, о которыхъ можно сказать, что онѣ были наименѣе всѣхъ безличны, проходили мимо «шикарныхъ» магазиновъ и вдоль зеленыхъ скамеекъ, на которыхъ грѣлись и почивали все тѣ-же старички и старушки. По всей вѣроятности они, на самомъ дѣлѣ, не имѣли ничего общаго съ тѣми людьми, которыхъ я встрѣчалъ на тѣхъ же мѣстахъ и въ тѣхъ же позахъ три года тому назадъ, но впечатлѣніе тождества было настолько сильно, что мнѣ казалось, что я видѣлъ ихъ снова и лишь болѣе увядшими, обрюзгшими и высохшими.

Что особенно ярко характеризуетъ современное общество, въ особенности общество праздное, шатающееся изъ курорта въ ку-

портъ и изъ одного значнаго мѣста въ другое значное мѣсто, такъ это его полная безличность и сѣрость. Различіе въ цвѣтѣ матерій и индивидуальность въ ношеніи шляпокъ и галстуковъ не искупаютъ еще томительнаго однообразія картины тѣмъ болѣе, что фраки, пинжаки и дамскіе наряды скроены и сшиты на одинъ фасонъ, какъ на одинъ фасонъ скроены и мысли и суевѣрія и предрасудки.

Мы живемъ во времена царствованія «золотой середины» и всяческихъ «симили»; фальшивые брилліанты, фальшивое золото, фальшивые зубы и волосы сочетаются какъ-то особенно удачно съ фальшивою мысли и поддѣланными убѣжденіями и принципами. Однако нигдѣ всѣ эти результаты современнаго строя жизни такъ не бросаются въ глаза, какъ напримѣръ, въ Ниццѣ, въ этомъ типичномъ міровомъ Караванъ-сараѣ, гдѣ люди сталкиваются и расходятся или не стараясь узнать другъ друга, или уже заботясь объ жизни ближняго съ глупой и дерзкой настойчивостью.

Та искусственная людская агломерация, что именуется «Космополитичной Ниццей», и чье ядро состоитъ изъ небольшой группы совершенно вывѣтрившихся личностей, располагаетъ нѣсколькими десятками женщинъ и мужчинъ — большею частью все тѣми же самыми, — обязанность коихъ давать тонъ ниццкой жизни и ниццкимъ вкусамъ. Эти «избранные» имѣютъ свои кружки, куда трудно проникнуть постороннимъ и не потому, чтобъ надо было располагать для этого какими либо особенными внутренними качествами, а просто оттого, что члены ниццкихъ салоновъ и фешенебельныхъ клубовъ боятся гласности и ненавидятъ многолюдство. Они не только «пріѣзжіе»; они «ниццкое общество». Это люди или уже давно живущіе въ этомъ городѣ, или пріѣзжающіе сюда исправно каждую зиму. Ихъ всѣ знаютъ и они всѣхъ знаютъ. Скромному туристу или даже человѣку, пріѣхавшему въ Ниццу на весь сезонъ, но еще новичку съ обычаями и тайной жизнью города, той его стороною, которую нельзя примѣтить ни на Promenade des Anglais, ни въ кондитерскихъ Вогада и Румпельмейера, а тѣмъ паче въ отеляхъ, по-

пасть бываетъ трудно, почти невозможно, въ этотъ заколдованный кругъ и часто поэтому онъ именно и старается быть причисленнымъ къ «сливкамъ *select'a*» и ощущаетъ нѣкое раздраженіе и зависть, когда ему это не удается.

Такимъ образомъ въ космополитичной Ниццѣ существуетъ нѣсколько классовъ и борьба между этими классами. Эта борьба, впрочемъ, не особенно замѣтна на первый взглядъ, но она поконится на заблужденіяхъ и самообманѣ. Съ одной стороны, тѣ, что стараются проникнуть въ самое святое святыхъ, а большею частью проводятъ время, какъ донъ Цезарь де-Базанъ...

A regarder entrer et sortir les duchesses,

жестоко обманываютъ себя, ибо принимаютъ за золото позолоченные пятаки; а другіе, тѣ, что составляютъ самый кланъ этихъ «*duchesses*», заблуждаются въ важности ихъ миссіи и обманываютъ ближняго своей фальшивой презентабельностью и лоскомъ. Но всѣ являются печальными жертвами перваго впечатлѣнія, о которомъ говорилъ Таллейранъ; одни живутъ подъ его чарами, другіе помнятъ объ этихъ чарахъ.

Однако, чтобъ быть совершенно справедливымъ, надо замѣтить, что не такъ таки легко увидеть закулисную грязь и обратную сторону медали. Для этого надо имѣть особую прозорливость или терпѣніе. Сначала вы видите красивый городъ, веселый, элегантнѣйшій, гдѣ много пышной зелени, цвѣтовъ и симпатичныхъ людей. Только черезъ нѣкоторое время вы начинаете замѣчать, что это лишь постоянно наводимый лакъ, подъ которымъ скрывается потреснувшая и поблекшая картина. Какъ пальмы, кактусы и апельсины, такъ и веселье и улыбки все — это выведено искусственно и лишь обманываетъ зрѣніе. Въ глубинѣ экзотическихъ садовъ, за художественными рѣшетками виллъ копошится самое искусственное, лживое и развратное общество міра. Въ предмѣстьяхъ Ниццы, въ *Sémiez*, *Carabacel*, *Beaumettes*, на чудномъ мысѣ *Montbaron*, нѣтъ виллы, гдѣ не совершалось бы какой нибудь траги-комедіи, драмы или

грязной « исторіи ». Сюда съѣзжается и живетъ съ ноября по іюнь все, что есть на свѣтѣ сумасшедшаго, сумасброднаго и истеричнаго. Пріѣзжаютъ люди изъ Лапландіи, изъ Африки, изъ Тибета и южной Америки. Пріѣзжаютъ бѣлые, желтые, черные и шоколадные. Пріѣзжаютъ дамы старыя и молодыя, красивыя и некрасивыя, господа богатые и бѣдные, толстые и тонкіе, бароны, графы, контессы и виконтессы, ростовщики и воры, жокеи и букмекеры, актрисы и піанисты, бывшіе каторжники и бывшіе министры, и все это гримасничаетъ, расшаркивается, кувыркается и паясничаетъ. Это вѣчный карнавалъ, которому настоящій-то ниццкій далеко уступаетъ, ибо переряживаніе и замаскированіе бываетъ не временное, а существуетъ постоянно и вошло въ плоть и кровь всего этого люда.

Гдѣ, спрошу я васъ, какъ не въ Ниццѣ, можно видѣть отставныхъ поваренковъ, ставшихъ секретарями почтенныхъ дамъ, или бывшихъ румынскихъ цыганъ, женившихся на патентованныхъ графиняхъ, или еще чахоточныхъ музыкантовъ, играющихъ въ интимныхъ концертахъ, у старыхъ барынь, Листа и Вальтейфела, г-жу Шаминадъ и Шумана, въ лиловыхъ фракахъ съ подсолнухами въ петлицахъ? Гдѣ, спрошу я васъ?

Но меня, можетъ быть, упрекнутъ въ сгущеніи красокъ, въ предвзятости мыслей или еще въ наивности. Мнѣ могутъ сказать : « Не предполагаете ли вы уже, что открыли Америку? Все, что вы пишете намъ, давно хорошо извѣстно; это все ходячія истины ». Я охотно соглашусь съ этимъ послѣднимъ; я не хотѣлъ открывать Америки. Но, если есть истины, которыя годятся только для того, чтобъ ихъ установили, признали и поставили точку, то есть явленія и факты, къ которымъ слѣдуетъ отнести (ну хоть во имя человѣческаго достоинства) со всей доступной намъ серьезностью. Не слѣдуетъ бояться обсуждать ихъ многократно; они могутъ быть полезными и не только, какъ упражненіе въ діалектикѣ.

Чтобъ уйти, хоть на время, отъ психопатовъ, спиритовъ, меломановъ и морфиномановъ ниццкихъ прогулокъ, — есть два пути :

море и горы. Надо нанять лодку или экипажъ и приказать вести себя настолько далеко, чтобъ огни города были бы величиной съ булавочную головку или отъ всѣхъ его улицъ, садовъ и домовъ образовалась одна сѣровато-бурая масса. На горныхъ высотахъ или въ открытомъ морѣ вы почувствуете, что оживаете и очищаетесь. Такъ поступилъ и я. Въ первый же вечеръ по приѣздѣ въ Ниццу, въ тотъ торжественный часъ сутокъ, когда красное солнце падало въ морѣ, когда съ цвѣточныхъ клумбъ долеталъ особо сильный ароматъ, а на Promenade des Anglais шагали «растакуреры» и въ освѣщенныхъ кондиторскихъ нарядныхъ и подведенныхъ дамы кушали чай съ разными «muffins» и «toast», я прошелъ на старую пристань и, нанявъ тамъ легкую ладью съ краснымъ, латинскимъ парусомъ, рѣшилъ ѣздить по морю до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ окончательно и я не буду имѣть удовольствія видѣть кавказца въ грязномъ бѣломъ бешметѣ, продающаго, противъ городского сада, разные «пинжалы» и пр. «національныя издѣлья», слышать назойливый звонъ страшно хлопотливыхъ конокъ, говоръ не менѣе хлопотливыхъ миссъ и миссисъ, подпрыгивающихъ передъ модными магазинами, въ короткихъ юбкахъ, въ *tennis shoes* и съ палками въ рукахъ или еще отклики выходца изъ Бердичева, предлагающаго всѣмъ и каждому «ниццкую газету на русскомъ языкѣ».

Да, уѣхать! Насытиться ночью и одиночествомъ, видѣть красоты моря и все величье горъ, но прежде всего быть подальше отъ людей, отъ празноболтающаго и пляшущаго человечества.

Мы повернули на лѣво. Юго-Западный вѣтеръ надулъ высокій парусъ и баркасъ, послушно повинуюсь рулю, обогнулъ мысъ Мон-боронъ. Вскорѣ я былъ далеко отъ Ниццы. Разсѣкая своимъ узкимъ носомъ засыпающія воды, лодка быстро подвигалась по направленію къ Виллефранкѣ. Вотъ показался, на самой оконечности длиннаго мыса, сторожевой маякъ. На минуту его красный, какъ бы воспаленный глазъ вопросительно уставился на насъ; затѣмъ, быстро повернувшись, скрылся въ вечерней дымкѣ. Мы

подходили къ рейду; изъ темноты выплывали на встрѣчу намъ темныя громады горъ, спускающіяся почти что подъ прямымъ угломъ до самого моря, и все яснѣе и яснѣе вырисовывались очертація береговъ и контуры многочисленныхъ построекъ и виллъ, гдѣ уже зажигались и привѣтливо мигали маленькіе, блѣдные огоньки. Длинная цѣпь Альпъ громоздилась надъ нами. Въ этомъ мѣстѣ она подходила къ самому берегу и, покрытая тучными пастбищами, пышными садами и непроходимыми дубравами, она притягивала къ себѣ и ласкала взоръ зеленовато-синими оттѣнками, переходящими у самыхъ вершинъ въ нѣжно голубой и серебристый цвѣтъ.

Мнѣ хотѣлось прокрейсировать еще нѣкоторое время, но хозяинъ баркаса предложилъ мнѣ вернуться; по его словамъ вѣтеръ падалъ и было рискованно оставаться дольше въ открытомъ морѣ. Мы повернули и черезъ какіе нибудь полчаса были уже противъ Ниццы. Но тутъ вѣтеръ унялъ окончательно и наступилъ полнѣйшій штиль. Тѣмъ временемъ, какъ морякъ спускалъ парусъ и готовилъ весла, я принялся глядѣть на длинную линію огней ниццкой набережной и на темную массу города, лежащаго у подножья горъ точно сытое и довольное животное.

Ничто не можетъ сравниться по красотѣ съ ярко освѣщеннымъ городомъ, когда на него смотришь со стороны моря. На право отъ меня слался старый городъ какъ бы прилѣпленный къ громадному холму, на которомъ угадывалось кладбище и остатки замка, а на лѣво тянулись, подобно длинной лентѣ, газоны рожка *Promenade des Anglais*.

Я смотрѣлъ и думалъ: Во всѣхъ гостинницахъ и во всѣхъ виллахъ, что я вижу передъ собой, собрались въ этотъ часъ для обѣда и разговоровъ десятки мужчинъ и женщинъ. Они болтаютъ, бесѣдуютъ. О чемъ? объ погодѣ, объ развлеченияхъ!.. Еще о чемъ?.. объ развлеченияхъ... о погодѣ!.. Они рассказываютъ, гдѣ гуляли: «Дорога была чудесна, хотя было нѣсколько холодно и утомительно;» «въ этомъ отелѣ кормятъ довольно сносно, хотя ресторанныя ѣда утомляетъ желудокъ очень быстро». Они сообщаютъ другъ

другу о томъ, что дѣлали, что любятъ, во что вѣрятъ... Послѣ обѣда всѣ перекочевываютъ въ hall или гостинную. Мужчины читаютъ газеты и говорятъ о политикѣ; дамы работаютъ и сплетничаютъ. Потомъ образуется въ уголкахъ игра въ карты; играютъ въ «бриджъ» или «поккеръ», по маленькой. Иногда ихъ слухъ услождаетъ оркестръ неаполитанцевъ; иногда какой нибудь фокусникъ показываетъ «чудеса». Въ десять часовъ, а то и ранѣе, дамы начинаютъ позевывать и черезъ полчаса вся гостинница уже спитъ.

Впрочемъ на нѣкоторыхъ вилахъ оживленіе заходитъ за полночь; но рѣдко. Молодые люди и мужчины, которые имѣютъ возможность проиграть въ «баккара» нѣсколько сотъ или тысячь франковъ идутъ въ клубъ, если они только члены клуба, а то просто въ игорные дома, которыхъ въ Ниццѣ болѣе чѣмъ слѣдуетъ.

Такъ проводить время — большинство; громадное большинство.

Въ клубахъ Masséna, Méditerranée игра бываетъ довольно крупная, но тамъ подвизаются только «прожигатели» или члены такъ называемаго «*high life*», бывающіе часто въ Монтэ-Карло и живущіе въ окрестностяхъ города или даже въ Больё или по дорогѣ въ Каннъ. Для этого меньшинства Ницца и Монтэ-Карло — одинъ городъ. Онъ напоминаетъ имъ Лондонъ, Парижъ или Вѣну и они считаютъ его центромъ веселымъ, элегантнымъ и совершенно достойнымъ быть убѣжищемъ настоящаго «upper ten thousand».

Но рядомъ съ этимъ кланомъ или кастой, покоящейся на знатности, богатствѣ или свѣтскомъ положеніи, существуетъ въ Ниццѣ и Монтэ-Карло цѣлый классъ людей, — отчасти выбитыхъ изъ колеи, — которые тоже желаютъ веселиться во что бы не стало. Для этихъ людей существуютъ ниццкіе театры, кафэ-бары и игорные дома.

Въ игорныхъ домахъ происходитъ травля «гостей» или обоюдное обворовываніе. Цѣлый рой отставныхъ крупье, выгнанныхъ изъ

Монтэ-Карло, Біаррица, Остандэ и т. д. держитъ « банкъ » и подвизается вокругъ зеленого стола. Не рѣдко игроки не лучше хозяевъ дома и потому происходятъ очень часто комическія или драматическія коллизіи.

Происходитъ, на примѣръ, слѣдующая сцена. Къ столу, на которомъ фишекъ разбросано на нѣсколько тысячъ франковъ, подходитъ весьма приличнаго вида господинъ и вынувъ изъ кармана увѣсистый бумажникъ громогласно произноситъ :

— Dix louis qui tombent!

Крупье подымаетъ голову, рассматриваетъ господина и вѣжливо улыбаясь, произноситъ :

— Que la chute s'opère!

Но деньги на столъ не падаютъ. Крупье это зналъ. Мнѣ передавали, что количество людей, практикующихъ то, что на игорномъ жаргонѣ называется « le coup du déshonneur » весьма респектабельно. Если подобный джентльменъ выиграетъ, то онъ хватаетъ деньги и уходитъ, если же проиграетъ, то лишь рискуетъ, разъ съ него нечего взять, что его слегка помнутъ и выгонятъ вонъ. Но онъ этого не особенно страшится, такъ какъ на другой же день начнетъ тоже самое въ другомъ мѣстѣ.

Языкъ игорныхъ домовъ и разныхъ другихъ « tripots » не лишенъ образности и цвѣтистости. Мнѣ приходилось слышать въ Ниццѣ же нѣкоторыя выраженія, иносказательность коихъ заставила меня освѣдниться о ихъ настоящемъ значеніи. Мнѣ объяснили, что « cuisinier » зовутъ того, кто лучше всѣхъ умѣетъ « faire sauter. . . la soupe », т. е. сорвать банкъ, а « macaroni » называютъ того, кто знаетъ какъ слѣдуетъ « faire filer. . . la carte », т. е. подмѣнить или скрыть карту.

Но кромѣ игорныхъ домовъ, въ Ниццѣ играютъ всюду и гораздо больше чѣмъ въ Монтэ-Карло, гдѣ сторонняя игра строго запрещена. Играютъ въ заднихъ комнатахъ многихъ кафэ въ « bassaga tournant », т. е. такъ называемую « желѣзную дорогу », и въ шикар-

ныхъ « барахъ » въ то время, какъ цыганскіе оркестры томно исполняютъ разные дунайскія вальсы, а между столиками гуляютъ полураздѣтыя гетеры французскаго, итальянскаго и даже нѣмецкаго происхожденія.

Черезъ два дня по пріѣздѣ въ Ниццу я столкнулся совершенно случайно съ однимъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, котораго не видалъ болѣе года. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія и обоюдныхъ удивленій я спросилъ Х (назовемъ его хоть такъ), давно ли онъ въ Ниццѣ.

— Да я здѣсь цѣлую вѣчность, — отвѣтилъ онъ мнѣ. — Болѣе пяти уже мѣсяцевъ.

— И весело проводите время?

— Такъ себѣ. У меня очень много здѣсь знакомыхъ и я часто ѣзжу въ Монтэ-Карло . . .

— Гдѣ много играете?

— Не то, чтобъ очень много; но вѣдь здѣсь вечеромъ нечего дѣлать.

— А театры, клубы, салоны?

— Театры здѣсь довольно плохи, въ клубахъ надо играть крупныя суммы, а въ салонахъ все то же самое.

— Развѣ театры ужъ такъ здѣсь плохи? — перепросилъ я. — Мнѣ помнится что въ первый мой пріѣздъ сюда я былъ на двухъ, трехъ очень удачныхъ спектакляхъ.

— Ужъ я не знаю, что было раньше, — отвѣтилъ мнѣ Х, — но теперь одна печаль. Да это и понятно. Шикарная публика ѣздитъ слушать оперу или комедію въ сосѣднее княжество, а средній пріѣзжій довольствуется тѣмъ, что ему даютъ и съ нимъ и городъ и прочія администраціи не особенно таки стѣсняются. Бывали ли вы въ здѣшнемъ *Казино*, не въ томъ, что ютится на морѣ, въ яко-бы мавританскомъ дворцѣ, а въ городскомъ, на площади, гдѣ играютъ оперетку? Видѣли ли вы тамошнюю публику, особенно, когда во время антрактовъ она толпится вокругъ игорныхъ столовъ? Вѣдь это же восторгъ и пѣснопѣніе!

— Я вижу, что вы большой защитникъ Монте-Карло.

— Нѣтъ, нисколько. Но согласитесь, что разница существуетъ и она не въ пользу Ниццы. Здѣсь есть тоже свои развлечения, но чтобъ ими пользоваться, надо имѣть много времени, охоты и особая способности.

— Какія же это развлечения?

— Да такъ, разныя. Женщинъ вотъ здѣсь много, такихъ податливыхъ; тѣхъ, что въ Парижѣ называютъ « demi-castors », т. е. разведенныхъ бабенокъ или барышень, совершенно почтенныхъ семействъ, ищущихъ. . . разныхъ « belâtres ». Всего этого много и игра здѣсь происходитъ большая; но чего всего здѣсь больше, такъ это пожилыхъ дамъ, скрывающихъ свою родословную, и разныхъ анонимныхъ парочекъ, прѣзжающихъ сюда, ужъ конечно не для того, чтобъ на нихъ смотрѣли и объ нихъ говорили. Все это скрывается по разнымъ угламъ и иногда выползаетъ на свѣтъ Божій — но только рѣдко.

— Такъ какъ же ихъ, въ такомъ случаѣ, можно видѣть?

— Да есть ходы. Впрочемъ нѣкоторые совершенно не скрываются. Ихъ можно видѣть всюду.

На этомъ наша бесѣда или, вѣрнѣе сказать, болтовня и прекратилась и мы разошлись, обѣщая другъ другу сойтись въ 7 часовъ на Promenade des Anglais, дабы идти обѣдать въ одинъ знакомый намъ ресторанъ.

Мы сидѣли на эlegantной верандѣ обширнаго ресторана, дожидаясь перваго блюда, и X. говорилъ :

— Сюди обѣдать приходятъ мало. Здѣсь все слишкомъ свѣтло и бѣло, а это невыгодно для дамскаго цвѣта лица. Въ Ниццѣ любятъ полутоны и легкія сумерки. Подъ ослѣпительными лучами солнца и близъ синяго моря трудно бываетъ скрыть усталость лица, подведенныя уста и очи и наследственные « тики ». Сюда заходятъ лишь самые храбрые, тѣ, для кого по русской пословицѣ и « море по колѣно ».

— Куда же ходятъ остальные?

— Въ разныя другія мѣста, гдѣ съ нихъ дерутъ еще больше. Но

не все ли имъ равно. Здѣсь деньги, и я не говорю уже объ княжествѣ, не имѣютъ цѣны. Сегодня вы панъ, завтра пропали, и наоборотъ. Люди живутъ большею частью какъ въ какомъ-то чаду и не имѣютъ времени ни разсуждать, ни взвѣшивать. Впрочемъ, если бы они только попытались это сдѣлать, то Аллахъ вѣдаетъ, что бы съ ними произошло.

Въ это время на веранду вошелъ высокій плечистый брюнетъ, еще довольно моложавый, но съ развинченной походкой и землистымъ цвѣтомъ лица. Впереди его трусилка маленькая, вертлявая дамочка, вся разодѣтая въ «шелка и бархаты». Они сѣли рядомъ съ нами и господинъ сталъ заказывать почтительно нагнувшемуся надъ нимъ лакею какой-то очень замысловатый обѣдъ.

— Вотъ видѣли ли вы сего сеніора, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, нагибаясь ко мнѣ и указывая глазами на нашего сосѣда. — Это очень богатый венгерскій графъ. У него по дорогѣ въ Виллефранку есть чудная вилла, вся утопающая въ лимонныхъ деревьяхъ. Но онъ нѣсколько странный человѣкъ и потому къ нему ѣздить мало. У него въ домѣ цѣлое полчище лягушекъ. . .

— Живыхъ? — воскликнулъ я.

— Да, совершенно живыхъ. Когда у него бывають люди, которыхъ онъ не особенно любитъ или уважаетъ, то онъ устраиваетъ такъ, чтобъ въ гостинную или кабинетъ было пущено нѣсколько зеленыхъ лягушекъ. Онѣ пугають гостей. Это очень милая шутка! Однажды онъ пригласилъ къ себѣ на чашку чая нѣсколько пресимпатичныхъ лэди и въ то время, какъ онѣ мирно попивали этотъ прекрасный напитокъ, графъ пустилъ въ дѣло своихъ лягушекъ. Нѣкоторые изъ этихъ животныхъ вползли на колѣни и за шиворотъ гостей. Двѣ три дамы упали въ обморокъ.

— Ну а самъ хозяинъ?

— Онъ разсмѣялся и очень удивался, что его гости не любили этихъ мирныхъ и *домашнихъ* животныхъ.

— Да онъ сумасшедшій какой-то!

— Понятно! Но онъ не одинъ. Здѣсь ихъ цѣлая коллекція, мужчинъ и женщинъ. Знаете ли вы исторію того господина, что по-

строилъ за Cimiez, на верху дикой скалы, замокъ съ глубокимъ ровомъ и подъемными мостами? Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла его первая жена, умерла отъ чахотки или можетъ быть отъ скуки, то онъ почувствовалъ такую грусть, что не захотѣлъ разставаться съ ея тѣломъ. Но доктора все таки убѣдили его ее похоронить. Тогда онъ заказалъ въ Парижѣ или Лондонѣ, ужъ не помню, громадную куклу, совершенно похожую на его покойную жену, одѣлъ ее въ ея платья и цѣлый день сталъ проводить съ ней вмѣстѣ. Когда онъ обѣдалъ или завтракалъ — кукла сидѣла рядомъ; когда онъ катался — каталась и кукла и т. д. Но что всего смѣшнѣе такъ это то, что, когда онъ женился вторично, то онъ настоялъ на томъ, чтобъ кукла оставалась на своемъ мѣстѣ; теперь онъ обѣдаетъ и катается втроемъ. . .

За сосѣднимъ столомъ разговаривали.

Дама пріятно щебетала :

— . . . Мнѣ Каннѣ надоѣлъ, потому что тамъ много англичанъ, «тенниса», «гольфа» и пикниковъ. Я сказала себѣ : « поѣду ка я въ Ниццу, къ моему милому графчику ».

Венгерецъ что-то пробурчалъ и выпилъ стаканъ вина.

— Эта сударыня — изъ бывшихъ служащихъ при руметкѣ, — объяснилъ мнѣ X. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она состояла въ Монтэ-Карло въ должности «allumeuse». Это очень выгодная должность для женщинъ. Администрація руметки ихъ поитъ, кормитъ и даетъ много денегъ на ихъ туалеты и на игру. Ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ хорошо быть одѣтыми, постоянно быть у игорныхъ столовъ и заманивать игроковъ. Когда игрокъ выигрываетъ, онѣ идутъ за нимъ и всяческими путями заставляютъ его играть опять и до тѣхъ поръ, пока онъ не проиграется въ пухъ и прахъ. Тогда его бросаютъ, но стараются все таки, чтобы онъ не покончилъ съ собой на территоріи княжества.

— Вавилонъ — проговорилъ я.

— Арлекинада, скорѣе, — поправилъ мой собесѣдникъ. — Здѣсь все происходитъ, какъ въ знаменитыхъ итальянскихъ

мимо-драмахъ, такъ называемыхъ «*Maschère*». Здѣсь все маски; вездѣ маски. Маски трагическія и комическія, смѣющіяся и хныкающія, красивыя и уродливыя; все маски, маски и всѣ онѣ могутъ сказать какъ историческій Арлекинъ : «*Tutto il mondo e fatto come la nostra famiglia*».

Апрѣль 1902.

ТУЛОНЬ.

Вотъ городъ, къ которому слишкомъ долго относились несправедливо! Опираясь на то ходячее мнѣніе, что онъ неособенно чистоплотенъ и что узкія улицы хороши только на картинкахъ, а на самомъ дѣлѣ въ нихъ грязно, плохо видно и скверно пахнетъ, — масса туристовъ, и не изъ самыхъ легкомысленныхъ, игнорируютъ Тулонъ и проѣзжаютъ мимо него съ равнодушіемъ и гордостью, которой бы позавидовалъ знаменитый Артабанъ, если бы онъ былъ бы еще живъ.

« Тулонъ?! ахъ, да : грязь, вонь, матросы, корабли, чеснокъ, оливки, Наполеонъ, русская эскадра » . . . вотъ какъ говорятъ и вотъ что знаютъ объ Тулонѣ большинство знатныхъ и незнатныхъ путешественниковъ, разъѣзжающихъ по югу Франціи. И это очень жаль! Конечно, особой чистотой улицъ первый городъ департамента Var не щеголяетъ, но эта грязь портового города гораздо менѣе замѣтна, чѣмъ его веселость и благодущіе. Тулонъ далеко не такъ шуменъ и лихорадочно оживленъ, какъ Марсель; въ немъ мало знаменитыхъ зданій и почти что нѣтъ историческихъ памятниковъ, но это городъ, въ которомъ такая масса красокъ, столь много неожиданностей и контрастовъ, что прогулка подъ чудными платанами boulevard de Strasbourg или вдоль широкаго quai de Cronstadt составляетъ истинное наслажденіе.

Кронштатская набережная, — гордость жителей Тулона, интересна главнымъ образомъ благодаря ряду старинныхъ домовъ и постоянно своему оживленію. Вдоль многочисленныхъ кафе, всегда полныхъ народа, мимо элегантныхъ магазиновъ и скромныхъ лавокъ, торгующихъ всѣмъ, что только можетъ прельстить наивный и невзыскательный вкусъ матросовъ и солдатъ, — цѣлый день, но особенно, подъ вечеръ, когда съ рейда долетаетъ орудійный залпъ, извѣщаю-

щій о закатѣ солнца, и на темно-сѣрыхъ броненосцахъ торжественно опускаются флаги при звукахъ « Марсельезы » и отдачи чести карауломъ, — или утромъ, до полдня, — набережная представляетъ изъ себя крайне интересную и пеструю картину. Поминутно къ тутъ же находящемуся военному дебаркадеру подлетаютъ бѣлые паровые катера, вельботы, « шестерки », такъ называемые « canots-majors » и « baleinières », съ офицерами въ морской формѣ и матросами въ бѣлыхъ курткахъ съ широкими голубыми воротниками и въ синихъ шапкахъ съ красными помпонами на макушкѣ. Пароходики, рыбацьи лодки съ треугольными парусами, яхточки, реморкеры — все это снуетъ взадъ и впередъ и съ не меньшимъ оживленіемъ, чѣмъ толпа на самой пристани. Тамъ люди всѣхъ классовъ и во всевозможныхъ одѣяніяхъ идутъ быстро, занятые, или фланируютъ, смотря на старую гавань (la vieille darse), заканчивающуюся широкими воротами, выходящими на малый рейдъ, или еще торгуютъ разную живность у рыбацекъ или торговекъ съ лотками рыбы и овощей, жестикулируя и болтая подъ нѣжно-голубымъ, благодатнымъ небомъ, на образномъ и звучномъ провансальскомъ нарѣчьи. Въ замѣчательно прозрачномъ воздухѣ, гдѣ звуки пріобрѣтаютъ особую широту и эластичность, весело щелкаютъ паруса, флаги и подымаются отъ боковыхъ ударовъ « мистраля » большіе воротники моряковъ. Какъ хорошо! Какъ все настроено въ мажорномъ, бодромъ тонѣ и какъ понятна ребяческая веселость и нѣсколько шумная дѣловитость окружающаго васъ люда.

Тулонъ богатъ контрастами. Если съ *Кронштатской набережной* мы пройдемъ на очень живописный Cours Lafayette, гдѣ подъ высокими платанами пріютился рынокъ живности и цвѣтовъ, то мы увидимъ вмѣсто картины Клода Вернэ отца, акварель Уистлера или пастель Ренуара. Но стоитъ намъ пройти еще нѣсколько сотъ сажень, какъ изъ города съ узенькими улицами съ старыми и неодинаковой величины домами мы попадемъ, какъ бы по волшебству, въ какой-то новый городъ, городъ современный, построенный на американскій ладъ, съ длинными, широкими улицами, съ электрической конкой и громадными шестиэтажными зданіями. Эта новая

часть Тулона, что лежит между вокзаломъ и площадью передъ зданіемъ морской префектуры, служить, большею частью, убѣжищемъ тулонскаго « общества », состоящаго, какъ-то и понятно, болѣе чѣмъ на половину изъ военныхъ, моряковъ и ихъ семействъ.

Но Тулонъ не состоитъ только изъ этихъ кварталовъ. Крупный приливъ рабочаго населенія значительно расширилъ городъ за послѣдній десятокъ лѣтъ. Теперь онъ перешагнулъ черезъ окружающій его городской валъ и траншеи, къ слову сказать совершенно излишнія, и разослался на нѣсколько километровъ въ длину, образуя на западѣ вокругъ многоводнаго залива мѣстечко La Seyne въ 16 тысячъ жителей и на юго-востокѣ предмѣстье Le Mourillon съ очень смѣшаннымъ и рабочимъ населеніемъ.

Съ набережной La Seyne, съ того мѣста, гдѣ высятся мастерскія знаменитаго кораблестроительнаго завода общества « Forges et Chantiers de la Méditerranée », и до первыхъ домовъ Mourillon стелется на нѣсколько километровъ глубокой *малый Рейдъ*, краса и гордость Тулона. Но если видъ со стороны города на это широкое водное пространство нѣсколько и замаскированъ зданіями арсенала и бастионами старой гавани, то стоитъ лишь съѣздить на пароходѣ или на лодкѣ въ ближайшія окрестности Тулона, напримѣръ въ Тамарисъ или еще Сень-Мадрію, чтобъ вполне насладиться и оцѣнить красоту рейда. Окруженный красивыми горами, укутанными въ небесную синеву, онъ отражаетъ въ своей гладкой поверхности ихъ мягкіе контуры и прозрачность голубого неба. Морскія суда кажутся на немъ небольшими подвижными точками и все яркое и красочное выдѣляется особенно удачно и выпукло. Тутъ гармонія и сляніе тоновъ замѣчательны и видъ на Тулонъ, доминируемый буро-зеленоватой массой *mont Caoume*, прямо таки фееричный.

Защиты Тулона — колоссальны. Это по увѣренію знатоковъ всѣхъ странъ сильнѣйшая крѣпость во всемъ бассейнѣ средиземнаго моря. Гористость почвы, натуральные изгибы береговъ позволили окружить городъ и самыя дальнія его окрестности могучими фортами и бастионами бьющими, на громадное растояніе.

Таковъ обликъ и внѣшность Тулона.

Его уличная и интимная жизнь представляет также много занимательнаго. Располагая населеніемъ смѣшаннымъ и нѣсколько спеціальнымъ, Тулонъ отличается отъ другихъ людныхъ центровъ многими своеобразными обычаями и привычками, которые если и не всѣ похвальны или симпатичны, то почти всѣ даютъ богатый матеріалъ для добросовѣстнаго и сторонняго наблюдателя.

Почти всѣ туристы и путешественники, прожившіе нѣкоторое время въ Тулонѣ, охотно приходили къ тому выводу, что это городъ, гдѣ существуетъ наибольшій процентъ людей живущихъ и занимающихся политикой. Они окрестили Тулонъ и прилегающія къ нему мѣстности громкимъ словомъ: «*le pays rouge*». И это отчасти вѣрно, такъ какъ нигдѣ, во Франціи, политическія страсти и крайнія мнѣнія такъ не развиты, какъ именно въ департаментѣ Var. Въ этомъ отношеніи Тулуза и даже Марсель пасуютъ передъ Тулономъ. Здѣсь борьба политическихъ партій принимала часто самый острый и даже кровавый характеръ, что объясняется многими причинами и прежде всего составомъ населенія и дѣяніями и подборомъ политическихъ агитаторовъ. Однако, какъ бы не былъ интересенъ затронутый вопросъ, обратимъ наши взоры въ другую сторону, разъ мы не хотимъ говорить о политикѣ. Посмотримъ на общество.

Я уже писалъ, что «*фешенабельное*» *société* Тулона состоитъ болѣе чѣмъ на половину изъ военнаго элемента. Этотъ элементъ раздѣляется на два класса; съ одной стороны существуютъ «*les maritimes*» т. е. флотскіе и ихъ семьи, съ другой — «*сухопутцы*». Первый классъ какъ по своему количеству, такъ и по своему положенію и значенію занимаетъ наиболѣе видное мѣсто и старается приобщить къ себѣ всѣ предрасудки, нравы и іерархію настоящей и патентованной касты. Худо ли или хорошо, я уже не знаю, но эта каста или классъ отличается замкнутостью и особенностями, приносящими пользу лишь его членамъ.

Еще до самыхъ послѣднихъ поръ среди офицеровъ французскаго флота насчитывали изрядное количество сторонниковъ стараго режима т. е. того, что палъ при Седанѣ, и хотя среди молодого элемента вѣянія совершенно иныя, главныя мѣста и видныя роли все еще

находятся въ рукахъ противниковъ (тайныхъ или явныхъ) « демократической республики ». Такое положеніе вещей даетъ, довольно часто, поводъ къ разнымъ смѣшнымъ и грустнымъ инцидентамъ и столкновеніямъ, но эти столкновенія, большею частью, не предаются гласности и не переступаютъ порога того маленькаго общества, гдѣ все что касается флота и его судебъ дебатирется съ понятнымъ и похвальнымъ интересомъ.

Однако все вышеизложенное не представляетъ изъ себя какой либо особой опасности и моралистъ будетъ опечаленъ совершенно инымъ явленіемъ здѣшной жизни. Двѣ вещи подтачиваютъ энергію и . . . здоровье французскихъ моряковъ : опиумъ и особо острая помышленія о « карьерѣ ». Въ различныхъ кварталахъ города, въ его предмѣстьяхъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ, многія офицерскія квартиры имѣютъ курильни болѣе или менѣе роскошно обставленныя. Тамъ, въ часы досуга, между двумя посѣщеніями *café de la Rotonde* (*rendez-vous* старыхъ и молодыхъ моряковъ) происходятъ настоящія оргіи опиума. Вокругъ же арсенала и зданія морской префектуры совершается тайная и явная борьба за чинъ, « теплое мѣстечко », за красную ленточку почетнаго легіона. Эти явленія, особенно замѣтныя среди молодыхъ элементовъ, богатыхъ карьеристами, обсуждаются здѣсь всюду весьма открыто и съ многочисленными комментаріями. Но не мнѣ приводитъ ихъ здѣсь и искать для нихъ излѣченія; я только скажу, что симптомы эти стали замѣчаться особенно сильно за послѣднѣе время, съ увеличеніемъ борьбы за существованіе, что-ли, и . . . заморскихъ и тропическихъ колоній. Въ этомъ надо, не на шутку, искать причину къ такому положенію вещей.

Около морского и военного общества Тулона живетъ въ тишинѣ и забвеніи буржуазная часть здѣшняго населенія. Отсутствіе крупной промышленности, торговли и капиталовъ особенно сильно даетъ себѣ знать среди этихъ представителей стариннаго « *Tiers-État* ». Они охотно бываютъ скупы и даже скарены и ихъ вождельнія не идутъ дальше мѣстечка при администраціи города или морской префектуры. Объ какой либо частной инициативѣ, объ свободныхъ карьерахъ или объ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ здѣсь не бываетъ

и рѣчи. Всѣ стремятся сдѣлать себѣ « une situation » совершенно инымъ путемъ, а именно чрезъ посредство правительственныхъ или муниципальныхъ учрежденій, гарантирующимъ имъ черезъ извѣстный срокъ небольшую пенсію, съ которой они будутъ имѣть возможность прожить остатокъ дней не худо и не хорошо, но обязательно сложа руки. Начиная отъ рабочихъ въ морскомъ арсеналѣ, считающихъ себя не на шутку за « fonctionnaire » и имѣющихъ право на пенсію въ 600 фр. въ годъ (230 съ небольшимъ рублей) послѣ 30 лѣтъ службы или работы, и кончая чиновниками при городскихъ учрежденіяхъ, всѣ живутъ лишь надеждой на эту пенсію, съ которой они будутъ имѣть возможность купить или нанять, подъ старость, клочекъ земли съ домикомъ и огородомъ, гдѣ нибудь около Тулона или La Seyne, и зажить тамъ « en plantant des choux ».

Вотъ почему здѣсь въ Тулонѣ и даже во всемъ департаментѣ существуетъ такая масса мелкой собственности и нѣтъ никакого намека на « движеніе капиталовъ » и на личныя предпріятія.

Разъ люди привыкли смотрѣть на казну, какъ на дойную корову или, еще лучше, какъ на обширную « caisse d'épargne », возможенъ ли какой-либо расцвѣтъ промышленности и подъемъ общаго благосостоянія ?

La Seyne. Жарко. На выжженной весеннимъ солнцемъ площади, обсаженной чахоточными деревцами, играетъ небольшая группа золотушныхъ и блѣдныхъ дѣтей. Въ ихъ движеніяхъ и взорѣ проглядываетъ нерѣшительность, боязливость и слабость жалкаго поколѣнія, выведеннаго нехотя и съ трудомъ между двумя пьяными иканіями въ тѣни и грязи рабочихъ квартиръ. Вдоль пустынной и пыльной улицы, гдѣ что ни шагъ, то винная лавка или то, что здѣсь называется « un bar », тѣни ложатся рѣзко и властно. Низенькіе, грязненькіе домики съ раскрытыми настежь дверями и окнами позволяютъ прохожему видѣть все убожество ихъ обстановки. На веревочкахъ висятъ простыни, ватныя, кумачевыя одѣяла и еще множество другихъ какихъ-то тряпочекъ. Пахнетъ плѣсенью, алкоголемъ и потомъ. Напротивъ этихъ жилищъ тянется до бесконечно

сти, наводя тоску и уныніе, длинная, сѣровая стѣна, за которой виднѣются крыши и высокія трубы громаднаго завода. На этой трагической стѣнѣ висятъ, тамъ и сямъ, клочки разныхъ коммерческихъ и политическихъ афишъ. Вотъ обрывокъ громаднаго куска красной бумаги. На немъ жирными буквами напечатано воззваніе депутата Сейны къ своимъ избирателямъ. Не смотря на убогое состояніе этой прокламаціи, я могу еще прочесть нѣсколько словъ: «Граждане!» — читаю я, — «васъ нахально обманываютъ, бывший вашъ депутатъ воръ и мошенникъ.» И нѣсколько понижѣ на почти оторванномъ уголку восклицаніе: «Да здравствуетъ социальная республика, да здравствуютъ трудъ, миръ и свобода!»

Но уже рядомъ мозолитъ зрѣніе другая афиша. Полуобнаженная женщина нарисованная яркими, но грубыми красками, сидя на блестящемъ и новомъ велосипедѣ, широко улыбается и показываетъ рукой на заголовокъ какой-то фирмы дешевыхъ «самокатовъ». Но мнѣ нѣтъ времени останавливаться на лице зрѣніи всѣхъ этихъ красотъ. Я пробираюсь на заводъ общества «Forges et Chantiers» въ надеждѣ, что буду имѣть возможность подробно осмотрѣть строящіяся тамъ русскія военныя суда. Уже полчаса тому назадъ, подходя на пароходѣ къ городской пристани, откуда открывается прекрасный видъ на всѣ элинки завода, я видѣлъ бѣлый остовъ и громадныя желтыя трубы крейсера *Баяна* и, нѣсколько въ сторонѣ отъ него, красный корпусъ еще не оконченнаго броненосца *Цесаревича*.

Tamaris. «То былъ чудесный уголокъ, состоящій изъ громаднаго и природнаго сада, разросшагося на причудливыхъ холмахъ и въ граціозныхъ долинкахъ, доминирующихъ спокойную бухточку, откуда открывался прекрасный видъ на большой Рейдъ, теряющійся въ дымокъ и окруженный темно-синими горами съ красивыми изгибами. Этотъ ландшафтъ или скорѣе марина, обрамленная стройными пинами и узловатыми и низкими тамарисами, была настолько безупречна по линиямъ и окраскѣ, что съ минуту я находился какъ бы въ экстазѣ; никогда я не видалъ ничего красивѣе въ окрестностяхъ Неаполя и вдоль береговъ Сициліи. . . »

Такъ писала 42 года тому назадъ Жоржъ Сандъ о мѣстечкѣ Тамарисъ. Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Зброшенное и пустынное « Монрепо », гдѣ во времена знаменитой писательницы жили лишь десятка два отставныхъ моряковъ и рыбаковъ, обратилось теперь, благодаря милліонамъ богатаго Французскаго спекулятора, скупившаго земли Тамариса и настроившаго тамъ множество дачъ съ пышными и красивыми садами, въ уютную и завидную дачную мѣстность, куда не брезгають прїѣзжать и проводить весну и зиму очень богатые семьи Марселя, Ліона и даже Парижа. Весьма вѣроятно, что съ проведеніемъ туда желѣзной дороги отъ станціи La Seune или электрическаго трамвая изъ Тулона, съ увеличеніемъ пароходныхъ рейсовъ, устройствомъ хорошаго освѣщенія, набережной и бульваровъ — Тамарисъ будетъ успѣшно конкурировать съ ближайшими къ нему фешенебельными курортами, вродѣ Іера, Сень-Рафаэля и даже Каннъ. Но въ настоящую минуту это лишь очень уютный и красивый уголокъ. Цѣлая группа красивыхъ виллъ, окруженныхъ пальмами, сикоморами и пиннами, и довольно комфортабельная гостинница даютъ возможность туристамъ и дачникамъ устроиться весьма и весьма сносно. Спокойствіе ихъ жизни нарушается весьма мало. Иногда промчится автомобиль, иногда проѣдетъ коляска и прогудитъ свистокъ парохода, но послѣ семи часовъ вечера всѣ звуки и движенія умолкають и жизнь Тамариса сосредоточивается за закрытыми ставнями виллъ, расположенныхъ вдоль длинной, но тускло освѣщенной набережной, вдоль лазуревыхъ водъ, гдѣ морской прибой почти-что не даетъ себѣ чувствовать, или по сторонамъ недавно проложенныхъ бульваровъ, дающихъ представленіе о быстро настроенной мѣстности, размежеванной, какъ американскіе города, т. е. до прихода населенія.

Уже съ давнихъ поръ многіе Французскіе моряки и ихъ семьи, соблазненные прїятностями и выгодами Тамариса, находящагося въ двухъ шагахъ отъ Тулона, избрали его, какъ мѣсто своего жительства. За послѣднѣе время, и это благодаря русскимъ судамъ, строящимся на сейскомъ заводѣ, русскіе офицеры, особенно женатые и откомандированные во Францію на многіе годы, нашли также

болѣе удобнымъ селиться въ Тамарисѣ. Благодаря такому положенію вещей Тамарисѣ получилъ окраску фешенабельной дачной мѣстности и сталъ пріютомъ цѣлой маленькой русской колоніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ Тулонѣ чинилась яхта *Штандартъ* и минонесецъ *Храбрый*, а на эллингахъ стояли *Цесаревичъ* и *Баянъ*, число русскихъ въ Тамарисѣ достигало 150 человекъ (не считая дѣтей) и окрестный людъ не называлъ иначе эту мѣстность, какъ «*Tamaris la russe*», какъ Каннъ зовутъ «*Cannes l'anglaise*» и Ниццу «*Nice la gastaquouère*».

Какъ-то и подобаешь, среди маленькаго тамарискаго общества, существуютъ также какъ и вездѣ свои кружки, свои «*préférences*», интрижки, сердечныя драмы и альковныя происшествія «*qui frise le vaudeville*», какъ говорятъ въ Парижѣ, но все это настолько безобидно «*qu'il n'y a pas à fouetter un chat*», тѣмъ болѣе, что чинопочитаніе, раздѣленіе по выпускамъ и острое помышленіе о карьерѣ, исчезаютъ при первомъ же дуновеніи «*мистраля*».

Когда наступаетъ лѣто, жители Тамариса находятъ еще новое развлеченіе — морское купанье. Подъ бокомъ отсюда существуетъ небольшая, но очень хорошая «*plage*» съ мелкимъ пескомъ и покатымъ дномъ. Тамъ прекрасныя и не прекрасныя дамы подставляютъ свои алебастровыя плечи подъ ласки пѣнистаго моря и ихъ блаженство, по выходѣ изъ воды, продолжается еще во время долгаго чаянтія на терасѣ хорошенькаго отеля.

Я не стану, конечно, увѣрять, что всѣ эти красавицы не помышляютъ тайно или явно объ разныхъ Остэндѣ, Трувиляхъ и Бадень-Баденахъ, но онѣ охотно берутъ все, что можно взять отъ здѣшней жизни, и ихъ туалеты, прелестная болтовня и рой галантныхъ кавалеровъ напоминаютъ очень близко наряды и щебетаніе посѣтительницъ и посѣтителей наифешенабельнѣйшихъ курортовъ обоихъ полушарій.

Но все вышеизложенное еще не исчерпываетъ всей прелести Тамариса. Великолѣпныя окрестности этого мѣстечка составляютъ также одну изъ его достопримѣчательностей и тѣ люди, которымъ не удастся проникнуть въ общество, гдѣ играютъ въ «*гольфъ*» и

« теннисъ », имѣютъ возможность, и это даже ихъ специальность, лазить по горамъ и оврагамъ и осматривать разныя мѣстныя красоты и чудеса.

Послѣдуемъ же за ними, не всюду конечно, что было бы утомительно и совершенно напрасно, а просто въ нѣкоторыя рекомендованныя и избранныя экскурсіи.

Вотъ, наприимѣръ, прогулка на высоты сар Sicié къ красивой часовнѣ Notre-Dame-de-la-Garde.

Вы взбираетесь пѣшкомъ, это предпочтительнѣе и не только для кармана, сначала по дорогѣ ведущей въ деревню Six-Fours, а затѣмъ по живописной паломнической тропинкѣ на самую верхушку мыса. Оттуда для васъ откроется чудесной видъ. Свѣтлой массой будетъ лежать на лѣво отъ васъ далекій городъ Тулонъ, почти подъ ногами Тамарисъ, а впереди безконечная гладь синяго моря. Въ свѣтлые дни съ помощью обыкновеннаго бинокля видны очертанія Корсики и просто благодаря хорошимъ глазамъ можно различить всю группу маленькихъ острововъ, что находятся подъ Марселемъ.

На этихъ высотахъ, когда однако не дуетъ « мистраль », хорошо бываетъ замедлить шаги и, налюбовавшись открывающеюся отсюда картиной, составленной изъ темно-зеленыхъ, нѣжно-голубыхъ и ярко-фіолетовыхъ цвѣтовъ, пойти къ близъ лежащей часовнѣ, сохраняющей подъ каменнымъ сводомъ небольшую статую Пресвятой Дѣвы.

Notre-Dame-de-la-Garde посѣщается весьма усердно въ продолженіи мая мѣсяца; по народному повѣрью она относится особенно благосклонно къ морякамъ, возвращающимся въ родной край послѣ долгихъ плаваній и къ молодымъ, посватаннымъ дѣвушкамъ, назвавшихъ ее поэтому : Notre-Dame-de-Mai. Не смотря на современное религіозное равнодушіе большинства французскаго народа, въ наивныхъ и простыхъ сердцахъ женщинъ и молодыхъ людей продолжаетъ еще горѣть небольшой очагъ вѣры и надежды.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда пышно распускаются мирты и въ теплое воздухъ носятся нѣжные ароматы богатой, южной флоры, длинныя и бѣлыя вереницы молодыхъ дѣвшекъ поднимаются по направленію

къ маленькой часовнѣ сизійскаго мыса. Въ слегка дрожащихъ рукахъ тонкія свѣчи потрескиваютъ и колышутся отъ порывовъ вѣтра. Все выше и выше подымается процессія и вотъ навстрѣчу ей, дребезжа и ликуя, несутся волны звонкой мѣди. На минуту звуки колокола какъ бы парятъ надъ головами паломниковъ, но скоро порывы вѣтра ихъ разбрасываютъ и онѣ улетаютъ дальше, замирая въ зеленыхъ дубравахъ и на тучныхъ поляхъ, гдѣ гуляетъ и улыбается красавецъ Май.

Май 1902 г.

МАРСЕЛЬ.

Отъ Тулона до Марсе-ля на курьерскомъ поѣздѣ не болѣе часа ѣзды. Желѣзная дорога то идетъ вдоль берега моря, то углубляется въ сердце континента, то, пройдя небольшой туннель, карабкается на отлогія плоскогорья. По обѣимъ сторонамъ пути пышно доцвѣтаетъ южная весна и, то и дѣло, между виноградниками и широкими пространствами занятыми оливками открываются дивные уголки, гдѣ среди пиннѣ и мимозѣ обрисовываются контуры низенькихъ домиковъ съ красными черепичными крышами. Мѣстность густо заселена; у высокихъ красноватыхъ скалъ, стремительно бросающихся въ морѣ, среди тучныхъ плоскогорій, у подножья темныхъ горъ, защищающихъ отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ эту красивую часть благодатнаго Прованса, всюду вы видите живописно раскинутыя деревушки, въ которыхъ путешественникъ или прохожій находитъ вкусную ѣду и самое широкое гостепріимство.

По мѣрѣ того, какъ подвигается поѣздъ, ландшафты мѣняются; но проѣзжаете ли вы мимо угрюмыхъ скалъ или вдоль аметиставаго моря, чувство жизнерадостности и восторга наполняетъ васъ одинаково и также сильно, какъ и сожалѣніе о необходимости покинуть этотъ милый край, въ который вы быть можетъ никогда, никогда болѣе не вернетесь.

Городъ Марсель, составляетъ альфу и омегу поморской части Прованса. Это центръ, гдѣ встрѣчаются, сталкиваются и смѣшиваются люди и продукты сѣвера и юга. Несмотря на нѣкоторый упадокъ города, за послѣдніе годы, жизнь тамъ, продолжаетъ еще бить ключемъ, и Марсель, до сего дня, имѣетъ полное право считать себя «воротами на Востокъ» (подпись подъ одной изъ фресокъ Пювисъ де-Шаванна въ марсельскомъ городскомъ музеѣ) что, кстати сказать, нѣсколько болѣе почтенно, чѣмъ «окно въ Европу». Я не

знаю какимъ былъ этотъ городъ десять или даже пять лѣтъ тому назадъ, то той простой причинѣ, что до сего дня я никогда въ немъ не былъ, но я могу смѣло сказать, что въ настоящее время, Марсель, для торопливаго путешественника, является центромъ мало понятнымъ и довольно таки отталкивающимъ. Надо съ нимъ сжиться, свыкнуться и прислушаться къ біенію его внутренней жизни или пульса, чтобъ потерять (не совсѣмъ, однако) первоначальное чувство не то чтобъ недожелюбія, а просто отвращенія. Что, конечно, поражаетъ прежде всего туриста, такъ это внѣшная нечистоплотность города; самыя лучшія улицы грязны и лѣтомъ въ нихъ пахнетъ не особенно таки хорошо; затѣмъ явная неряшливость жизни и обиліе оборваннаго, празношатающагося населенія. Однако вы нанимаете извозчика и ѣдете въ отель. Тамъ, грязь исчезаетъ, какъ бы по волшебству, и вы уже начинаете смотрѣть вокругъ себя менѣе сурово чѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Затѣмъ вы приходите къ знакомому, въ его квартирѣ, если даже онъ природный марселецъ, вы замѣчаете ту же чистоту и тѣже удобства, и идете съ нимъ, черезъ нѣкоторое время, въ кафэ или ресторанъ, на знаменитую улицу *Cannepière*. Въ кафэ, съ громадными окнами, съ лѣпными потолками сидитъ шумная и хлопотливая толпа, объясняющаяся на множествѣ разнообразныхъ нарѣчій. Какъ всѣ эти люди заняты, какъ хорошо видно, что дѣла у нихъ поверхъ горла.

— Успокойтесь, отвѣчаетъ вамъ вашъ пріятель. За исключеніемъ часовъ биржи и прихода заморскихъ пароходовъ дѣла здѣсь не особенно таки много. То, что вы принимаете за хлопотливость, есть лишь «*l'exubérance méridionale*». Въ Марселѣ уличная жизнь развита очень сильно; кафэ, для здѣшняго жителя, является необходимымъ жизненнымъ атрибутомъ, не потому чтобъ здѣсь много пили бы, а просто оттого, что это мѣсто обоюдныхъ встрѣчъ и храмъ гдѣ процвѣтаетъ южная діалектика. Сидѣть часами на террасахъ передъ кашкой кофэ или порціей мороженаго и смотрѣть, какъ передъ нимъ двигается пестрая и оживленная толпа женщинъ, нищихъ, матросовъ, разныхъ итальянскихъ оборванцевъ и «восточныхъ че-

ловѣковъ », это, для истаго марсельца своего рода « кейфъ » и во всякомъ случаѣ настоящее наслажденіе.

— Но чтобъ вести столь созерцательный образъ жизни необходимо располагать большимъ досугомъ и извѣстнымъ матеріальнымъ довольствомъ.

— Совершенно вѣрно. Но марсельцы не работаютъ болѣе того чѣмъ слѣдуетъ. Здѣсь мало копятъ, живутъ широко и тратятъ много. Деньги есть и это несмотря на прошлыя стачки принесшія много убытка. Но здѣсь быстро забываютъ прошлыя несчастія, а такъ какъ населеніе состоитъ большею частью изъ рабочихъ, коммерсантовъ и разныхъ торговцевъ, то за малыми исключеніями, на деньги принято смотрѣть, какъ на дѣло наживное.

— Вотъ почему и существуетъ здѣсь столь много банкротствъ, . .

— И, прибавьте, столь много крупныхъ капиталовъ, составленныхъ въ два, три года посредствомъ самыхъ смѣлыхъ спекуляцій.

— Но если въ Марселѣ такъ много денегъ, почему же внѣшнее благосостояніе города стоитъ такъ низко?

— Почему? Да, по разнымъ причинамъ. Тамъ гдѣ дѣйствуетъ частная инициатива и даже правительство мы достигли самыхъ блестящихъ результатовъ; магазины наши неуступаютъ парижскимъ, дома, настоящіе дворцы, наши новые морскіе бассейны, весьма обширны и удобны, а если улицы вымощены скверно, если онѣ плохо поливаются, плохо выметены, плохо освѣщены, если наша полиція изъ рукъ вонъ, какъ плохо, то все это не вина марсельцевъ.

— Какъ такъ?

— Да, очень просто; это результатъ политики. Здѣшнее богатое общество и просто людъ съ достаткомъ, не имѣетъ ничего общаго съ городскими властями. Они плотятъ налоги, а если дума ихъ тратитъ на себя и кладетъ въ карманъ, то что же они сдѣлаютъ, спрошу я васъ?

— Какъ что? Да кто выбираетъ голову и гласныхъ?

— Итальянцы, корсиканцы и всякіе другіе оборванцы. « Чистый » людъ, я уже не говорю объ богачахъ, составляетъ ничтожное мень-

шинство. Посудите сами, въ Марселѣ болѣе ста тысячъ итальянцевъ, которыхъ благодаря разнымъ глупымъ законамъ натурализируютъ ежедневно и прямо тысячами, они получаютъ такимъ образомъ право гражданства, и значить право вотировать и выбирать не только городскихъ гласныхъ но и депутатовъ; наконецъ у насъ около 30 тысячъ корсиканцевъ, прибавьте къ этому чисту нѣсколько тысячъ « сорванцовъ » и вы получите весьма почтенную людскую агломерацию, которая принимаетъ очень дѣятельное участіе въ политикѣ, какъ мѣстной, такъ и общегосударственной.

— Я слышалъ, что прошлая стачка была дѣломъ рукъ этихъ симпатичныхъ сеньоровъ.

— Совершенно вѣрно. Это наша язва. Ихъ пріѣзжаетъ каждый день все больше и больше. Они запружаютъ наши улицы, грабятъ и загрязняютъ наши фобуры и сбиваютъ цѣны на работу. Семья итальянскаго или корсиканскаго рабочаго живетъ на 2-2 1/2 франка въ день, она классически нечистоплотна и равнодушна ко всему что не касается ея выгодъ, и все что зарабатывается ею больше этой суммы посылается на родину, съ приглашеніями къ другимъ итальянцами « пожаловать » также въ Марсель. Да, прошлая стачка была ихъ дѣломъ; они были недовольны, что подрядчики не давали имъ болѣе извѣстной платы и не назначали ихъ « десятниками ». Но это понятно; они работаютъ плохо и долго и вся выгода въ нихъ — это дешевизна ихъ рукъ. Десятниками и надсмотрщиками назначать ихъ немыслимо; они недостаточно развиты и честны.

— И все таки вы ихъ терпите . . .

— Что подѣлаешь! Они защищены разными законами и тѣмъ еще, что составляютъ очень выгодный и хорошій матеріалъ для нашихъ городскихъ и прочихъ демагоговъ.

Вотъ какія рѣчи вы услышите, девять разъ изъ десяти, изъ устъ « знающаго » марсельца, какъ только вы начнете бесѣдовать съ нимъ объ городскихъ дѣлахъ. Если же вы захотите углубиться въ нѣкоторыя детали и пораспросить объ здѣшнихъ политическихъ людяхъ, торговыхъ операціяхъ и оборотахъ и думскихъ дѣлахъ, то почти навѣрное вамъ отвѣтятъ, что въ Марселѣ никому не тайна, что

дума живетъ насчетъ города, что почти всѣхъ здѣшнихъ политическихъ дѣятелей можно купить чуть что не за чечевичную похлебку и что крупныя, торговыя операціи находятся въ рукахъ грековъ (греческая колонія въ Марсельѣ очень богата и значительна), левантійцевъ, евреевъ и даже нѣмцевъ.

Я могу посовѣтовать всѣмъ путешественникамъ желающимъ осмотрѣть Марсель, пріѣхать вечеромъ и на слѣдующее утро съѣздить, прежде всего, къ Notre-Dame-de-la-Garde. Съ площадки этой часовни, расположенной на крутой скалѣ доминирующей городъ, старый портъ и бассейны, открывается прекрасный видъ. Оттуда Марсель видѣнъ какъ на ладони; онъ лежитъ темно-сѣрой массой и окруженъ многочисленными и людными предмѣстьями, выстроенными на уступахъ желтоватыхъ холмовъ, на которыхъ темно-зелеными пятнами обозначены мѣста занятыя плантаціями оливокъ. Хотя изъ этого сборища разнообразныхъ построекъ выдѣляется отчетливо лишь Соборъ, Лоншанскій дворецъ (музей и картинная галлерей) да отчасти зданіе центрального вокзала и зеленая масса Cours Pierre Puget, картина города все таки поражаетъ и приковываетъ вниманіе. Прежде всего, налево отъ васъ стелется до безконечности аметистовая гладь моря, этотъ перлъ южнаго Прованса, чаровница Méditerranée, которую одинъ изъ поэтовъ юга назвалъ « une vaste coupe de saphir liquide », а напротивъ и по право угрюмая цѣпь côté de l'Estaque, затѣмъ подъ вами цѣлая вереница виллъ утопающихъ въ тѣнистыхъ садахъ и дальше бурливый и шумный городъ покрытый сѣрватою дымкой и чье оживленіе и веселье долетаетъ до васъ урывками и точно гулъ и жужжаніе хлопотливаго и громаднаго плечника.

Этотъ шумъ, отрывки коего вы слышите въ звонкомъ утреннемъ воздухѣ среди окружающаго васъ простора и тишины говорятъ вамъ о кипучей жизни и крови и поражаютъ какъ-то особенно на этихъ высотахъ гдѣ лишь слышится колокольный звонъ и тихое и монотонное церковное пѣніе. Этотъ долетающій голосъ толпы составленный изъ сотни отдѣльныхъ звуковъ, окружаетъ васъ какъ вихрь, какъ только вы спускаетесь въ главныя артеріи Марселя. Въ немъ, въ этомъ

шумномъ весельи, въ громкомъ говорѣ и богатой жестикуляціи, зиждется вся особенность этого города и она то и притягиваетъ и нравится въ немъ больше всего. Марсель нельзя назвать красивымъ городомъ. Онъ составленъ изъ новыхъ длинныхъ улицъ выстроенныхъ на американскій мамеръ и изъ старенькихъ закоулковъ не имѣющихъ никакой оригинальности. Церкви его, равно какъ и прочіе памятники не блещутъ ни красотой ни богатствомъ. Наконецъ въ немъ мало такихъ « симпатичныхъ » уголковъ, гдѣ бы туристъ остановился бы съ любопытствомъ, а художникъ съ восторгомъ. И не смотря на все это Марсель притягиваетъ и плѣняетъ. Почему же это? Да просто оттого что онъ *живетъ* самымъ восхительнымъ образомъ; живетъ совершенно по своему, такъ какъ того не умѣетъ дѣлать на одинъ другой городъ.

Подите отъ Notre-Dame на старую гавань, на цвѣточный рынокъ, на Cannepière передъ обѣдомъ, на cours Puget; всюду вы найдете подтвержденіе моимъ словамъ и всюду вы увидите, какъ люди умѣютъ пользоваться самыми ничтожными жизненными проявлениями для услады своего оптимизма и жизнерадостности.

Но многія черты ихъ характера нами, людьми сѣвера, не могутъ быть поняты и оцѣнены.

Однако пойдѣмъ гулять по Марселю. Вотъ старая гавань. Въ длинной геометрической фигурѣ стоятъ на якоряхъ десятки, сотни рыбацкихъ лодокъ и парусныхъ шкутъ. Горизонтъ здѣсь закрытъ стѣнкой гавани и двумя старыми фортами, выстроенными по приказанію Людовика XIV для обстрѣливанія . . . марсельцевъ. Вдоль набережныхъ, кафэ, корабельныя конторы, рестораны и дешевые отельчики для матросскихъ нуждъ. На панели давка, гвалтъ, купля и продажа. Рыба всѣхъ сортовъ и величинъ, раковины, омары, овощъ, дичь — все это продается на открытомъ воздухѣ и только что пойманное. Между занятымъ людомъ бѣгаютъ маленькіе, грязненькіе итальянчики, вытираютъ вамъ сапоги, просятъ милостыню и уловивъ моментъ стаскиваютъ какую нибудь живность съ лотка зазѣвавшейся торговли. Проѣзжаютъ экипажи, проносятся конки, никто не обращаетъ вниманія и сторонится съ трудомъ. Но вотъ пробилъ полдень. Всѣ

спѣшать кто домой, кто въ рестораны, а кто и за уголъ позавтракать янтарной « буйабезъ », сочнымъ « айоли », густой « брандадъ » или просто парой томатовъ, кускомъ сытника и связкой чеснока. Но вы проходите на Cannebière, гдѣ завтракаютъ позже. Тамъ террасы кафэ набиты биткомъ. Легкій запахъ вермута, марилана и абсента носится въ воздухѣ вмѣстѣ съ короткими восклицаніями и раскати-стымъ хохотомъ. « Ну что, думаете вы, можетъ удивить, поразить или « пришибить » весь этотъ народъ, столь экспансивный и легкій на подъемъ? »

И въ самомъ дѣлѣ ихъ ничего не можетъ удивить! И вамъ кажется что у такихъ людей серьезное дѣло не можетъ спориться, когда же вы убѣдитесь въ противномъ то васъ наполнитъ зависть и сожа-лѣніе. А можетъ быть все это лишь заставитъ васъ пожать плеча-ми. И это можетъ быть; но во всякомъ случай равнодушнымъ вы не пройдете, а если вы еще къ тому же человѣкъ откровенный, хоть съ самимъ собой, то вы подумаете : « а вкусно же живутъ эти шель-мецы марсельцы ».

Но мы миновали Cannebière и черезъ торговую часть города съ шикарными магазинами достигли фешенабельныхъ кварталовъ Мар-сея. Тутъ, въ маленькихъ отельчикамъ и помѣстительныхъ квар-тирахъ живетъ богатая буржуазія и денежная и родовая аристокра-тія. Эта часть города просторна, спокойна и все въ ней дышетъ порядкомъ, комжортомъ и довольствомъ. Подъ тѣнистыми платанами разгуливаютъ сытые « бабѣ » съ декоративными няньками и мамками и то и дѣло проѣзжаютъ собственные экипажи запряжен-ные не менѣе сытыми рысаками. Марсельское богатое общество, или просто « общество » живетъ между собой, любитъ веселится и тратить деньги. Оно отличается замкнутостью и полнѣйшимъ рав-нодушіемъ ко всему что происходитъ вокругъ его. Но подъ вечеръ здѣсь пустынно и скучно. Скорѣй куда нибудь въ другое мѣсто. Вотъ только что закрылись доки и вся орава крючниковъ, матросовъ, при-кащиковъ — ринулась въ дешевые « бары » и квартиры. Но тутъ ве-черомъ ходить одному, « при часахъ, » какъ говорятъ у насъ на дерев-нѣ, бываетъ довольно таки опасно. Здѣсь, въ темныхъ переулкахъ

окружающихъ зданіе главной таможни и хлѣбные магазины, сильно « пошаливаютъ »; итальянцы « играютъ въ разбойники » (*jouent du couteau*) между собой, но всегда нападаютъ всѣ вмѣстѣ на посторонняго. А между тѣмъ въ этихъ мѣстахъ есть много интереснаго. Но какъ быть, когда на каждого человѣка не принадлежащаго къ почтенной корпораціи крючниковъ смотрятъ, тамъ, какъ на звѣря и въ каждомъ мирномъ и только любопытномъ туристѣ заподозриваютъ отчаяннаго *capitalisse* и *beurgeois*. Однако, вотъ что-то ярко-освѣщенное; это дешевый кафэ-шантанъ. У входа мирно поживаетъ стражъ и блюститель общественной тишины и порядка, а внутри, въ сильно накуренной и грязной залѣ господъ, анархисты попиваютъ абсентъ и пиво и слушаютъ какую то красную « мамзель » выводящую гнусавымъ голосомъ гривуазную шансонетку :

Que voulez-vous qu'on trouve à répondre à cela?
La vie est courte, je suis l'oseille, voilà!

Очевидно тутъ уже прошла цивилизація и существуютъ нѣсколько смягченные нравы, но все таки вы долго пробыть тутъ не можете и выходите на улицу гдѣ стражъ продолжаетъ все еще поживать, а въ двухъ шагахъ отъ него, « партія » какихъ-то подвыпившихъ юнцовъ спотыкаяясь о панель, насвистываетъ популярную анархическую пѣсню.

Май 1902 г.

ТЕАТРЪ ОРАНЖА.

Вотъ уже четвертый годъ, какъ на сценѣ античнаго театра города Оранжа, что у самыхъ воротъ Прованса, исправно, въ теченіи каждаго августа мѣсяца, даются классическія представленія при участіи сосѣтеровъ « Французской Комедіи » и лучшихъ парижскихъ актеровъ. До 1899 года, то-есть до основанія, по почину писателя Поля Мариѳтона, « Круга друзей и почитателей античнаго театра Оранжа », представленія эти носили случайный характеръ и хотя и были даны впервые еще въ 1869 году, но не были до самаго послѣдняго времени координованы, достаточно умѣстны и хорошо исполняемы.

Реорганизация « античныхъ спектаклей », придача имъ высокохудожественнаго качества и интереса, наконецъ, дѣйствительное воскрешеніе театра города Оранжа — принадлежитъ всецѣло тому же Полю Мариѳтону, который, благодаря своему вкусу и энергіи, сумѣлъ въ нѣсколько лѣтъ превратить этотъ городъ и его театръ въ нѣчто вродѣ французскаго Байрейта, у котораго нѣтъ недостатка ни въ поклонникахъ, ни въ паломникахъ, ни въ матеріальныхъ и артистическихъ силахъ.

Въ настоящую минуту на классическія представленія Оранжа сбѣгаются со всѣхъ сторонъ Франціи и даже изъ за-границы толпы поклонниковъ и любителей шедевровъ греческой драматургіи и античной архитектуры, и интересъ къ подобнымъ артистическимъ попыткамъ, какъ, напримѣръ, къ постановкѣ въ Оранжѣ *Эдипа Софокла*, *Алькесты* Эврипида, или даже Глуковскаго *Орфея* настолько ярко обрисовался, что умолчать объ ежегодныхъ представленіяхъ на античной сценѣ Оранжа я нахожу совершенно святотатственнымъ.

Но прежде чѣмъ говорить о спектакляхъ, необходимо сказать хоть нѣсколько словъ о самомъ театрѣ.

Театръ Оранжа былъ выстроенъ, по послѣднимъ даннымъ, во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Латинская колонія, основанная Юліемъ Цезаремъ въ *Arauzio Secundanorum*, обратила этотъ городъ въ одну изъ классическихъ мѣстностей южной Галліи. Римляне воздвигли тутъ превосходную триумфальную арку, очень хорошо сохранившуюся; весьма обширный ипподромъ, отъ котораго, къ сожалѣнію, остались лишь одни жалкія воспоминанія, и, наконецъ, вышеупомянутый театръ, который по своимъ размѣрамъ, конечно, не соответствующимъ потребностямъ тогдашняго населенія, подтверждаетъ ту мысль, что почти всѣ сооруженія, воздвигнутыя въ Провансѣ римскою цивилизаціей, были прежде всего предназначены служить показателями пышности, богатства и величія Рима.

Театръ Оранжа, подобно греческимъ театрамъ, прислоненъ къ холму; однако, несмотря на это, онъ по своей архитектурѣ принадлежитъ къ чисто римскимъ сооруженіямъ. Это одна изъ его особенностей и, можно сказать, красоть. Громадная стѣна въ 37 метровъ вышины и 103 ширины служитъ фасадомъ. Она прекрасно сохранилась, равно какъ и сцена, на которой могутъ эволюировать нѣсколько сотъ человѣкъ. По мнѣнію знатоковъ, одинъ лишь театръ Аспендоса, въ Памөиліи, можетъ равняться съ театромъ Оранжа по своей красотѣ и степени сохранности.

Насколько намъ извѣстно, на сценѣ театра древней Арозіи давались больше всего, и это въ продолженіе трехъ столѣтій, то-есть лучшей его эпохи, ателланскія басни, въ столь большомъ почетѣ у римлянъ, затѣмъ пантомимы и, наконецъ, цирковыя представленія и даже схватки дикихъ звѣрей, которыхъ во времена вторженія варваровъ было достаточное количество во всей равнинѣ нижней Роны. Что же касается произведеній греческихъ и римскихъ драматическихъ поэтовъ, то о нихъ лѣтописцы умалчиваютъ, и надо полагать, что жители галло-римскаго Оранжа не были большими охотниками до трагическаго репертуара.

Такимъ образомъ, благодаря своему выдающемуся значенію,

театръ Оранжа имѣлъ возможность избѣжать совершеннаго уничтоженія. Просуществовавъ многіе годы подъ видомъ укрѣпленнаго лагеря, затѣмъ ставъ одною изъ главныхъ частей замка-крѣпости герцоговъ владѣтельнаго дома Оранжа, онъ обратился, въ началѣ прошлаго столѣтія, въ мирный, но замкнутый поселокъ любопытныхъ археологовъ. Небезъизвѣстный архитекторъ Каристи (1783-1862) впервые очистилъ его отъ мусора и хлама и сталъ реставрировать. Послѣ его смерти ученый Формигэ продолжилъ съ большимъ вкусомъ и осторожностью начатое дѣло, такъ что въ концѣ шестидесятихъ годовъ театръ Оранжа былъ возстановленъ окончательно и предсталъ предъ нами во всемъ своемъ быломъ величіи и красотѣ.

Величественные размѣры этого театра, равно какъ и его прекрасная акустика, тогда же породили мысль воспользоваться имъ для особо торжественныхъ представлений. Я уже говорилъ, что подобная попытка была сдѣлана въ первый разъ въ 1869 году. Въ тотъ годъ была дана опера Мэгюля *Юсифъ* и кантата *Побѣдители*. Спектакли не имѣли никакого успѣха и прошли совершенно незамѣченными. То же самое повторилось и пять лѣтъ спустя, когда организаторы, люди безъ особаго вкуса и пониманія, дали на сценѣ античнаго театра италіянскую оперу *Норму* и Мольтеровскихъ *Жеманницъ*. Послѣ подобныхъ неудачныхъ во всѣхъ отношеніяхъ представлений театръ Оранжа надолго опустѣлъ и только 12 лѣтъ спустя попытка была повторена постановкой драмы провансальскаго поэта Музинъ *Императоръ Арля*. Но и въ тотъ годъ зрители остались равнодушными, и устроители потерпѣли самое жалкое фіаско.

Чтобъ привлечь хоть какой-нибудь интересъ и любопытство къ античному театру, понадобилось еще нѣсколько лѣтъ. Первый толчекъ былъ данъ Обществомъ «Фалибровъ». Чтобъ придать большую пышность и торжественность ихъ паломничеству на классическій югъ Франціи, гдѣ столько шедевровъ греческой, римской и галло-римской эпохъ, «Фалибры» пригласили нѣкоторыхъ артистовъ Французской Комедіи, съ г. Муно Сюлли во главѣ, исполнить

на сценѣ театра Оранжа трагедію Софокла *Эдипъ*. Успѣхъ былъ колоссальный и дорога была найдена.

Съ тѣхъ поръ и до основанія «Кружка друзей античнаго театра въ городѣ Оранжѣ» и перехода дѣлъ въ руки Поля Маріэтонъ, классическія представленія были повторены два раза. Въ первый разъ, въ августѣ 1894 года, были даны двѣ драмы Софокла : *Антигона* и *Эдипъ*, а также исполненъ только-что найденный въ Дельфахъ *Гимнъ Аполлону*. Въ 1897 году, въ присутствіи президента Фора, гимнъ былъ повторенъ, равно какъ и *Антигона*. Представленія эти были обставлены весьма удачно и произвели на зрителей громадное впечатлѣніе, однако, несмотря на это, слава Оранжа не выходила за предѣлы литературныхъ кружковъ и пресса упорно оставалась скептической.

Лѣтъ началъ таять въ 1899 году. Тогда, послѣ блестящихъ представленій *Алькесты* Эврипида съ гжой Фаваръ, гг. Мунэ Сюлли и Полемъ Мунэ въ главныхъ роляхъ, многіе прозрѣли и поняли, что антреприза Поля Маріэтонъ въ самомъ дѣлѣ есть высоко художественная попытка. На слѣдующій годъ 8,000 зрителей, въ числѣ которыхъ, благодаря всемірной выставкѣ, было много иностранцевъ, горячо аплодировали прекрасному исполненію той же эврипидовской драмы и шедеврѣ Глюка *Ифигенія въ Тавриды*. Лѣтъ окончательно растаялъ и красота Оранжа, прелесть его античнаго театра, а также умѣстность и выдающійся интересъ даваемыхъ представленій, все это было, наконецъ, признано и обо всемъ этомъ было сейчасъ же повѣдано *ubi et ubi*.

Въ прошломъ году я имѣлъ возможность быть лично въ Оранжѣ и присутствовать тамъ, вмѣстѣ съ 10 тысячною толпой, на превосходномъ исполненіи *Финикійнокъ* Эврипида, въ новомъ и весьма звучномъ переводѣ Ривароля, и на не менѣе интересномъ возобновленіи *Эдипа* Софокла.

Въ эти два вечера, что я провелъ въ этомъ театрѣ, слушая нечеловѣческіе вопли Эдипа и ласкающія строфы Антигоны, я впервые понялъ, что всю красоту и все величіе античной драматургіи можно вполне оцѣнить лишь въ подходящей къ нимъ рамкѣ ста-

риннаго театра Оранжа. Подъ высокимъ, южнымъ небомъ, озареннымъ послѣдними лучами заходящаго солнца, среди бѣлаго и розоватаго мрамора, тамъ и сямъ покрытаго мохомъ и пылью вѣковъ, доносились до меня звучные стихи и развертывались, подобно шествію блѣдныхъ тѣней на лазуревомъ горизонтѣ неба, дивныя сцены античной драмы. На высокихъ скамьяхъ, выстроенныхъ амфитеатромъ, публика жадно слушала монологи Эдипа.

Какой чуткій народъ эти провансальцы, и какъ онъ прекрасно понимаетъ и вкушаетъ прелесть стиха и красоту положенія! На сценѣ Мунэ-Сюлли (Эдипъ), величественно задрапированный въ бѣлыя ткани, взывалъ къ своему народу. Каждое его движеніе, каждый жестъ напоминали и обрисовывали настоящій барельефъ и тѣмъ временемъ, какъ драма заканчивалась въ крови и ужасѣ и на землю опускалась прозрачнѣе и нѣжнѣе легкихъ тканей Косса темное покрывало ночи, я вспоминалъ фразу Ипполита Тэна о театрѣ Оранжа : « Evidemment, il y a ici la marque d'une civilisation complète et l'on ferait une étude sur Sophocle avec ce point de départ ».

Выдающійся успѣхъ артистической попытки Поля Мариэттона породилъ подражанія, а за послѣдній годъ и завистниковъ. Городъ Бэзэ, обладающій довольно хорошо сохранившимися аренами галло-римской эпохи, вздумалъ года два тому назалъ поспорить съ Оранжемъ и имѣть свои собственные классическія представленія. Какъ по щучьему велѣнію, явился и необходимый богатый меценатъ, но, такъ какъ исполнять тотъ же репертуаръ, что давался въ Оранжѣ, не было никакой возможности и никакого расчета, то устроители рѣшили ставить классическія оперы и современныя произведенія, болѣе или менѣе носяція трагическій отпечатокъ. Однако, несмотря на массу стараній, потраченныхъ денегъ и даже интригъ, представленія въ Бэзэ до сихъ поръ не представляютъ ничего выдающагося и никоимъ образомъ не могутъ поспорить съ Оранжемъ. Эта неудача вытекаетъ изъ многихъ причинъ и прежде всего отъ того, что устроители представляли до сихъ поръ вещи посредственныя, не имѣющія особаго характера и не могущія слиться воедино съ

театромъ, какъ то происходитъ въ Оранжѣ, когда тамъ даются шедевры греческой драматургіи. Примѣръ Бэзье очень поучителенъ и надо помнить, что въ Оранжѣ вполне удавались лишь трагедіи древнихъ классиковъ, такъ какъ только онѣ подходили къ античному театру, къ его архитектурѣ и могли удачно выносить сравненіе съ величественною громадой изъ мрамора и вѣковаго камня. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ устроители этого не понимали или не хотѣли понять; они пробовали ставить французскихъ ложно классиковъ, разныя оперы и даже Мольеровскія комедіи, но Оранжъ не имѣлъ никакого успѣха до тѣхъ поръ, пока весь этотъ репертуаръ не былъ отстраненъ и вниманіе не было обращено на классиковъ Эллады и даже Рима. Къ сожалѣнію, въ нынѣшнемъ году, — и это не по винѣ Поля Маріэтонъ, — это *единство* не было соблюдено и въ самомъ Оранжѣ. Такъ какъ право выдавать концессіи принадлежитъ городскому мэру, то Полю Маріэтонъ пришлось имѣть въ первый разъ двухъ соперниковъ. Изъ матеріальныхъ выгодъ и корыстныхъ соображеній мэръ Оранжа далъ разрѣшеніе какъ обычному устроителю, такъ и какой-то гжѣ Каристи-Марталь и трагику Сильвену. Первой не давали спать лавры г. Маріэтона, а второму — Мунэ-Сюлли. Чтобы загладить впечатлѣніе о классическихъ вечерахъ, устраиваемыхъ Маріэтономъ, гжа Каристи-Марталь рѣшила пригласить Сарру Бернаръ, «нашу Сарру», «нашу національную Бернаръ». Съ помощью «дивы», у которой истиннаго артистическаго чутья не особенно много, а есть лишь актерская смекалка, Каристи-Марталь поставила въ Оранжѣ, въ концѣ іюля, мелодраматическое произведеніе нѣкоего поэта Жана Экара *Легенда сердца (Трубадура Кабэтанга)*. Понятно, роль трубадура играла «сама» Сарра, но несмотря на услужливость нѣкоторой части печати и на ловкость антрепренерши, имѣющей въ виду, главнымъ образомъ, матеріальную сторону предпріятія, публика осталась довольно-таки холодна, а обычные посѣтители Оранжа рѣшили подождать Маріэтоновскаго «цикла».

Сегодня первый день этого цикла. Будутъ даны *Финиціанки* Эврипида, *Эдипъ* Софокла и въ видѣ пролога небольшое произведеніе

Пелагина, — къ счастью, измѣнившаго за послѣднее время манеру письма, — названное имъ *Эдипъ и Сфинксъ*.

Но этимъ не окончатся въ нынѣшнемъ году представленія на сценѣ античнаго театра Оранжа. Во второй половинѣ августа актеръ Сильвенъ дастъ два спектакля и исполнитъ оба раза новую драму Жана Морэаса *Ифигенія*. Объ этой вещи отзываются очень хорошо, но даже еслибъ *Ифигенія* была дѣйствительно вещью прекрасною, я съ трудомъ вѣрю, чтобъ она удалась въ Оранжѣ, особенно исполненная такимъ ходульнымъ и напыщеннымъ актеромъ, какъ Сильвенъ. Но чтò бы тамъ ни было, можно только пожалѣть о столь плачевномъ эклектизмѣ и надѣяться, что на будущій годъ подобная конкуренція и разбросанность больше не произойдутъ. Въ этомъ смыслѣ уже высказались очень вліятельныя лица, находящія, что представленія на театрѣ города Оранжа должны быть поручены одному лишь лицу съ опредѣленною программой. Министерство народнаго просвѣщенія и самъ президентъ республики заинтересовались въ свою очередь судьбами этого театра и еще на прошлой недѣлѣ, передъ отъѣздомъ своимъ на югъ, знаменитый трагикъ Мунэ-Сюлли говорилъ мнѣ въ томъ же духѣ и указывалъ на необходимость придать классическимъ представленіямъ въ Оранжѣ все величіе и красоту истинно-національныхъ празднествъ.

Надо предполагать, что оно въ скоромъ времени такъ и будетъ, но уже теперь можно сказать, что слава Оранжа еще не достигла своего зенита. Однако *labor omnia vincit improbus*.

Я уже говорилъ въ самомъ началѣ этой статьи, что Оранжъ находится у самыхъ воротъ Прованса. Въ самомъ дѣлѣ, лишь нѣсколько километровъ отдѣляютъ его отъ Авиньона и Арла. Тутъ, на разстояніи какихъ нибудь ста километровъ, находятся шедевры римской и галло-римской эпохи. Эго классическій уголокъ прекрасной Франціи. Арены Арла и Нима, квадратный домъ (*la maison Sagée*), «антики» Сень-Рэми, мостъ на рѣкѣ Гаръ и т. д., все это въ двухъ шагахъ отъ Оранжа. Въ погожій осенний день пріятно бываетъ посѣтить эти благородные остатки давно минув-

шей цивилизации; легкой, южный вѣтерокъ приятно ласкаетъ лицо; среди развалинъ бѣлые голуби воркуютъ и очищаются; солнце грѣетъ; въ воздухѣ носится пріятный ароматъ послѣднихъ анемоновъ, и у воротъ стариннымъ замковъ стоятъ подобныя изваяніямъ :

. . . Les grands cèdres anciens, immobiles et droits.

Августъ 1903 г.

ПОДЪ НЕБОМЪ ПРОВАНСА.

АВИНЬОНЪ.

Вчера вечеромъ я покинулъ Валенсъ на ронскомъ пароходѣ, идущемъ изъ Ліона въ Авиньонъ. Легкій « мистраль », этотъ ужасный провансальскій вѣтеръ, скользилъ вдоль широкой рѣки и умѣрялъ нестерпимость знойнаго дня. По мѣрѣ того, какъ мы отдалялись отъ города, Рона все болѣе и болѣе принимала оттѣнки ляписъ-лазури и горизонты окрашивались въ рѣзкіе тона. Рѣка становилась шире, берега отдалялись и, тамъ и сямъ, начали появляться первыя оливковыя рощи.

Въ прозрачномъ и замѣчательно легкомъ воздухѣ обрисовывались гиганткія развалины Рошемора. У маленькой, промежуточной станціи кучки муштинъ и женщинъ жестикулируя и волнуясь, говорили на звонкомъ и гортанномъ нарѣчьи. . . Мы были въ Провансѣ.

Прошло еще нѣсколько часовъ. Вотъ показалась высокая колокольня Вувъэ; затѣмъ цѣлый рядъ полуразвалившихся замковыхъ башенъ на верху оголенныхъ и сѣроватыхъ холмовъ. Медленно горячее солнце сходило съ зенита и на горизонтѣ длинная полоса Северъ уже окутывалась въ синеватую пелену ночи. Но на рѣкѣ переливы свѣта продолжали казаться волшебными. Мы миновали еще нѣсколько незначительныхъ поселковъ и прошли мимо двухъ громадныхъ и цвѣтущихъ острововъ. Высокіе кипарисы и тополя, точно посылая намъ свой привѣтъ, медленно и важно наклоняли свои верхушки. Рѣка, еще болѣе расширяясь, обогнула мысокъ, и передо мною вдругъ, какъ бы по волшебству, выросли виленевскія высоты и знаменитый « rocher des Dômes » Солнце побѣдоносно опускалось съ послѣднихъ высотъ и въ его догорающихъ лучахъ

величественная громада Авиньонскаго замка-дворца, городскія стѣны и башни окрашивались въ золото и пурпуръ. То былъ какой-то волшебный, какой-то необычайный праздникъ свѣта и красоть : *Italiam! . . . Italiam! . . .*

Вторично я пробылъ цѣлую недѣлю въ Авиньонѣ и вторично этотъ почтенный и старый городъ меня зачаровалъ и восхитилъ. Чтобы достойно оцѣнить и почувствовать его обаяніе, необходимо отбросить всѣ напрасныя стремленія и вполне отдаться настроенію минуты. Красота и прелесть Авиньона зиждется не только въ его историческихъ памятникахъ и останкахъ былаго величія, но также и въ постоянно встрѣчающихся контрастахъ и противорѣчіяхъ. Чтобы сродниться съ Авиньономъ, надо бросить путеводители и гиды и долгіе часы гулять по его кривымъ, узкимъ улицамъ, хранящимъ въ красивыхъ нишахъ улыбающихся мадоннъ XV столѣтія и пышныхъ мадоннъ XVII вѣка. Надо подолгу останавливаться на неправильныхъ площадяхъ, окаймленныхъ великолѣпными домами бывшихъ временъ, и передъ дивными соборами и внутри укромныхъ часовенъ, ревнивыхъ хранительницъ шедевровъ старыхъ авиньонскихъ мастеровъ. Надо ходить по люднымъ центрамъ и вкусить чисто итальянскую веселость и подвижность здѣшняго люда; всѣ эти прекрасныя отзвуки того времени, когда Авиньонъ былъ папскимъ городомъ и хранилъ въ своихъ стѣнахъ «ароматъ» и пошибъ далекаго Рима. Конечно, иногда, туристу придется столкнуться съ современнымъ городомъ, онъ принужденъ будетъ пройти по разнымъ «*rue de la République*» и «*boulevard Thiers*», вдоль шумныхъ, банальныхъ кафэ и магазиновъ, торгующихъ всевозможными «*articles de Paris*», но пусть онъ не печалится, такъ какъ, когда ему станетъ особенно тошно отъ этой кричащей современности, то онъ будетъ имѣть всегда возможность позабыть ее среди дивныхъ садовъ *rocher des Dômes*. Тамъ его усталый взоръ отдохнетъ на лицезрѣніи дивной панорамы, разстилающейся у подножья гигантской скалы, и современность и будничная жизнь предстанетъ предъ нимъ въ достаточно туманномъ отдаленіи. Панорама, которою можно любоваться съ *rocher des Dômes* — неподражаема. Вотъ, на

первомъ планѣ, спокойно и величаво протекаетъ Рона и высятся остатки историческаго моста, на которомъ по народной пѣснѣ : « on dansait tous en rond ». Далѣе, по ту сторону рѣки, громоздится живописнымъ амѣтеатромъ предмѣстье Авиньона, — Вилленевъ, съ хорошо сохранившеюся башней форта Св. Андрея, а за нимъ и по бокамъ, до самаго далекаго горизонта, строгій и благородный по линіямъ ландшафтъ, составленный изъ синеватыхъ холмовъ, бурузеленыхъ долинъ и песчаныхъ дюннъ, выжженныхъ горячимъ солнцемъ юга.

Вотъ уже правда, что здѣсь :

. . . tout n'est qu'ordre et beauté
Luxe, calme et volupté. . .

Авиньонъ безусловно одинъ изъ интереснѣйшихъ историческихъ городовъ Европы. Его возникновеніе и исторія однако, настолько извѣстны, что я коснусь ихъ лишь слегка, предпочитая передать здѣсь лишь нѣкоторыя мои впечатлѣнія и выводы.

Бывши сначала однимъ изъ главныхъ городовъ античныхъ каваровъ, затѣмъ республикой, Авиньонъ, послѣ пораженія альбигойцевъ, перешелъ въ руки Людовика VIII (1226 г.) и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ имъ уступленъ герцогу Прованскому. Почти цѣлое столѣтіе прошло безо всякой пользы для Авиньона. Но вотъ въ 1348 году онъ продается папѣ Клименту VI герцогиней Прованской, Жанной, за 80,000 золотыхъ флоринновъ и съ этихъ поръ начинается для него эра величія и расцвѣта. Папы и антипапы украшаютъ и обогащаютъ Авиньонъ. Одинъ изъ нихъ (Урбанъ V) заканчиваетъ его городскія стѣны, другой воздвигаетъ гигантскій замокъ-дворецъ, остальные строятъ соборы, монастыри и часовни. Пышность папскаго двора, богатство авиньонскихъ гражданъ и красота городскихъ построекъ — все это начинается, въ скоромъ времени, служить пищей тысячеустной молвѣ. Въ Авиньонъ съѣзжаются со всѣхъ сторонъ люди всякаго званія, чина и достоинства, и путешественникъ, великій Раблэ, пораженный и восхищенный множе-

ствомъ и богатствомъ монастырей, церковей и колоколовъ, прозывается Авиньонъ «звонкимъ городомъ» (ville sonnante).

Но наступаетъ декаденсъ. Папы покидаютъ Авиньонъ, французскія республиканскія войска занимаютъ его въ 1791 году, происходятъ кровавыя схватки между приверженцами и противниками папскаго владычества и, шесть лѣтъ спустя, Авиньонъ снисходитъ до степени обыкновеннаго губернскаго города. Какое величіе и какой упадокъ!

Однако, несмотря на свое печальное настоящее, Авиньонъ, власно сохраняя аромать былыхъ вѣковъ, остается полонъ воспоминаній прекраснаго прошлаго. Авиньонъ богатъ воспоминаніями и шедеврами всѣхъ вѣковъ и стилей, начиная съ гробницы Ивана ХХІІ въ чистѣйшемъ готическомъ стилѣ, мраморнаго престола ренессансъ, принадлежащаго когда-то целестинскому монастырю, а нынѣ находящемуся въ церкви Св. Дисидерія, часовни черныхъ Исповѣдниковъ, превосходнаго образчика зодчества и ваянія ХVІІ вѣка, и кончая палатами дворца Вилленевъ-Мартиньянъ, фресками Симеона Мемми, полотнами Парросела, Мигнара и скульптурами Бернюза и Перю.

Но двѣ вещи должны особенно насъ заинтересовать и остановить; я имѣю въ виду городскія стѣны и папскій замокъ-дворецъ. Оригинальность и особенность Авиньона зиждется, конечно, въ городскихъ стѣнахъ, охватывающихъ его могучимъ каменнымъ кольцомъ. Стендаль, вдоволь налюбовавшись ажурностью постройки, тонкостью зубцовъ и красотой изгибовъ, замѣтилъ очень вѣрно, что время придало бѣлымъ, ровнымъ и столь прекрасно пригнаннымъ камнямъ оттѣнокъ сухихъ осеннихъ листьевъ. «Что придаетъ имъ еще большую красоту», говорилъ онъ, и прибавлялъ: «Стѣны Авиньона напоминаютъ мнѣ Италію и ея искусство, какъ будто пересаженное по какому-то волшебству въ землю «блѣдныхъ галловъ». По вечерамъ, когда солнце начинаетъ скрываться за горизонтомъ, стѣны Авиньона пріобрѣтаютъ особую воздушность и колоритность; въ одномъ мѣстѣ онѣ становятся розоватыми, въ другомъ коричневыми и, несмотря на свою частичную

реставрацію, дають впечатлѣніе чего-то очень стараго и почти-что одухотвореннаго.

Папскій замокъ-дворецъ, долго служившій казармой Авиньонскаго гарнизона, несмотря на свою недавнюю реставрацію (впрочемъ далеко еще не оконченную), представляетъ изъ себя нѣчто очень цѣльное и импозантное. Palais des Papes скорѣе средневѣковая крѣпость, чѣмъ мирное жилище «наместника Св. Петра». Во многихъ мѣстахъ стѣны замка служатъ продолженіемъ угрюмыхъ скалъ и почти вездѣ зубчатыя башни испещрены узкими бойницами и люками. Однако, внутри замка впечатлѣніе суровости нѣсколько смягчается. Тамъ убранство стѣнъ пышнѣе и богаче и готическіе своды длинной галлерей Конклава, на которую выходятъ двери многочисленныхъ кардинальскихъ келій, полны благородства и стиля. Французскіе папы сумѣли во время своего царствованія воспользоваться щедротами Италіи. Они многократно приглашали къ себѣ заальпійскихъ художниковъ и съ ихъ помощью украшали многочисленными фресками стѣны замка и плафонъ ея часовни. Хотя нѣтъ никакого основанія предполагать, что великій Джіотто когда-либо ѣздилъ въ Авиньонъ, намъ достовѣрно извѣстно, что «городъ на Ронѣ» служилъ многіе годы мѣстожителемъ Петрарки и его друга и соперника Джіотто сіенскаго мастера Симеона ди Мартино. Этотъ послѣдній прожилъ здѣсь остатокъ своихъ дней (съ 1333 по 1344) и умеръ на службѣ у авиньонскихъ папъ.

Въ настоящую минуту отъ прежнихъ художественныхъ великолѣпій остались лишь одни печальныя воспоминанія. Хорошо сохранился лишь одинъ плафонъ часовни Св. Іоанна, что въ самомъ замкѣ, да фреска Мартино *Христосъ и Богоматерь*, составляющая украшеніе и гордость портала собора Notre-Dame-des-Dômes.

Въ этой церкви, составляющей какъ бы продолженіе дворца-замка, находятся, между прочимъ, гробница папы Ивана XXII, чистѣйшій перлъ первоначальной готики, о которой вскользь я уже упоминалъ, и нѣсколько удачныхъ произведеній старыхъ авиньонскихъ мастеровъ.

Отъ собора какъ рукой подать до rocher des Dômes и до нѣкото-

рыхъ старенькихъ, но почтенныхъ переулковъ, гдѣ высятся историческія палатки и дома во вкусѣ XV, XVII и XVIII вѣковъ. Прогуливаясь по этимъ пустыннымъ мѣстамъ, вы скоро теряете понятіе о времени и все болѣе и болѣе погружаетесь въ ту эпоху, когда Авиньонъ походилъ на Римъ временъ Микель-Анжело, Боргеза и Барберини и спорилъ съ вѣчнымъ городомъ за сохраненіе престола Св. Петра.

НИМЪ.

Изо всѣхъ историческихъ городовъ долины нижней Роны Нимъ наилучше и наиболѣе другихъ сохранилъ отпечатокъ былого величія и красоты. Благодаря многочисленнымъ памятникамъ римской и галло-римской эпохъ, это, безусловно, настоящій алмазъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться по изяществу, импозантности и степени сохранности съ «квадратнымъ домомъ» и нимскими аренами, далеко оставляющими за собой пресловутый римскій Колизей?

Изобиліе въ Провансѣ древнихъ памятниковъ и сооружений, а также бывшее величіе и значеніе многихъ ея городовъ не можетъ насъ удивить, разъ мы вспомнимъ, что римская культура и предприимчивость проникли впервые въ эту благодатную страну почти за два столѣтія до Р. Х. (Aquaе Sextiae, то есть Эксъ былъ основанъ въ 122 году до Р. Х., а теперешній Нарбоннъ лишь четыре года спустя) и что, наконецъ, южная Галлія съ замѣчательною быстротой и легкостью ассимилировала и усвоила себѣ идеалы и вкусы своихъ побѣдителей.

Въ этомъ отношеніи городъ Нимъ служитъ превосходнымъ примѣромъ и, судя по его историческимъ остаткамъ, можно представить себѣ, что во времена владычества императорскаго Рима и особенно при царствованіи рода Антониновъ, уроженцевъ Нима, онъ ни въ чемъ не уступалъ, по своей пышности, богатству и значенію главнымъ городамъ Аппенинскаго полуострова.

Съ длиннаго желѣзнодорожнаго віадукъ открывается чудесный видъ на городъ, изрѣзанный тѣнистыми, широкими бульварами и аллеями. Тамъ и сямъ изъ массы зелени и домовъ выдѣляются отдѣльныя постройки, между тѣмъ какъ на холмистомъ горизонтѣ высится темный и загадочный силуэтъ знаменитой башни Магнъ (Tour Magne).

Нѣсколько шаговъ вдоль превосходной аллеи, обсаженной вѣковыми платанами, и мы уже передъ аренами. Изъ всѣхъ римскихъ амфитеатровъ — это наименѣе пострадавшій и наиболѣе обширный. Говорятъ, что онъ вмѣщалъ въ себѣ около 30 тысячъ зрителей. Подобно всѣмъ существующимъ амфитеатрамъ, онъ имѣетъ форму эллипсиса, равняющагося въ окружности 364 метрамъ. Вокругъ арены обширный и высокій *podium*, прекрасно сохранившійся, а за нимъ множество широкихъ скамеекъ (*maeniana*), предназначенныхъ для черни и рабовъ. Громадныя, сводчатыя, двухэтажныя галереи и арки, достигающія 21 метра вышины, придаютъ постройкѣ особую легкость и красоту.

Послѣ аренъ — «*la Maison Carrée*». Если первое сооруженіе даетъ намъ представленіе о римскомъ величіи, то второе напоминаетъ лучшіе образчики греко-римскаго зодчества. По увѣренію знатоковъ, римскій «квадратный домъ», имѣющій на самомъ дѣлѣ форму слабого прямоугольника, настоящій шедевръ «божественной пропорціи». Онъ изображаетъ изъ себя псевдопериптерическій храмъ, то-есть такой, гдѣ колонны, исключая перистиля, замурованы на половину въ стѣны «*cell*ы» или святилища.

Подобное устройство, незамѣтно увеличивая объемъ «*cell*ы», не вредитъ, однако, общей гармоніи.

Въ настоящее время, благодаря долгимъ и тщательнымъ розыскамъ, установлено, что римскій языческій храмъ былъ воздвигнутъ въ честь Кайа и Люція, внуковъ Августа и сыновей великаго Агриппы, побѣдителя при Актіумѣ.

То, что было когда-то святилищемъ храма, обращено теперь въ античный музей. Надо быть откровеннымъ : онъ не особенно богатъ и интересенъ. За исключеніемъ довольно хорошо сохранившейся мозаики, прекраснаго *бюста Венеры*, двухъ трехъ безголовыхъ «танцовщицъ» и коллекціи старинныхъ монетъ, все остальное весьма слабо, а большинство скульптурныхъ вещей видимо относится къ эпохѣ полного декаденса античнаго ваянія.

Но если музей «квадратнаго дома» не можетъ насъ вполне очаровать, то мы, конечно, не пройдемъ безъ крика восторга передъ

его декоративными фризами, барельефами и капителями. Все это превосходно исполнено, полно силы, тонкости и блестящей художественной фантазии.

Узковатый каналъ, съ гранитною обшивкой и многочисленными мостиками, украшенными красивыми балюстрадами и мраморными вазами, протекаетъ между двумя шеренгами громаднхъ тополей. Въ этотъ каналъ стекаются воды источника, воспѣтаго когда то поэтомъ Озономъ и берущаго свое начало у подножья красиваго холма. Этотъ холмъ замыкаетъ собой громадный, тѣнистый паркъ съ причудливыми бассейнами, террасами и прудиками. Нимскій паркъ — настоящее « Монрено » и заполняющія его причуды XVIII вѣка, вполне сочетаясь съ остатками римскихъ бань, piscinæ и подземныхъ галлерей, пріятно ласкаютъ и тѣшатъ зрѣніе прохожаго.

Рядомъ съ паркомъ можно видѣть еще до сихъ поръ остатки храма, воздвигнутаго въ честь мѣстной знаменитости, бога Немауса, обитателя и хранителя цѣлебнаго источника *Nemausa*, коему городъ былъ обязанъ своимъ именемъ и частью своей прошлой славы. Храмъ Немауса, имѣющій нѣсколько нишъ, въ которыхъ, судя по надписямъ, сохранялись въ старину изображенія Діаны, Изиды, Сераписа, Весты и Гипноса (ласковаго бога сна), имѣетъ очень много общаго съ оригинальнымъ храмомъ Геліополиса. Тутъ, вѣроятно, не одна только случайность. Не первый ли Антонинъ столь много занимающійся своимъ роднымъ Нимомъ, положилъ начало храму Геліополитанскаго (Баальбекскаго) Юпитера?

Нимъ вѣнчается твердыней башни Магнъ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ ни одинъ изъ археологовъ не могъ съ увѣренностью сказать, для чего и когда она была сооружена. Въ настоящее время дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; всѣ сошлись на томъ, что башня Магнъ служила одновременно и сторожевымъ постомъ и гробницей. Что же касается эпохи ея постройки, то одни утверждаютъ, что она была воздвигнута до Р. Х., другіе — послѣ. Но, такъ какъ *grammatici certant* . . . то пойдемъ лучше дальше; послѣдшимъ къ знаменитому мосту черезъ рѣку Гаръ, о которомъ

можно сказать, что это наикрасивѣйшій изъ всѣхъ гдѣ-либо существующихъ римскихъ аквадуковъ.

Гарскій водопроводъ, длиной въ 269 метровъ, состоитъ изъ громадныхъ арокъ, расположенныхъ въ три яруса и имѣющихъ въ общей сложности почти-что 49 метровъ (приблизительно 23 сажени; сажень = 2,13356 метра) вышины. Это настоящее сооруженіе циклоповъ, тѣмъ не менѣе оно настолько гармонично и легко, что кажется, лунною ночью, настоящимъ кружевнымъ уборомъ. Но всего лучше можно оцѣнить и любоваться гарскимъ мостомъ при дневномъ освѣщеніи. При ослѣпительныхъ лучахъ провансальскаго солнца, этого настоящаго живителя и художника, онъ становится розоватымъ и какъ-то особенно удачно гармонируетъ съ темно-сѣрою окраской береговъ. Да, здѣшнее солнце творитъ чудеса, подъ его сіяніемъ и лаской все облагораживается, принаряживается и приковываетъ вниманіе :

Beù souleù de la Provenço
Gay compaire daù mistrau . . .

АРЛЬ.

Сегодня утромъ я былъ разбуженъ пѣтушинымъ пѣніемъ и дѣтскими криками. Я подошелъ къ окну. Солнце было еще не особенно высоко и на горизонтѣ стлалась запоздалая полоска разсвѣта. На улицѣ кто-то кричалъ дѣтскимъ голоскомъ :

— Мирейо! Мирейо!

Пузатый мальчишка, въ короткихъ штанахъ и туфляхъ на босу ногу, сильно закинувъ голову, смотрѣлъ на одно изъ оконъ сосѣдняго дома. Вдругъ онъ вспеснулъ руками, крикнулъ еще разъ « Мирейо! » и скрылся въ открытую дверь. Наступила тишина; по улицѣ потянулись фіолетовыя тѣни; стало совсѣмъ свѣтло. Но сколько я ни ждалъ, мнѣ не пришлось увидать Мирейо.

Весь день я осматривалъ Арль. Я много видѣлъ интереснаго и поучительнаго, но положительно не чувствую себя достаточно компетентнымъ, что бы говорить подробно обо всемъ видѣнномъ. Среди пыли вѣковъ, разныхъ древнихъ памятниковъ, статуй и развалинъ, я чувствую себя какъ-то не по себѣ. Археологія меня пугаетъ; я переносу ее безъ ропота, но съ трудомъ, и когда мнѣ кажется, что такой-то путеводитель или ученый трудъ путаетъ эпохи и происхожденіе тѣхъ или иныхъ вещей, я думаю: « къ чему говорить объ этомъ, специалисты и сами увидятъ промахи ». Но у меня существуютъ предпочтенія, у меня существуютъ симпатіи.

Я не думаю, чтобъ слѣдовало еще разъ пересказывать исторію галло-римскаго и средневѣковаго Арля. Знаменитый поэтъ Прованса Мистраль разсказалъ ее такъ :

« Arles, à cette heure, tu es moissonneuse et, couchée sur ton aire, tu rêves avec amour de tes gloires anciennes; mais tu étais reine alors et mère d'un si beau peuple de rameurs que le vent mugissant ne pouvait

traverser l'immense flotte de ton port. Rome t'avait vêtue à neuf de pierres blanches bien assemblées. Elle avait mis à ton front les cent vingt portes de tes grandes arènes; tu avais ton cirque; tu avais, princesse de l'empire, pour distraire tes caprices, les pompeux aqueducs, le théâtre et l'hippodrome. »

Отъ этихъ былыхъ великолѣпій осталось всего больше развалинъ, и только одинъ античный театръ, да, пожалуй, арены могутъ дать представление о томъ, что такое былъ « Галлскій Римъ », знаменитая *Arelate Sextanorum*. Однако, какъ ни хороши эти остатки, я позволю себѣ пригласить васъ пройти со мной по историко-археологическому музею (*musée lapidaire*), сохраняющему много прекрасныхъ вещей, даже шедевровъ, о которыхъ всѣмъ было бы уже давно извѣстно, еслибы они находились въ какомъ-нибудь музеѣ Италіи.

Лапидарный музей помѣщается въ покинутой церкви Св. Анны. Кромѣ превосходныхъ образчиковъ греко-римскаго ваянія, въ немъ сохраняется еще и цѣлая коллекція замѣчательныхъ христіанскихъ саркофаговъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Всѣ наполняющія музей произведенія происходятъ отъ многочисленныхъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ XVII, XVIII и началѣ XIX вѣковъ. Къ сожалѣнію, первая находка, сдѣланная около Арля, я имѣю въ виду знаменитую *арльскую Венеру*, столь экспрессивную и благородную по линиямъ, была тотчасъ же (1651) отослана въ Версаль, ко двору Людовика XIV. Въ настоящую минуту она сохраняется въ Парижѣ въ Луврскомъ музеѣ.

За невозможностью видѣть въ Арлѣ божественный образъ Венеры, туристы наслаждаются лицезрѣніемъ граціозныхъ *танцующихъ* найденныхъ при очисткѣ Арльскаго античнаго театра.

Безусловно это очень хорошія вещи, притомъ же чисто-греческаго происхожденія, напоминающія по своей трактовкѣ *Побѣду при Самофрасѣ*, однако, я предпочитаю имъ нѣкоторые бюсты, напримѣръ, головы Августа и Ливіи и особенно мраморный бюстъ мальчика съ печальнымъ и трогательнымъ лицомъ. Я совершенно не знаю, да и не хочу знать, къ какой эпохѣ и школѣ принадлежитъ

этотъ шедевръ. Можетъ быть онъ бышелъ изъ мастерской Фидія, Лизиппа или Скопы, мнѣ все равно. Я вижу, что эта вещь прекрасная, полная жизни и силы, и съ меня этого достаточно.

Только нѣсколько шаговъ отдѣляютъ церковь Св. Трофимія отъ музея изящныхъ искусствъ.

Въ моемъ гидѣ, который я, впрочемъ, открываю лишь въ самыя критическія минуты, говорится, что порталъ церкви «настоящій перлъ готическаго стиля». Готическаго? Для всякаго, кто не сочиняетъ путеводителей, это чистѣйшій романскій стиль. Перлъ? Пожалуй, на первый взглядъ. Архитектура и орнаментация дѣйствительно богаты и сложны, но скульптурныя части, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ аллегорическихъ животныхъ, это произведенія развитыхъ готтентотовъ. Конечно, когда мнѣ говорятъ о варварствѣ начала среднихъ вѣковъ, мнѣ становится грустно за ученыхъ, исходящихъ изъ мысли, что они всѣхъ умнѣе и культурнѣе. Однако, не желая осыпать розами нашъ плачевный вѣкъ, я всетаки думаю, что самый заурядный художественный ремесленникъ нашего времени можетъ дать что-нибудь во сто разъ лучшее, чѣмъ этотъ романскій «перлъ». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что я думаю «разнести» всю средневѣковую скульптуру; мнѣ только кажется, что мы слишкомъ мало отдаемъ должнаго современнымъ артистическимъ попыткамъ и слишкомъ низко преклоняемся передъ тѣмъ, что пережило нѣсколько столѣтій и только потому, что оно старо и что о немъ кричатъ разныя ученые тупицы.

Однако, войдемъ въ самую церковь. Услужливый Бедэкеръ говоритъ : «Внутренность храма не представляетъ ничего замѣчательнаго, тѣмъ не менѣе посѣтителю найдутъ удачныя картины и красивыя саркофаги». Я предпочелъ бы, однако, знать, кто была та женщина, что воздвигла вотъ тотъ мавзолей въ стилѣ возрожденія, на которомъ я читаю французскій девизъ : «непорочность — моя крѣпость», и нѣсколько ниже длинную эпитафію по-латыни, гдѣ между разными витіеватостями встрѣчается слѣдующая фраза : «Онъ умеръ для другихъ, для меня онъ все еще остается живымъ». Вотъ настоящій человѣческій крикъ скорби и вмѣстѣ съ тѣмъ на-

дежды, крикъ, который я услышалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, въ музеѣ, на блѣдныхъ устахъ скорбнаго дѣтскаго лица.

Выходя изъ церкви, слѣдуетъ пройтись (ну, вотъ и я началъ говорить, какъ Бедэкеръ) по галлерей заброшеннаго монастыря, служащаго продолженіемъ собора. Несмотря на то, что своды и колонны, поддерживающія ихъ, не одинаковой архитектуры и стиля, дворикъ монастыря и эти корридоры даютъ весьма сильное впечатлѣніе. Здѣсь можно бродить цѣлыми часами; пустынность и уединенность навѣваютъ сладкія грезы, имѣющія способность отстранять всякія археологическія помышленія.

Направляясь въ ту часть города, гдѣ находится старинное кладбище языческаго Арля, такъ называемыя *Alyscamps*, воспѣтыя когда-то Дантомъ (*Адъ*, IX, V) и Аріостомъ (*Неистовый Роландъ*, пѣснь XXXIX), мнѣ пришлось пройти по главному пункту города, площади Форума. Въ этотъ предъобѣденный часъ она была заполнена разнаго рода людомъ, смѣющимся и болтающимъ между собой съ сильнымъ акцентомъ и воодушевленіемъ. Террасы кафе были освѣщены и заполнены посѣтителеми, потягивающими изъ разнокалиберныхъ стакановъ разнообразныя жидкости, именуемыя «аперитивами». Музыка гремѣла повсюду и повсюду же велись разговоры, не имѣющіе ничего характернаго и такого, что нельзя было бы слышать на террасахъ кафе другихъ городовъ прекрасной Франціи. Я проходилъ мимо группъ, въ которыхъ встрѣчалось много красивыхъ женщинъ (а Арль ими славится) съ прекрасными очами и характерными прическами, но изъ кафе несло «абсентомъ» и на площади кто-то распѣвалъ гнусавымъ голосомъ модную, но гнуснѣйшую пѣсню парижскихъ бульваромъ :

Viens poupoule, viens poupoule, viens . . .

Les Alyscamps, длинная аллея пирамидальныхъ тополей, кипарисовъ и пиннъ, съ двумя рядами бѣлыхъ памятниковъ и мавзолеевъ, встрѣтила меня тишиной и прохладой. За наступающею темнотой мнѣ не удалось прочесть надписи и полюбоваться скульптурными

изображеніями; за то я увидаль высоко на небѣ блѣдный серпъ луны и длинныя тѣни, которыя ложились поперекъ болотистой дороги. Вдали, въ самомъ концѣ аллеи, развалины романской базилики начинали окрашиваться въ густо-оранжевые тона. Но вдругъ онѣ стали красными, почти что кровяными; кипарисы почернѣли еще больше, гробницы какъ бы придвинулись ко мнѣ и съ легкимъ вѣтромъ, промчавшимся вдоль деревьевъ, на землю упало темное покрывало ночи.

Сентябрь 1903 г.

ТРУВИЛЬ.

Французы и въ особенности парижане, въ большинствѣ случаевъ, традиціоналисты и рабы разъ установленныхъ обычаевъ. Они живутъ, за весьма рѣдкими исключениями, на показъ и довольствуются внѣшнимъ успѣхомъ, а потому нигдѣ пресловутое выраженіе « такъ принято » не имѣетъ столь великой силы и не становится такимъ закономъ, какъ именно во Франціи, гдѣ послѣ сокрушенія многочисленныхъ бастилій, никто еще не имѣлъ смѣлости и рѣшительности опрокинуть всеильную моду и буржуазное « приличіе ». « Le ridicule tue en France », говорятъ французы, и вотъ, дабы не показаться смѣшнымъ въ глазахъ другихъ, люди самые почтенные и степенные выдѣлываютъ всевозможныя глупыя вещи и подчиняются самымъ унижительнымъ и смѣхотворнымъ правиламъ и приказаніямъ моды, неизвѣстно кѣмъ и когда установленной. И это здѣсь называется жить какъ люди общества.

Однако, стремленіе къ соблюденію свѣтскаго кодекса ни въ чемъ не высказывается съ такою силой, какъ въ вопросѣ о перемѣщеніяхъ (déplacements) и переѣздахъ. Вообще парижанинъ домоѣдъ и не только потому, что онъ пресеріозно и пренаивно воображаетъ, что лучше Парижа и парижской жизни ничего не существуетъ на бѣломъ свѣтѣ, но также и потому, что онъ боится и не умѣетъ путешествовать. Только одна мода заставила его, за послѣдніе годы, ѣздить за границу, въ извѣстныя опредѣленные мѣста. Но онъ рѣшился на это не безъ скрежета зубоваго и только отъ того, что желаніе порисоваться и показаться было сильнѣе природнаго страха и рутины. Вотъ почему его можно теперь видѣть весной въ Эпсонѣ, осенью на скачкахъ въ Баденъ-Баденѣ, лѣтомъ въ Энгадинѣ или даже на сѣверѣ Норвегіи, однимъ словомъ тамъ, гдѣ принято бывать, тамъ, гдѣ « c'est chic ». Но тамъ, гдѣ онъ не можетъ порисоваться и

встрѣтить другихъ подобныхъ же ему парижанъ, его и калачомъ не заманишь, быть это мѣсто хоть настоящее Эльдorado.

Такъ какъ парижанинъ объять рутиной, поверхностень, капризенъ, какъ ребенокъ, и любитъ и понимаетъ только свое, парижское, то всюду, куда онъ ни попадаетъ, онъ ищетъ свой Парижъ и переносить съ собой свой Парижъ, съ его сужденіями, фальшивою образованностью, вкусами и потребностями. Конечно, этотъ багажъ не тяжелъ, и если только можно вѣрить одному моралисту, то окажется, что онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ легкомыслія, чувствительности и живости (*vivacité*). Но какъ бы онъ ни былъ легокъ, не всюду удобно его таскать съ собой и не вездѣ легко его раскладывать; вотъ почему парижане предпочитаютъ, вмѣсто того, чтобы возить его по разнымъ «за границамъ», путешествовать съ нимъ по Франціи, гдѣ Парижъ и все, что исходитъ изъ Парижа, считается настоящимъ пупомъ и солью земли.

Въ силу того, что здѣсь принято дѣлать все то, что дѣлаютъ другіе, лѣтомъ въ Парижѣ остаются только «ничтожности» и каторжники труда; остальные разъѣзжаются по разнымъ палестинамъ и считаютъ себя до крови обиженными, если вы посмѣете усомниться въ необходимости для нихъ быть въ іюль и августѣ далѣе ближайшихъ парижскихъ окрестностей.

Куда же они ѣдутъ? Большинство, выѣхавъ изъ Парижа, ограничивается тѣмъ, что, нанявъ на три мѣсяца виллу въ какой-нибудь болѣе или менѣе людной «*plage*» или даже устроившись въ гостинницѣ въ какой-нибудь норманской «не дорогой дырѣ» (*petit trou pas cher*) на берегу моря или въ горахъ, уже сидитъ тамъ до своего возвращенія въ Парижъ.

Но такъ поступаетъ лишь одна мелкая буржуазія. Болѣе богатый классъ парижанъ, равно какъ и то, что принято называть «*le Tout-Paris*», считаетъ долгомъ варьировать свои лѣтнія мѣстожительствa и обязуется, подъ страхомъ изгнанія, вѣчнаго стыда и презрѣнія, совершить за три мѣсяца извѣстный циклъ, составленный изъ полдюжины модныхъ морскихъ купаній и фешенабельныхъ курортовъ.

Этотъ циклъ заключаетъ въ себѣ такія «Монрепо», какъ Эксъ-

лэ-Бенъ, Трувилль-Довиль, Біарриць, Діеппъ, Динаръ, Люшонъ и пр.

Но особеннымъ почетомъ у членовъ « Tout-Paris » (составленнаго изъ представителей всевозможныхъ міровъ и профессій) пользуется во время августовскихъ скачекъ мѣстечко Трувилль. За это время (въ серединѣ августа) знаменитое купальное мѣсто Нормандіи обращается въ другой Парижъ, конечно Парижъ излюбленный mond'омъ и demi-mond'омъ, Парижъ элегантнѣйшій, знаменитѣйшій и богатѣйшій, гдѣ люди живутъ постоянно на показъ, въ излюбленной атмосферѣ обоюдной рекламы, репортажа, балагана и фатовства. Однако, въ самой столицѣ « le Tout-Paris » является на самомъ дѣлѣ лишь большою каплей въ морѣ и, хотя о немъ много говорятъ и онъ самъ о себѣ много говоритъ, въ самомъ Парижѣ есть все-таки возможность его избѣжать и не встрѣчаться съ нимъ. Но въ разныхъ Трувиляхъ это совершенно невозможно, такъ какъ тамъ онъ царитъ всецѣло и является почти единственнымъ живымъ элементомъ. Сказать, что онъ интересенъ и значителенъ, было бы громаднымъ преувеличеніемъ, но нельзя не признаться, что онъ любопытенъ, какъ извѣстное общественное явленіе, и что нигдѣ такъ хорошо нельзя его изучить и подмѣтить всю его фальшь, мишуру и нравственную ничтожность, какъ именно на лѣтнихъ его квартирахъ.

Въ Трувиллѣ, за время « великой недѣли » (grande semaine), какъ въ калейдоскопѣ проходятъ передъ вашими глазами большинство тѣхъ лицъ, что задаютъ или пытаются задавать « тонъ » артистической, литературной и модной жизни Парижа и помогаютъ ему прослыть за наиболѣе остроумный, элегантнѣйшій и моднѣйшій городъ всего міра. Со стороны все это кажется значительнымъ, но, Боже мой! какъ вблизи всѣ эти знаменитости (пренаивно воображающія, что на нихъ все еще обращены взоры Европы) съеживаются, тускнѣютъ и становятся тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ: коллекціей разрисованныхъ и разфранченныхъ куколъ и глупыхъ воронъ въ навиловыхъ перьяхъ.

Весь этотъ народецъ живетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы на немъ лежала обязанность поддерживать славу отчизны и реномэ

ея столицы, а потому пресеріозно обижается, когда сомнѣваются въ его миссіи и говорятъ ему, что за предѣлами Парижа его взгляды и образъ жизни имѣютъ лишь самое относительное значеніе.

Но обратимся къ самому Трувилю. Что такое Трувиль? Трувиль — это нѣсколько длинныхъ улицъ съ « шикарными » магазинами, точно такими, какія можно видѣть и въ Парижѣ на большихъ бульварахъ и въ rue de la Paix, съ многочисленными кафэ, съ элегантными отелями, въ которыхъ съ васъ дерутъ безо всякаго стѣсненія и совѣсти и, наконецъ, длинная « promenade » вдоль моря, установленная богатыми виллами и опять-таки отелями.

Небольшая, мутная и грязная рѣчка, называемая Туркъ, отдѣляетъ Трувиль отъ Довиля, извѣстнаго своимъ скаковымъ кругомъ, шикарными виллами болѣе серіознаго характера и небольшимъ портомъ, гдѣ во время « сезона » качается множество элегантныхъ парусныхъ и паровыхъ яхтъ. Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что всѣ эти яхты видали когда-либо открытое море. Многія изъ этихъ « petits bateaux qui vont sur l'eau » не имѣютъ ножекъ и это по той простой причинѣ, что владѣльцы ихъ органически не выносятъ морскихъ прогулокъ, не только путешествій, и не имѣютъ даже иногда матеріальной возможности совершить самое незначительное плаваніе. Яхты же заводятся исключительно для того, чтобы бросить пыль къ глаза, потому что « c'est très chic » и оттого еще, что часто экономнѣе жить на яхтѣ, чѣмъ на дачѣ или въ гостинницѣ и элегантнѣе давать тамъ обѣды, ужины и даже балы. Нечего и говорить, что на подобныхъ яхтахъ первое мѣсто отведено кухнѣ и салонамъ, и что экипажъ состоитъ главнымъ образомъ изъ сухопутныхъ моряковъ. Владѣльцы этихъ яхтъ преимущественно разбогатѣвшіе лавочники, кокотки, но встрѣчаются между ними и драматурги, нажившіе деньги скабресными водевилями, собственники шантажистскихъ газетокъ и разнаго рода сбродъ, неизвѣстно откуда явившійся и неизвѣстно чѣмъ и какъ проживающій. Но весь этотъ людъ « задираетъ носъ », и, если не считаетъ себя солюю земли, то пресеріозно считаетъ себя « мондомъ ».

Жизнь въ Трувилѣ самая головокружительная, но и самая

пошлая. Дамы переодѣваются по шести разъ въ сутки въ самые экстравагантные туалеты и занимаются сплетнями, прогулками по взморью, по кондиторскимъ, посѣщеніемъ скаковаго круга и холостыхъ квартиръ; мущины — тѣ злословятъ, паясничаютъ, развратничаютъ и проигрываютъ деньги въ карты и на скачкахъ. Но всѣ одинаково считаютъ, что они премію проводятъ время и совершенно недоумѣваютъ, какъ можно жить иначе, чѣмъ они. Они много занимаются самими собой и другъ другомъ, лѣзутъ изъ кожи, чтобъ ихъ фамиліи фигурировали на столбцахъ столичныхъ газетъ, и разѣзжаютъ на автомобиляхъ, то есть просто давятъ народъ и заражаютъ воздухъ пылью и запахомъ керосина и бензина.

Веселятся ли они на самомъ дѣлѣ — они этого сами не знаютъ, такъ какъ уже давно потеряли способность жить сознательно; они просто дѣлаютъ то, что принято дѣлать, то, что всѣ дѣлаютъ, а такъ какъ всѣ ѣздятъ на автомобиляхъ и такъ какъ принято быть на взморьѣ, въ Трувилѣ во время скаковой недѣли, то они такъ и поступаютъ.

Въ Трувилѣ однимъ изъ главныхъ rendez-vous «beau mond'a» является променада вдоль морскаго берега. Тутъ на доскахъ, прикрывающихъ морской песокъ, можно встрѣтить въ опредѣленные часы все, что Парижъ считаетъ славнаго, знаменитаго и, главнымъ образомъ, красиваго. Почти никто не купается, но почти всѣ медленно прохаживаются и сидятъ спиной къ морю. Это такъ принято. Любоваться моремъ могутъ только люди простые, сѣрые; «le Tout-Paris» смотритъ на себя самого, а не на банальную картину моря. Смотрѣть другъ на друга, сплетничать, паясничать и разыгрывать вѣчную комедію, это — прерогатива и времяпровождение обычныхъ посѣтителей трувилльскихъ «planches», и вотъ почему совершенно справедливо можно сказать, что эти мостки являются своего рода подмостками.

Но гулянье на мосткахъ или представленіе на подмосткахъ продолжается не долго, самое большое двѣ недѣли. Послѣ послѣдняго дня довильскихъ скачекъ начинается «исходъ», Трувилль пустѣетъ, его гости уѣзжаютъ комедіанствовать въ другія палестины, а зна-

менитые мостки начисто вымываются моремъ отъ всей накопившейся грязи и сора.

Завтра, завтра начнется этотъ благословенный день... Прощайте фальшивыя улыбки, лживыя рѣчи, нарумяненные красотки, вылощенные альфонсы, сомнительные аферисты, порнографы кисти и пера и вы, разнаго рода «снобы», «снобинетки» и всевозможныя «femmes de théâtre». До свиданья, до зимы, въ Парижѣ.

Августъ 1904 г.

ВЪ ЛОТАРИНГІИ

НАНСИ.

Я приѣхалъ въ Нанси въ самый разгаръ выборовъ въ «окружные совѣты». По городу сновали вмѣстѣ съ солдатами, рабочими и торговками расклейщики электоральныхъ афишъ, а на углахъ улицъ, на заборахъ и на пьедесталахъ памятниковъ красовались, часто моволя глаза, разноцвѣтные куски оберточной бумаги, на которыхъ крупными буквами были напечатаны имена различныхъ кандидатовъ и ихъ profession de foi.

Между объявленіемъ какой то велосипедной фирмы и средствомъ для роценія волосъ я примѣтилъ трехцвѣтное воззваніе къ жителямъ Нанси и его окрестностей. «Группа патриотовъ» приглашала всѣхъ «здравомыслящихъ людей» вотировать за Мерсье, такъ какъ одинъ лишь Мерсье былъ человекъ честный и дѣйствительно зналъ нужды края. Подальше былъ вывѣшенъ слѣдующій аншлагъ: «Всѣ патриоты отдадутъ должное кандидатурѣ и имени нашего друга Мерсье». Подписано: Морись Барресь.

Барресь, пользуется какъ въ Нанси, такъ и во всей французской Лотарингіи большою популярностью. Происходитъ это потому, что онъ родомъ изъ этого департамента, былъ его представителемъ въ парламентѣ и еще до сихъ поръ горячо защищаетъ интересы провинціи.

Здѣсь съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ по ту сторону Вогезъ. Тяжелый ударъ и урокъ 1870-1871 гг. могъ быть забытъ въ Парижѣ и въ другихъ частяхъ Франціи, тутъ онъ остался жить и по сей день во всей своей силѣ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей однимъ изъ дѣтищей Лотарингіи, дѣтищемъ, на которое здѣшнее населеніе не можетъ наглядѣться, но которое оно судить строго и желаетъ видѣть совершеннымъ, — является армія и надо отдать ей справедливость — она здѣсь вполнѣ на высотѣ своего призванія.

Хотя въ одномъ лишь Нанси издается до четырехъ ежедневныхъ органовъ печати, но политиканствомъ здѣсь занимается лишь слабое меньшинство; остальная часть населенія смотритъ весьма равнодушно и часто даже съ улыбкой на маневры избирательныхъ агитаторовъ, дешевыхъ провинціальныхъ демагоговъ и всей прочей клики, состоящей большею частью изъ пришлога люда, цѣна коему грошъ. Однако, эти образцы чловѣческой наглости и развязности не безъинтересны и здѣсь. Да что я говорю, именно здѣсь то они и интересны, потому что чувствуютъ, что почва подъ ними постоянно колеблется, что большинство остается къ нимъ равнодушнымъ; они ежедневно совершаютъ самые головокружительные *tours de force* для того, чтобы привлечь на себя вниманіе и удержать равновѣсіе. Понятно, первымъ и наиболѣе важнымъ ихъ орудіемъ является мѣстная печать, то-есть, положимъ, полдюжина маленькихъ органовъ, надувающихся изъ всѣхъ своихъ силъ, дабы дорости до слона, до нѣкоторыхъ «боевыхъ» парижскихъ газетъ, языкъ коихъ, а также и повадки, служатъ предметами ихъ зависти и подражанія.

Но копія почти всегда далека отъ оригинала. Такъ и рѣчь и замашки маленькихъ *Intransigeant*, *Petite République* и пр. — лишь очень плохія и тусклыя каррикатуры. Располагая обыкновенно крайне скуднымъ матеріаломъ, провинціальныя газетки съ понятнымъ жаромъ набрасываются на такое явленіе общес-

твенной жизни, вокруг которого можно «покалякать», побраниваться и половить рыбу въ мутной водѣ. Выборная агитація въ conseils généraux, является для нихъ поэтому цѣлымъ кладомъ. Въ продолженіи двухъ, трехъ недѣль онѣ воюють, переругиваются и на чемъ свѣтъ стоитъ «отшлифовываютъ» кандидатовъ противной стороны. *L'Étoile de l'Est*, напримѣръ, не можетъ слышать имени Мерсье. «Это панамистъ!» восклицаетъ она (а извѣстно, что со временъ злосчастнаго панамскаго скандала эпитетъ этотъ считается однимъ изъ наиболѣе «сильныхъ» во французскомъ политическомъ жаргонѣ). «Онъ продалъ не только себя, свою семью и всѣхъ родителей, но даже и свои политическіе взгляды. У его друга г. Х — нѣсколько лѣтъ тому назадъ гостилъ Лессепсъ, а онъ самъ посылаетъ своихъ дѣтей учиться къ патерамъ».

На это смертный врагъ *Восточной Звѣзды*, *La Cause Lorraine*, злобно замѣчаетъ :

«А вашъ-то кандидатъ! Хорошъ, нечего сказать! Какой-то адвокатшкa, сектантъ, франкъ-масонъ, коллективистъ, анархистъ, пріятель Жореса и Мильерана. Онъ во время отбыванія воинской повинности былъ трижды посаженъ въ крѣпость за непослушаніе и грубость. А теперь какъ адвокатъ защищаетъ самую позорную дѣла. И вы хотите, чтобъ онъ былъ выбранъ? Никогда этому не бывать!» и т. д. ежедневно и на всѣхъ четырехъ страницахъ. Но я умолчиваю о самыхъ ягодкахъ, не желая васъ утомлять всею этою «литературой», не желая также, чтобы вы заподозрили меня въ выдумкѣ, такъ какъ я прекрасно понимаю, что человѣку свѣжему и въ голову не придетъ, что возможно печатать подобныя пошлости и грубости.

Я уже говорилъ, сколь незначительное вниманіе обращаетъ мѣстное населеніе на подобныя выходки печати и вообще на все, что говорится здѣсь въ политическихъ кружкахъ. Понятно, въ глухихъ деревняхъ, гдѣ еще существуетъ большое довѣріе къ печатному слову и газеты читаются со вниманіемъ, я это самъ лично могъ провѣрить, газетная грубость и непринужденность неприятно поражали

самыхъ простыхъ людей, тѣхъ, которыхъ называютъ « сѣрыми мужиками ».

Въ усадьбѣ одного изъ моихъ друзей, чьимъ гостепріимствомъ я пользовался въ продолженіе нѣсколькихъ дней, я имѣлъ случай бесѣдовать съ окрестными крестьянами и фермерами и былъ прямо пораженъ правильными и простыми ихъ взглядами и мнѣніями. Работящіе, экономные, республиканцы, но безъ крайностей, они прекрасно сознавали бесплодность какихъ-либо агитацій, манифестацій и пр., « годныхъ лишь для Парижанъ », какъ замѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ ; а другой называлъ эти агитаціи « способствующими только раздору и ослабленію *національнаго единства* ». И повѣрьте, этотъ человекъ не читалъ Барресовскихъ « *romans de l'énergie nationale* », а просто дошелъ до этого своимъ здравымъ умомъ, не разжиженнымъ еще программами, газетною риторикой и ораторскимъ враньемъ.

Однако, прежде чѣмъ говорить подробно о деревнѣ, надо сказать хоть нѣсколько словъ о городѣ. Вернемся поэтому въ Нанси.

Вообразите себѣ широкія улицы и площади, массу зелени, вокругъ города фабрики и заводы, казармы, бастіоны далекой крѣпости и среди всего этого массу военныхъ всѣхъ возрастовъ и чиновъ, а также работающее, сытое, рослое населеніе, — вотъ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ Нанси, вотъ вамъ первое впечатлѣніе туриста отъ столицы « французскаго Востока ». Впослѣдствіи это впечатлѣніе весьма дополнится, но не измѣнится.

Въ самомъ дѣлѣ, Нанси не только военный городъ, но еще и очень крупный умственный и промышленный центръ. Всѣмъ извѣстно, что его медицинскій факультетъ — одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ — очень долго и очень остроумно воевалъ съ Шарко и его школой. Многочисленные пивоваренные, кожевенные и металлургическіе заводы, ткацкія фабрики, прекрасныя типо-литографіи, занимаютъ десятки тысячъ рабочихъ рукъ. Но, несмотря на то, что въ обширномъ районѣ, окружающемъ городъ, дымятся сотни высокихъ кирпичныхъ трубъ, воздухъ въ Нанси, благодаря зелени его многочисленныхъ садовъ, рѣкѣ и каналу, постоянно прохладенъ

и свѣжъ, « какъ поцѣлуй ребенка », скажу я, выражаясь высокимъ « штилемъ ».

Этотъ городъ обязанъ своимъ значеніемъ гораздо болѣе королю Станиславу Польскому, чѣмъ своимъ первымъ князьямъ, объ которыхъ онъ сохранилъ лишь самое незначительное воспоминаніе. Но, благодаря отцу Маріи Лещинской, бывшему его владѣтельнымъ княземъ въ тѣ времена, когда Людовикъ XV игралъ въ куклы, а Петръ Великій прорубалъ окно въ Европу, — Нанси еще до сихъ поръ носитъ отпечатокъ « развѣнчанной столицы », и, начиная съ золотой рѣшетки Станиславской площади и до нѣкоторыхъ особняковъ въ старинныхъ кварталахъ города, возстановляетъ въ нашей памяти все величіе граціознаго XVIII вѣка.

Дѣйствительно, войдите въ любой изъ старинныхъ домовъ или въ одну изъ гостинницъ центральнаго города и васъ сейчасъ же поразитъ убранство и размѣръ помѣщеній. Въ большихъ комнатахъ съ лѣпными потолками разставлена неудобная мебель изъ краснаго дерева, почти та же самая, что входила въ моду около 1780 года; холодныя по линіямъ кресла и низкія кушетки, штофныя гардины и маленькія ширмы, обитыя кретономъ съ большими розами, съ многочисленными складками, изъ которыхъ, кажется, еще не выбита вся пыль прошлыхъ годовъ. Нѣсколько площадей и еще не тронутыхъ временемъ улицъ даютъ довольно полное представленіе объ архитектурѣ и убранствѣ позапрошлаго вѣка, подарившаго Франціи вмѣстѣ съ многочисленными шедеврами и нѣсколько « недоразумѣній », которыхъ она все еще не можетъ переварить. Подъ вечеръ, особенно около городскаго парка, вокругъ площади Станислава или въ маленькихъ тихихъ переулкахъ, понятіе о времени исчезаетъ; въ женщинѣ, выходящей изъ воротъ скромнаго домика въ бѣломъ платьѣ съ косынкой на плечахъ и съ книжкой подъ мышкой вы готовы видѣть боязливую, но ученую гжу Дюдаванъ или болтливую и столь обворожительную Катеринъ де-Линнь.

Но « Palais Ducal » возстановляетъ въ нашей памяти первыхъ

владыкъ Нанси, герцоговъ Лотарингскихъ, Ивана и Ренэ Анжуйскихъ.

Обширное зданіе, настолько умѣло реставрированное, что даетъ весьма цѣльное представленіе объ этой эпохѣ и ея стилѣ, вмѣщаетъ въ себѣ довольно обширныя археологическія и богатыя историческія коллекціи.

ПОНТЬ-А-МУССОНЪ.

Отъ Нанси къ границѣ существуетъ нѣсколько дорогъ. Наиболѣе интересная и живописная та, что тянется вдоль рѣчки Мозели по долигѣ того же названія и по бокамъ узкаго, но многоверстнаго канала, связывающаго Марну съ верхнимъ Рейномъ. Этотъ путь, проходящій черезъ городокъ Понтъ-а-Муссонъ и мѣстечко Паньи-на-Мозелѣ, почти на всемъ своемъ протяженіи извилистъ и угловатъ, но, благодаря многочисленнымъ деревьямъ, представляетъ собой сплошную, тѣнистую аллею. По лѣвую сторону идутъ виноградники и вдали причудливою лентой вьется полотно желѣзной дороги. Направо, по ту сторону широко и плавно текущей Мозели, разстилаются поля и дубравы, переходящія въ холмы съ мягкими контурами. Тамъ и сямъ, среди земли, между группами пирамидальныхъ тополей и орѣшниковъ, почти всегда окруженные садами, въ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ высокіе ряды хмѣля, покоятся, радостно грѣясь на солнцѣ, низенькіе, но уютные домики съ красными черепичными крышами; отдѣльныя фермы или маленькіе поселки отдѣлены другъ отъ друга самымъ незначительнымъ разстояніемъ.

Понтъ-а-Муссонъ — бдительный пограничный сторожъ. Не болѣе шести километровъ отдѣляетъ тутъ Мозель отъ рѣчки Селль, служащей раздѣльною линіей. Съ вершины крутаго холма, доминирующаго надъ Муссономъ, можно усмотрѣть днемъ, даже простымъ глазомъ, башни Мецкаго собора; ночью же оттуда отчетливо видны огни этого города. Лишь девять километровъ отдѣляютъ Понтъ-а-Муссонъ отъ Паньи-на-Мозелѣ, послѣдней французской желѣзнодорожной станціи. Потому кавалеристы Мецкаго гарнизона любятъ говорить, что въ случаѣ объявленія войны они лично разбудятъ въ

ихъ постеляхъ драгунъ французскаго полка, квартирующаго въ Муссонѣ.

Эти угрозы не мѣшаютъ, однако, городку быть однимъ изъ наиболѣе оживленныхъ и благоустроенныхъ среди всего края. Судя по новымъ многочисленнымъ постройкамъ, воздвигнутымъ вокругъ вокзала, онъ находится въ самомъ цвѣту. Но, за исключеніемъ фобуровъ и вокзала, Понтъ-а-Муссонъ сохранилъ еще до сихъ поръ отпечатокъ прошлыхъ вѣковъ, когда, благодаря своему университету, перенесенному въ Нанси въ концѣ прошлаго столѣтія, онъ былъ маленькими лотарингскими Аѳинами. Красивая квадратная площадь, обнесенная высокими старинными домами съ симметричными колоннадами и арками, городская ратуша, древній монастырь (abbaye), въ которомъ помѣщается теперь семинарія, нѣсколько частныхъ домовъ и великолѣпный мостъ изъ краснаго вогеэскаго камня, все это заставляетъ оглянуться съ любопытствомъ добро-совѣстнаго туриста.

По выходѣ изъ Понтъ-а-Муссона долина нѣсколько суживается и дорога идетъ въ гору, затѣмъ существуетъ переваль, и уже до самой границы и даже далѣе вы идете почти по берегу Мозели вдоль неимовернаго количества плакучихъ ивъ и серебристыхъ тополей. Эти десять, девять километровъ, что отдѣляютъ Муссонъ отъ Нанси, я прошелъ пѣшкомъ, съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ, мѣстнымъ жителемъ, прекрасно знающимъ свой уголъ, его нужды и желанія. Было чудесное, воскресное утро. То и дѣло попадались намъ на встрѣчу группы крестьянъ, возвращающихся съ базара, или одинокіе рыболовы въ глубокихъ соломенныхъ шляпахъ съ цѣлымъ лѣсомъ удилицъ на плечахъ. Весь этотъ людъ, — степенные и рослые мужчины, здоровыя и краснощекія дѣвушки и женщины, — шли не спѣша, безъ малѣйшей робости и принужденности. Проходя мимо насъ, коротко, ясно и отчетливо они произносили: «salut!» нагибая головы или снимая шляпу, на минуту взглянувъ на насъ серьезными сѣрыми или голубыми глазами. Дорогой, какъ бы отвѣчая на мой нѣмой вопросъ, пріятель мой сказалъ:

— Васъ, кажется, удивляетъ медлительность и какъ бы равнодушіе этихъ людей? Конечно, у нихъ нѣтъ юркости и словоохотливости южанина, задора гасконца, размахистости жителей Турени, но повѣрьте, что то, что вы приняли за вялость и равнодушіе, есть лишь нѣкое «себѣ на умѣ», скрытая разсудительность и выносливость. Здѣсь знаютъ не только цѣну времени, но и словамъ. И не смѣшивайте ихъ выносливость со слѣпою покорностью бретонца, а ихъ «себѣ на умѣ» съ самоуниженіемъ и узостью нормандца. Нѣтъ, все это симптомы положительные: эти черты ихъ характеровъ выработались историческимъ путемъ, а за послѣдніе три десятка лѣтъ они лишь обострились; вѣдь это пограничное населеніе и у него есть свои особыя, священныя обязанности, которыя мои славные лотарингцы никогда не забудутъ.

Въ послѣдней французской деревушкѣ передъ границей мы остановились, чтобы перекусить, и, войдя въ скромный трактирчикъ подъ вывѣской: «L'Hôtel du Grand Monarque», я былъ пораженъ, увидавъ на стѣнѣ, рядомъ съ литографіей, представляющею альзаску въ національномъ костюмѣ, большой фотографическій портретъ генерала Буланже. Сядь за столъ, передъ двумя стаканами мѣстнаго вина, я не могъ удержаться, чтобы не обратить вниманія моего спутника на это изображеніе, которое я вовсе не предполагалъ тутъ найти.

— Ба, — сказалъ онъ, — Буланже! Этого вездѣ можно встрѣтить.

— Но развѣ населеніе здѣшнее склонно къ буланжизму?

— Было, но не есть. Лотарингцы настойчивы и не любятъ нерѣшительныхъ и болтливыхъ людей. Но одно время, когда Буланже былъ въ зенитѣ своей славы, здѣсь существовало сильное движеніе въ его пользу. Поселяне объясняли такъ свои симпатіи къ храброму генералу: «онъ», говорятъ, стоитъ горой за простой людъ и Пруссаки его боятся. Вотъ на какой почвѣ родился здѣсь впервые буланжизмъ.

— Но развѣ народъ здѣсь воинствененъ?

— Вы спрашиваете! Понятно, онъ не готовъ такъ-таки посто-

янно къ мятежному наскоку, но во всякомъ случаѣ онъ гораздо воинственнѣе парижанъ или нормандцевъ. Да и понятно : это чувство еще болѣе было бы обострено, еслибы не существовали здѣсь промышленные центры и крупныя земельныя собственности. Большая часть имѣетъ недвижимыя имущества, связана съ землей, а у такихъ людей инстинкты феодальныя болѣе охранительныя, чѣмъ наступательныя.

— Такъ что и идея реванша существуетъ?

— О, реваншъ есть понятіе растяжимое, негодное для лотарингцевъ, любящихъ опредѣленность; они лѣгкѣютъ только упорную мысль, бережно передаваемую послѣдующимъ поколѣніямъ, мысль приобщить ту, нѣмецкую, отторженную Лотарингію къ остальному куску. Объ Эльзасѣ думаютъ мало. Но здѣсь изъ Нанси въ Мецъ ѣздить также просто и часто, какъ изъ Парижа въ Версаль. Въ Мецѣ, въ Тіонвиллѣ, въ Курселѣ, въ Саребургѣ, то есть въ нѣмецкой части Лотарингіи, у здѣшнихъ жителей множество родственниковъ и пріятелей. Много общихъ интересовъ и связей. Вы понимаете, что при такихъ обстоятельствахъ искусственная граница и фактъ разсѣченія одной общей глыбы на два куска куда какъ непріятны какъ людямъ по эту, такъ и по ту сторону пограничныхъ холмовъ.

Наступила пауза.

— Только не подумайте, — заключилъ мой собесѣдникъ, — что всѣ вождедѣнія и надежды здѣшнихъ обывателей выражаются наружно, какимъ-либо рѣзкимъ образомъ. Нѣтъ, они пока « думаютъ глубокую думу », но и только. Я вполне имъ симпатизирую и понимаю ихъ. Это куда какъ лучше пустыхъ криковъ и напраснаго бряцанія оружіемъ. Надо дѣйствовать или молчать...

Подъ вечеръ, когда солнце начало спускаться позади деревушки, мы вошли на пригорокъ, откуда какъ на ладони была видна вся цвѣтущая долина Мозели до самаго Меца. Было хорошо и уютно; маленькіе домики пропадали среди группъ плодовыхъ деревьевъ и среди еще на половину убранныхъ полей. Двѣ высокія фабричныя трубы говорили о предприимчивости и неустанной работѣ. И при

мысли, что все это может мгновенно быть разрушено войной, а вся красивая ложбина обращена въ пустыню и громадное кладбище, сердце мое невольно сжалось отъ грусти и тревоги. Я обернулся и тогда глаза мои остановились на чемъ-то черномъ, длинномъ, покоящемся вдали какъ зловѣщее животное : то виднѣлась далекая Мецкая крѣпость.

МЕЦЪ.

Мецъ (или по-лотарингски Мессъ) — сѣрый угрюмый городъ съ узкими улицами и квадратными площадями, вымощенными булыжникомъ. Тамъ и сямъ новыя постройки — преимущественно казармы изъ краснаго кирпича или присутственныя мѣста. Характеръ города самый удручающій. Нѣмцы послѣ взятія Страсбурга повыстроили тамъ новые кварталы, расчистили и увеличили старыя площади и насадили всюду деревья и цѣлые скверы. За то здѣсь, въ Мецѣ, все осталось попрежнему, не тронутымъ, и городъ, окруженный кольцомъ укрѣпленій и траншей, походитъ на гигантскаго плѣнника, скованнаго могучими цѣпями.

Съ бастіона, находящагося въ концѣ эспланады, — роскошный видъ на долину Мозели и на мѣсто сліянія ея съ рукавомъ рѣки Селль. Подъ защитой громаднаго форта, расположеннаго на вершинѣ крутаго холма и такимъ образомъ доминирующаго надъ всей окрестностью, ютятся десятки фабрикъ и металлургическихъ заводовъ, на которыхъ денно и нощно работаютъ 20 тысячъ бельгійцевъ и вдвое болѣе италіянцевъ. Вызванные изъ-за Альпъ, какъ въ былыя времена имперскіе полки, эти кондотьеры современной промышленности обратили уголокъ Лотарингіи въ маленькую италіянскую провинцію. Но промышленная дѣятельность и рабочая сутолока, какъ бы по волшебству, замираетъ у подножія высокихъ бастіоновъ Меца. Въ самомъ городѣ и въ его непосредственныхъ предмѣстьяхъ продовольствіе арміи и продажа воинскихъ принадлежностей составляетъ, видимо, единственную заботу торговцевъ.

Въ Мецѣ около 30 тысячъ солдатъ. Ихъ видно всегда и всюду, на улицахъ, вдоль укрѣпленій, на многочисленныхъ и обширныхъ «Exercirplatz». Одни маршируютъ, другіе учатся маневрировать тяжелыми крѣпостными орудіями, третьи стрѣляютъ изъ маузеровъ

и тиллей. Всюду баракы, казармы старыя, французскія, и новыя, нѣмецкія. Кромѣ множества солдатъ, въ Мецѣ масса фотографовъ, снимающихъ группы военныхъ, смотры, парады и т. д. Въ городѣ существуетъ какая-то сдавленность и пришибленность, какъ будто осада еще не миновала и жители переживаютъ неприятельское вторженіе. Днемъ по узкимъ улицамъ мало прохожихъ; многочисленныя пивныя въ ожиданіи своихъ обычныхъ кліентовъ, солдатъ, только пробавляются; магазины и лавки открыты какъ-то нехотя и кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ они быстро закроются и ихъ хозяева поспѣшатъ « дать тягу ». На углахъ улицъ, на присутственныхъ мѣстахъ всюду надписи на двухъ языкахъ; многіе магазины лишь съ вывѣсками на одномъ французскомъ языкѣ. Но что въ нихъ покупаютъ и чѣмъ они существуютъ, такъ и осталось для меня тайной.

Только къ вечеру, около семи, восьми часовъ, улицы начинаютъ оживляться. На половину военная толпа направляется на « эспланаду », къ красивому городскому саду, разсаженному еще старыми хозяевами — французами. Тамъ, подъ вѣковыми дубами между двумя каменными эпопеями, обращенными другъ къ другу спиной, — между памятникомъ маршалу Нею, держащему въ рукахъ короткій мушкетъ и смотрящему на городъ, и изображеніемъ императора Вильгельма I, съ рукой обращенною на долину (на Западъ), — важно прогуливаются нѣмецкія чиновницы и французскія лавочницы.

Вокругъ многочисленныхъ столиковъ, обширной « *restauration* », около крѣпостнаго вала, сидятъ и попиваютъ пиво элегантныя офицеры всѣхъ возрастовъ и родовъ оружія и ихъ « дражайшія половины » и дочери, худыя или толстыя, « *gnädige Frau* » и « *Fräulein* ». Всѣ молча и сосредоточенно пьютъ пиво и еще пиво. Только въ холостыхъ кружкахъ разговоръ еще клеится. Но и тамъ офицеры съ грудью колесомъ и удивительно оттопыренными боками говорятъ лишь медленно и внушительно. Когда одинъ изъ нихъ начинаетъ что-либо рассказывать, то всѣ остальные слушаютъ внимательно, даже сосредоточенно. Затѣмъ, если рассказикъ чиномъ выше большинства присутствующихъ, то слѣдуетъ почти

тельная улыбка ; если это только « ein Kam'rad », то одобрительный, гортанный хохотъ. Подчасъ одинъ изъ присутствующихъ поднимаетъ свою кружку или стаканъ и, слегка нагибая голову, торжественно произноситъ : « prosit ! » Тогда всѣ остальные также нагибаютъ головы, поднимаютъ кружки и отпиваютъ нѣсколько глотковъ. Потомъ опять говорятъ, солидно улыбаются или хохочутъ сытымъ, жирнымъ смѣхомъ. Часы бѣгутъ, число подстаканниковъ увеличивается, а они все еще передаютъ другъ другу, что у Herr Lieutenant Шварца умерла старушка мать и что поѣтому онъ не могъ быть вчера на « Exerzierparade », а что Herr Kapitän Гонсъ (тутъ голосъ переходитъ въ шепотъ) получилъ репримандъ отъ « seine Excellenz » за то, что у его роты были плохо вычищены пуговицы и т. д.

Около десяти часовъ начинаютъ расходиться. Офицеры вскакиваютъ, какъ автоматы, щелкаютъ шпорами, отдають честь ; дамы пріятно улыбаются. Всѣ уходятъ. Въ саду изъ экономіи тушатъ газъ и черезъ нѣсколько минутъ по опустѣвшимъ уже улицамъ звонко раздаются по булыжной мостовой тяжелые шаги перваго патруля. Десятка два солдатъ съ равнодушными лицами въ низкихъ каскахъ съ мѣднымъ орломъ напередѣ, заканчивающимся шпигель-громоотводомъ, въ темныхъ мундирахъ съ красными воротниками и выпушками, подъ командой унтеръ-офицера обходятъ темныя улицы засыпающаго города, какъ будто онъ все еще на военномъ положеніи и не пережилъ дней осады.

Эти патрули, это главенство военного элемента надо всѣмъ остальнымъ, этотъ сѣрый, унылый городъ производятъ на свѣжаго человѣка, на туриста, самое удручающее впечатлѣніе. Весьма ясно видно, что военное сословіе не сжилося здѣсь съ кореннымъ населеніемъ ; даже въ самой манерѣ офицеровъ держаться и говорить прекрасно замѣтно, что если они и считаютъ себя въ Германіи, то все же въ завоеванной части Имперіи, а « не у себя ». Съ другой стороны, какъ коренное населеніе не чувствуетъ себя свободно и хорошо, такъ пришлое, явившееся сюда ради наживы или службы, живетъ въ Мецѣ, какъ на постояломъ дворѣ. На самомъ дѣлѣ

вы находитесь неизвѣстно гдѣ. Здѣсь уже не Франція, но также и не Германія; такъ какая-то «серединка на половинку», что-то лживое, искусственное; спайка замѣтна весьма ясно.

Быть въ Мецѣ и не посѣтить окружающихъ городъ историческихъ полей битвъ, то же самое, что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Поэтому наканунѣ моего отъѣзда изъ Меца я, нанявъ экипажъ, приказалъ себя везти въ предмѣстье Сенъ Жюльень. Тамъ, получивъ довольно легко разрѣшеніе осмотрѣть фортъ Мантейфель, прежде «фортъ Сенъ-Кентанъ», я взобрался на высокій валъ и долго любовался открывающимся оттуда видомъ. Какъ на ладони, разстилаясь передо мной Мецъ, громадная геометрическая фигура, затѣмъ налѣво между холмами небольшая ложбинка, гдѣ скрывалась деревня Борни; направо у подножія длинной цѣпи холмовъ виднѣлись красивыя крыши и высокій колокольный шпигъ деревушки Сенъ-Прива. Наконецъ, по ту сторону Меца за Мозелью, блестящею на солнцѣ какъ рыба чешуя, угадывалась мѣстность, называемая Резонвилль.

Пятнадцатаго Августа 1870 года Маршалъ Базенъ рѣшилъ, послѣ нѣсколькихъ дней непростительной медлительности, двинуть рейнскую армію по дорогѣ въ Вердёнъ. Но, такъ какъ не было устроено достаточнаго количества мостовъ на Мозели, а рекогносцировочная служба плохо функціонировала, то была послана на защиту лѣваго фланга, дивизія генерала Жоръе, а весь день потраченъ на переправу войскъ. Только на другой день, 36 часовъ спустя, послѣ отдачи приказа къ отступленію, армія могла соединиться и двинутся по направленію къ Вердёнъ. Шестнадцатаго утромъ императоръ въ дормезѣ, запряженномъ четверикомъ и конвоируемымъ сначала отрядомъ гвардейской конницы, а затѣмъ бригадой алжирскихъ конныхъ егерей генерала Маргеритта, покинулъ армію и спѣшилъ по направленію къ Шалону или, вѣрнѣе говоря, къ мѣсту своего плѣненія. Дѣйствительно, встрѣтившись на другой день или утромъ третьяго съ арміей маршала Макъ-Магона, уже разбитаго при Рейшоффенѣ, онъ съ согласія главнокомандующаго повернулъ ее на сѣверо-

востокъ въ надеждѣ встрѣтится съ Базеномъ, который такъ и не явился на rendez-vous.

Но тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ удиралъ отъ пруссаковъ, что же дѣлалъ Базенъ? Въ три часа утра 16го Августа былъ отданъ вторичный приказъ : « Торопите отступление. » Но, такъ какъ IV корпусъ (генералъ де-Ламиро) находился довольно далеко отъ центра, то Базенъ рѣшилъ его ждать. Новый приказъ : « разойтись, сложить оружія въ козлы и готовить обѣдъ. » Между тѣмъ командиръ II корпуса, коему лазутчики донесли о близости сильнаго нѣмецкаго отряда, спѣшитъ увѣдомить объ этомъ главнокомандующаго. Но Базенъ не хочетъ вѣрить донесенію и продолжаетъ медлить. Какъ вдругъ, около 10 часовъ, въ то самое время, какъ войска мирно бивуакировали, справа отъ французской арміи раздается орудійная пальба и непріятельская конница атакуетъ съ фланга базеновскія войска. Происходитъ ужасная путаница и, пока застигнутая въ расплохъ французская пѣхота готовится къ бою и побѣдоносно отбрасываетъ первый натискъ нѣмецкихъ драгунъ, III непріятельскій корпусъ обходитъ французскій центръ (II и VI корпуса) и ударяетъ его въ тылъ. Но тутъ на выручку подоспѣваютъ французскіе гвардейскіе гренадеры; они производятъ ужасающую атаку въ штыки и этимъ позволяютъ центру оправиться и прійти въ себя. Съ подобными перепетіями сраженіе продолжается до 5 часовъ, когда Фридрихъ-Карлъ, главнокомандующій второй германской арміей, незадолго до этого поспѣвшій на полѣ битвы, желая склонить побѣду на свою сторону пускаетъ въ сплошную атаку весь свой IX корпусъ. Пройдя безъ особыхъ затрудней небольшое пространство подъ защитой своей артиллеріи, онъ вскорѣ однако наткнется на французскую гвардію и еще свѣжій IV корпусъ. Происходитъ эпическая схватка, превращающаяся вскорѣ для нѣмцевъ въ поспѣшное и растроенное отступление особенно благодаря тому обстоятельству, что артиллерія генерала Бурбаки, состоящая изъ дальнобойныхъ митральезъ, начинаетъ ихъ обстрѣливать въ амфиладу. Во время своего отступления принцъ Фридрихъ-Карлъ узнаетъ отъ ординарца, что нѣсколько часовъ до этого около деревни Вюн-

вилль происходила другая неудачная атака. Въ 2 часа дня генераль, командующій III нѣмецкимъ корпусомъ, видя, что его обходитъ справа часть войскъ маршала Канробера, приказываетъ генералу Бредову парировать этотъ ударъ своей кавалерійской бригадой.

Два прусскихъ полка (7 кир. и 16 улан.) на крупныхъ рысяхъ подходятъ къ опушкѣ лѣса и римской дорогѣ, на которой уже эволюируютъ первыя французскія колонны. Но, завидя по правую отъ себя сторону пѣхоту, которую онъ принимаетъ за французовъ (а то были нѣмцы), Бредовъ оставляетъ для своего прикрытія два эскадрона и лишь съ остальными шестью спѣшитъ на встрѣчу непріятеля. Разбивъ на голову первый непріятельскій полкъ, нѣмецкая конница скачетъ далѣе. Разбивъ еще другой полкъ и, только благодаря французскому стрѣлковому батальону, не уничтоживъ непріятельскую батарею, кавалеристы Бредова несутся вдоль небольшого оврага и попадаютъ, какъ куръ во щи во фронтъ дивизіи Фортонна. Въ ту самую минуту, когда они находятся отъ нея на растояніи 500 метровъ французская бригада генерала Мюра бросается въ каррьеръ на встрѣчу, сламываетъ ихъ и заставляетъ повернуться. Ихъ спасеніе было бы обезпечено, если бы они не встрѣтили на обратномъ пути 2ой стрѣлковой полкъ, который обстрѣливаетъ ихъ почти что въ упоръ. Но отступленіе нѣмецкой конницы превращается въ настоящее бѣгство въ ту самую минуту, когда ихъ настигаетъ кирассирская дивизія генерала Фортонна. Отъ шести эскадроновъ осталось лишь немного болѣе 150 человекъ. Эта замѣчательная атака, прозванная нѣмцами: *Todtenritt*, была одна изъ наиболѣе ужасныхъ, всей продолжительной кампаній.

Когда къ вечеру, сраженіе закончилось, побѣда оказалась сомнительной. Путь французовъ къ Вердѣну оставался свободенъ, а дорога къ Мецу не была отрѣзана. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться первымъ преимуществомъ и двинуть свои войска на сліяніе съ арміей Макъ-Магона, Базенъ предпочелъ вернуться въ Мецъ. Восемнадцатаго числа ему пришлось выдержать второе сраженіе около Сень-Прива на громадномъ фронтѣ. Въ этой битвѣ, благодаря

своей медленности и перешительности онъ допустилъ почти-что поголовное уничтоженіе IV корпуса, а черезъ нѣсколько дней заперся съ 150 тысячной арміей въ Мецъ и послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ стычекъ, вылазокъ и перестрѣлокъ позорно сдался, покрывъ себя стыдомъ и лишивъ Францію лучшей и храбрѣйшей арміи.

Проночевавъ въ скромномъ отельчикѣ деревушки Гравелоттъ, я вернулся въ Мецъ лишь на другой день. Часы били полдень и на площади передъ соборомъ, единственной интересной вещью города, толпились группы крестьянъ и крестьянокъ, прибывшихъ на базаръ въ громадныхъ фурахъ или маленькихъ кабриолетахъ. Они громко болтали и спорили между собой и съ покупателями на ломаномъ французскомъ языкѣ. Тѣмъ временемъ у « Hauptwachte » происходила смѣна караула. Блестѣли каски и штыки, слышались отрывистая команда, затѣмъ барабанный бой. Смѣненный карауль уходилъ подъ звуки веселаго марша. Рѣзко и отчетливо неслись звуки мѣдныхъ инструментовъ, барабаны заглушали говоръ толпы, корнетъ-à-пистонъ выдѣлывалъ чудеса, а сапоги солдатъ грузно стучали по ужасной мостовой.

Таково было впечатлѣніе, подъ которымъ я уѣхалъ изъ Меца.

ТРИРЪ.

Триръ замыкаетъ Лотарингію и служитъ конечнымъ пунктомъ французскаго элемента. Подобно тому, какъ Мець городъ франкокарловинскій, Триръ, созданный еще римлянами почти одновременно съ «Colonia Rhenana» т. е. съ Кёльномъ, остался всецѣло латинскимъ. Онъ былъ славенъ и могущественнъ особенно въ IV вѣкѣ, когда служилъ однимъ изъ четырехъ устоевъ Великой Имперіи и видѣлъ въ своихъ стѣнахъ императоровъ Константина и Юліана. Сѣверныя ворота Трира, знаменитыя «Porta Nigra», неоднократно защищали славный городъ отъ многочисленныхъ и всевозможныхъ варваровъ. О нихъ разбивались волны всего Брабанта и германскаго сѣвера. Латинское прошлое города угадывается еще по великолѣпнымъ остаткамъ обширнаго амфитеатра, теперь мраморнаго кладбища, въ которомъ рядомъ съ дикими розами растетъ можжевельникъ и мохъ. Отъ щедротъ христіанства первыхъ вѣковъ Триръ попользовался великолѣпной базиликой и соборомъ, который можно смѣло назвать настоящимъ шедевромъ нѣмецкой первобытной готики. Но какъ не прекрасны эти памятники средневѣковья, остатки римскаго величія затмѣваютъ ихъ своей пышностью и громадой. Такъ дворецъ римскихъ цезарей поражаетъ насъ цѣльностью плана и простотой формъ, а жалкія остатки римскихъ термъ возстаиваютъ въ нашемъ воображеніи термы Каракаллы и гармоничныя постройкой греко-латинской эпохи.

Въ городскомъ музеѣ весь первый этажъ отведенъ римскимъ древностямъ. Тамъ существуютъ громадныя коллекціи старинныхъ геммъ и мозаикъ, очень рѣдкіе экземпляры, прекрасно сохранившіеся и достаточно свидѣтельствующіе, что упадокъ римскаго искусства наступилъ гораздо раньше упадка его политической гегемоніи.

Триръ можетъ задержать любознательнаго туриста на нѣсколько дней. Его виѣшній видъ остался такимъ же пестрымъ, какъ и его бывшая исторія. Окрестности города крайне живописны и состоятъ изъ многочисленныхъ холмовъ, на которыхъ растутъ виноградники и тѣнистыя дубравы, прохладныя убѣжища въ горячіе, лѣтніе дни. Лоза на берегахъ Мозели щедра и богата и вино, добываемое вокругъ Трира, славилось еще во времена его первыхъ жителей какъ напитокъ легкій и бодрящій. Вѣроятно послѣ одной изъ своихъ обычныхъ « либаній » поэтъ Озоній воскликнулъ въ припадкѣ восторга :

Trevir metropolis, urbs amoenissima,
Quae Bacchum recolis, Baccho gratissima,
Da tuis incolis vina fortissima
Per dulcor!

А въ идиллической поэмѣ, озаглавленной имъ « Mosella », онъ воздаетъ должное уже не только доброму вину, что добывается на берегу Мозели, но и самой яснотекущей рѣкѣ, смѣшивающей свои прозрачныя воды съ великимъ Рейномъ, ея отцомъ. Но за Триромъ начинается уже земля « варваровъ », къ которой славный поэтъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Юль 1901 года.

ВЪ ВОГЕЗАХЪ И ЭЛЬЗАСЪ.

Въ шести часахъ отъ Парижа, съ Эпиналя, прославленнаго благодаря своему производству лубочныхъ картинъ, начинаются отроги Вогезъ, идущіе почти вплоть до самой долины верхняго Рейна. Сравнительно невысокія горы, покрытыя еловыми и буковыми лѣсами, прорѣзаны во многочисленныхъ мѣстахъ прелестными долинами съ небольшими озерами и быстротекущими рѣками. Какъ въ самомъ центрѣ Вогезъ, такъ и около ихъ окраинъ, встрѣчаются сплошь и рядомъ величественные ландшафты и граціозные уголки. Не даромъ эта горная цѣпь еще славилась во времена Рима и его запоздалые поѣты, большею частью галло-римскаго происхожденія, воспѣли ее во многочисленныхъ поѣмахъ и «буколикахъ», дошедшихъ до насъ лишь въ безсвязныхъ отрывкахъ.

Трудно сказать, которая изъ частей Вогезъ, французская или немѣцкая, наиболѣе живописна, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Вогезы французскія несравненно промышленнѣе и богаче немѣцкихъ.

Вокругъ Эпиналя, Тилла, Баккара, Сентъ-Діе и до самой границы, вокругъ озеръ и вдоль зарождающейся въ этихъ мѣстахъ рѣки Мозели, расположены многочисленные фабрики, заводы и разныя промышленныя заведенія. Наконецъ, французскія Вогезы славятся, не безъ основанія, своими климатическими и водолѣчебными станціями.

Кромѣ минеральныхъ залежей, промышленности и природныхъ красотъ, Вогезы богаты еще и своимъ историческимъ прошлымъ. Это колыбель цѣлой націи съ очень своеобразнымъ душевнымъ складомъ и психологіей. Чтобъ изучить, хоть самымъ поверхност-

нымъ образомъ, вогезское населеніе, необходимо обратить вниманіе на крутизну горныхъ уступовъ и на бурливость многочисленныхъ рѣчекъ, пробивающихъ себѣ дорогу на глубинѣ узкихъ овраговъ. Подъ утесами, среди суровой, но вѣчно цвѣтущей природы родилась раса съ упрямымъ лбомъ и прекраснымъ зрѣніемъ; раса смѣшанная, галло-германская и франко-латинская, выработавшая историческимъ и климатическимъ путемъ тѣхъ здоровыхъ экземпляровъ, что въ наше время, среди непроходимыхъ лѣсовъ, неприступныхъ скалъ и отданныхъ на произволъ судебъ многочисленныхъ водныхъ путей, прорыли каналы и туннели, осушили болота, проложили всюду рельсы и воздвигли шестиэтажныя громады, въ которыхъ колоссальныя машины, часто приводимыя въ движеніе нынѣ послушными водами, денно и ноцно выбрасываютъ на поверхность земли уголь и желѣзо, платину и мѣдь, жгутъ, рѣжутъ, пилятъ.

Энергія и предприимчивость людей, родившихся среди угрюмыхъ лѣсовъ, около рѣкъ быстрыхъ, капризныхъ, подъ расщелинами горъ, подарила Франціи неисчерпаемую сокровищницу. Вогезская раса угадывается по природѣ. Въ рабочихъ, людныхъ центрахъ, равно какъ и среди лѣсовъ, тамъ, гдѣ стоятъ лишь нѣсколько хижинокъ, да свиститъ лѣсопилка высокій мушкетеръ, съ сѣрыми глазами, съ острымъ взглядомъ, со слегка выдающейся нижней челюстью и бѣлымъ лбомъ подъ рыжеватыми волосами встрѣчается постоянно. Это типъ и прототипъ вогезской расы. Точно также, когда вы встрѣтите въ лѣсу, около лѣсопильнаго завода, стройную дѣвушку съ загорѣлымъ лицомъ и шеей, вы найдете въ ней тѣ же черты лица, тѣ же особенности, поражавшія до этого въ мужскомъ населеніи. Въ деревянныхъ башмакахъ на босу ногу она правитъ громадной лошадей, тащущей бревна. Но уже черезъ какой-нибудь часъ она съ граблями въ рукахъ станетъ убирать сѣно вокругъ причудливо разбросанныхъ фермъ тѣмъ временемъ, какъ ея отецъ или братъ пойдетъ за дровами на высокую гору. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, среди лѣсныхъ прогалинокъ, проложены дороги для обывательскихъ нуждъ. Нагру-

живъ кругляшами самодѣльные, крѣпкія сани, онъ пачнетъ осторожно ихъ спускать въ долину. Тамъ, гдѣ колесъ не хватитъ и телѣга пройдетъ лишь съ трудомъ, небольшія сани легко скользятъ по гладкому мху или дорогѣ, часто усыпанной сосновыми иглами, какъ крѣпкимъ снѣгомъ. Но для того, чтобы онѣ не спускались черезчуръ быстро, дровосѣкъ идетъ впередъ и задерживаетъ ихъ своими могучими, плечами, ежеминутно упираясь ногами въ нарочно вбитые для этого въ землю крѣпкіе клинья.

Однако, у воротъ нѣкоторыхъ маленькихъ городковъ, почти затонувшихъ въ морѣ зелени, городковъ, расположенныхъ то въ живописныхъ долинахъ то на выси, среди холмовъ съ мягкими изгибами, дѣятельность воезцовъ стихаетъ и энергія ихъ обращается въ другую сторону. Въ подобныхъ крошечныхъ городкахъ, которые не что иное, какъ громадныя караванъ-сарай, толпа пріѣзжихъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ странъ ожидаетъ движенія водъ. Въ хорошенькомъ Пломбъэрѣ, типѣ воезскихъ курортовъ, куда еще раньше короля Станислава польскаго, императрицы Жозефины и ея внука Наполеона III пріѣзжалъ лѣчиться великій Монтенъ, оживленіе существуетъ вокругъ маленькихъ домиковъ, обращенныхъ въ лавки и базары и гдѣ продается всякая умильная дрянь, начиная отъ издѣлій изъ дерева и камня и кончая набившими оскомину иллюстрированными открытыми письмами. За то отсутствіе какого бы то ни было намека на пивную или кафэ. Тутъ пьютъ только воду и, когда позволяютъ себѣ стаканъ вина, то всегда его разбавляютъ цѣлебнымъ напиткомъ.

Впрочемъ, стоитъ только посмотрѣть на лицъ обоюго пола, что вы встрѣчаете то на прогулкахъ, то въ гостинницахъ, то въ казино, чтобы замѣтить, что отсутствіе мѣстъ, гдѣ можно, было бы совершить возліаніе въ честь Бахуса, ихъ совершенно не печалитъ. А однако вино веселитъ, вино вдохновляетъ и поражаетъ находки. Лордъ Байронъ выпилъ двѣ бутылки бордо передъ тѣмъ, какъ написать свой знаменитый отвѣтъ « шотландскаго Барда » на нападки

Эдинбургской Газеты. Бруммель, неподражаемый Брюммель, осушил нѣсколько бокаловъ шампанскаго, наканунѣ своего категорическаго отказа помириться съ принцемъ Уэльскимъ. Но блѣдные, худые и болѣзненные люди, прогуливающіеся по аллеямъ Пломбъэра, неспособны выпить не только двухъ бутылокъ бордо, но и нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго. Конечно, легкое пищевареніе увеличиваетъ красоту породы и понятно, что человѣкъ поѣдающій, какъ Людовикъ XVIII, по десяти котлетъ за завтракомъ и обѣдомъ или пьющій, какъ блаженной памяти мичманъ Дырка, не представляетъ изъ себя завидной «Академінъ». Онъ большею частью тученъ, цвѣтъ его лица подъ старость становится коричневымъ или темно-краснымъ, подъ глазами образуются мѣшки, а отъ расширенія кишекъ вздувается животъ. Красиваго тутъ мало. Но вѣдь не для одной внѣшности живемъ мы на этомъ свѣтѣ и люди, пьющіе кисленькія воды, дабы талья стала тоньше или цвѣтъ лица былъ менѣе антипатиченъ, лишь вредные маньяки и обладатели чудовищнаго самоубійствія. Остаются значить тѣ, которые пьютъ воды дѣйствительно по необходимости. Ихъ участь часто весьма горька и мы можемъ ихъ жалѣть, но не симпатизировать имъ. Наши симпатіи пойдутъ къ здоровымъ эфебамъ или краснощекиимъ толстякамъ, потому что они представляютъ изъ себя цѣлые кладенцы веселья, оптимизма и радости жизни.

Однако покинемъ Пломбъэръ, хорошенькій «Монрепо» для нуждъ страждущаго и скучающаго человѣчества и пойдѣмъ въ долину.

Эпиналь съ своими громадными мастерскими Пеллерена задержитъ насъ на нѣкоторое время. Тутъ приготавливаются въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ всевозможнаго рода лубочныя картины, начиная отъ сюжетовъ божественныхъ и кончая портретами самыхъ современныхъ дѣятелей. Произшедшій не столь давно пожаръ принудилъ перестроить мастерскія, въ которыхъ въ настоящее время работаютъ по самымъ новѣйшимъ способамъ. Но старыя станки и доски, которыми пользовался первый изъ Пеллереновъ, основатель мастерскихъ, еще сохранились и показываются съ по-

нятною гордостью. Пеллеренъ въ началѣ прошлаго столѣтія, живя въ Эпиналѣ, занимался тѣмъ, что раскрашивалъ для Бретани часовые циферблаты; онъ рисовалъ жидкими красками по эмали лица и фигуры святыхъ и угодниковъ. Но подобный способъ обходился дорого, такъ что когда почти у всѣхъ бретонцевъ завелись подобные часы, торговля стала быстро падать. Тогда-то догадливому Пеллерену пришла мысль дѣлать циферблаты изъ бумаги; успѣхъ былъ громаденъ: не только Бретань, но и вся Франція, благодаря «офенямъ», стала покупать это производство предприимчиваго вогеца. Когда же церкви были вновь открыты, то Пеллеренъ, уже не довольствуясь циферблатами, сталъ писать и иконы. Послѣ этого онъ перешелъ къ современнымъ, обыденнымъ сюжетамъ и подготовилъ для себя нѣсколько учениковъ. Побѣды первой Республики, великолѣпія Консульства, затѣмъ, Имперіи, все это было имъ рассказано на простой бумагѣ водяными, яркими красками. Драматичность сюжетовъ и крикливость тоновъ понравились публикѣ. Пеллеренъ сталъ знаменитъ и такимъ образомъ родились эпиналевскіе эстампы, которые одно время наполнили собой всю Европу; въ Россіи ихъ успѣхъ былъ почти такъ же великъ, какъ и во Франціи.

Мнѣ удалось видѣть въ современной пеллереновской мастерской нѣсколько экземпляровъ старинныхъ гравюръ, равно какъ и тѣ доски, что служили для ихъ печатанія. Эстампы хотя довольно плохо сохранившіеся — крайне все же куріозны, какъ по сопровождающему ихъ тексту, такъ и по трактовкѣ сюжетовъ. Мнѣ особенно понравилась картинка, изображающая Бородинскую битву (*bataille de la Moskowa*). Фантазія художника особенно пылко вылилась въ обрисовкѣ русскихъ генераловъ и солдатъ. Текстъ же, — это цѣлый шедевръ: «*Napoléon paisible au milieu d'un brouillard de boulets. . .*» До какихъ только цвѣтовъ краснорѣчія не доводитъ иногда поклоненіе и шовинизмъ!

Эпиналь — одна изъ сильнѣйшихъ французскихъ крѣпостей. Его окружаютъ пять громадныхъ фортовъ и защищенный лагерь. Всѣ эти укрѣпленія были выстроены послѣ войны 1870 года, когда

замѣтили значеніе этого пункта, находящагося у входа въ среднія и южныя Вогезы. Но, кромѣ оборонительнаго характера, форты Эпиналя, раскинутые на окружности 43 километровъ, должны еще, по мысли устроителей, служить и сильнымъ базисомъ для арміи, оперирующей въ долину Мозели и около Эльзасской границы.

Отъ Эпиналя къ Мерикуру — поѣздъ тащится съ удивительной медленностью. Онъ пыхтитъ, свиститъ и какъ бы выбивается изъ силъ, чтобъ втащить десятокъ вагоновъ на длинный пригорокъ. Дорога подымается извилинами. Черезъ два часа путешествія въ вагонѣ, полномъ мѣстнымъ людомъ, разговаривающемъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, мы достигаемъ, наконецъ, Мерикура. За этотъ промежутокъ времени я успѣлъ замѣтить слѣдующую особенность: въ моемъ вагонѣ почти всѣ между собой знакомы. Какъ пріятна бываетъ при такихъ условіяхъ популярность и какъ легко пріобрѣтается извѣстность.

Сейчасъ же по пріѣздѣ я отправляюсь къ одному изъ своихъ пріятелей, мѣстному помѣщику, проживающему по зимамъ въ Парижѣ. До деревеньки, въ которой онъ живетъ километровъ пять. Я нанимаю скромную таратайку запряженную парой сытыхъ, но видимо лѣнивыхъ лошадей и черезъ единственную улицу города, — улицу въ два километра длинной, — плетусь въ гости.

Въ городѣ тишина и полное отсутствіе оживленія. Мы переѣзжаемъ рѣчку и выѣзжаемъ въ полѣ. Домики покинутаго Мерикура лѣпятся вдоль почти горнаго потока, словно гнѣзда ласточекъ подъ уступами широкихъ крышъ.

Мы ѣдемъ по богатымъ плоскостямъ вдоль тучныхъ пастбищъ, мимо зажиточныхъ фермъ и полей съ еще неубраной пшеницей. Тамъ и сямъ среди доспѣвающаго овса и кукурузы высятся фруктовыя деревья. Проходятъ крестьяне въ большихъ соломенныхъ шляпахъ, крестьянки въ красныхъ, синихъ платкахъ въ глубокихъ «сабо» на босу ногу. Они кланяются и внимательно и съ любопытствомъ оглядываютъ иностранца, «парижанина»,

какъ называютъ провинціалы всякаго прїѣзжаго Француза и не Француза.

Съ этимъ моимъ прїятелемъ я предпринялъ, черезъ нѣсколько дней объѣздъ наиболѣе гористой части Вогезъ.

Покинувъ въ Эпиналѣ главную желѣзнодорожную линію, мы направились въ Брюаръ, дабы черезъ Жерармѣ достигнуть нѣмецкой границы и прилегающихъ къ ней мѣстечекъ. Уже почти у самаго Эпиналя дорога идетъ въ гору. Ущелья за ущельями, грубокіе овраги, горы, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ. Иногда встрѣчали мы изгибы свѣтлой Мозели. Рано утромъ, съ восходомъ солнца мы были въ Брюарѣ; хорошенькій городокъ съ домиками изъ краснаго мѣстнаго камня еще спалъ. По пустыннымъ улицамъ, въ которыхъ еще кое-гдѣ сохранились старинныя постройки позапрошлаго столѣтія, когда Брюаръ принадлежалъ къ герцогству Лотарингскому, мы взобрали на пригорокъ, откуда былъ прекрасный видъ на Вогезы и на всю мѣстность, простирающуюся до Жерармѣ. Это въ настоящую минуту очень модный климатическій курортъ, связанный съ Парижемъ быстроходными поѣздами. Иностранцы и Французы, прїѣзжающіе въ Жерармѣ ради чистоты воздуха и красоты ландшафта, вносятъ оживленіе и сутолоку космополитическихъ центровъ.

Отъ Жерармѣ къ границѣ и дальше ѣдутъ въ экипажахъ и въ дилижансѣ. Тутъ дорога вьется вьюномъ. Въ одномъ мѣстѣ она огибаетъ красивое озеро Лонгемеръ, затѣмъ тянется чащей лѣса и выходитъ на обширное плоскогорье около самой границы. По обѣ стороны дороги выстроены въ этомъ мѣстѣ нѣсколько домиковъ — барачковъ и громадная гостинница. Пограничный нѣмецкій столбъ раздѣляетъ ее на-двое. Таможни тутъ не существуетъ, это такъ называемая « zone neutre ». Около гостинницы и на дорогѣ постоянное движеніе; масса экипажей, омнибусовъ, проѣзжаетъ тутъ каждый день, и такъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Люди здѣсь очень странные и, кажется, не принадлежатъ ни къ какой національности; нѣмцы говорятъ по-Французски, Французы — по-нѣмец-

ки, но всё одинаково охотно берутъ деньги, будь то даже греческія драхмы.

Эта мѣстность и прилегающія къ ней горы называется La Schlucht (Шлюхетскій переваль). Въ тотъ день, когда я тутъ проѣзжалъ, съ нами завтракали въ отелѣ, благодаря гарнизоннымъ маневрамъ, нѣсколько офицеровъ въ блѣдно-голубыхъ долманахъ. И такъ какъ пограничный столбъ стоялъ противъ гостиницы, то они все время находились, или лучше сказать кружились, на французской сторонѣ гостиничной террасы.

Выйдя послѣ завтрака на дорогу, я увидалъ цѣлый баталіонъ пѣхоты.

— Откуда же они явились? — спрашиваю я своего пріятеля.

— А оттуда, — отвѣчаетъ онъ мнѣ, показывая на высокую, какъ бы плѣшивую гору. — Тамъ наверху фортъ. Развѣ ты его не видишь?

Посмотрѣвъ внимательно, я только тогда замѣтилъ на самой вершинѣ что-то длинное, сѣрое и низкое. Такъ это фортъ? Какая невинная игрушка, однако. Сущій пустякъ.

Въ километрѣ отъ границы, на нѣмецкой сторонѣ, выстроены великолѣпный отель для проѣзжающихъ и любителей горной природы.

Когда мы достигли гостиницы и взошли на ея крытую террасу, то передъ нами разстилалась молочная пелена, скрывающая всю долину Мюнстера. Шелъ дождь, обволакивающій тонкой кисеей всю обширную окрестность. По небу неслись темныя тучи; изрѣдка сверкала молнія и доносились раскаты грома. Но черезъ нѣсколько минутъ дождевая пелена поднялась и мало по малу начали обрисовываться, сначала неопредѣленно, затѣмъ болѣе отчетливо, контуры горъ и ущелій. Потомъ, вдругъ, совершенно неожиданно молочная завѣса поднялась и изъ подъ нея, какъ бы по волшебству, выплыла вся еще влажная и еще лоснящаяся отъ дождя красавица долина Мюнстера, богатая пастбищами, игрушечными деревьями и поселками. Еще минута и, разсѣкая послѣднія тучи, на блѣдно-зеленую поверхность холмовъ, легли ослѣпительно играя, послѣдніе лучи захо-

дѣлаго солнца. Тамъ, вдали, передъ горами, заполняющими далекій горизонтъ, по направленію къ Кольмару еще шелъ дождь и часто, то вспыхивая, то стелясь какъ зарево сверкала молнія. Но въ долину, между разщелинами горъ, переходящихъ въ холмы, среди еловыхъ и буковыхъ лѣсовъ тамъ и сямъ курился дымокъ; послѣднія тучки протчавшейся грозы.

Вечеромъ гостинница оживилась и засверкала десятками электрическихъ лампъ. На террасѣ, защищенной отъ непогоды громадными стеклянными рамами, были приготовлены для обѣда бѣлоснѣжные столики подъ букетами свѣжихъ цвѣтовъ и свѣтильниками съ красными абажурами.

Подобные громадные караванъ-сарай, построенные на недостижимыхъ, казалось, горныхъ вершинахъ, окруженные скалами и дремучими лѣсами, куда достигъ можно лишь послѣ тяжелой ходьбы или трудной ѣзды — эти мѣста злчныя и покойныя, послѣднее слово роскоши и комфорта, всегда особенно меня поражали, вѣроятно, какъ живыя антитезы къ окружающей дикости и мерзости заустѣнія. Я считаю ихъ однимъ изъ лучшихъ продуктовъ человѣческаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть завиднѣе и прекраснѣе судьбы человѣка, съ умѣвцаго успокоить, накормить, напоить и защитить отъ холода и темноты глубокой ночи скитающееся, недвольное человѣчество.

Тутъ, у Hôtel d'Altenberg, мой пріятель со мной простился и дальнѣйшій путь я совершилъ уже одинъ. Маленькій городъ Мюнстеръ, первый нѣмецкій центръ, меня удержалъ лишь на нѣсколько часовъ. Уже вечеромъ я былъ въ Кольмарѣ, когда-то знаменитомъ градѣ, черезъ который неоднократно протекала рѣка Исторіи; отъ ея щедротъ въ немъ остался старинный монастырь доминиканцевъ, обращенный теперь въ городской музей, да небольшая часовня, въ настоящую минуту прескверно реставрированная.

На другой день я отправился въ смиренное паломничество, къ остаткамъ твердыни герцоговъ Эльзасскихъ, могущественныхъ Гогенштауфеновъ. Замокъ Гохкенигсбургъ, хотя и сильно реставри-

рованнѣй, сохранилъ еще настолькоъ величественность, что помогаетъ понять складъ ума и характеръ его первыхъ обитателей. По краснымъ камнямъ, краснымъ не только отъ природы, но и отъ всей пролитой тутъ крови, угадываются пережитые вѣка. Громадный левъ, раскрывающій могучую пасть, — гербъ Гогенштауфеновъ, — еще до сихъ поръ украшаетъ главныя ворота.

Нѣмецкія Вогезы, замирающія почти у самыхъ воротъ Страсбурга, также богаты живописными мѣстами. Но онѣ сильно страдаютъ отъ сравненія съ близъ лежащимъ Шварцвальдомъ.

Страсбургъ, въ настоящее время, въ самомъ разцвѣтѣ. Приливъ какъ населенія, такъ и матеріальныхъ богатствъ увеличивается ежегодно. Много солдатъ, но Страсбургъ пересталъ быть лишь гарнизоннымъ городомъ; широкая волна коммерческой и университетской жизни поглотила военный элементъ. На Рейнѣ и на Иллѣ строятъ обширный портъ, ненужный, по мнѣнію специалистовъ, такъ какъ дешевое и постоянное сообщеніе по Рейну начинается гораздо ниже Страсбурга.

Нѣмцы достраиваютъ по ту сторону Илла за бывшимъ городскимъ валомъ цѣлый новый кварталъ. Имперскій дворецъ высится напротивъ городской библіотеки и зданія Landesausschuss. Дальше, громада новаго университета, клиники и ботанической садъ. Почтамтъ, въ видѣ средневѣковаго аббатства, подавляетъ своей величиной; сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ пропорціоналенъ потребностямъ. Видимо, затрачено не мало, дабы сдѣлать все великолѣпнымъ, поразительнымъ; всюду мраморъ, гранитъ, обработанный чугуны, позолота. Великолѣпія хотя и не добились, но за то совершенно убили эстетику; всѣ постройки страшно тяжелы и громоздки; нѣтъ ни изящества, ни окраски, ни контуровъ дѣйствительно художественно исполненныхъ архитектурныхъ произведеній. Всюду, какъ тутъ, такъ и въ центральномъ городѣ, гостинныя дома и общественныя зданія имитатіи ново-ренессансу въ такомъ ходу теперь въ Берлинѣ, или же жалкія уродства по самымъ чистымъ принципамъ «modern-style». Все что очень и очень страдаетъ въ сравненіи съ древней резиденціей принцевъ-эпископовъ, съ «hôtel de Rohan», выстроен-

нымъ въ столь благородномъ и красивомъ стилѣ середины XVIII столѣтія.

Послѣ продолжительной прогулки я вхожу въ огромное кафе-пивную, тоже совершенно новую и по своему великолѣпную. Элегантные, движущіеся какъ бы на пружинахъ офицеры пьютъ шампанское, подаваемое некрасивыми эльзасками подѣ гипсовыми бюстами основателей Имперіи. Дальше нѣсколько « молодыхъ старцевъ » въ очкахъ, въ соломенныхъ, « докторскихъ » шляпахъ, « Herren, Privatdocenten » скромно пьютъ пиво и переглядываются поверхъ очковъ. Входятъ вольноопредѣляющіеся, отдають честь, вытягиваясь въ струнку. Выходятъ студенты, какія-то дамы. . . Пахнетъ жареными сосисками и кислую капустой. . .

Убранство залъ съ тяжелою дубовою отдѣлкой, съ монументальными каминами, со сводами, съ пилястрами, говоритъ о тяжелой пищѣ и питьѣ, послѣ коихъ можно только дремать или двигаться съ большою медленностью.

Въ Германіи пивная — мѣсто, гдѣ лучше всего можно подмѣтить обычаи, привычки и социальныя раздѣленія. Страсбургцы всѣхъ классовъ общества имѣютъ свои излюбленные кафе, куда офицеры и чиновники не ходятъ. Мѣстное населеніе еще до сихъ поръ крайне осторожно сливается съ пришлымъ людомъ, оно живетъ своимъ кружкомъ. Но это скорѣе духъ автономности, косность провинціаловъ къ « столичнымъ штучкамъ », чѣмъ глухой политической протестъ. Въ настоящее время матеріальные и коммерческіе интересы сглаживаютъ его окончательно. Казарма, школа — являются хоть и медленными, но за то вѣрными насадителями германизма. Наконецъ, само духовенство, имѣющее здѣсь громадное вліяніе, начинаетъ также итти по совершенно новому пути. Страсбургъ все болѣе и болѣе принимаетъ нѣмецкій отпечатокъ. Хотя на улицахъ нерѣдко услышать французскую рѣчь и хотя большинство, если и не говоритъ, то все же понимаетъ этотъ языкъ — но весь складъ, по крайней мѣрѣ внѣшней жизни, уже чисто германскій и французское вліяніе замѣтно лишь только на нѣкоторыхъ специальныхъ продуктахъ торговли, на ресторанной кухнѣ

и на программахъ веселыхъ театровъ, такъ называемыхъ «шато-кабакахъ».

Но въ шато-кабакахъ, этихъ процвѣтающихъ «интернаціоналкахъ», всѣ ненависти и антипатіи стихаютъ подъ опьянительными звуками разудалаго вальса или сомнительнаго качества пѣсенки.

Я уѣхалъ изъ Страсбурга поздно ночью. Изъ открытаго окна вагона я могъ еще долго любоваться стройной колокольной и высокимъ шпицемъ величественнаго собора. Блѣдный серпъ луны освѣщалъ ее съ боку, такъ что я могъ прекрасно услѣдить всю ажурность этой постройки такъ легко поднимающейся къ небу.

Кто же это сказалъ, что готическіе соборы, это застывшія молитвы, поднимающіяся къ небу, какъ непорочный дымъ камильницъ?

Августъ 1901 года.

ПО ГЕРМАНИИ.

МЮНХЕНЪ.

Для тѣхъ, кто путешествуетъ лишь съ цѣлью пройтись по музеямъ и добросовѣстно осмотрѣть всѣ достопримѣчательности, о которыхъ говорятъ путеводители, прелесть столицы Баваріи пропадаетъ безслѣдно. Нужно пожить въ ней нѣкоторое время и отбросить всѣ напрасныя стремленія для того, чтобы почувствовать все обаяніе этого города, безусловно сотвореннаго для отдыха и «нѣги томной».

Многіе путешественники, склонные къ быстрымъ и непреложнымъ выводамъ, неоднократно высмѣивали Мюнхенъ за его страсть къ «антикамъ», за весь тотъ художественный сбродъ, что наполняетъ его улицы и площади. И въ самомъ дѣлѣ, не кажется ли развѣ нѣсколько «куцою» мысль воздвигнуть рядомъ съ современными безцвѣтными постройками копію съ аѳинскихъ *Пропилей* или снимокъ съ флорентинской *Loggia dei Lanzi*? Изобиліе разныхъ пинакотекъ, глиптотекъ, пропилей, италіянскихъ палаццо, готическихъ храмовъ, триумфальныхъ арокъ въ римскомъ вкусѣ, византійскихъ базиликъ, часовенъ въ стилѣ «гососо», построекъ въ духѣ германскаго ренессанса и, наконецъ, громадныхъ шестиэтажныхъ домовъ въ самомъ чистѣйшемъ «nouveau style», все это раздражаетъ не безъ основанія любителей симметріи и цѣнителей цѣльности впечатлѣнія.

Но хотя въ Мюнхенѣ, городѣ чисто современномъ, и нѣтъ ни одного порядочнаго общественнаго зданія, которое не было бы сколкомъ съ какой-нибудь знаменитой постройки, я все же нахожу, что эти «невязущіяся сочетанія» и «соединенные контрасты» далеко уже не такъ невыгодно отзываются на самой его внѣшности и на зрѣніи туриста, какъ то любятъ говорить педанты возмущеннаго «эстетическаго чувства». Можетъ-быть, въ какомъ-нибудь иномъ городѣ подобное собраніе копій и поддѣлокъ, всѣ эти видимые потуги придать каждому уголку *художественную* окраску и могли бы, дѣйствительно, насъ покоробить, но тутъ, въ Мюнхенѣ, они лишь веселятъ и развлекаютъ.

Прогулки по улицамъ Мюнхена, какъ только мы условимся смотрѣть на наполняющія ихъ «дикины», какъ на вещи не серьезныя, представляютъ собой настоящій праздникъ. Понятно, *Loggia dei Lanzi*, что громоздится около старой «Резиденціи», вещь довольно неудачная, украшающій ее памятникъ въ честь баварской арміи лишь весьма слабо напоминаетъ *похищеніе Сабинянокъ*, а изображеніе генерала Тилля, принадлежащее рѣзцу Шванталера, — не *Персей* дивнаго Бенвенуто Челлини, но... смотря на эту жалкую копію, мы вспоминаемъ наши поѣздки по Италіи и представляемъ себѣ дивный флорентинскій оригиналъ. Точно также мюнхенскія *Пропалей*, ничего не имѣющія общаго съ настоящими, кромѣ, развѣ, названія, — говорятъ намъ объ Аѳинахъ и о ясно-смѣющейся Эладѣ. Такимъ-то образомъ, благодаря своимъ очень часто неудачнымъ копіямъ, Мюнхенъ навѣваетъ на насъ легкія грѣзы и даетъ возможность возстановить въ памяти прошлыя поѣздки и восторги.

Но тутъ я принужденъ поставить скобку для того, чтобъ отмѣтить, хоть мимоходомъ, всю страсть баварцевъ, да и вообще всѣхъ нѣмцевъ ко всему, что пахнетъ сѣдою стариной. Не надо долго ѣздить по Германіи, чтобъ замѣтить, какимъ тамъ высокимъ уваженіемъ пользуется древняя Элада и все, что прямо или косвенно къ ней относится. Не знаю ужъ потому ли, что среди нѣмцевъ

много ученых эллинистовъ и что классицизмъ въ ихъ странѣ очень развитъ, но фактъ тотъ, что нѣтъ мало-мальски уважающаго себя города, въ которомъ вы не встрѣтили бы современныхъ построекъ въ греческомъ стилѣ. Ионическія и дорическія колонны, стѣнная живопись, фронтоны, барельефы, статуи (правда, прикрытыя), массивныя двери и громадныя окна, плоскія крыши, треножки, пляшущіе фавны и боги Олимпа, — все это составляетъ, такъ сказать, «суть» частныхъ и общественныхъ зданій, начиная отъ банкирскихъ конторъ и кончая казармами и вокзалами. Правда, за послѣднее время въ общественный обиходъ началъ еще входить и такъ называемый «новый стиль», довольно уродливый уже самъ по себѣ, но еще болѣе чудовищный въ нѣмецкомъ изготовленіи.

Но симпатіи къ Греціи проявляются у Нѣмцевъ не только въ архитектурѣ, въ живописи и другихъ изящныхъ искусствахъ, а также въ явленіяхъ обыденной жизни. Мнѣ приходилось присутствовать на «артистическихъ праздникахъ», до которыхъ нѣмцы большіе охотники, на которыхъ германскія Fräulein были наряжены ни къ селу ни къ городу въ стройныхъ дѣвъ Эллады, а здоровые бурши дули, не жалѣя легкихъ, въ длинныя античныя трубы. Подобнаго рода маскарады были бы сами по себѣ вполне безобидны, если бы у нѣмцевъ, особенно южныхъ, не было распространено ложное убѣжденіе, что они среди европейскихъ народовъ то же самое, что были аѳиняне среди античныхъ грековъ. «У насъ іоническая душа» (*sic!*), воскликнулъ еще недавно весьма извѣстный нѣмецкій писатель.

Однако, вернемся къ прерванному.

Главная прелесть Мюнхена, — это его вѣчная *Gemüthlichkeit*. Въ этомъ городѣ жизнь течетъ легко и равномерно. Все совершается тутъ въ положенный часъ, но никто не суетится, не бѣгаетъ, не осаждастъ себя и ближняго напрасными мечтаніями, заботами и дѣлами. Нѣкоторая доля лѣни или, лучше сказать, того, что называется русскимъ «авось», составляетъ, по моему мнѣнію, самую основу характера истаго мюнхенца. Онъ спокоенъ, уравновѣшенъ и,

смотря на его сытое, довольное лицо, вы и сами перестаете быть тревожнымъ и мало-по-малу подпадаете подъ это « благодушіе ». « Все долженствующее совершиться — совершится. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, противиться судьбѣ ! » говоритъ старая баварская поговорка. Это выраженіе, достойное эллинскаго фатализма, пріятно сочетаясь съ античными колоннадами и пропилеями, невольно, но властно убаюкиваетъ сердечную смуту. Полученію подобнаго душевнаго настроенія, часто дѣйствующему лучше всякихъ лѣкарствъ, помогаютъ еще спокойствіе внѣшней жизни и природныя красоты города. Широкія улицы и бульвары, множество тѣнистыхъ садовъ, въ музеяхъ изобиліе настоящихъ, на этотъ разъ, шедевровъ, — все это способствуетъ нѣгѣ и жизнерадостности.

Я прожилъ въ Мюнхенѣ нѣсколько пресимпатичныхъ дней. Сначала меня, какъ и другихъ иностранцевъ, корбило изобиліе архитектурныхъ претензій, неряшливость и медлительность ресторанной и иной прислуги, но, переставъ обращать вниманіе на окружающія меня зданія, а также замѣтивъ, что прислуга, хотя и медленно, но добросовѣстно исполняла заказы и порученія, я зажилъ въ унисонъ съ общественною жизнью города. Я сталъ безцѣльно прогуливаться, подолгу останавливаться передъ витринами магазиновъ, а по вечерамъ часами просиживать надъ громадными кружками (mass) душистаго пива. И тогда я понялъ весь душевный складъ города, и воздалъ ему должное. Въ моихъ продолжительныхъ скитаніяхъ по улицамъ Мюнхена я примѣтилъ нѣсколько особенностей, которыя и постараюсь здѣсь изложить.

Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза обиліе портретовъ художника Бёклина, равно какъ и громадное количество всевозможныхъ репродукцій съ его произведеній. Этотъ талантливый швейцарецъ, проживъ въ Германіи болѣе половины своей жизни, сталъ національною гордостью баварцевъ. Вотъ чего достигаетъ искусство и любовь къ нему.

« Искусство не знаетъ родины и границъ », не преминули бы повторить по этому случаю наши маленькіе « общечеловѣки », и они

были бы, пожалуй, правы, еслибы рядомъ съ Бёклиномъ не былъ бы выставленъ также всюду и во всевозможныхъ видахъ другой «художникъ» — желѣзный канцлеръ, который прекрасно зналъ, что такое границы и «Vaterland». Часто было говорено о не солидарности Баварскаго королевства съ остальною частью Имперіи, о разномовкахъ, происходящихъ между правительствами Берлина и Мюнхена и т. п. Можетъ-быть, въ частностяхъ и существуютъ разногласія, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что баварцы держатся союза крѣпко и вполне сознательно. О какомъ-либо сепаратизмѣ здѣсь и рѣчи не можетъ быть и доказательствомъ этого служить не только культъ баварцевъ къ основателямъ Имперіи и особенно къ Бисмарку, но еще и масса другихъ особенностей, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Да, у нѣмцевъ Бисмаркъ дѣйствительно въ почетѣ.

Съ самаго моего вѣзда въ Германію его образъ преслѣдовалъ меня всюду и во всѣхъ видахъ: то на фотографіяхъ, то на гравюрахъ, въ слѣпкахъ, въ аллегоріяхъ, въ громадныхъ памятникахъ, болѣе или менѣе хорошо исполненныхъ. Во всякомъ мало-мальски уважающемъ себя городѣ есть Bismarckstrasse или Bismarckplatz, какъ есть изображеніе генерала Мольтке и памятникъ Вильгельму I. Этихъ трехъ основателей Имперіи мнѣ приходилось часто встрѣчать соединенныхъ вмѣстѣ на маленькихъ триптикахъ. Но самый популярный изъ этой троицы, конечно, Бисмаркъ. Это безусловный фактъ, какъ фактъ и то, что желѣзный канцлеръ служитъ предметомъ патриотическаго культа всюду, «so weit die deutsche Zunge klingt».

Итакъ, въ Мюнхенѣ Бисмаркъ и Бёклинъ заполняютъ собой витрины магазиновъ, начиная съ самыхъ «шикарныхъ» и кончая самыми скромными. Даже въ «пивныхъ дворцахъ» первый изъ нихъ — всегда находитъ себѣ мѣсто. Нѣмцы любятъ пить пиво подъ благосклонными взглядами маленькихъ *Kellnerinnen* и подъ портретами или гипсовыми изображеніями основателей объединенной Германіи. Пиво такъ кажется имъ болѣе вкуснымъ, а сознаніе, что они «deutsch», болѣе осязательнымъ

Kellnerinnen, существа большею частью миловидныя и эфемерныя, играютъ въ Мюнхенѣ очень видную роль. Трудно обойтись безъ ихъ услугъ и нѣтъ пивной и ресторана, кромѣ самыхъ дорогихъ или тѣхъ, что при гостинницахъ, гдѣ бы ихъ не было. Онѣ довольствуются самыми скромными « чаями »; если же вы случайно ѣли или пили по нѣскольку разъ за однимъ столомъ, то вы сейчасъ же становитесь « клиентомъ » одной изъ нихъ. Тогда вамъ первому подается кружка пива и свѣжій нумеръ газеты. Подобное расположеніе не даетъ уже вамъ возможности перемѣнить столъ и перестать обращаться за услугами *Toni* или *Resi*. Впрочемъ, подобныхъ измѣнъ въ лѣтописяхъ мюнхенскихъ пивныхъ что-то не помнятъ, какъ и не знаютъ случая, чтобъ *Resi* или *Toni* спорили и ссорились между собой изъ-за количества клиентовъ. Разногласія между ними происходятъ лишь тогда, когда ихъ клиенты одновременно потребуютъ одну и ту же газету. Тогда настааетъ то, что называется *Zeitungskrieg*. Она иногда имѣетъ крайне печальныя послѣдствія.

Я уже говорилъ въ предыдущей главѣ что въ Германіи пивная или *Restauration* — мѣсто, гдѣ наилучше можно подмѣтить социальныя сгруппленія и привычки. Мюнхенцы разныхъ классовъ, какъ и прочіе добрые нѣмцы, имѣютъ свои излюбленныя пивныя. Но самыя интересныя и оживленныя не всегда тѣ, что посѣщаются чистою публикой. Въ нѣкоторыхъ народныхъ « подвалахъ » (*Bierkeller*), гдѣ кружка пива стоитъ 5 фенинговъ, то-есть 2 1/2 копѣйки, встрѣчается ежечасно масса колоритнаго и характернаго, того, что французы называютъ « *souleur locale* ».

Разъ я заговорилъ о пивныхъ и ресторанахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что Мюнхенцы не столь много пьютъ, сколь много ѣдятъ. Осушить кружку пива безъ ѣды кажется здѣсь истымъ преступленіемъ. А потому вмѣстѣ со стаканами вокругъ посѣтителей « рестораций » — будь то даже дамы « хорошаго общества » — стоятъ нѣсколько тарелокъ, на которыхъ обыкновенно красуются *Delicatessen*, то есть производства колбасныхъ лавокъ. Рядомъ съ *Nürnberger Bratwürste* возлежитъ заманчивое *dünn geselchte*

Würste или еще *Bockwürste*, или ломтики *Schinken mit Kartoffelsalat* и т. д.

Столь тяжелая пища и густое питье повергаютъ васъ, человѣка непривычнаго, въ полнѣйшее оцѣпенѣніе; кажется со стороны, что при подобномъ режимѣ что-либо дѣлать или о чемъ-либо думать положительно невозможно, а между тѣмъ у мюнхенцевъ дѣла изъ рукъ не падаютъ и если они не особенно много думаютъ или думаютъ лишь когда того требуютъ обстоятельства, то я все-таки не замѣтилъ въ нихъ особой грубости и безцеремонности. Конечно, смѣхъ у нихъ громовой, такой, что можетъ сшибить быка, и тонкостью вкусовъ они не щеголяютъ, но это почти всегда очень добродушные, очень наивные и очень мирные люди. Не безъ пристрастія занимаютъ они искусствомъ и не безъ вниманія слушаютъ театральную піесу или музыкальное произведеніе. Наконецъ, они изъ всѣхъ силъ пытаются понять остроумную фразу или быть *élegant*.

Ахъ, ужъ это слово! Сколько разъ приходилось мнѣ его слышать и видѣть потуги его осуществить. Быть *élegant*, прослыть таковымъ или таковою для здѣшняго люда (я говорю, понятно, о наиболѣ развитыхъ) своего рода *pium desiderium*. Они ради него продѣлываютъ зачастую множество самыхъ уморительныхъ глупостей, подражаютъ ужаснымъ модамъ и поддѣлываются подъ обычаи, ненужные и неподходящіе къ складу ихъ жизни, характеру и внѣшности. Но они бываютъ интересны почти всегда, когда забываютъ подражать. Такъ, напримѣръ, обстановка ихъ оперныхъ спектаклей удивительно какъ удачна, различныя художественныя и обыденныя «затѣи» почти всегда интересны и практичны и т. д. За то игра ихъ драматическихъ актеровъ тяжела и не оригинальна; ихъ художественныя издѣлія, всегда прекрасно исполненныя, страдаютъ отсутствіемъ красоты и изящества. Мюнхенскіе художники очень хорошо знаютъ цѣну и качество красокъ, но не умѣютъ ихъ гармонизировать и отгѣнять. И такъ во всемъ. Или пестро, но интересно по идеѣ, или богато, но слишкомъ ярко, или не оригинально, но прекрасно исполнено.

Мюнхенъ, по почину Парижа, обзавелся недавно артистическимъ кабачкомъ, въ которомъ мѣстные поѣты поютъ разнаго рода пѣсенки и декламируютъ стихи, точно такъ же, какъ и «in Paris». Однако, театальной цензурѣ тутъ много хлопотъ, потому что не все, что можетъ пройти въ «современномъ Вавилонѣ» достойно Мюнхена. Цензура стрижетъ и мажетъ. Поѣтому «шансонъ», напираютъ больше на юморъ. Добродушные и хорошо переваривающіе мюнхенцы не прочь отъ юмора. Лучшіе юмористическіе нѣмецкіе журналы, какъ, напримѣръ, *Fliegende Blätter*, *Jugend*, *Simplicissimus* издаются въ столицѣ Баваріи. Понятно, баварскій юморъ далеко не первой пробы, онъ всегда нѣсколько тяжелъ, а часто и наивенъ, но вѣдь «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады»: да, наконецъ, надо и то сказать, что даже и такой юморъ всегда симпатичнѣе разныхъ двухсмысленностей парижскаго юмора.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Германію я запасся нѣсколькими рекомендательными письмами къ болѣе или менѣе выдающимся нѣмецкимъ дѣятелямъ или просто къ людямъ интереснымъ и знающимъ «откуда дуетъ вѣтеръ». Въ Мюнхенѣ я долженъ былъ видѣться съ Іосифомъ Б. . . , бывшимъ главнымъ редакторомъ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ а потому сейчасъ же по приѣздѣ туда я послалъ Б. . . мою рекомендацію съ письменною просьбой сообщить мнѣ, когда и гдѣ я могу съ нимъ свидѣться. Но онъ былъ настолько любезенъ, что предупредилъ мое желаніе и явился ко мнѣ лично.

Такъ-то, сидя съ нимъ въ великолѣпномъ *Bayrischer Hof*, я имѣлъ возможность получить изъ первыхъ рукъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ умственной жизни современной Германіи. По мнѣнію Б. . . , Мюнхенъ остается еще до сихъ поръ столицей нѣмецкой духовной жизни. Количество за Берлиномъ, но качество за Мюнхеномъ. Нѣмецкая публика, въ массѣ, вполне довольна современными продуктами отечественной литературы. Она воображаетъ (особенно въ Берлинѣ), что присутствуетъ при какомъ-то возрожденіи искусства и поэзіи. Но на самомъ дѣлѣ никакого «ренессанса» нѣтъ и въ

помигнѣ. Почти всѣ подражаютъ и поддѣлываются. Очень мало оригинальнаго. Только одна драматическая литература дѣйствительно интересна. Максъ Гальбэ — очень талантливый молодой драматургъ; что же касается Гауптмана, то его восхваляютъ чрезмѣрно. Его сравниваютъ по силѣ языка и богатству образовъ . . . съ Шекспиромъ! Фульда пользуется довольно приличною популярностью. Особый успѣхъ имѣлъ онъ своею комедіей *Талисманъ* (сюжетъ взятъ изъ Андерсена). Публика хотѣла видѣть тутъ намекъ на императора.

— Въ настоящее время въ большой модѣ находятъ всюду намеки, замѣтилъ смѣясь мой собесѣдникъ. Такимъ положеніемъ вещей прекрасно пользуется *Simplicissimus*, иллюстрируемый, между прочимъ, талантливымъ Теодоромъ Гейне. Читальни и публичныя библиотеки приносятъ много зла книжной торговлѣ. Много спрашиваютъ Вольцогена и Пауля Гейзе. Къ поѣтамъ относятся строго. Въ настоящее время ихъ въ Германіи нѣсколько. Подъ вліяніемъ Бодлэра стали писать Лилиенкронъ и Демель. Въ литературныхъ кружкахъ очень интересуются молодымъ Стефаномъ Георгъ. Австрійская литература читается также весьма охотно. Рядомъ съ аристократическою и талантливою Маріей фонъ-Эбнеръ Эшенбахъ многихъ интересуешь Осипъ Шубинъ (Лола Киршнеръ) и Эмиль Марриотъ (Эмилиа Матайя). Вліяніе иностранныхъ литературъ (преимущественно русской и скандинавской) отозвалось почти на всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ писателяхъ, начиная съ Зудермана (котораго на родинѣ не особенно долюбиваютъ) и кончая самыми молодыми : Габріэль Рейтеръ, Бирбаумъ. Впрочемъ, въ настоящую минуту много подражаютъ французамъ. Золя, Мопассанъ, Буржэ и даже Прево — вотъ наставники. Эмиль Шенайхъ-Каролатъ — поэтъ-прозаистъ, не лишenny таланта — называется нѣмецкимъ Буржэ. Недавно умершаго Теодора Фонтана упрекали часто въ подражаніи то Мопассану, то Золя. Но онъ былъ болѣе талантливъ, чѣмъ то думаютъ, *модернизмъ* же его — чисто-оригинальный.

Тутъ собесѣдникъ мой замолчалъ и я, пользуясь этою паузой, освѣдомился объ его собственныхъ литературныхъ трудахъ.

Б. . . улыбнулся и отвѣтилъ :

— Кромѣ критическихъ статей я почти ничего не писалъ. Я не забочусь сочинять, потому что слишкомъ люблю читать сочиненія другихъ. Впрочемъ, я хотѣлъ бы написать романъ, который былъ бы столь же пестръ и прекрасенъ, какъ настоящій персидскій коверъ.

Посѣтивъ наканунѣ Интернаціональную Художественную Выставку (*Internationale Kunstausstellung*), гдѣ я имѣлъ возможность, отмѣтить успѣхъ нашего русскаго отдѣла, съ Рѣпинымъ и Кондратенко во главѣ, я заговорилъ о нѣмецкомъ искусствѣ и передалъ моему собесѣднику свои впечатлѣнія и недоразумѣнія.

Б. . . подумалъ и возразилъ :

— Обиліе на нашихъ выставкахъ картинъ съ сюжетами мифологическими и символическими объясняется, главнымъ образомъ, вліяніемъ Вагнера и Бѣклина, который хотя и былъ родомъ швейцарецъ, но по духу совершенный нѣмецъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ единицъ, всѣ остальные все еще — данники Франціи. Впрочемъ, въ орнаментаци и въ прикладномъ искусствѣ мы болѣе самобытны или уже тогда подражаемъ англичанамъ, или, даже (въ мебели), бельгійцамъ Анри ванъ-де-Вельдэ и Горта. Но, хотя и слѣдуя за французскими живописцами, наши не имѣютъ ни ихъ тоновъ, ни ихъ умѣнья компоновать. Мы любимъ рѣзкій рисунокъ и густыя, рѣзкія краски. Во Франціи форма и « письмо » представляетъ собой нѣчто цѣльное, здѣсь все это лишь одни аксессуары. Лѣтъ десять тому назадъ въ Германіи занимались довольно много импрессионизмомъ. Тогда появлялись картины, написанныя свѣтло и радостно. Но теперь онѣ стали пропадать. Либерманнъ показалъ своими произведеніями, насколько импрессионизмъ можетъ быть ассимилированъ германскимъ темпераментомъ. Въ настоящее время въ большой модѣ символизмъ, въ которомъ сливаются вліянія Пювись де-Шаванна, Бѣклина, Вагнера и даже отчасти голландца Туроппа. Оригинальнымъ иные считаютъ у насъ Ленбаха. Вы видѣли его портреты? На темномъ фонѣ прекрасно исполненныя лица съ живыми, удивительно выписанными глазами. Интересенъ

Скарбина, но онъ тоже не оригиналенъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ. Еще кто? Лейстиковъ, пейзажистъ Тома, Дилль, молодой Лессеръ Ури, къ сожалѣнію, совершенно сбившійся съ пути. Скульптура почти вся стала официальною. Памятники, бюсты, статуи не даютъ ей возможности дать намъ что либо дѣйствительно интересное. Въ Берлинѣ воображаютъ, что у насъ есть Микель-Анжелы и Донателлы; но мало ли что думаютъ въ Берлинѣ. . .

Узнавъ отъ меня, что я собираюсь въ Байрейтъ, Б. . . замѣтилъ :

— Ну, музыка, — та у насъ отдыхаетъ. Все еще пережевываютъ Вагнера. Штраусъ, творецъ симфоническаго *Заратустры*, лучшій нашъ теперешній музыкантъ, хотя многіе ставятъ его ниже Гумпердинка, бывшаго байрейтскаго хормейстера : это — благодаря всемірному успѣху *Haensel und Gretel*. Говорятъ, что Феликсъ Вайнгартенъ — очень приличный композиторъ; я лично знаю его только, какъ дирижера. Зигфрида Вагнера, того ни какъ дирижера, ни какъ композитора, здѣсь не перевариваютъ.

Послѣ небольшой паузы, собесѣдникъ мой сказалъ :

— Если вы предполагаете пробыть въ Мюнхенѣ нѣкоторое время, то я посоветую вамъ внимательно осмотрѣть музей драгоценностей и картинную галерею «Резиденціи». Въ обоихъ мѣстахъ есть настоящіе шедевры. Посѣтите также внутренніе покои дворца, особенно тѣ, что занимали Карлъ-Албертъ и Аделаида Савойская; полюбуитесь дворцовой молельней и ея ризницей, осмотрите церковь Св. Михаила, долго служившую іезуитскою часовней, внутри она очень богата и красива. Наконецъ, съѣздите хоть въ одинъ изъ замковъ, въ которыхъ жилъ Лудвигъ II; наприимѣръ, въ *Neu-Schwanstein*. Это не такъ ужъ далеко отсюда. Въ обоихъ этихъ замкахъ — память о *последнемъ* баварскомъ королѣ, какъ любятъ называть Лудвига II здѣшній народъ — жива до сихъ поръ еще въ полной силѣ. Осмотрите великолѣпныя окрестности Линдергофа; тамъ когда-то бродилъ по ночамъ покойный король въ костюмѣ средневѣковаго тру-

бадура, распѣвая арии или декламируя стихи своего друга Вагнера.

На этихъ словахъ бесѣда наша оборвалась.

На слѣдующій же день я уже былъ среди баварскихъ Альпъ, около величественной громады Ней-Шванштейна.

Августъ 1901 г.

ВЪ БАВАРІИ.

БАВАРСКІЕ ЗАМКИ.

Ежегодно, осенью, многочисленные караваны путешественниковъ направляются въ баварскія Альпы, дабы насладится красотами природы и осмотрѣть прославленные замки, въ коихъ жилъ и грезилъ на яву несчастный Лудвигъ II.

Только 16 лѣтъ прошло со дня его смерти, а между тѣмъ его имя, окруженное ореоломъ мученичества, стало уже достояніемъ преданій и народныхъ легендъ. Еще при жизни онъ былъ сказоченъ и, вѣроятно, потому, что кругъ лицъ, знавшихъ его хорошо, былъ весьма ограниченъ, о немъ уже до Бергской катастрофы ходили настоящія сказанія, сказанія столь же невозможныя и прекрасныя, какъ и сказки Гофмана. Смерть Лудвига II, еще болѣе таинственная, чѣмъ его жизнь, была какъ бы послѣднею строфой чудесной баллады.

Въ замкахъ Линдергофъ, Ней-Шванштейнъ, Герреншимзе, выстроенныхъ по желанію почившаго короля, путешественники могутъ подмѣтить и достойно оцѣнить наклонности и темпераментъ Лудвига II. Понятно, скептики стануть улыбаться надъ прилежными попытками воскресить величіе сказочной Германіи и пышность вѣка Людовика XIV, но никто, предполагаю я, не останется равнодушенъ предъ личностью этого симпатичнаго « prince charmant », чье настроеніе подходило какъ нельзя лучше къ настроенію средне-вѣковыхъ принцевъ-трубадуровъ. Одновременно простой и весьма сложный Лудвигъ II былъ несомнененъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его « восторженно-мечтательный образъ мыслей » (schwärmerische Denkungsart) далъ ему возможность украсить свою жизнь нѣсколькими причудливыми поступками, о которыхъ намъ говорятъ

стѣны баварскихъ замковъ, живые свидѣтели прошлыхъ великолѣпій.

Любовь этого молодаго монарха къ « флоритурамъ » и ломаннымъ линіямъ XVIII вѣка, равно какъ и поклоненіе предъ версальской пышностью, сказывается какъ нельзя лучше на замкѣ Линдергофъ, этомъ маленькомъ баварскомъ Трианонъ.

Точно игрушка, выточенная изъ слоновой кости, онъ украшенъ всѣмъ, что столь часто осмѣиваемый стиль « рококо » далъ наиболѣе удачнаго и эlegantнаго. Небольшой прудъ, къ которому ведутъ широкія мраморныя ступени, затѣмъ громадный паркъ съ причудливо подстриженными деревьями, каскады и бѣлыя статуи богинь, вотъ что служитъ рамкой хорошенькому замку. Посреди пруда бьетъ высокій фонтанъ и тутъ же, улыбаясь прохожему, купаются нѣсколько фрагонаровскихъ амуровъ.

Но тишина и сказочность этого покинутаго « монрепо » становится еще болѣе очаровательною послѣ заката солнца. Тогда паркъ пріобрѣтаетъ большую таинственность; высокіе дубы перестаютъ перешептываться и самъ смѣющійся до того фонтанъ затихаетъ въ лѣнливой дремотѣ. Теперь . . .

Sa gerbe épanouie
En mille fleurs,
Tombe comme une pluie
De larges pleurs.

По вечерамъ замокъ Линдергофъ, эта олицетворенная грѣза короля-поэта, становится добычей сонливаго Гипноса.

Шедевръ архитектурныхъ замысловъ Лудвига II, законченный уже послѣ его смерти, замокъ Ней-Шванштейнъ, поражаетъ туриста своими величественными размѣрами и ослѣпительною бѣлизной. Знаменитое изреченіе Шеллинга, что архитектура есть застывшая музыка, какъ нельзя лучше подходитъ къ этой каменной громадѣ, выстроенной на вершинѣ причудливой скалы. Ней-Шванштейнъ — это окаменѣлая баллада средневѣковаго трубадура. Съ его зубчатыхъ

башень видны два далекия озера и вся цѣпь величественныхъ Альпъ. Картина неописуемая, единственная и я предполагаю, что предъ этимъ пейзажемъ, столь строгимъ и благороднымъ по линиямъ, впечатлительная душа Лудвига II должна была чувствовать великій восторгъ и умиленіе. Впрочемъ біографы короля баварскаго рассказываютъ, что онъ любилъ бродить, въ болѣе или менѣе театральномъ костюмѣ, по лѣсамъ, окружающимъ замокъ. Онъ подолгу просиживалъ надъ глубокими голубыми озерами, а вечеромъ, въ сказочно-убранной залѣ пѣлъ мелодіи своего друга Вагнера.

Тѣ, кто имѣли любопытство пробѣжать его переписку со знаменитымъ музыкантомъ, хорошо знаютъ, насколько чиста и безкорыстна была эта дружба. Молодой король подаль Вагнеру свою руку въ ту самую минуту, когда тотъ, истощенный тяжелою борьбой, былъ готовъ покончить самоубійствомъ (*См. переписку Вагнера съ Листомъ*).

Такая дружба и широкая помощь оказанная Вагнеру прекрасно объясняютъ популярность Лудвига II среди всѣхъ, кому дороги безсмертныя творенія автора *Парсифалля*. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; чтó кажется гораздо болѣе страннымъ, такъ это тотъ фактъ, что покойный король служитъ предметомъ настоящаго культа еще и для всего населенія южной Баваріи.

Подобная популярность объясняется двоякими причинами. Прежде всего тѣмъ, что живя почти постоянно среди горцевъ и крестьянъ южныхъ провинцій королевства и тратя тамъ на свои прихоти сотни тысячъ марокъ, Лудвигъ II тѣмъ самымъ обогащалъ жителей мѣстечекъ прилегающихъ къ его замкамъ. Съ его смертью поселяне Фюссена и Аммергау лишились не только короля, но и благодѣтеля; принцъ-регентъ наѣзжаетъ къ нимъ рѣдко и, понятно, тратитъ мало.

Вторая причина болѣе «высшаго порядка», если можно такъ выразиться, кроется въ томъ фактѣ, что Лудвига II принято считать *последнимъ* баварскимъ королемъ. Этимъ самымъ народъ хочетъ дать понять, что теперешнее правительство кажется ему слишкомъ податливымъ, слишкомъ пассивнымъ и послушнымъ прика-

замъ, исходящимъ изъ Берлина. Какъ я уже говорилъ раньше, баварцы не помышляютъ о сепаратизмѣ, они лишь сожалѣютъ иногда о своей бывшей независимости. Нѣкоторыя требованія и насмѣшки берлинцевъ считаются въ Мюнхенѣ и другихъ баварскихъ центрахъ болѣе чѣмъ неумѣстными. На нихъ отвѣчаютъ какъ умѣютъ, а мстятъ пруссакамъ главнымъ образомъ тѣмъ, что превозносятъ до небесъ личность Лудвига II, невольно или умышленно забывая, что въ судьбахъ королевства этотъ молодой монархъ не принималъ никакого участія. Но... чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало.

НЮРЕНБЕРГЪ.

Нюренбергъ, драгоцѣнный алмазь баварской короны, сохранилъ еще до нашего времени почти все свое бывшее великолѣпіе и оригинальность.

Покинувъ банальную площадь передъ вокзаломъ, гдѣ современность сказывается суголокой, электрическимъ трамваемъ и нѣсколькими казарменнаго вида постройками, путешественникъ проникаетъ въ городъ черезъ средневѣковыя ворота, украшенныя двумя грозными башнями, обнесенными валомъ и глубокимъ ровомъ. Тутъ, что на шагъ, то радостное удивленіе и очарованіе. Старинныя дома и церкви съ готическими линиями чередуются съ общественными учрежденіями, выстроенными въ чистѣйшемъ стилѣ «Altdeutsch» и площадями, на которыхъ красуются древніе фонтаны, настоящія ювелирныя издѣлія лучшей эпохи нѣмецкаго зодчества. Какимъ-то чудомъ вся эта сѣдая и почтенная старина осталась нетронутою и даже не реставрированной. Подъ нею поддѣлываются и новѣйшія зданія стараго города и, хотя они и очень уступаютъ имъ по изяществу и простотѣ, глазъ туриста всетаки не встрѣчаетъ особо рѣзкихъ контрастовъ и неточностей. Что можетъ покоробить цѣльность впечатлѣнія любителя, такъ это скорѣе уродливыя вагоны конножелезной дороги, да сѣрость и будничность толпы снующей по центральнымъ улицамъ. Но стоитъ лишь отдалиться отъ разныхъ «Königsstrasse» и «Karolinenstrasse» и дойти, напримѣръ, до живописной «Торговой Площади» или еще до горбатыхъ мостиковъ, перекинутыхъ черезъ заснувшую Пегницъ, какъ вась уже охватитъ ощущеніе несовременности. Въ старенькихъ, нѣсколько покосившихся мельницахъ вы готовы видѣть чуть ли

не современницъ великаго Альбрехта Дюрера и съ помощью самой обыкновенной фантазіи вы легко вообразите себѣ «*Marktplatz*» такимъ, какимъ она была въ легендарныя времена, когда Нюренбергъ былъ свободнымъ городомъ и видѣлъ въ своихъ стѣнахъ гѣвческіе турниры, столь рельефно переданные Вагнеромъ въ его *Meistersänger*'ахъ.

Любовь молодой, прекрасной Евы, самовольное отреченіе почтеннаго Ганса Закса, наконецъ, торжество плѣнительнаго принца-трубадура Вальтера фонъ-Штольцингъ (сколь все знакомыя и вмѣстѣ съ тѣмъ легендарныя личности!), все это должно было бы быть рассказано намъ не на подмосткахъ банальнаго театра, а на той дивной площади, гдѣ возвышается неподражаемая «*Schöne Brunnen*» и величественный порталъ «*Frauenkirche*», одинъ изъ шедевровъ мастера Адама Крафта. Какое было бы тогда наслажденіе послѣ окончанія оперы продолжить полученное отъ нея наслажденіе продолжительною вечернею прогулкой по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ нѣкогда прохаживались всѣ дѣйствующія лица вагнеровской оперы. Но въ нюренбергскомъ театрѣ Вагнера не исполняютъ и это очень жаль.

Чтобы достигъ княжескаго замка, одного изъ достопримѣчательностей города, надо подыматься по узкимъ, кривымъ улицамъ мимо зданія Ратуши и неизбежной гауптвахты, передъ которою стоитъ оловянный солдатикъ, выкрашенный въ блѣдно-голубой цвѣтъ. Но трудность подъема вознаграждается чудеснымъ видомъ, открывающимся съ террасы «*Burg'a*». Нюренбергъ передъ вами, какъ на ладони. Вы отчетливо различаете его зданія и улицы; остроконечныя крыши домовъ, многочисленныя колокольни и башни старинныхъ городскихъ стѣнъ, все это составляетъ грезвычайно живописную картину.

Я помню, что въ тотъ день, когда я осматривалъ замокъ, я долго не могъ оторвать своихъ глазъ отъ этой волшебной панорамы. День былъ погожій и подъ яркимъ солнцемъ предметы выступали особенно отчетливо и выпукло. Черепичныя крыши

блестѣли, высокія колокольни какъ бы купались въ золотистыхъ лучахъ и по всему городу пробѣгало что-то похожее на радостную и могучую дрожь. Когда же гдѣ-то заблаговѣстили и волны звонкой мѣди, дребезжа и ликуя полились по воздуху, — впечатлѣніе радости и необычности усилилось еще болѣе.

БАЙРЕЙТЪ.

Еще задолго до прибытія въ Байрейтъ, вы попадаете въ вагнеровскую зону. Съ Мюнхена, если вы предполагаете его достичь съ юга, какъ это сдѣлалъ я, или съ Дрездена и Франкфурта-на-Майнѣ начинается то, что можно было бы назвать сферой вагнеровскаго вліянія. Въ вокзалахъ, въ отеляхъ, въ магазинахъ, въ ресторанахъ, на улицахъ, однимъ словомъ всюду вы поминутно натываетесь на цѣлые караваны паломниковъ, направляющихся въ Байрейтъ. Во всѣхъ этихъ же мѣстахъ можно также найти и необходимые атрибуты для полнаго и успѣшнаго усвоенія вагнеровскихъ произведеній. Дабы не утруждать мозги своихъ иностранныхъ современниковъ, нѣмецкіе издатели выпускаютъ неизомѣрное количество «ключей», спеціально-вагнеровскихъ «гидовъ» и роскошно, а то и скромно изданныхъ либретто на трехъ главныхъ европейскихъ нарѣчіяхъ.

Но особенно много книгъ и брошюръ продается на англійскомъ языкѣ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что главный контингентъ посѣтителей Байрейта состоитъ изъ англичанъ и особенно американцевъ. Богатые «янки» стали перворазрядными вагнеріанцами и это не потому, что они особенно любятъ и «вкушаютъ» музыку нѣмецкаго композитора, а оттого, главнымъ образомъ, что они замѣчательно какъ слѣпо подчиняются господствующей модѣ и тому, что французы называютъ «снобизмомъ». Люди же нашихъ дней, равно какъ и снобизмъ, требуютъ обязательнаго преклоненія предъ Вагнеромъ и особенно передъ его послѣдними произведеніями. Благодаря такому положенію вещей, эти «*Peaux-rouges décadents*», какъ называлъ американскихъ модниковъ и эстетовъ одинъ изъ моихъ пріятелей, заполняютъ собой всѣ дороги и всѣ города средней и южной Германіи.

Мнѣ, напримѣръ, пришлось жить въ Нюренбергѣ (отдѣленномъ отъ Байрейта двухъ-часовою ѣздой на курьерскомъ поѣздѣ; но вѣдь въ Германіи поѣзда идутъ не особенно быстро) въ одной гостинницѣ съ семействомъ богатаго американца, котораго я уже зналъ по Парижу. Какъ самъ глава этой семьи, такъ и его дражайшая половина и двѣ милovidныя, но довольно великовозрастныя дочери были поглощены круглый день изученіемъ «гидовъ» и «ключей». Не имѣя ни малѣйшаго эстетическаго чутья и музыкальныхъ наклонностей, эти симпатичные люди «штудировали» свои книжки съ терпѣніемъ и упорствомъ, свойственнымъ ихъ расѣ. Они вбивали себѣ въ голову, точно школьники трудный урокъ, значеніе «лейтъ-мотивовъ», туманную и мистическую философію *Парсифалля* и сложную канву *Кольца Нибелунговъ*.

Какъ-то разъ, послѣ обѣда, я разговорился съ младшею дочерью почтеннаго янки и спросилъ ее, не безъ задней мысли, не болитъ ли у нея голова отъ плохо перевариваемой и тяжело изложенной комментаторской литературы о Вагнерѣ.

Но молодая дѣвушка, державшая въ рукахъ именно одно изъ такихъ сочиненій: *A Key to «Parsifal»*, отказалась даже улыбнуться на мое шутовское замѣчаніе и возразила, что на ея родинѣ дѣвушки прилежны и серіозны. Потомъ она передала мнѣ, что, предполагая быть на слѣдующій день въ Байрейтѣ на представленіи *Парсифалля*, она подготовляла свой умъ и душу къ достойному вкушенію этого «шедевра изъ шедевровъ».

Вечеромъ я перекинулся нѣсколькими фразами съ ея папашей и узналъ отъ него, что онъ «все-таки» начинаетъ нѣсколько уставать отъ упорнаго и постояннаго изученія производства нѣмецкихъ музыкальныхъ критиковъ. «Да и дорого все это!» воскликнулъ онъ подъ конецъ.

Тогда я выразилъ ему мое удивленіе и спросилъ его, гдѣ купилъ онъ свои билеты.

— На *Тетралогію* я приобрѣлъ ихъ у Дюрана, въ Парижѣ, по номинальной цѣнѣ, то-есть по 25 франковъ, но на *Парсифалля* мы не запаслись тамъ билетами и мнѣ пришлось купить ихъ у портяэ здѣш-

няго отеля по 80 марокъ за мѣсто. Согласитесь, что это нѣсколько дорого, тѣмъ болѣе что сюда не входятъ желѣзнодорожные билеты.

Я отвѣтилъ ему, что для такого богатаго человѣка, какъ онъ, нѣсколько лишнихъ сотъ марокъ не составляютъ замѣтнаго расхода.

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ онъ мнѣ возразить. — Но все-таки это непроизводительный расходъ.

Не предполагайте, читатель, что мой собесѣдникъ преувеличилъ. Все это совершенно вѣрно. Съ меня лично въ Мюнхенѣ портъ « Ваугисчер Hof » запросилъ 50 марокъ за плохое мѣсто (N° 996) на *Летучаго Голландца* и на мое наивное изумленіе отвѣтилъ довольно-таки цинично :

— Чтò подѣлаете! Мы пользуемся оплошностью путешественниковъ. Мы сами платимъ дорого; въ Германіи осталось очень мало билетовъ; все было отослано въ Парижъ и Нью-Йоркъ.

Я никогда бы не, кончилъ этой главы если бы вздумалъ сообщить подробно о всей той эксплуатаціи, что породилъ здѣсь Байрейтъ. По этой же самой причинѣ я не стану останавливаться на описаніи всевозможныхъ « байрейтскихъ сувенировъ » и « вагнеровскихъ бездѣлушекъ », чтò мозолятъ зрѣніе туриста, какъ въ Байрейтѣ, такъ и въ прилегающихъ къ нему центрахъ.

На слѣдующій же день, послѣ моего разговора съ молодою американкой, я встрѣтилъ ее въ этомъ городѣ послѣ перваго дѣйствія *Парсифалля*. Она, видимо, была утомлена и нѣсколько « пришиблена ». И дабы не смутить ея « настроеніе » напрасными вопросами, я ограничился лишь однимъ поклономъ.

Представленіе *Парсифалля* начинается въ 4 часа дня и закачивается около 10 часовъ вечера. Первый антрактъ длится часъ; второй полтора часа. Но еще задолго до начала, по длинной аллеѣ, ведущей отъ площади, примыкающей къ вокзалу, до самаго вагнеровскаго театра, двигалась длинная вереница экипажей и пѣшеходовъ. На скамьяхъ же аллеи и по обѣимъ ея сторонамъ стояли, обыкновенно, мѣстные обыватели, для которыхъ проѣздъ « паломниковъ » составлялъ одно изъ главныхъ развлеченій. . .

Съ площадки передъ « храмомъ вагнеровскому генію » (фраза эта

взята мною изъ одного англійскаго « гида ») открывался чудный видъ на хорошенькій городокъ и на его цвѣтуція окрестности и тутъ же копошилась и болтала на разныхъ языкахъ разношерстная, но довольно элегантная толпа поклонниковъ и поклонницъ великаго « *maestro* ».

Но вотъ раздается призывъ мѣдныхъ трубъ и публика спѣшитъ занять свои мѣста. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ узкихъ корридорчикахъ происходитъ неизбежная давка : кто-то наступилъ кому-то на ногу; у кого-то пропалъ бинокль, либретто или смято дорогое платье. Въ залѣ, расположенной амфитеатромъ и гдѣ кресла замѣнены узенькими скамеечками (на благо дирекціи, но совершенно противъ удобства публики), море головъ до самаго просцениума, подъ которымъ угадывается оркестръ. Еще нѣсколько минутъ и вотъ наступаетъ почти-что абсолютная темнота и только квадратъ сцены остается нѣсколько освѣщеннымъ. Шорохъ, разговоры, хожденіе прекращаются и наступаетъ глубокая и такъ-сказать сосредоточенная тишина. Но проходитъ еще добрая пять минутъ ранѣе чѣмъ оркестръ начинаетъ играть.

Эта тишина, темнота и невольная напряженность, признаюсь, настраиваютъ васъ какъ-то особенно и, хоть вы и прекрасно знаете, что подобное состояніе получено довольно-таки дешевымъ эффектомъ, вы подпадаете подъ общее настроеніе и сознаете, что вы здѣсь не простой случайный зритель, а что-то большее, какой-то соучастникъ какихъ-то особыхъ мистерій. Вамъ кажется, и вы даже готовы этому вѣрить, что вотъ сейчасъ въ этой залѣ, или вѣрнѣе говоря, за тою занавѣсью, что раздвинется передъ вами, черезъ нѣсколько минутъ произойдетъ что-то необычайное и единственное. Конечно, черезъ часъ и даже ранѣе, какъ только вы привыкли къ темнотѣ, стали различать вашихъ сосѣдей и начали раздѣлять ваше вниманіе между сценой и жизнью залы, если можно такъ выразиться, это странное впечатлѣніе пропадаетъ, но, повторяю, первыя минуты чрезвычайно интересны и оригинальны.

То представленіе *Парсифаля*, на которомъ я присутствовалъ, не было, однако, особенно выдающимся. За исключеніемъ Эрнеста

Ванъ-Дейка, пѣвшаго партію Парсифаля, и замѣчательной Кундри (Марія Виттихъ, изъ Дрездена), всѣ остальные исполнители были только посредственны (партію Амфортаса и Клингсора пѣлъ одинъ и тотъ же артистъ, что уже прямо-таки непростительно для образцовой якобы сцены), а декорации и костюмы были ниже всякой критики. Ни въ одномъ уважающемъ себя театрѣ не позволили бы себѣ подобной неряшливости и такихъ безжизненныхъ хористовъ и фигурантовъ, какихъ я видѣлъ въ *Парсифаль* и на другой день въ *Летучемъ Голландцѣ*.

Впрочемъ, дабы быть справедливымъ, необходимо сказать, что постановка этой послѣдней оперы была крайне удачна и гораздо эффектибѣ всей *Тетралогіи* и *Парсифаля*. Оркестромъ дирижировалъ Феликсъ Моттль, а партію Голландца неподражаемо пѣлъ роттердамецъ Ванъ-Роо.

Но одинъ удачный спектакль среди шести посредственныхъ не могъ заставить замолчать многочисленныхъ недовольныхъ. Даже самые рьяные вагнеріанцы (для которыхъ собственно *Der Fliegende Holländer* не существуетъ) начали прозрѣвать и убѣждаться, что теперешняя дирекція байрейтскаго театра относится къ своему дѣлу ужъ слишкомъ халатно. Это неудовольствіе станетъ, по всей вѣроятности, расти съ каждымъ годомъ и, если только г-жа Вагнеръ не поспѣшитъ успокоить поклонниковъ ея мужа, престижъ Байрейта упадетъ безусловно, особенно теперь, когда вагнеровскія произведенія стали исполняться весьма сносно и на другихъ европейскихкихъ и даже американскихъ сценахъ и когда бокъ-о-бокъ съ Байрейтомъ, въ Мюнхенѣ, открылся подъ управленіемъ высококомпетентнаго Поссарта чудный *Prinzregenten-Theater*, предназначенный, главнымъ образомъ, для образцоваго исполненія вагнеровскихъ оперъ.

Понятно, что когда дирекція этой комфортабельной и роскошной сцены исправитъ погрѣшности первыхъ опытовъ, подберетъ достойный составъ пѣвцовъ и музыкантовъ и будетъ продолжать обставлять піесы съ тѣмъ же вкусомъ и роскошью, какъ оно это сдѣлало по отношенію *Мейстерзингеровъ* (а отъ Поссарта можно ожи-

дать многого), любители вагнеровской музыки предпочтут Мюнхенъ Байрейту и тѣмъ болѣе охотно, что они найдутъ въ немъ и комфортъ, и всякія удобства, и оживленіе, и массу другихъ прелестей, о которыхъ Байрейтъ никогда не думалъ и даже не вѣдалъ.

Я знаю, что нѣкоторые «непримиримые» скажутъ мнѣ, что только въ Байрейтѣ можно вполнѣ оцѣнить и вкусить музыку «учителя», что только на тамошней сценѣ она дается безъ сокращеній и т. д. и т. д. Но я имъ замѣчу, что все это очень относительно и во всякомъ случаѣ исполнимо и въ иномъ мѣстѣ, что, наконецъ, самъ Вагнеръ всегда мечталъ выстроить театръ именно въ Мюнхенѣ, а что съ Байрейтомъ онъ лишь примирился тогда, когда созналъ невозможность исполнить свое первоначальное намѣреніе.

Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что, когда Поссартъ будетъ намъ давать образцово исполненные шедевры Вагнера, то страдающая гѣнь великаго музыканта успокоится, тогда какъ теперь онъ, по всей вѣроятности, многократно переворачивается въ своемъ гробу и злобно скрежещетъ зубами.

Сентябрь 1901 г.

ПО ИСПАНИИ.

КОРДОВА.

Cordoba casa de guerrera gente y de
sabiduria clara fuente.

Девять города Кордовы.

Мое первое впечатлѣніе отъ Андалузіи было самое неблагоприятное. Я пріѣхалъ въ Кордову подъ утро, въ проливной дождь. Было холодно и тоскливо. Сонные и угрюмые служащіе скользили точно страшныя тѣни въ желтоватомъ, густомъ туманѣ, котораго не въ силахъ были оживить рѣдкія, газовыя фонари вокзала. Мнѣ долго пришлось ожидать багажа. Наконецъ, послѣ получасовой ѣзды въ какой то допотопной колымагѣ по широкимъ, пустыннымъ аллеямъ, обсаженнымъ ежившимися отъ сырости алойями и пальмами, я достигъ заснувшей гостинницы, расположенной на углу двухъ узкихъ и грязныхъ улицъ.

Такъ встрѣтилъ меня Югъ.

Однако, когда послѣ нѣсколькихъ часовъ необходимаго сна, я проснулся и подошелъ къ окну, дожда уже не было и солнце начинало проскальзывать между разсѣивающимися тучами. Я вышелъ на улицу; солнце уже припекало. Повсюду ложились рѣзкія тѣни и небо было такъ сине и такъ глубоко, что я вполне почувствовалъ, что нахожусь въ знойной странѣ, у порога горячей и пышной Андалузіи.

Кордова, это своего рода Толедо, но Толедо плоское, безъ всякаго

ландшафта и еще болѣе выжженное и пустынное. Тѣ же узкіе кривыя улицы, вымощенныя остроконечнымъ булыжникомъ, тѣ же бѣлыя, внутренніе дворики, такъ называемые « патіо », съ неизбѣжнымъ мраморнымъ фонтаномъ посерединѣ, та же тишина и безлюдіе. Но это только детальное сходство. Общее впечатлѣніе совершенно иное. Толедо — городъ историческій; Кордова же — городъ мертвый, ибо отъ его прошлыхъ великолѣпій остались лишь самыя незначительныя воспоминанія. Еще существующіе, благодаря какой-то случайности, памятники старины, окружены банальными современными постройками. Они стиснуты со всѣхъ сторонъ будничной обстановкой и, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ никто о нихъ не думаетъ и не заботится, то они медленно и постепенно увядаютъ и разрушаются. А потому, какъ не сказать, что эта древняя столица Галифата, чей блескъ и пышность въ свое время, были знамениты во всемъ мірѣ, чье богатство и культура не знали себѣ равной, теперь завяла и уже мертва. Да, тысячу лѣтъ тому назадъ этотъ городъ былъ славенъ и могущественъ, теперь же онъ заброшенъ и его пятидесяти-тысячное населеніе почти ничего не знало бы объ его прошломъ великолѣпій, если бы туристы, на счетъ коихъ живутъ здѣшніе содержатели гостинницъ, многочисленныя гиды и нищіе, не открывали бы ему иногда глаза. Да, здѣсь только нищета, невѣжество, пыль вѣковъ и пепель.

Cendre qu'est la mémoire des hommes,
Cendre, suprême parure de tout orgueil,

сказалъ поэтъ. И единственно живое и прекрасное : цвѣты; масса цвѣтовъ, отъ которыхъ не отказываются даже самыя бѣдныя. Онѣ украшаютъ пищу и оживляютъ мертвыя развалины.

Сквозь цѣлый лабиринтъ маленькихъ, узенькихъ и кривыхъ улицъ я достигъ знаменитой мечети великихъ калифовъ, обращенной испанцами, послѣ взятія Кордовы, въ громадную, христіанскую церковь. Этотъ историческій памятникъ, хотя и не самый чистый и лучший образецъ арабскаго искусства [по крайней мѣрѣ въ настоя-

щее время] есть, конечно, самый большой и богатый во всей Испании. Но странное дѣло! мавры, умѣвшіе столь искусно украшать внутренность дворцовъ и храмовъ, относились, почему-то, весьма пренебрежительно къ ихъ внѣшности. Такъ и здѣсь. Громадныя, желтоватыя стѣны мечети тяжелы, угрюмы и голы. Онѣ походятъ на скверный переплетъ, прикрывающій шедевръ какого нибудь гениальнаго миниатюриста.

Вы входите черезъ небольшую дверь, пробитую въ стѣнѣ темной башни и сейчасъ же, невольно, у васъ вырывается крикъ восторга, настолько вы мало были подготовлены къ тому, что увидите. Теперь вы въ саду, защищенномъ со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами; вы у порога громаднаго патіо, засаженнаго пальмами и апельсиновыми деревьями. Этотъ садъ мѣсто отдыха и вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣріе мечети. Посрединѣ патіо плещетъ фонтанъ и стройныя женщины и дѣвушки наполняютъ его водой высокіе кувшины изъ свѣтлой глины. Но вы проходите патіо и открываете другую дверь. Тогда изъ полного свѣта вы попадаете въ полумракъ; однако, не смотря на это, впечатлѣніе не мѣняется и образъ пышнаго сада еще не оставляетъ васъ. Кажется только, какъ будто бы садъ потемнѣлъ и сталъ гуще. Однако передъ вами уже не роща пальмъ, а цѣлый лѣсъ колоннъ, но ихъ стволы столь стройны, столь гибки, ихъ листья-арки такъ хорошо сгибаются и образуютъ сводъ, что первыя минуты вы совершенно отказываетесь вѣрить, что тутъ только мраморъ да камни.

Колонны-пальмы образуютъ цѣлыя аллеи, расходящіяся и переплетающіяся между собой. Ихъ, этихъ колоннъ, нѣсколько сотъ и сдѣланы онѣ изъ самого рѣдкаго и драгоцѣннаго мрамора, тогда какъ соединяющія ихъ арки сооружены изъ красныхъ и бѣлыхъ камней. Все это красиво, величественно, но обдаетъ холодомъ и потому послѣ первыхъ минутъ очарованія впечатлѣніе свѣжести и жизни, которое вы получаете послѣ пребыванія въ настоящемъ лѣсу, начинаетъ пропадать и замѣняться чувствомъ неловкости и даже страха. Слишкомъ низкіе своды давятъ, арки рушатся на васъ, аллеи колоннъ утомляютъ зрѣніе своей правильностью и монотон-

постью; вѣчный полумракъ наводитъ уныніе. Нѣтъ ни простора, ни воздуха, и какъ не старается воображеніе заполнить молящимися фигурами, облеченными въ живописныя костюмы старины, всю эту безмолвную, священную дубраву, духъ вашъ скованъ и не имѣетъ возможности вырваться наружу. Какъ это противоположно готическому храму, гдѣ каждая линія, каждый ракурсъ есть застывшая молитва, подымающаяся къ небу.

Однако это почти что шедевръ магометанскаго духа и тѣ, кто имѣли возможность видѣть много образцовъ арабскаго зодчества, увѣряютъ, что кордовская мечеть мало чѣмъ уступаетъ мечетямъ Кейруана и Омара въ Іерусалимѣ. Но красоту и величіе надо искать здѣсь не столь въ линіяхъ, сколь въ размѣрахъ и въ стѣнныхъ украшеніяхъ, т. е. въ краскахъ. Въ этомъ отношеніи кордовская мечеть дѣйствительно замѣчательна и это несмотря на вандализмъ испанцевъ, много уничтожившихъ при взятіи Кордовы и обращеніи мечети въ христіанскій храмъ. Конечно, не все здѣсь одинаково красиво и оригинально. Такъ, напримѣръ, вся та часть мечети, что была выстроена вскорѣ же послѣ вступленія мавровъ въ Кордову, а значитъ и въ эпоху, когда арабское искусство только еще зарождалось, напоминаютъ намъ римскіе и главнымъ образомъ византійскіе образцы, хотя и тутъ уже видны оригинальныя попытки, особенно въ куполахъ и аркахъ. Но что сказать за то о часовнѣ калифа Аль-Аакема II, о такъ называемомъ « третьемъ Мираабѣ » [Mihrâb nuevo]? Вотъ настоящій перлъ арабскаго искусства, послѣ котораго вся пышная восточная фантазія и тонкій, красочный вкусъ мавровъ ничего не могли сдѣлать лучшаго.

Но я покидаю мечеть и иду къ мрачному, тысячелѣтнему мосту черезъ Гвадалквивиръ. Что это за великолѣпное сооруженіе! Многовѣковая борьба съ непогодой и широкими волнами рѣки подточила его основанія и обвѣтрила каждый его камень. Теперь по цвѣту онъ ничѣмъ не отличается отъ береговъ и кажется поэтому громаднымъ землянымъ валомъ, у котораго пробиты тамъ и сямъ широкія отверстія. На противоположномъ отъ меня берегу громоздится, замыкая мостъ, вѣтхая, зубчатая башня точно высѣченная изъ темно бурой

пыли. Мутная рѣка течетъ медленно и лѣниво, постоянно прорѣ-
зываемая длинными мелями. За ней стелется печальный и бѣдный
по краскамъ и растительности пейзажъ, а подо мной рядъ террасъ,
поросшихъ мохомъ, съ обвалившимися балюстрадами и обмытыми
основаніями. Здѣсь дѣло рукъ человѣческихъ рушится, таетъ, теря-
етъ свой обликъ и возвращается къ природѣ, къ вѣчной обновитель-
ницѣ, землѣ. Однако на узкихъ террасахъ замѣтны еще остатки
королевскихъ садовъ, кое гдѣ обращенныхъ жителями Кордовы въ
жидковатые огороды. Растетъ капуста, чеснокъ, дыни, артишоки.
Тамъ и сямъ виднѣтся желтый шаръ лимоннаго дерева или черная,
острая верхушка вѣкового тиса. Но эти старыя деревья видимо поте-
ряли уже всю свою сочность; теперь онѣ умираютъ, какъ и все
остальное.

20-21 октября 1904 г.

ОТЪ БОБАДИЛЬИ ДО ГРЕНАДЫ.

Бобадилья, гдѣ скрещиваются желѣзнодорожные пути, идущіе въ Гренаду, въ Альхезирасъ, Севилью и Малагу, представляетъ изъ себя жалкую станцію довольно, впрочемъ, характерную для здѣшнихъ мѣстъ. Въ Германіи, Англіи и пожалуй даже у насъ тутъ выстроили бы цѣлый дворецъ со всевозможными удобствами; въ Испаніи ограничились тѣмъ, что сколотили длинный сарай, да прибавили къ нему стеклянный навѣсъ, весьма мало защищающій путешественниковъ отъ дождя и палящихъ лучей солнца. Объ какихъ либо удобствахъ и помина нѣтъ и, не смотря на довольно крупный транзитъ и число пассажировъ, въ Бобадильи существуетъ лишь весьма примитивный буфетъ и нѣтъ возможности ни помыться ни послать телеграммы. Станція, окруженная полудесяткомъ домиковъ и мазанокъ, выстроена почти что въ степи и, подъѣзжая къ ней, я вполне оцѣнилъ всю поверхность распространеннаго мнѣнія, особенно среди насъ, сѣверянъ, что Андалузія ничто иное, какъ сплошной и вѣчно цвѣтущій садъ. Какое это заблужденіе! Конечно, и въ Андалузіи есть много лѣсовъ, роць и тучныхъ пастбищъ, орошенныхъ многоводными ручьями и рѣками, но все это далеко не единственная тема пейзажа. Во многихъ мѣстностяхъ лѣса и пастбища являются скорѣе въ видѣ оазисовъ, въ видѣ исключеній и почти вездѣ они чередуются съ выжженными долинами и часто уступаютъ мѣсто буро-краснымъ и желтымъ степямъ и ущельямъ, на которыхъ растутъ лишь кактусы, алоии и маленькія, горныя цвѣточки. Только вокругъ Гренады, да, въ такъ называемой Vega или Hoya de Málaga, природа сохраняетъ круглый годъ всю свою пышность и свѣжесть; въ остальныхъ же частяхъ Андалузіи послѣ первыхъ же лучей знойнаго лѣтнаго солнца растительность блекнетъ, а то мѣстами и совершенно исчезаетъ, рѣки

высыхаютъ, животная жизнь замираетъ. И такъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, до первыхъ живительныхъ дождей поздней осени. Но именно эти то контрасты, эти то перемѣны и неожиданности и составляютъ прелесть и характерность андалузской природы и андалузскаго климата. Не надо забывать, что это страна почти что африканская и что разница между ею и близъ лежащимъ Марокко не такъ уже велика, какъ это кажется на первый взглядъ.

Однако вернемся въ Бобадилью.

Чтобъ достигъ Гренады, мнѣ надо было пересѣсть въ Бобадилью въ поѣздъ, приходящій изъ Утреры. Не говоря уже о томъ, что поѣздъ этотъ пришелъ съ опозданіемъ на цѣлый часъ, я съ большимъ трудомъ нашелъ себѣ мѣсто въ единственномъ вагонѣ перваго класса. Вопреки усиленнымъ просьбамъ моего носильщика пассажиры этого довольно таки грязнаго вагона, все почти испанцы и испанки, упорно отказывались найти иностранцу самое крошечное мѣсто. Наконецъ, въ одномъ отдѣленіи, гдѣ путешественниковъ было всего трое, но всѣ свободныя мѣста были завалены ихъ многочисленнымъ багажемъ и какимъ багажемъ, Создатель! мнѣ удалось таки примоститься, подъ ихъ враждебными и нѣсколько презрительными взглядами. « Въ Испаніи », говорилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ одинъ знакомый хидалго, « къ иностранцу относятся холодно и съ подозрѣніемъ, особенно въ народѣ. Мои соотечественники равнодушны, гордятся тѣмъ, что они испанцы и не любятъ даромъ дѣла дѣлать. Конечно, если вы обратитесь къ нимъ съ какимъ нибудь вопросомъ или просьбой, они ее уважатъ и вамъ отвѣтятъ, но не ждите, чтобъ они были предупредительны и разговорчивы. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что, узнавши хорошо моихъ соотечественниковъ, вы ихъ полюбите, такъ какъ замѣтите очень скоро, что ихъ холодность и поверхностность вытекаютъ изъ чувства собственнаго достоинства, постояннаго возврата къ прошлому и нѣкоторой природной безпечности. Однако подъ грубой и иногда непривѣтливой внѣшностью скрывается горячее, пылкое сердце, но для того, чтобъ оно открылось для васъ, вамъ надо понять характеръ испанца и присвоить его языкъ, привычки и образъ жизни. Иначе

вы будете всюду чужимъ и вамъ трудно будетъ имѣть друзей среди моихъ соотечественниковъ. » Эти слова я вспомнилъ впервые въ Бобадили, усаживаясь въ вагонъ. Впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться въ ихъ точности и справедливости.

Однако послѣ продолжительной стоянки поѣздъ тронулся и мои спутники возобновили разговоръ, видимо прерванный моимъ приходомъ и остановкой поѣзда. Мои спутники были испанцы средней руки, немолодые и нестарые, крайне небрежно одѣтые, окруженные багажемъ, состоящимъ изъ старыхъ допотопныхъ чемодановъ, какихъ то кульковъ и войлочныхъ мѣшковъ. Одинъ изъ нихъ, громко болтая, поѣдалъ колбасу съ хлѣбомъ, двое другихъ курили громадные, страшно крѣпкія и вонючія сигары. Я диву давался и спрашивалъ себя уже не « зайцами » ли ѣхали эти господа, настолько ихъ присутствіе въ вагонѣ перваго класса мало отвѣчало здравому смыслу. Правда, я уже былъ предупрежденъ, что одной изъ главныхъ непріятностей путешествія по Испаніи именно и является вагонное сосѣдство, но мнѣ тогда и въ голову не приходило, что это сосѣдство можетъ спуститься настолько низко. Увы, во время дальнѣйшихъ моихъ странствованій по Испаніи я имѣлъ еще худшихъ сосѣдей, къ счастью на небольшія разстоянія, но какъ тогда, такъ и теперь, я отказываюсь понять, какимъ соображеніямъ подчиняется бѣдняга, очевидно располагающій грошами и садящійся въ вагонъ перваго класса. Но говорятъ, что одна изъ типичныхъ чертъ испанскаго характера это страсть къ мишурѣ, къ показному и къ излишнему. У однихъ сапогъ нѣтъ, но они ѣздятъ въ вагонѣ перваго класса; у другихъ все заложено и перезаложено и ѣдятъ они дома бобы да чеснокъ, но у нихъ шорный выѣздъ и ливрейный лакей и т. п.

Хотя поѣздъ нашъ и именовался курьерскимъ, но онъ шелъ довольно таки медленно и останавливался на каждой станціи, что впрочемъ было мнѣ весьма на руку, такъ какъ давало возможность подмѣтить болѣе подробно характеръ людей и природы.

Итакъ мы подвигались по направленію къ Гренадѣ. Испанцы мои курили и болтали между собой, а я смотрѣлъ въ окно. Вотъ, справа отъ меня, въ отдалѣннн показался какой-то городокъ, при-

чудливо разбросанный по склону буро-красной горы. Стремительные лучи полуденного солнца падали почти отвѣстно на его черепичныя крыши и онъ, весь бѣлый и нѣсколько призрачный, казалось такъ и трепеталъ подъ ихъ жгучими ласками. Послѣ очень характерной, но совершенно дикой и безлюдной мѣстности, въ которой росли между суровыми известковыми скалами лишь одни кактусы да шиповникъ, поѣздъ нашъ бѣжалъ теперь вдоль живописной и пышной долины, густо засаженной дубовыми рощами, оливковыми плантаціями и аллеями изъ кипарисовъ и пирамидальныхъ тополей. Почти рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги шумѣлъ и торопился горный потокъ, а параллельно съ нимъ тянулась пыльная дорога, обсаженная бурными и золотистыми отъ осени деревьями. И въ этомъ контрастѣ между бѣлыми, красными, темнозелеными и сѣрыми тонами окружающей меня природы существовала громадная гармонія и красота. Казалось, что поѣздъ шелъ по пышному персидскому ковра, неожиданному и богатому по краскамъ и рисунку.

Сдѣлавъ большой загибъ, поѣздъ замедлилъ ходъ и вскорѣ же остановился у новой станціи. « Лоха, Лоха ! » закричалъ пронзительно кондукторъ и сейчасъ же дверцы вагоновъ стали шумно отворяться и вмѣсто привычнаго уже грохота колесъ слышались гортанные оклики, болтовня, хрипая перебранка. Видимо здѣсь, какъ и всюду, прохода поѣзда ожидали съ нетерпѣніемъ. Небритые поселяне съ гордыми и загорѣлыми лицами подъ большими сѣрыми и черными шляпами, крикливыя женщины, полузакутанныя въ черныя шали, съ красными и бѣлыми цвѣтками въ прилизанныхъ и черныхъ, какъ вороново крыло, волосахъ, неугомонныя и страшно грязныя дѣти, старики, опирающіеся на палки, нищіе, всадники точно вылитые изъ бронзы на андалузскихъ коняхъ съ широкими шеями и грудями, несущихъ сѣдла на манеръ кавказскихъ съ перекинутыми черезъ лукъ плащами или еще апатичные ослики, пощипывавшіе рѣдкую, короткую травку; весь этотъ болтливый и пестрый людъ поджидалъ главное дневное развлеченіе — курьерскій поѣздъ идущій въ Гренаду.

Однако время шло, а поѣздъ и не думалъ трогаться. Теперь меж-

ду пассажирами и зѣваками, между кочующимъ и осѣдлымъ населеніемъ было уже установлено прочное знакомство. У буфета, на подножкахъ вагоновъ, въ душной станціонной залѣ, всюду стоялъ и галдѣлъ праздный народъ, и нельзя было уже отличить тѣхъ, кто только пришелъ посмотрѣть на поѣздъ, отъ тѣхъ, кто ѣхалъ въ этомъ поѣздѣ. Всѣ чувствовали себя, какъ дома, какъ будто тутъ навсегда и относились крайне беззаботно ко времени и цѣли.

Иногда, для очистки совѣсти, станціонный служитель дергалъ за короткую бичевку и тѣмъ приводилъ въ движеніе заржавѣлый колоколь. Колоколь жалобно стоналъ и тогда люди смѣялись, ослы кричали, собаки лаяли.

Вокругъ этой жанровой картинки растилась, точно въ средневѣковыхъ миниатюрахъ, далекій горизонтъ и глубокое небо, глазированные золотомъ, окаймленные нѣжнымъ пурпуромъ и раздробленные линиями кактусовъ и алоѣ.

« Agua, agua ! » кричали женщины скорбными, настойчивыми голосами. Маленькія, босоногія дѣвочки повторяли вслѣдъ за ними : « Agua, agua ! » и протягивали жаждающимъ глиняные, лакированные кувшины.

« Señor, señorita... agua, la agua... una peseta, señor, señor... » Произительныя черныя глаза, ослѣпительныя улыбки, смуглыя маленькія руки, протягивающіяся за деньгами, цвѣты, жара, рѣзкія тѣни, точно чернильныя пятна, пыль, запахъ мускуса и чеснока.

Но вотъ, наконецъ, послышался протяжный свистокъ паровоза. Начальникъ станціи махнулъ грязной, бѣлой фуражкой, погонщики муловъ щелкнули бичами, женщины еще разъ всплакнули : « Вода, вода ! » и мы покатали дальше . . .

Солнце уже садилось, когда мы подъѣзжали къ Гренадѣ. Тамъ и сямъ послѣдніе лучи золотили еще верхушки стройныхъ тополей и молоденькихъ дубковъ, но на землѣ все уже было темно и густыя тѣни ползли намъ на встрѣчу изъ придорожныхъ роцъ и дубравъ. Миновавъ послѣдніе скалы, поѣздъ въѣхалъ въ широкую долину и тогда на буро синемъ фонѣ Сьерры Невады показались, точно паря надъ темной равниной, розовые и бѣлые домики столь давно

ожидаемой Гренады. Солнце спускалось еще ниже. Вотъ оно озарило въ послѣдній разъ снѣговья вершины далекой Сиерры и зашло. Тогда всѣ предметы, окрашенные до того въ красные и оранжевые тона, стали вдругъ фиолетовыми и темно-синими и на землю вмѣстѣ съ серебристой ночью спустилась необычайная тишина и прохлада.

23 октября 1904 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	vii
-------------------	-----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На всемирной выставкѣ 1900.

Прогулка первая.....	3
Прогулка вторая.....	9
Прогулка третья.....	18
Прогулка четвертая.....	28
Прогулка пятая.....	35
Прогулка шестая.....	41

По Парижу.

Портреты и Медальоны :

Франсуа Сикарь.....	49
Жанъ Веберъ.....	54

Портреты и Медальоны :

Жоржъ д'Эспарбесь.....	62
Виллеттъ.....	67

Салоны 1901.....	73
------------------	----

Весной.....	89
-------------	----

Въ Театръ.....	103
----------------	-----

Художественная промышленность.....	107
------------------------------------	-----

Schola cantorum и ея концерты.....	112
------------------------------------	-----

Портреты и Медальоны :

Морисъ Барресь.....	115
---------------------	-----

Салонъ 1902.....	129
------------------	-----

Портреты и Медальоны :

Княгиня М. В. Эристова.....	141
-----------------------------	-----

Виллэ Вальгрѣнъ.....	148
----------------------	-----

Сюаса Махима.....	153
-------------------	-----

Garden Party.....	171
-------------------	-----

Домъ Поэта.....	176
-----------------	-----

Французскіе примитивы.....	180
----------------------------	-----

Воскрешеніе почившаго кумира.....	188
-----------------------------------	-----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

По Франци.

Растаполись.....	213
Тулонъ.....	226
Марсель.....	237
Театръ Оранжа.....	245
Подъ небомъ Прованса.....	253
Трувиаль.....	268

Въ Лотаринги.

Нанси.....	275
Понтъ-а-Муссонъ.....	281
Мець.....	285
Триръ.....	293

Въ Вогезахъ и Эльзасъ..... 295

По Германіи.

Мюнхенъ.....	307
Въ Баваріи.....	316

По Испани.

Кордова.....	333
Отъ Бобадильи до Гренады.....	338

Офортъ въ краскахъ фронтисписа исполненъ въ мастерскихъ
«*Édition d'Art*» Анри Піацца и К^о.

Бумага Arches à la forme доставлена фирмой Перриго-Мазюръ.

